Founder:
Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
"Volgograd State University"

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into **"The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate's Degree Theses and Doctoral Degree Theses"** that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat©** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova, U.V. Naumova, I.V. Smetanina*
Editor of English texts is *D.A. Novak*
Making up by *E.S. Reshetnikova, O.N. Yadykina*
Technical editing by *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on July 23, 2025.
Date of publication: Sept. 18, 2025. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 22.2. Published pages 23.9.
Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies). Order 53. «C» 17.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: https://hfrir.jvolsu.com
English version of the website:
https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»**, вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat©** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова, У.В. Наумова, И.В. Сметанина*
Редактор английских текстов *Д.А. Новак*
Верстка *Е.С. Решетниковой, О.Н. Ядыкиной*
Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 23.07 2025 г.
Дата выхода в свет: 18.09 2025 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 22,2. Уч.-изд. л. 23,9.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.). Заказ 53. «С» 17.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: https://hfrir.jvolsu.com
Англояз. версия сайта: https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4
ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025
Том 30. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2025
Volume 30. No. 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОДЕРЖАНИЕ

БОЛЬШОЙ КАВКАЗ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Алиева Л.А., Керим Х. Миграции и переселения на территории средневекового Ширвана [На англ. яз.] 6

Венков А.В., Сабанчиев Х.-М.А. Кавказ и служба на Кавказе в сознании донской казачьей старшины. XVIII век 15

Блохин В.С. Открытие Эчмиадзинской семинарии (1945 г.) и ее сотрудничество с Московской духовной академией (1947–1953 гг.): по материалам архивных документов и писем католикоса Геворга VI 27

Скиперских А.В., Епремян М.А. Факторы легитимации политической власти в Армении при Николе Пашиняне [На англ. яз.] 38

Попов М.Е. Противодействие экстремизму на Северном Кавказе: от стратегии управления конфликтами к постконфликтной интеграции [На англ. яз.] 47

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ XVIII ВЕКА

Накишова М.Т. Курляндский вопрос во внешней политике Российской империи при Екатерине I: русско-польско-курляндские связи после Гродненского сейма 1726 года 57

Сусеева Д.А., Горбань О.А. Официально-деловая переписка XVIII в. между русскими и калмыцкими органами власти: аспекты научного исследования (на материале документов Национального архива Республики Калмыкия) 75

ЮГ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Морозова О.М. Anamnesis Grigory Baturin. Жизнь и смерть начальника штаба Таманской армии 94

Баранов А.В., Касьянов В.В. Изменения сети поселений и демографические процессы на Кубани и в Черноморье в 1920–1939 годах 111

Попова Е.П. Дифференциальная оценка заработной платы членов инвалидных артелей в период новой экономической политики (на материалах Астраханской губернии) 124

Камышанов А.А. Деятельность Царицынского (Сталинградского) истпарта в первые годы существования (1923–1928 гг.) 134

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Токарева С.Б. «Русская идея» как предмет современного россиеведения 146

Филимонова М.А. Коммеморация и война с памятниками накануне и во время войны за независимость США 157

Рвачева О.В. Формирование пространства памяти об участии донского казачества в Гражданской войне в 1920–1930-х гг.: коммеморативные практики, сюжеты, образы 167

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Соков И.А. Новые вызовы в странах Латинской Америки и Карибского бассейна в вопросах выполнения целей устойчивого развития ООН [На англ. яз.] 179

Чжан Ю., Сян К. Отношения между Турцией и Центральной Азией: сосуществование превосходства и слабости [На англ. яз.] 188

Хаваринежад С. Взгляд иранских политиков и ученых на стратегическое партнерство между Ираном и Россией [На англ. яз.] 199

Рязанцев С.В., Курылев К.П., Рахмонов А.Х., Рахимов К.Х., Чупин А.Л. Тенденции и перспективы развития трудовой миграции из стран Центральной Азии в Великобританию [На англ. яз.] 210

К ЮБИЛЕЮ

Решетникова Л.М. Его университеты: к юбилею Александра Ивановича Кубышкина [На англ. яз.] 223

Кузнецов О.В. Полвека с историей. Доктору исторических наук, профессору С.Г. Сидорову – 70! 229

CONTENTS

GREATER CAUCASUS: SOCIO-POLITICAL PROCESSES

Aliyeva L.A., Karim Kh. Migrations and Resettlements in the Territory of Medieval Shirvan 6

Venkov A.V., Sabanchiev H.M.A. The Caucasus and Service in the Caucasus in the Mind of the Don Cossack Sergeant. The 18th Century 15

Blokhin V.S. Opening of the Etchmiadzin Seminary (1945) and its Cooperation with the Moscow Theological Academy (in 1947–1953): Based on Archival Documents and Letters from Catholicos Gevorg VI 27

Skiperskikh A.V., Yepremyan M.A. Factors of Legitimation of Political Power in Armenia Under Nikol Pashinyan 38

Popov M.E. Countering Extremism in the North Caucasus: From Conflict Management Strategy to Post-Conflict Integration 47

RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE 18TH CENTURY

Nakishova M.T. Courland Problem in the Foreign Policy of the Russian Empire Under Catherine I: Russian-Polish-Courland Relations After the Grodno Sejm of 1726 57

Suseeva D.A., Gorban O.A. Official Correspondence of the 18th Century Between Russian and Kalmyk Authorities: Aspects of Scientific Research (Based on the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia) 75

SOUTH OF RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY

Morozova O.M. Anamnesis Grigory Baturin. The Life and Death of the Chief of Staff of the Taman Army 94

Baranov A.V., Kasyanov V.V. Changes in the Settlement Network and Demographic Processes in the Kuban and the Black Sea Region in 1920–1939 111

Popova E.P. Differential Assessment of Wages for Members of Disabled People's Artels During the New Economic Policy Period (Based on Materials from Astrakhan Province) 124

Kamyshanov A.A. The Activities of the Tsaritsyn (Stalingrad) Historical Party Commission in the Early Years of Existence (1923–1928) 134

INTELLECTUAL HERITAGE AND HISTORICAL MEMORY

Tokareva S.B. The "Russian Idea" as a Subject of Modern Russian Studies 146

Filimonova M.A. Commemoration and the War on Monuments on the Eve and During the American War of Independence 157

Rvacheva O.V. Formation of the Memory Space of the Participation of the Don Cossacks in the Civil War in the 1920–1930s: Commemorative Practices, Plots, Images 167

MODERN INTERNATIONAL PROCESSES

Sokov I.A. The New Challenges in Latin America and the Caribbean Countries Regarding the Implementation of the UN Sustainable Development Goals 179

Zhang Yuyan, Xiang Keyi. The Relations Between Turkey and Central Asia: The Coexistence of Strength and Weakness 188

Khavarinejad S. Iranian Politicians' and Academics' Views on the Strategic Partnership Between Iran and Russia 199

Ryazantsev S.V., Kurylev K.P., Rakhmonov A.Kh., Rakhimov K.Kh., Chupin A.L. Trends and Prospects of Labor Migration from Central Asian Countries to the United Kingdom 210

FOR THE ANNIVERSARY

Reshetnikova L.M. His Universities: To the Anniversary of Professor Alexander I. Kubyshkin 223

Kuznetsov O.V. Half a Century with History. Doctor of Sciences (History), Professor S.G. Sidorov – 70! 229

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.1

UDC 94(479.24)«04/14»:314.7
LBC 63.3(5Азе)4-1

Submitted: 06.08.2024
Accepted: 14.02.2025

MIGRATIONS AND RESETTLEMENTS IN THE TERRITORY OF MEDIEVAL SHIRVAN

Lala A. Aliyeva
Baku State University, Baku, Azerbaijan

Khadija Karim
Baku State University, Baku, Azerbaijan

Abstract. *Introduction.* Studying the diverse ethnic composition of Shirvan in the Middle Ages provides valuable insights into the complex dynamics of ethnicity, culture, and identity in the region. By scrutinizing the historical roots of the region's ethnic diversity, it is possible to observe the shifting from one ethnic identity to another in historical perspective. *Methods and materials*. Aiming to shed light on the migrations to the region based on the primary sources of the time, the paper studies medieval migrations and resettling populations in the case of Shirvan. This study is based on the medieval textual sources and archaeological findings, implementing methods of comparison and interdisciplinary approaches to mapping ethnic diversity. *Analysis.* The location of the region at the Darband passage and along the transit trade routes determined its ethnic diversity. Due to its strategic importance, the region was subject to invasions by neighboring leading powers of the medieval era. To strengthen their control, these powers enforced the propagation of their religion and resettled new populations. The resettlement of Persian-speaking populations during the Sassanid and Arab conquests, along with the influx of Arab tribes, contributed to the ethno-linguistic landscape of Shirvan. The arrival of Turkic tribes over the centuries played a significant role in shaping the demographic composition of Shirvan. *Results.* The migrations and interactions of these and other groups have created a complex societal structure in Shirvan, marked by a variety of languages, traditions, and religious practices. *Authors' contribution*. L.A. Aliyeva developed the basic concept and methodological foundations of the study, prepared the introduction article and the main results of the study, and analyzed the pre-Seljuk period. Kh. Karim analyzed the Seljuk and Mongol periods based on Persian-language sources.

Key words: Shirvan, Shirvanshahs, Azerbaijan, migrations, resettlements, indigenous, primordialism.

Citation. Aliyeva L.A., Karim Kh. Migrations and Resettlements in the Territory of Medieval Shirvan. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 6-14. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.1

© Aliyeva L.A., Karim Kh., 2025

УДК 94(479.24)«04/14»:314.7
ББК 63.3(5Азе)4-1

Дата поступления статьи: 06.08.2024
Дата принятия статьи: 14.02.2025

МИГРАЦИИ И ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ШИРВАНА

Лала Агамирзоевна Алиева

Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан

Хадиджа Керим

Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан

Аннотация. *Введение.* Изучение разнообразного этнического состава населения Ширвана в средние века дает ценную информацию о сложной динамике различных этносов, культур и идентичности в регионе. Тщательно изучая исторические корни этнического разнообразия региона, можно наблюдать изменения этнической идентичности в исторической перспективе. *Методы и материалы.* Стремясь пролить свет на тему миграции в регион, на основе текстовых источников того времени в статье изучаются средневековые миграции и переселение жителей конкретного региона – Ширвана. Данное исследование основано на средневековых текстовых источниках и археологических находках, с применением методов сравнительного и междисциплинарного подходов к картографированию этнического разнообразия. *Анализ.* Расположение региона около Дербентского прохода и на транзитных торговых путях определило этническое разнообразие из-за миграционного потока. По причине стратегической важности страна подвергалась вторжениям соседних ведущих держав средневековой эпохи. Для укрепления здесь эти державы принудительно распространяли свою религию и переселяли новое население. Переселение персоязычного населения во времена Сасанидов, а также арабские завоевания и приток арабских племен способствовали изменению этнолингвистического ландшафта Ширвана. Приток тюркских племен на протяжении веков играл значительную роль в формировании демографического состава Ширвана. *Результаты.* Миграции и взаимодействия различных групп создали сложную общественную структуру в Ширване, отмеченную разнообразием языков, традиций и религиозных практик. *Вклад авторов.* Л.А. Алиева разработала основную концепцию и методологические основы исследования, подготовила вводную часть и основные результаты исследования, проанализировала досельджукский период. Х. Керим проанализировала сельджукский и монгольский периоды на основе персоязычных источников.

Ключевые слова: Ширван, Ширваншахи, Азербайджан, миграции, переселения, аборигены, примордиализм.

Цитирование. Алиева Л. А., Керим Х. Миграции и переселения на территории средневекового Ширвана // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, №4. – С. 6–14. – (На англ. яз.) – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.1

Introduction. Mass movement of population from one place to another can lead to significant changes in social structures, cultural practices, and demographic compositions of any country. This has happened during the historical process and continues to this day. The purpose of this work is to scrutinize this process in the case of a particular region of the South Caucasus, Shirvan, and in a specific time frame, the medieval era (from the 5th to the 15th centuries). Mass movement of people occurred mainly in two forms: migrations for various reasons, including economic opportunities, conflict, environmental factors, or social factors, and resettlement of population, often with the political intention of settling permanently in a newly occupied location. Migratory movements and relocations in Shirvan highlighted the fluidity of identity and culture, as people mix, interact, and sometimes blend different cultural practices and beliefs. All these processes resulted in the shifting from one ethnic identity to another, creating a new ethno-linguistic identity.

Methods and materials. To examine how trade routes, migrations, and conquests facilitated cultural exchanges and the blending of ethnic identities, the research utilizes historical textual sources and incorporates findings from archaeological sites [2; 4; 14; 16; 26], implementing methods of comparative studies and an interdisciplinary approach to understanding ethnic diversity in medieval times. In accordance with this approach, the conceptual framework

of the researcher rejects the primordialist view, which is based on the fixed identity concept, emphasizing its inherent, deeply rooted aspects. In this regard, the source base of the study consists mainly of medieval texts, such as the "History of the Albanians" by Moses of Kalankatuk, Armenian and Georgian chronicles, and works of Muslim authors in Arabic and Persian, combining historical and cultural anthropological approaches.

It should be especially emphasized that the notions of "indigenous population" and "migration pattern" can only be considered hypothetically. Migration is a characteristic feature of human history, and if some migration is not recorded by sources, this does not mean that people have lived in this territory since the period of anthropogenesis. This is nothing other than primordialism. Moreover, the methodological framework of the research does not consider literally the concepts of "autochthony" as "people who originated from this land" and "allochthony" as "outsiders." The migration mass that has acquired a homeland and settled in a given territory cannot be considered an outsider.

Analysis. The Middle Ages are full of historical events associated with mass migrations and resettlement of the population. These global migrations did not bypass the Caucasus, including Shirvan. Considering the migration flow, firstly, it should be noted that the indigenous population of the region under study was the Albanian tribes, which Strabo also pointed out in his "Geography," noting them as 26 tribes that do not understand one another [20, 11, IV]. However, the ethnic composition of the population has been subject to change for centuries due to migration and the resettlement policies of neighboring empires. From the end of the fourth century onwards, the flux of Huns, followed by Savirs, Bulgars, and Khazars, began through the Darband Pass. In late antiquity and the early Middle Ages, the main powers that claimed dominance in the Caucasus, including Shirvan, were the Sassanids and their rival Byzantium. To resist the influx of the tribes from the north, the Sassanids, using local forces, built the Darband stronghold. Even so, this measure alone was not enough to strengthen the area around Darband and the region to the south, where the routes with strategic and commercial significance passed, leading to the central regions of Persia. In the first place, the Sassanids, being one of those powers using religion as a means for politics towards subordinate peoples, imposed Zoroastrianism in the region even before building the main stronghold. Zoroastrianism became an important instrument during the reign of Shapur I and was closely intertwined with the political system [3]. In addition to the textual sources, the spread of Zoroastrianism even to Darband is also proven by archaeological data [2].

As Moses of Kalankatuk reports in his "History of the Albanians," in the days of the impious Yazkert (Yezdegerd II (438–457)), he forced Christians to abandon the faith and submit to the Magian sect of fire-worshippers [15, p. 65]. Then the author states that the Persian forces, which were in the land of the Honk (the land of Huns), have returned and have brought with them 300 theologians [15, p. 66], meaning Zoroastrian mobads. Moses of Kalankatuk further describes how the Sassanid officials tried to frighten and force people to accept their religion. During the reigns of Kavad I (intermittently between 488 and 531) and Khosrow I (531–570), these measures were further strengthened.

The 9th-century Arab historian Baladhuri reports that the Persians built here 360 city-fortresses in total [11], which was repeated by the 10th-century author Ibn al-Faqih, who uses the notion of city "madinah" rather than fortress "ghalah" [18, p. 287]. He also reports that Qubad's son Anushirvan built the cities of Shabran, Maskut, and Karkarah in the Shirvan region, and then Bab al-Abwab [18, p. 288]. Of course, the Sasanian rulers did not build them to improve the lives of the local population but for their own strengthening and the resettlement of trusted people here. From this information we can conclude that those whom the Sassanids resettled for the purpose of strengthening populated such a huge number of city-fortresses, as V. Minorsky also indicates [24, pp. 13-14]. The reason for the Sassanid migration policy was also specified by al-Istakhri: it was done because of a strong desire to populate this region with reliable people [19, p. 184]. Baladhuri has a direct reference to the resettlement of the Persians. He states that after Qubad (Kavad I), his son Kisra Anushirvan ibn Qubad (Khosrow I) became malik (ruler) and built the cities of Shabiran and Masqat and the city of Bab al-Abwab (Gate of the Gates). He settled

in what he had built in these areas, a people called ***Siyasijin*** [11, pp. 273-274]. Regarding the etymology of ***Siyasijin***, it should be noted that in the Talysh language "siyanush" means "highlanders." In Azerbaijan, the Tats are often called "daghly" – highlander.

Modern Tats of Shirvan and other territories are most likely the descendants of these settlers. According to I. Semenov, who studied the resettlement of Persians by Khosrow I Anushirvan, the total numbers of Persian Mazdakite and Jewish settlers "exceeded 200 thousand people" [5, p. 35]. Although the figures given by I. Semenov do not inspire complete confidence, one can still agree that the Sassanids resettled an impressive number of Persians and Jews to the soil of Shirvan. So, the forceful relocation of Persians and Jews brought to Shirvan the new ethno-linguistic patterns.

The penetration of the Huns and their descendants into the Caucasus has been widely studied by modern historiography. Based on the reports of Christian chronicles, we see that they played a perceptible role in the region in the fifth to sixth centuries. Although the Honagur/Onogur fortress is indicated in Lazica, in western Georgia [27, p. 6], the main passage was still Darband. The Armenian and Georgian chronicles contain lots of reports about the flows of the Huns, the Bulghars, the Savirs, and then the Khazars, but they mostly describe them in a negative way. An exception is the description by Moses of Kalankatuk about the Hephthalites, as after the Caucasian Albanian ruler Vachagan's message to them, they provided military support to Albania. He writes that Vachagan sent the Hephthalites as a rod of wrath against the king of Persia, and they defeated him together with his people [15, p. 25]. Then the author even makes a compliment, saying that the Hephthalites came like giants to satisfy the wrath of the Lord [15, p. 26]. And yet, the Khazars played a major role in the ethno-political map of the Caucasus, including Shirvan prior to and during the Arab conquests. Even the ancient capital city of Caucasian Albania, Qabala, on the eve of the Arab conquests, was named Al-Khazar, as Baladhuri points out, writing that Qabala was built by Qubad (Kavad I), which is called Al-Khazar [11, p. 273].

Soon new upheavals shook the entire world, including the region under study. The Arabs became a huge force as a result of uniting around the new religion and began their conquests, turning Islam into a world religion. Like the Sassanids, the Arabs used religion as a means of strengthening their power and control over newly conquered countries. By this time, Zoroastrianism, implanted by the Sassanids; Judaism among the Jewish communities; and Christianity in Caucasian Albania were spreading in the territory of Shirvan, while paganism was preserved in some places. Inclining from one to another teaching of Christianity, the Albanians under Javanshir Mihranid preferred Monothelitism. In the end, the Armenian Monophysite Church achieved the subordination of the Albanians when Caliph Abd al-Malik abolished the power of the Mihranids in 705 [6, p. 9]. So, the favorable conditions were created for the spread of Islam with such an unstable religious picture. However, the process of Islamization was gradual, and for strengthening in newly conquered territories, additional measures were in effect. And the Arab Caliphate, repeating the same policy of the Sassanids, implemented resettlement of the Arab tribes to Shirvan and the entire Caucasus. The reason was not only to strengthen the newly conquered lands but, most importantly, to control the strategic and trade routes and create a base for resistance against the enemy, the Khazar Khaganate.

Tabari, in his work "Tarikh ar-Rusul wal-Muluk," reports that the Arab commander Suraqa ibn Amra conquered Darband in 643 during the reign of the caliph Umar ibn al-Khattab. When Bukayr ibn Abdullahi and Abdurrahman ibn ar-Rabi'a al-Bahili approached Darband by the order of Suraqah, Shahrbaraz, the hereditary ruler of this province and former Sassanid protégé, submitted to them. According to the terms of the treaty concluded with him, the Shirvanians did not pay tribute but instead assumed the maintenance of an army that defended the borders from attacks by nomads from the north. In the negotiation with Abd-ur-Rahman Shahrbaraz declared the following: "I have nothing in common with either the peoples of the Caucasus Mountains or the Armenians. You (the Arabs) invaded my country, and today my people and I are one of you; my hands are your hands." Shahrbaraz's main request was exemption from the poll tax jizya, as it could weaken Shirvanians. Taking this into account, Suraqah, with the consent of Caliph Omar, decided to collect jizya

only from those who did not serve in the army. In return, Darband and its environs dwellers had to fight the infidels and not let them into Muslim territory [7]. Military service instead of paying tribute was offered to the Armenians in al-Bab as well [7]. Thus, according to the peace agreement, the Arabs did not need to keep troops in these regions for a while.

The Arabs, as already noted, pursued the same policy as the Sassanids to strengthen their positions in the conquered countries. On the one hand, a new religion, and on the other, the resettlement of Arab tribes to new lands in order to create a support base from a trusted mass, rather than non-Arabs of other faiths, were the main methods of the caliphate. Despite the fact that an agreement was signed with the local ruler, and one of the main points directly provided for responsibility for protection from the Turks, the Caliphate still preferred to trust its generals. In 736 Hisham b. Abd al-Malik appointed Asad b. Zafir Sulami to the governorship of Darband; he gave him 400 men from his own staff and also men from four Arab tribes [24, pp. 124-125]. The names of these tribes are not mentioned in the source, but V. Minorsky believes that one of them is Sulemi or Banu Sulaym [24, p. 125].

The issue of the resettlement policy of the Caliphate and the migration of the Arab tribes to the territory of Azerbaijan was deeply studied by Z. Buniyatov. He points out that at first the Umayyads resettled the northern tribes of Arabs. However, after the fall of the Umayyad dynasty, the privileges of the northern tribes, which were highly valued and on which the last Umayyad caliphs relied, began to disappear quickly. The Abbasids, reckoning on the Arab tribes from the south, began to gradually displace the northern tribes from their settlements in Azerbaijan and Arran [12, p. 193].

The question of whether the Arab migration caused an outflow of the local population to other places remains open. However, we have reports from the medieval authors that the population of these countries was given a condition: to pay the per capita tax jizya or leave it, as reported by al-Baladzuri concerning Damascus and Antioch. Even though the Arabs did not apply to all cities and countries the requirement to leave their native places, and in the case of Shirvan, we do not have any such kind of report. However, as already noted, the local population could have been forced to leave the steppe part of Shirvan and find refuge in the mountains.

Medieval sources contain lots of testimonies about the migration of Arabs to Azerbaijan, including Shirvan, during the Arab Caliphate. It would be appropriate to recall some genetic studies on the haplogroups among the population of the Caucasus, as well as Azerbaijan. They prove the high mean pairwise J2 value in the gene pool of the Azerbaijani population (0.31), widely identified among the Arab countries of the Near East [25, p. 259, Table 2].

The Population Dynamics in Shirvan During the Seljuk and Mongol periods. The medieval textual sources contain various insights about the population and tribes living in the territory of the Shirvanshahs in the 11th and 12th centuries. Since the 11th century, the population of Shirvan cities such as Qabala, Shabran, Darband, and Baku had increased and become even more densely populated compared to previous centuries. Falaki Shirvani, a poet living in Shirvan, mentioned in his poems that there were nine hundred thousand houses in the territory under the Shirvanshahs. The fortified areas of the cities of Shirvan, such as Shamakhi and Darband, were about one hundred hectares, and about one hundred thousand people lived here. Shirvan cities with a fortified area of less than one hundred hectares were secondary ones, such as Baku, Qabala, and Shabran. Areas of Shirvan with an area of less than twenty hectares, such as Torpaqqala in Qakh and Shehergah in Siyazan, were urban and large settlements [13, pp. 32-35]. Likewise, G.A. Dzhiddi estimated the population of Shamakhi, a city of Shirvan, based on the area of the town and concluded that more than one hundred thousand people lived there at that time [4, pp. 44-45]. The above-mentioned cities embarked on a new development stage in the twelfth and thirteenth centuries. Cities like Shamakhi, Darband, and Baku emerged as the centers of culture, trade, and economy [9, p. 218]. Thus, the growth of the population and the development of the cities were closely related and directly proportional. Large and densely populated places like Shamakhi and Darband were also rich and colorful in their ethnic composition.

The Shirvanshahs upheld their internal sovereignty, albeit the ruler of Shirvan, Fariburz I,

accepted the vassalage of the Seljuks as a result of the military marches of the Seljuk Turks to Shirvan in the eleventh century. It was also reported that some Seljuk Turk forces had served the Shirvanshah ruler in that timeframe [9, p. 249]. As a result of the arrival of the Seljuk Turks in Shirvan in the eleventh century, the positions of the Turks were underpinned not only among the people living in this region but also in the fields of military and administration.

The Georgian chronicle Kartlis Tskhovreba mentions the ethnicities that David IV encountered during his campaigns in the Shirvan, Darband, and Shabran territories. After capturing Shirvan in 1123, David marched again on Darband and Shabran in April 1124 and overtook the Shirvan fortress. The chronicle indicates that tribes such as the Kipchaks, Kurds, and Leks, serving the governor of Darband, were defeated during this march [22, p. 182]. Then, it emphasizes that in the next campaign David arranged all affairs in Shirvan and presented gifts to the Leks, Kurds, and Tarases, as he had done earlier with the people subject to him in Shirvan [22, p. 182]. It can be inferred from this that some of the many different tribes living in the territory of the Shirvanshahs were Kipchaks, Kurds, and Leks (Laks), one of the North Caucasian peoples. It seems that before some Kipchak tribes moved to Darband in the 13th century, the Kipchaks had been living in Darband in the 12th century and were subservient to the ruler of Darband and directly to the Shah of Shirvan.

The Laks region was located in the north of Shirvan and was subordinated to the Shirvanshahs in 1075 during the time of Fariburz I. This region, inhabited by the Lak tribes, stretched along the north of Shirvan and gained importance as an area protecting Shirvan from attacks from the north [24, p. 80]. As can be seen from Kartlis Tskhovreba and the notes of Minorsky, who emphasized the importance of this area for Shirvan, in the 11th and 12th centuries, Laks inhabited the north of Shirvan, served Shirvanshah, and was one of many diverse peoples living under his rule.

In accordance with "Nuzhat al-Qulub" by Hamdallah Mustawfi and "Aja'ib ad-Dunya" by an anonymous author, the territory of Shirvan was identified as an area between Darband and the banks of the Kura River, a large region including the shores of the Caspian Sea [1, p. 514; 17, p. 92]. The territories north of the Kura River were governed by the Shirvanshahs dynasty and ruled by the Shah of Shirvan [29, pp. 47-48].

The Turks, who inhabited Shirvan, were emphasized in "Aja'ib ad-Dunya," a textual source from the beginning of the 13th century. It changes Baladhuri's report on the 360 city-fortresses to the 360 gates in Bab al-Abwab and then indicates that 110 of them belong to Muslims and 250 to Turks [1, p. 494]. The work of Abbas Quli Agha Bakikhanov also shows that the Turks were one of the main populaces inhabiting Darband. He clarified that the population of Darband city and all the villages of Ulus and Turkman districts were Turks and spoke Turkic [10, p. 18].

Although "Aja'ib ad-Dunya" provides information about the geography and characteristics of cities such as Baku, Shabran, Shamakhi, and Shaki, it offers limited details regarding their population. Though the source narrated the people of Shamakhi as very fanatical in matters of faith and the people of Shaki as zealous and honest in matters of religion [1, p. 514], the ethnic composition of the population was not mentioned in any case.

The first Mongol campaigns in the Caucasus in the 1220s inflicted harm on the culture and economy of many cities, among them Shamakhi, whose population was slaughtered [28, pp. 113-117]. Following the first Mongol marches, the Shirvanshahs faced the campaign of the Kwarazmshah ruler Jalal al-Din Manguberdi in 1225, and Shirvanshah Fariburz III had to pay tribute during the short period of the Khwarazmshahs. In the next stage, Shirvan was subjugated by the Mongol Empire, and the Mongol era, covering the 13th and 14th centuries, began for the Caucasus [21, pp. 83-84]. Mongol invasions not only impacted the political framework of the country but also affected the ethnic history of Shirvan. In the Mongol period, a number of the Turco-Mongol tribes settled in Azerbaijan, including Shirvan. According to V. Piriyev, more than twenty tribes resettled to Azerbaijan during the Mongol campaigns and later the Ilkhanate rule [28, pp. 261-264]. However, we cannot approve the information concerning settling the Mongol tribes in Shirvan.

Regarding the ethnic composition of the Shirvan population during the Mongol era,

"Nuzhat al-Qulub" contains meager data, having detailed information on its geography and the nature and revenues of the cities. Hamdallah Mustawfi described the Gushtasfi region located in Shirvan on the shores of the Caspian Sea and mentioned its population. The author noted that the population of Gushtasfi professes the Shafi'i madhhab of Sunni Islam and speaks a Pahlavi dialect close to the Gilani language [17, pp. 92-93], which can easily be associated with the local Tat population of the modern period. The territory of the Gushtasfi region along the coast of the Caspian Sea might be interpreted as corresponding to the territory of the current Quba-Khachmaz or Khizi-Absheron economic regions of Azerbaijan, where the Tats, or as they often call themselves, Daghly, the highlanders, still live.

A. Bakikhanov noted that the Tat language was spoken by people in the area between Shamakhi and Quba, as well as in Baku, except for the six Turkman villages. Additionally, he distinguished the population of the Khinalyg village of Quba, which had their own language. Bakikhanov also emphasized that the population in six Turkman villages of Baku, Salyan, Shabran, Shaki, and a part of Quba speak Turkic [10, p. 18]. According to S. Ashurbeyli, in the 12th century, Turks, Iranian-speaking Tats, and Lezgis inhabited Absheron and Baku [8, p. 186].

Besides the Turkic population of Darband, Bakikhanov reported that the majority of the Turkic-speaking population living in the districts of Shirvan and Salyan, Shabran, the city of Quba, most areas of Shaki, and the six villages of Baku where Turkmens live are of Mongol, Tatar, and Turkman descent. Then, he added that some of them arrived in these areas during the Safavid era [10, p. 18]. However, it would not be correct to state that the greater part of that population are descendants of Mongols, as Mongoloid physical anthropology is not observed among the population.

Moreover, A. Bakikhanov mentioned the names of Armenians and Jews as non-Muslim people residing in Shirvan while portraying the religions and sects of the population. He noted that except for Jews and Armenians, all the people dwelling in Shirvan are Muslims. Some adhere to the Shia sect, and some to the Sunni sect of Islam [10, p. 19].

Examining the population of Shirvan makes clear that in later times, Turkic tribes were established as prominent figures across the region. In the urban and suburban areas of Shamakhi, we come across toponyms such as Abdal, Karachukha, Akkaya, and Bashibaghli and ethnonyms such as Gushchi, Bayram, Soltanli, and Mollagullu. Those toponyms and ethnonyms in Shamakhi coincide with the ethnonyms of the Turkmen tribes living there. This evidences the Turks' influential status in the city [23, pp. 242-243].

The study of the population of Shirvan confirms that this region was one of the most diverse in terms of ethnic composition in the Seljuk and Mongol periods. Overall, Shirvan had been the abode of a population belonging to different linguistic groups, such as Turkic, Caucasian, Iranian, and Semitic. Regarding religion, despite the dominance of Islam, Christianity and Judaism were also represented in the region. Between the 11th and 14th centuries, many factors, such as the development of cities, the marches of the Seljuks, and the campaigns of the Mongols, affected the number and composition of the population of Shirvan. The economic development of the cities produced beneficial effects on the inhabitants.

Results. A study of Shirvan reveals how population movements and resettlement transformed the ethno-linguistic landscape and created a new ethno-cultural identity. Notably, the Arab invasion under Islam's banner, the Caliphate's settlement policy, and the subsequent Seljuk influx – followed by political processes that strengthened the Turkic ethno-linguistic pattern – resulted in a new Turkic-Muslim identity.

While migrations can occur due to environmental and natural changes that force a mass to move from one place to another, Shirvan experienced invasions aimed at territorial conquest. These movements were primarily motivated by economic, expansionist, and political goals. Shirvan became subject to military campaigns that introduced new migration patterns, though indigenous groups demonstrated remarkable resilience.

Considering the migrations and resettlement of the population, it is necessary to emphasize that the local indigenous population continued living in the territory of Shirvan. It can be assumed that

they moved to highland areas in order to survive and preserve their identity. It is no coincidence that many Caucasian-speaking ethnic groups of Azerbaijan live in mountain villages. In short, Shirvan has been inhabited for centuries by both the indigenous population and migration patterns.

REFERENCES

1. *Adzha'ib Ad-Dunya (Chudesa Mira)* [Aja'ib Ad-Dunya (Wonders of the World)]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 540 p.

2. Gadzhiyev M.S. Zoroastriyskiy pogrebalnyy kompleks bliz Derbenta [Zoroastrian Burial Complex near Derbent]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2007, no 4, pp. 51-63.

3. Gadzhimuradov M.T. Sasanidskaya ekspansiya v Zapadnyy Prikaspiy v rannem srednevekovye [Sasanian Expansion into the Western Caspian Region in the Early Middle Ages]. *Gumanitarnyye, sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sasanidskaya-ekspansiya-v-zapadnyy-prikaspiy-v-rannem-srednevekovie

4. Dzhiddi G.A. *Srednevekovoy gorod Shemakha* [Medieval City of Shemakha]. Baku, Elm Publ., 1981. 175 p.

5. Semenov I.G. *Istoriya stran i narodov Zapadnogo Prikaspiya (1-ye tysyacheletiye novoy ery)* [History of the Countries and Peoples of the Western Caspian Region (1st Millennium AD)]. Kazan, Tan-Zarya Publ., 1994. 228 p.

6. Aliyeva L. Religion and Political Power in the Caucasian Albania Prior to and During the Arab Conquests. *Reconstructing the Past: Journal of Historical Studies*, 2023, vol. 1 (2), pp. 5-19. DOI: http://dx.doi.org/10.54414/PFYV4062

7. At-Tabari Abu Jafar Mohammed ibn Jarir. *Tarikh ar-Rusul val-Muluk* [History of the Prophets and Kings], vol. 14. S.l., E. J. Brill, 1879. 554 p.

8. Aşurbəyli S. *Bakı şəhərinin tarixi* [History of Baku City]. Baku, Avrasiya Press, 2006. 416 p.

9. Aşurbəyli S. *Şirvanşahlar dövləti* [State of the Shirvanshahs]. Baku, Avrasiya Press, 2006. 416 p.

10. Bakikhanov A.Q.A. *The Heavenly Rose-Garden: A History of Shirvan & Daghestan*. S.l., Mage Publishers, 2009. 226 p.

11. Baladhuri. *Futuh Al-Buldan* [Conquest of the Countries]. Tahqiq, Abdullah Anis al-Tabaa; Beirut, Muassisat al-Maarif, 1987. 768 p.

12. Bünyadov Z. *Azərbaycan VII–IX əsrlərdə* [Azerbaijan in the 7th – 9th Centuries]. Baku, Sarq-Qarb, 2007. 424 p.

13. Dostiyev T. *Azərbaycan Arxeologiyası* [Archeology of Azerbaijan], vol. 6. Baku, Şərq-Qərb, 2008. 632 p.

14. Dostiyev T.M. *Şimal-Şərqi Azərbaycan IX–XV əsrlərdə* [Northeast Azerbaijan in the 9th – 15th Centuries]. Baku, Bakı universiteti nəşr., 2001. 396 p.

15. Dowsett C.J.F. *The History of the Caucasian Albanians*. London, Oxford University Press; New York; Toronto, 1961. 252 p.

16. Əliyev İ. "Xınalıq Dövlət Tarix-Memarlıq və Etnoqrafiya Qoruğu" ərazisində 2023-cü ildə aparılmış arxeoloji tədqiqatlar [Archaeological Research Conducted in 2023 in the Territory of "Khinalyg State Historical-Architectural and Ethnographic Reserve"]. *Azərbaycanda 2023-cü ildə aparılan arxeoloji qazıntıların nəticələrinə həsr olunmuş elmi sessiyanın tezisləri*. Baku, 2023, pp. 62-63.

17. Hamdallah M. *Nuzhat al-Qulub* [In Terms of Countries, Provinces and Places]. Tehran, Dunyae Ketab, Hijri 1362/1943. 378 p.

18. Ibn al-Faqih al-Hamadhani. *Kitab al-Buldan* [Book of Countries]. Bibliotheca Geographorum Arabicorum, vol. 5, 1885. 438 p.

19. Istakhri. *Kitab al-masalik wa-l-mamalik* [Book of Roads and Countries]. Bibliotheca Geographorum Arabicorum, vol. 1, 1927. 348 p.

20. Jones H.L., Sitlington Sterrett J.R., eds. *The Geography of Strabo. In 8 Vols*. London, William Heinemann, 1917. I-XXIX. 532 p.

21. Karim Kh., Latifova S. Dominion of Khwarazmshah Jalal Al-Din and the Mongol Rule in Azerbaijan. *Reconstructing the Past: Journal of Historical Studies*, 2024, vol. 2 (2), pp. 77-91. DOI: http://dx.doi.org/10.54414/QLRJ7388

22. *Kartlis Tskhovreba* [A History of Georgia]. Tbilisi, Artanuji Publishing, 2014. 444 p.

23. Mammadova Kh.A. The Ethnic Composition of Shamakhi in the 15th to 18th Centuries. The 4th *International Scientific and Practical Conference "Scientific Paradigm in the Context of Technologies and Society Development"*, 2022, no. 136, Geneva, s.n., pp. 242-246.

24. Minorsky V. A *History of Sharvān and Darband in the 10th – 11th Centuries*. Cambridge, W. Heffer & Sons Ltd., 1958. 227 p.

25. Nasidze I., Sarkisian T., Kerimov A., Stoneking M. Testing Hypotheses of Language Replacement in the Caucasus: Evidence from the Y-Chromosome. *Human Genetics*, 2003, vol. 112 (3), pp. 255-261. DOI: 10.1007/s00439-002-0874-4

26. Nuriyev A.B. Rezultaty arkheologicheskikh rabot v 1970 g. na mogilnike Shergyakh (Shemakhinskiy rayon) [Results of Archaeological Work in 1970 at the Shergah Burial Ground (Shemakha Region)]. *Materialnaya kultura Azerbaydzhana* [Material

Culture of Azerbaijan], vol. 9. Baku, Elm Publ., 1993. pp. 29-39.

27. Obrusánszky B. The Mystery of the Onoguris Fortress. *Reconstructing the Past: Journal of Historical Studies*, 2023, vol. 1 (4), pp. 5-16. DOI: http://dx.doi.org/10.54414/FGXP7596

28. Piriyev V. *Azərbaycan XIII–XIV əsrlərdə* [Azerbaijan in 13th and 14th Centuries]. Baku, Nurlan Publ., 2003. 458 p.

29. Zeynaloğlu C. *Şirvanşahlar yurdu* [Country of the Shirvanshahs]. Baku, Elm və təhsil, 2019. 172 p.

Information About the Authors

Lala A. Aliyeva, PhD in History, Associate Professor, Faculty of History, Baku State University, Z. Khalilova St, 23, 1148 Baku, Azerbaijan, lalaaliyeva@bsu.edu.az, https://orcid.org/0000-0002-4831-6915

Khadija Karim, Master (History), Faculty of History, Baku State University, Z. Khalilov St, 23, 1148 Baku, Azerbaijan, khadija.karim.nail@gmail.com, https://orcid.org/0009-0001-2944-6781

Информация об авторах

Лала Агамирзоевна Алиева, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета, Бакинский государственный университет, ул. З. Халилова, 23, 1148 г. Баку, Азербайджан, lalaaliyeva@bsu.edu.az, https://orcid.org/0000-0002-4831-6915

Хадиджа Керим, магистр исторических наук, исторический факультет, Бакинский государственный университет, ул. З. Халилова, 23, 1148 г. Баку, Азербайджан, khadija.karim.nail@gmail.com, https://orcid.org/0009-0001-2944-6781

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.2

UDC 94(47)
LBC 63.3(2)

Submitted: 15.10.2024
Accepted: 07.05.2025

THE CAUCASUS AND SERVICE IN THE CAUCASUS IN THE MIND OF THE DON COSSACK SERGEANT. THE 18th CENTURY

Andrey V. Venkov

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Khadzhi-Murat A. Sabanchiev

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Long before the official start of the Caucasian War, the Don Cossacks took part in the fighting in the Caucasus, and they had their own attitude to these events, which differed from the romantic descriptions of the Caucasus and the war in the Caucasus, which appeared in the 19th century. *Materials and methods.* The authors analyze the annual reports of Don officers written in the 18th century about their service in the Caucasus and reveal the personal attitude of the authors to the battles in the Caucasus and to the region as a whole. Historical-genetic, historical-comparative, problem-chronological, and contextual methods were used. *Analysis.* The military operations that were conducted in the 18th century in the foothills of the Caucasus and in the Caucasus itself were primarily considered by the Cossacks as a war against the population of the Kuban and the Western Caucasus, as protection of their territory from enemy raids. The prevailing definitions of the situation in the service records of the Cossacks were "precaution" and "punishment." The transfer of the Russian border to the Kuban and the intensification of hostilities in other regions of the North Caucasus have changed the attitude of the Cossacks to the war. The war was considered primarily as a royal service, including police service ("pacification"). The recorded losses among the command staff of the Donets during this period were minimal. *Authors' contribution.* A.V. Venkov analyzed the service of the Don officers. Kh.-M.A. Sabanchiev connected it with historical events in the Caucasus in the 18th century.

Key words: Cossacks, service records, perception, Caucasus, Kuban, war hostilities.

Citation. Venkov A.V., Sabanchiev Kh.-M.A. The Caucasus and Service in the Caucasus in the Mind of the Don Cossack Sergeant. The 18th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 15-26. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.2

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 15.10.2024
Дата принятия статьи: 07.05.2025

КАВКАЗ И СЛУЖБА НА КАВКАЗЕ В СОЗНАНИИ ДОНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАРШИНЫ. XVIII ВЕК

Андрей Вадимович Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Хаджи-Мурат Алексеевич Сабанчиев

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик, Российская Федерация

© Венков А.В., Сабанчиев Х.-М.А., 2025

Аннотация. *Введение.* Задолго до официального начала Кавказской войны донские казаки принимали участие в боевых действиях на Кавказе, и у них сложилось свое отношение к этим событиям, которое отлича-

лось от романтических описаний Кавказа и войны на Кавказе, которые появились в XIX веке. *Материалы и методы*. Авторы анализируют написанные в XVIII в. ежегодные рапорты донских офицеров об их службе на Кавказе и выявляют личностное отношение авторов к боям на Кавказе и к региону в целом. Применялись историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, контекстуальный методы. *Анализ.* Военные действия, которые велись в XVIII в. в предгорьях Кавказа и на самом Кавказе, в первую очередь рассматривалась казаками как война против населения Кубани и Западного Кавказа, как защита своей территории от вражеских набегов. Господствующими определениями ситуации в послужных списках казаков были «предосторожность» и «наказание». Перенос границы России на Кубань и активизация боевых действий в других регионах Северного Кавказа изменили отношение казаков к войне. Война рассматривалась, прежде всего, как царская служба, в том числе полицейская служба («усмирение»). Зафиксированные потери среди командного состава донцов в этот период были минимальны. *Вклад авторов*. А.В. Венков анализировал службу донских офицеров. Х.-М.А. Сабанчиев связал ее с историческими событиями на Кавказе в XVIII веке.

Ключевые слова: казаки, послужные списки, восприятие, Кавказ, Кубань, война.

Цитирование. Венков А. В., Сабанчиев Х.-М. А. Кавказ и служба на Кавказе в сознании донской казачьей старшины. XVIII век // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 15–26. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.2

Введение. Один из первых исследователей Кавказской войны В.А. Потто писал: «Кавказ! Какое русское сердце не отзовется на это имя, связанное кровной связью и с исторической и с умственной жизнью нашей родины, говорящее о неизменных жертвах ее и в то же время о поэтических вдохновениях» [13, с. 7].

А.А. Бестужев-Марлинский, А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов в своих произведениях романтизировали Кавказ и службу на Кавказе.

В то же время служба донцов на Кавказе в XIX в. была крайне тяжелой и никаких романтических чувств (особенно у рядового состава) не вызывала. Как писал В.А. Потто в своей «Кавказской войне», «...казаки сразу попадали в такую обстановку, при которой каждый неверный шаг оплачивался с их стороны тяжелыми потерями и кровью... Десятками ложились они в одиночных боях с врагом, к которому не успели еще приглядеться, сотнями погибали от климатических условий, ломавших самые крепкие железные натуры, – и, таким образом, на глазах у всех исчезла и падала боевая казацкая сила» [14, с. 311].

До всего этого, когда они не были под обаянием художественных произведений и под впечатлением реальной службы, донские командиры (рядовой состав Пушкина и Лермонтова вряд ли читал) уже имели представление о Кавказе и о службе на Кавказе. Боевые действия в Предкавказье и на Кавказе начались еще в XVIII веке.

Практически весь донской командный состав на уровне донских старшин, командиров полков, ежегодно писал и представлял в войсковые структуры послужные списки, рапорты о месте службы и ее протекании, в которых так или иначе просматривается личное отношение авторов к описываемым событиям.

Война играет особую роль в жизни таких военизированных сообществ, как казаки. Да и в целом «как социальный феномен она сопровождает всю историю человечества, может быть представлена и как способ обогащения, источник благосостояния, как доказательство личной доблести, храбрости, подтверждением собственного статуса, как образ жизни, и даже ее цель и основной смысл...» [7, с. 38].

Материалы и методы. Под «сознанием» авторы понимают высшую, присущую только человеку и связанную речью функцию мозга, целенаправленное и обобщенное отражение действительности, способность человека отражать объективную реальность в чувственных и логических образах. В статье имеется в виду обыденный уровень сознания. Проблема же восприятия войны рассматривается не очень давно и не историками, а философами. Е.Ю. Шакирова отмечает: «Главное на войне – человек, поэтому война воспринимается не только на уровне фактов, но и в виде образа, который представляет комплекс представлений о ней, включающий и оценку собы-

тий, и оценку врага и собственный образ» [16, с. 172]. Известный российский философ Г.С. Померанц, опираясь на свой жизненный опыт, писал: «Восприятие войны меняется у одного и того же человека на протяжении ее самой; что уж говорить о восприятии войны целым народом более чем за полвека» [9, с. 8]. Иностранные ученые (Дж.А. Линн) тоже считают, что «разные культуры имеют разные концепции войны... у противников разные принципы во взгляде на ценность человеческой жизни» [17, p. 378].

Сама же историография участия донских казаков невелика. Об этом писал уже упомянутый нами В.А. Потто. Есть несколько работ об участии казаков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. на Кавказе [2] и об участии казаков там же в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. [3].

Целью данной работы является, опираясь на послужные списки донских командиров, воевавших на Кавказе в XVIII в., выяснить, как они воспринимали войну, как шло их ознакомление с новым театром военных действий, кто из них был ранен, каков был характер ранений. Установить, как они воспринимали названия новых географических объектов, названия населяющих их народов. Определить, какие военные операции и какие русские военачальники были зафиксированы чаще других в послужных списках донских старшин.

Источники – послужные списки донских старшин, хранящиеся в фондах Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО). Характерной чертой данных источников является то, что они отражают массовые данные о службе, в том числе и на определенной территории, они однотипны по обстоятельствам появления (своего рода ежегодный отчет военнослужащего о своей службе), однотипны по форме, практически написаны по стандарту, они обладают некой первичностью – они сами не опосредованно отражают события, им присуща однородность и повторяемость содержания. Однако дающие отчет о своей службе воины обычно диктовали свою версию событий, а записывающие чиновники осознанно или неосознанно вносили в текст присущую времени трафаретность, устоявшиеся штампы. Как и другие материалы делопроизводства и личного учета, они могут быть отнесены к категории массовых источников. А массовые источники обычно позволяют определить масштаб восприятия верхами сообщества, его руководством, того или иного явления и его разных сторон.

При написании статьи авторы опирались на принцип историзма, использовали системный подход, применяли специально-исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, контекстуальный.

Анализ. Во время исследования выявлено 257 человек, успевших во 2-й половине XVIII в. покомандовать полком в званиях от войскового старшины до генерала и оставивших свои послужные списки.

Из них на Кавказе ни разу не были 84 человека. То есть на Кавказе или в предгорьях Кавказа побывали хотя бы один раз 173 человека, либо будучи во главе казачьих полков, либо еще не дослужившись до этой должности. Мы видим, что с Кавказом и его предгорьями в это время впрямую познакомились две трети донских военачальников.

Самое удивительное, что само слово «Кавказ» в послужных списках было встречено всего 1 раз. Петр Иванович Платов, родной брат будущего атамана, записал в послужном списке за 1797 г., что с [1]782 по [1]787 гг. «на Кубане и Кавказе был во многих с неприятелем сражениях» [12, л. 88].

Зато термин «Кавказская линия» встречается в послужных списках 63 раза и «Кавказский корпус» – 2 раза.

Гораздо чаще встречается слово «Кубань» – 145 раз, причем 89 раз это слово мужского рода («за Кубаном», «к Кубану») и 56 раз – женского. Количество слов женского рода резко увеличивается ближе к концу XVIII века.

Иногда «Кубан» рассматривается как некая административная единица, квазигосударство – Федор Афанасьевич Кутейников записал, что был «при завоевании и выводе из Кубана в российские пределы тамошних народов» [12, л. 26].

Действительно во 2-й половине XVIII в. Кубань и население прилегающей к реке территории играли в жизни Войска Донского важнейшую роль. Именно отсюда начинались

многочисленные набеги, от которых страдало донское население.

Традиционно в XVI и XVII вв. территория Дона делилась на Крымскую сторону (правый берег) и Ногайскую сторону (левый берег) по названию орд, контролировавших здесь степное пространство. Теперь, судя по обнаруженным документам, бывшая «Ногайская сторона» (по крайней мере – ее южная часть) стала называться «Кубанской стороной». Этот термин встречается в послужных списках 33 раза. Михаил Барабанщиков указал в послужном списке: «...[1]759 на Кубанской стороне по речке Салу для предосторожности с полком. [1]771 на Кубанской стороне по речке Ея для прикрытия барьерного места» [11, л. 43]. То же указал Дмитрий Иловайский: «[1]767 на Кубанской стороне по речке Салу для предосторожности» [11, л. 243]. Еким (Аким) Карпов записал: «[1]764 на Кубанской стороне по речке Маныче» [11, л. 61]. Дмитрий Михайлович Паздеев: «...[1]768 на Кубанской стороне по речке Манычи» [11, л. 167].

В то же время термин «Кубанская сторона» обозначает враждебную территорию непосредственно Кубани. Тот же Дмитрий Михайлович Паздеев через 5 лет отмечает: «[1]773 для предосторожности от Кубанской стороны по речке Кагальнику» [11, л. 167]. Подполковник Захар Евстратович Сычев нес службу «...[1]761 при речке Манычи для предосторожности от Кубанской стороны» [11, л. 264]. А Петр Васильевич Янов стоял с полком «...[1]785 на Ее для содержания от Кубанской стороны кордонов» [10, л. 199].

Территория самой Кубани рассматривается как опасное место, постоянно грозящее набегами. Василий Андронович Андронов записал: «...[1]752 на Кубанской стороне ради осторожности от закубанцев» [12, л. 255], а Еким (Аким) Барабанщиков – «...[1]758 на речке Кагальнике для предосторожности от Кубанской стороны» [11, л. 275]. Сами слова «осторожность» и «предосторожность» встречаются в послужных списках 25 раз.

Барьером между Кубанью и донской территорией является степная зона, которая в послужных списках называется «Кубанская степь» и встречается 11 раз. Все тот же Еким (Аким) Барабанщиков «находился в Кубанской степи в разъезде и в погоне за неприятелем» [11, л. 275]. Семен Сулин находился «...[1]745 на Кубанской степи в погоне за неприятельской партией» [11, л. 73].

Казаки создали оборонительные рубежи по протекавшим в степи речкам Кагальник, Ея, Маныч, Сал, а также Егорлык (подполковник Федор Кутейников) [11, л. 9] и Эльбузд (Ельбузда) (полковник Филипп Семенович Сулин) [12, л. 261]. Во время Пугачевского восстания из-за опасения соединения повстанцев с внешним противником оборонительные рубежи были умножены. Осип Никонович Лощилин в 1773 г. был поставлен «с полком для прикрытия донских станиц по речке Цымле» [11, л. 75]. А самый северный барьер удерживал Михаил Ильич Денисов, который в 1773 г. был назначен с полком «для держания предосторожности в Голубинской и Трехостровянской станицах от злодейств изменника Пугачева и от кубанских и горских татар» [11, л. 149].

Позже А.П. Ермолов писал, что «никто более казаков не рассуждает об опасности, и едва ли кто видит ее с большим ужасом...» [5, с. 71–72]. Однако принимаемые казаками меры для защиты своей территории были оправданы.

Бои непосредственно на донской территории зафиксированы всего дважды. Полковник Андрей Юдин участвовал в 1738 «при Каргалах при разбитии Кубанской орды» [11, л. 41] и полковник Илья Степанович Рышкин отметил, что в 1771 г. «во время неприятельского на Романовскую станицу нападения побито им до сорока и в плен взято 4 человека» [11, л. 57].

Ситуация резко изменилась в 1780-е гг., после разгрома в 1783 г. ногайской орды. Сам Войсковой атаман Алексей Иловайский записал это событие так: «В 1783 году с полками за Кубаном при наказании бунтовавшихся татар» [11, л. 2]. И 9 командиров полков как под трафарет повторили эту запись в своих послужных списках.

В самом конце XVIII в. формулировка изменилась. Полковник Якуб Асанович Асанов писал: «...[1]783 во всеобщем за Кубань и Лабу походе при наказании клятвопреступников нагаев» [12, л. 214]. И эту формулировку повторили так же 9 казачьих полковников. Лишь Алексей Степанович Леонов назвал

ногайцев «вероломными»: «...[1]783 в приведении кубанских кочевых жителей Всероссийскому высочайшему престолу в подданство, а также и за Кубаном по обоим берегам реки Лабы и урочище Керменшик... против вероломных нагаев в действительном сражении находился» [12, л. 136].

Затем последовали еще несколько «всеобщих» походов Войска Донского на Кубань и за Кубань («за Кубаном и Лабою походы»). Всего в них были задействованы 60 представителей донской элиты.

Формулировки изменились. Исчез термин «Кубанская сторона», обозначающий левобережье Нижнего Дона, вместо него появляется иногда употреблявшийся и ранее термин «Задонская сторона»: Гаврила Васильевич Греков записал: «...[1]783 в поголовном на Задонской стороне походе» [10, л. 119]. Термин «осторожность» в послужных списках 1797 г. встречается 1 раз [12, л. 255]. В списках 1799 г. его вообще нет. Термин «предосторожность» больше не встречается. Для обозначения охраны территории используются слова «предохранение», «защищение», «отвращение» («для отвращения от набегов горских черкес») [12, л. 161], «отпор», «пресечение», «прикрытие» («для прикрытия от неприятельских набегов российских границ») [12, л. 263], «недопущение» («для недопущения черкесских скопищ ворваться в российские пределы») [10, л. 179].

Появляются термины «истребление» (полковник Горбачев участвовал «во всеобщем Войска Донского походе за Кубаном и Лабою... для истребления сильных горских неприятельских скопищ») [12, л. 145], «усмирение» (Павел Андреевич Краснощеков в 1785 г. ходил во «всеобщий поход за Кубань и Лабу для усмирения тамошних народов» [12, л. 263], а Степан Ефимович Кутейников в 1785 г. был «при усмирении кабардинцов» [12, л. 73]), сохраняется термин «наказание».

С переносом в 1791 г. по итогам очередной русско-турецкой войны границы России на Кубань донцы не ликвидировали свою многоуровневую систему прикрытия границы. Так, Степан Евдокимович Греков в 1795 г. стоял с полком на Кагальнике [10, л. 66]. Там же в 1794 г. стоял с полком сын опального атамана Степан Степанович Ефремов [12, л. 45].

Неверно было бы считать, что донцы со стороны Кубани до 1783 г. только оборонялись. Охрана донской территории была в определенной мере внутренним делом Войска. Но донские полки привлекались в состав русской армии и вели военные действия и в ходе официальных войн, и в ходе банальных пограничных стычек. Так, Иван Пахомович Бударин, будучи в 1777 г. на Кавказской линии, находился в походе «за Кубаном для приведения в российское подданство обитающих за Кубаном и Лабою Едисанских татар» и участвовал в сражениях [12, л. 284]. Осип Данилов, выкрест из чеченцев, записал: «...[1]774 на Кубане в действительном с черкесами сражении в деташементе господина бригадира и кавалера Бринка, где и ранена под ним лошадь» [11, л. 19]. Иван Алексеевич Каршин в 1774 г. участвовал в боях с черкесами «за Кубаном» при Зеленчуке, а под Темрюком его казаками было отбито три тысячи кибиток [12, л. 49].

Что касается «образа врага», то одни донцы большой разницы между противостоящими им народами не видели и отделывались клише: «На Кавказской линии против закубанских горских народов и чиркес» (Федор Матвеевич Персидсков) [12, л. 292], другие хорошо знали отдельные племена. Так, подполковник Захар Евстратович Сычев был откомандирован атаманом Иловайским «для успокоения... оставшихся джанбулацких и едисанских татар» [12, л. 33].

Большинство своих противников на Кубани и за Кубанью называли «черкесами» – 32 раза, «татарами» – 30, «горскими народами» – 22, «горскими черкесами» – 13, «закубанцами» – 13, «закубанскими народами» – 13, «неприятелем» – 13, «ногаями» или «ногайцами» – 9, «закубанскими татарами» – 7, «кубанскими татарами» – 4, «ногайскими татарами» – 4, «тамошними народами» – 3, «горцами» – 2, «кубанскими кочевыми жителями» – 1, «черкесскими народами» – 1, «горскими татарами» – 1, «закубанскими горскими народами» – 1, «кубанскими народами» – 1, «кубанцами» – 1. Полковник Иван Горбиков записал, что был в «[1]749 в погоне за воровскими людьми по Кубанской степи» [11, л. 22].

Из персоналий неприятельского лагеря называются хан Давлет-Гирей и «султан» Шабас-Гирей (полковник Степан Алексеевич

Ларионов) [11, л. 175]. Полковник Алексей Пантелеевич Пантелеев был послан «изловить мурзу Араслан Гирса и со оным других мурз татар» [12, л. 250]. Подполковник Василий Перфилов еще в 1736 г. участвовал «при разбитии... за Кубаном славного кубанского мурзы Азамата» [11, л. 38]. А Семен Сулин в 1771 г. был «при поиске за кубанским мирзой Келеметом» [11, л. 73].

Участие донских казаков в боевых действиях на левом фланге и в центре Кавказской линии не были такими массовыми, как во «всеобщих походах» за Кубань и Лабу. Службу на Кавказской линии отметили в своих послужных списках 52 человека.

Донские казаки традиционно составляли часть гарнизона в крепости Кизляр. С 1739 г. оборонительные сооружения по Тереку образовали Кизлярскую укрепленную линию. В 1746 г. под Кизляром было создано Гребенское казачье войско. Но донцы все равно посылались туда в гарнизон крепости. Выявлено, что 15 донских командиров побывали там, начиная с 1736 г., когда Алексей Воронин ездил туда для встречи персидского посла [11, л. 49]. Затем с 1759 по 1776 г. в Кизляре стояли тысячные донские команды. Дольше всего, с 1768 по 1776 г. пробыл там во главе команды из двух полков полковник Яков Сулин [11, л. 69].

В 1763–1769 гг. вверх по Тереку от Кизляра была создана Моздокская укрепленная линия на базе фортификационных сооружений в урочище Моздок. В 1763 г. там построили форпост. По-над линией были созданы казачьи станицы: Калиновская, Мекенская, Наурская, Ищерская и Галюгаевская [1, с. 22]. Их заселили 517 семейств волжских казаков [1, с. 30]. И с 1766 г. тысячные и двухтысячные команды донских казаков стали посылаться в крепость Моздок. Первым во главе такой двухтысячной команды там был подполковник Василий Петрович Орлов [11, л. 8]. Затем премьер-майор Петр Иванович Кулбаков «...[1]771 с полком командирован к Моздоку в корпус господина генерал-поручика и кавалера де Медема, где был с татарами в сражении» [11, л. 27]. Моздок и укрепления вокруг него были развернуты в Моздокскую линию, и будущий генерал от кавалерии, а пока подполковник Дмитрий Иловайский после 1774 г. был «на Моздоцкой линии с полками походным атаманом» [11, л. 8].

Примерно в это же время донские казаки побывали в Грузии. Василий Никитич Греков занес в послужной список, что в 1771 г. с полком в составе корпуса Сухотина был в Грузии и Мингрелии «во многих с неприятелем сражениях и при атаке турецкого города Пота» [11, л. 29].

Вряд ли территория Кавказа была для донцов «землей незнаемой». Они вели разведку и приезжали сюда с дипломатическими поручениями. Личная сотня донского атамана зачастую привлекалась для таких поручений. Яков Иванов Ханжонков, когда служил в ней, был «в посылках в Крым и Кубан для разведывания тамошних обращений» [11, л. 233]. Ефим Кутейников из той же команды «...[1]757 в посылке на Кубан для разведывания» [11, л. 50]. Карп Киреев «...[1]759 состоял в сотной... команде и был в Кабарде» [11, л. 30]. Дмитрий Иванович Иловайский с 1758 по 1764 г. состоял в сотной команде и посылался «в разные интересные посылки... Между тем послан был и в Кабарду» [11, л. 243]. Сам донской атаман А.И. Иловайский еще в молодые годы в 1756 г. «в посылке в Кабарду», а в 1758 г. «за Кубаном у сераскира посланцем» [11, л. 2]. И в 1783 г. Михаил Иванович Русин, будучи есаулом в полку походного атамана Дмитрия Иловайского, дважды посылался «чрез снеговые горы и Грузию в Азию в город Трапезон к Гаджи Але паше» [12, л. 316].

С 1777 г. в послужных списках донцов появляется запись «на Кавказской линии». Первым там оказались уже упоминавшийся Иван Пахомович Бударин и Евсигней Крюков, который находился «...[1]777 по [1]779 на Кавказской линии в Кубанском корпусе против закубанцов» [10, л. 197]. С 10 апреля 1780 г. и по 1782 г. охранял линию полк Сычева. С 1782 по 1784 г. стоял на Кавказе полк Матвея Платова. И так каждые два года шла смена полков.

Оказавшиеся на Кавказской линии донцы дрались теперь не только со знакомыми им черкесами и татарами-«закубанцами». Подполковник Захар Евстратович Сычев, например, на национальную принадлежность внимания не обращал и записал: «[1]780 на Кавказской линии противу нападающих из-за

Кубани злодейских партий, которых отвращал и никак внутрь линии въеж жать не допущал» [12, л. 32–32 об.]. А Иван Дмитриевич Иловайский, оказавшийся в 1782 г. на Кавказской линии, сразу отметил нового противника: «...[1]784 в Чичнях где против чеченцов был в сражении. [1]785 в Грузии, [1]786-го во многократных с кабардинцами сражениях» [12, л. 42]. Его двоюродный брат Николай Васильевич Иловайский, в 1799 г. посланный на Кавказскую линию походным атаманом [10, л. 17], впервые попал на Линию в 1784 г., где участвовал «...[1]785 августа 10 при Малке в поражении чеченцов» [12, л. 65]. Бои были жестокие. Алексей Егорович Мержанов, служивший в полку М.И. Платова, записал, что в 1783 г. был «отряжен против чеченцев» и участвовал в сражениях, «истребляя селения» [12, л. 309]. Против кабардинцев сражался Иван Алексеевич Каршин, который получил «в добычу множество рогатого скота и овец» [10, л. 60]. А Федор Афанасьевич Кутейников, служивший на Кавказской линии с 1782 по 1788 г., успел подраться со всеми: «в Ханкале против чеченцев, где подо мной убита лошадь... [1]785 в Большой Кабарде на речке Баксан противу кабурдинцев, в вершине Калауза противу закубанских татар, где в атаке находился три часа» [12, л. 26].

С началом очередной русско-турецкой войны к врагам казаков на Кавказе прибавились турки корпуса Батал-паши. Матвей Алексеевич Гревцов записал, что во время похода на Анапу и отступления был «в действительных сражениях с разными горскими черкесами и турками» [12, л. 60]. О боях с турками писал Никифор Яковлевич Сулин, участвовавший в штурме Анапы [12, л. 169]. С турками дрался Гаврила Амвросиевич Луковкин, участвовавший в пленении Батал-паши и оставивший в своем послужном списке описание этого сражения [12, л. 72].

И, наконец, при возвращении из Персидского похода в 1797 г. донские казаки вели бои «с хомбутаями (?) и казакумыками (так в тексте. – *А. В., Х.-М. С.*)» [12, л. 158]. Сын М.И. Платова, Иван Матвеевич, тоже вписал себе в послужной список за 1797 г. бои с казикумыками [12, л. 303].

Среди вождей своего противника казаки отметили «черкесского лжепророка шейха Мансура», с «толпами» которого Андрей Филиппович Слюсарев сражался в Малой Кабарде [10, л. 62]. 5 раз упоминается Батал-паша. Его отметили уже названный Г.А. Луковкин, Петр Михайлович Гордеев, который был «...[1]791 на Кубанской стороне на разведывании войск Батал паши» [12, л. 80], Аксен Ильич Денисов, который был «при разбитии Батал-паши и черкесских султанов» [10, л. 43], а также Алексей Андреевич Каршин и Алексей Пантелеевич Пантелеев. Михаил Петрович Орлов записал, что в 1796 г. участвовал «в поисках бежавшего дербентского Шекильхана» [10, л. 90].

Вождей русских войск, под чьим командованием донцы служили на Кавказской линии, они упоминают гораздо чаще с добавлением воинского звания и титула. Это чаще других упоминаемый (5 раз) бригадир Иван Федорович Бринк, который во главе Кубанского корпуса в 1776–1777 гг. совершал походы за Кубань. 4 раза упоминается генерал Иоганн Фридрих фон Медем, курляндец, котрого отправили на Кубань и Кавказ с задачей «упреждать и не допускать Кубанскую орду, так же кабардинцев и других горских татар, равно к грабежам склонным, делать набеги и утеснять их соседей в подданстве и покровительстве Ея Императорского величества находящихся» [6]. 2 раза упоминается подполковник Иван Бухвостов, который был выслан из 2-й армии князя Долгорукова на Кубань охранять интересы преданных России татар. В его отряде насчитывалось 1 500 всадников – ахтырские гусары, драгуны и донские казаки. С этим отрядом он принял участие в широко известном бое при Калалахе в 1774 г. и стал первым кавалером ордена Святого Георгия на Кавказе. Вместе с ним упоминается подполковник Стремоухов, который в 1773–1774 г. находился «при новосоюзных татарских ордах», то есть ногайцах, в качестве пристава [8, с. 96]. 1 раз упоминается Александр Васильевич Суворов, который в 1777 г. сменил И.Ф. Бринка на посту командира Кубанского корпуса. Затем Александр Васильевич Суворов командовал Кубанским корпусом в 1782–1784 годах. Поскольку послужной список составлялся в 1797 г., А.В. Суворов назван «графом» [12, л. 4]. Упоминаемый 1 раз Алексей Николаевич Сухотин участвовал в походе корпуса

генерала Тотлебена в Грузию и после «покорения» Грузии в августе 1771 г. принял корпус от Тотлебена, который уехал в Петербург. Упоминаемый 1 раз генерал Федор Иванович Фабрициан был в 1781 г. назначен командующим российскими войсками на Кавказе, но командовал лишь до 1782 года. Упоминаемый 1 раз генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин, двоюродный брат Светлейшего, кавказский наместник и командующий Кавказским корпусом, отбыл с Кавказа с началом войны 1787–1791 годов. До своего отъезда он провел успешную операцию против шейха Мансура. Сменил П.В. Потемкина упоминающийся 2 раза генерал-аншеф Петр Абрамович Текелли. Генерал-майор князь Николай Юрьевич Ратиев, упоминающийся 2 раза, участвовал в боях вместе с генерал-аншефом и командовал его авангардом. Упоминаемый 1 раз генерал-поручик барон Владимир Иванович Розен во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. командовал Кубанским корпусом. Генерал Иван Иванович Герман фон Ферзен командовал бригадой в Кавказском корпусе во время разгрома Батал-паши.

Чтобы грамотно воевать, необходимо знание местности, и казаки, возможно с ошибками, стали вносить в свои послужные списки географические объекты новой территории, в первую очередь – речки. Воспринимались названия на слух, и возможны были искажения. Тихон Иванович Денисов в 1783 г. стоял на передовой страже «при речке Подкумка» [10, л. 29]. Помимо «Кубана» и Лабы, в 1783 г. бои шли на речке Емасу [12, л. 159]. Во время похода на Анапу бои шли «на речке Убыне» [12, л. 60]. Аксен Ильич Денисов в 1789 г. выявил речку Фазх, а во время похода на Анапу шел «по речкам Обын и Бакон» и участвовал в разгроме Батал-паши у речек «Чибибо и Кудако» [10, л. 43]. Михаил Федорович Кузнецов там же, у Анапы, сражался «при речках Невскуне и Убыне» [10, л. 179]. Петр Матвеевич Греков 16 августа 1785 г. дрался с чеченцами на реке Малке [12, л. 99]. Раньше его, 10 августа, дрался на Малке Николай Васильевич Иловайский [12, л. 65]. 12 сентября 1787 г. шел бой на реке Уруп [12, л. 216]. Федор Иванович Миллер отметил бой «при речке Иналу» [12, л. 106]. Алексей Нечаев был ранен на реке «Сюнже» [10, л. 147]. Федор Афанасьевич Кутейников был «при речках Большого и Малого Зеленчуков против закубанских татар в действительном сражении три раза» [12, л. 26]. А в 1790 г. Иван Денисович Денисов записал бой «при речке Сшеу Каше» неподалеку от Анапы [12, л. 270]. Там же упоминается речка «Шекупше» [12, л. 249 об.]. Неподалеку Иван Никитич Севастьянов в 1790 г. воевал «за Кубаном при речках Пчасе и Псише» [12, л. 78]. Выступив в Персидский поход, донцы зафиксировали в послужных списках Куру и Самур [12, л. 158]. Некоторые эти реки – Уруп, Кура, Малка, Зеленчук, Баксан, Подкумка – встречаются в послужных списках и других донцов.

Новым явлением для большинства казаков были горы. В своих послужных списках они поделили их на «черные» и «снеговые».

Ефим Леонтьевич Астахов записал, что в 1788 г. был в походе «за Кубаном и Лабою у черных гор» [12, л. 93]. Полковник Горбачев усилил момент, написал: «за Кубаном и Лабою даже до Черных гор» [12, л. 145]. Бои «под Черными горами» зафиксировал Федор Андреевич Мелентьев [10, л. 121]. Видимо, имелись в виду склоны Западного Кавказа.

Данила Степанович Ефремов, сын опального атамана, отметил, что с 1785 по 1787 г. был «за Кубаном, Лабою и под снеговыми горами в действительных сражениях» [12, л. 50]. Михаил Петрович Орлов возвращался с полком в 1797 г. из Грузии «по-над Терком с левой стороны чрез снеговые горы» [12, л. 176]. Видимо, имелся в виду Главный Кавказский хребет.

Только Андрей Филиппович Слюсарев нашел название хотя бы одного горного комплекса и записал, что сражался «...[1]785 июля 21 под Бештавыми горами» [10, л. 62], имея в виду «Бештау».

Что касается других географических объектов, то это Безвинный мыс, речки Бейсуг и Челба в Кубанской степи, Тамань, которую назвали островом [12, л. 152], Овечий брод, «урочище Керменшик», «гора Джемеде» под Анапой [12, л. 169]. Трижды называется урочище Темишберг. Но только Алексей Пантелеевич Пантелеев указал его расположение через систему постов – «от Тамани до реки Бугаза кардон... к урочищу

Тимиберг для охранения прохода в российскую границу закубанцев» [12, л. 249 об.].

Из крепостей и укреплений им были известны Ставрополь, Владимирский редут, Кубанский редут, Северная крепость, вражеские крепости Капыл, Анапа, «деревня Федцах» [12, л. 170], Ханкала. Выступление в 1796 г. в Персидский поход обогатило послужные списки перечнями городов и исторических областей. Войска шли «через город Дербент у городов Персии Кубе, старой и новой Шамахи... при покорении персидского города Ганжи» [10, л. 90].

Исторические области Северного Кавказа тоже стали известны донцам. Они смело писали, что были «в сражениях против Малой Абазы и Большой Кабарды» [12, л. 191], воевали «в Малой Кабарде» [10, л. 62].

Учет потерь русских войск на Кавказе велся с 1801 г. [4]. Но сведения из послужных списков за XVIII в. показывают, что либо военные действия велись крайне вяло, либо донские командиры демонстрировали высокий уровень самосохранности. Из 173 человек, участвовавших в боях и охране рубежей, ранения указали 6 человек, 1 из них был ранен дважды, под 2 убили лошадь, под 1 убили 2 лошади, под 1 ранили лошадь, 2 побывали в плену.

Еким (Аким) Яковлевич Уваров записал: «С [1]773 марта по [1]775 год с пятисотным полком по кубанской степи в деташементе бригадира Бринка в сражениях против черкес, где и ранен саблей в плечо» [11, л. 174–175].

Алексей Петрович Туроверов, будучи казаком в полку Федора Грекова, в 1779 г. «при речке Калалах с черкесской партиею имел сражение и ранен саблею» [12, л. 245].

Алексей Яковлевич Нечаев, будучи казаком в полку М.И. Платова, в 1783 г. в сражении на реке Сунже был «ранен стрелкой в голову» [10, л. 147].

Степан Ефимович Кутейников, будучи войсковым старшиной и командиром полка, в 1787 г. «при Северной крепости... при нападении закубанских народов, ранен в правую ногу пулею» [12, л. 73].

Василий Иванович Попов, будучи сотником в полку Грекова, в 1788 г. участвовал в сражении на реке Малке, «где ранен стрелою в правую ногу пониже колена» [12, л. 129].

Петр Григорьевич Денисов, будучи капитаном, в 1789 г. на Тамани в некрасовском селении «находился в сражении, когда ранен в левую руку саблею», затем во время штурма Анапы был ранен в правую ногу пулею [10, л. 137].

Дмитрий Алексеевич Михеев, будучи сотником, в 1777 г. воевал в Кубанском корпусе против горских черкес в сражениях, «где взят был в плен и находился полмесяца» [12, л. 302].

Петр Пантелеевич Апостолов, будучи сотником, был в 1787 г. взят закубанцами в плен, «освобожден на выкуп, освободился собственным коштом» [12, л. 201].

Данила Филимонович Орехов отметил, что во время боев на Кавказской линии при речке Лабе, когда он был хорунжим в полку М.И. Платова, «убит бывший подо мной конь» [12, л. 215].

Федор Афанасьевич Кутейников, как мы помним, будучи есаулом, потерял лошадь в бою против чеченцев в Ханкале [12, л. 26].

Иван Степанович Денисов, будучи капитаном, в 1786 и 1787 гг. в боях «за Кубаном» потерял убитыми две лошади [12, л. 200].

И под войсковым старшиной Осипом Даниловым, как уже указывалось, в 1774 г. лошадь ранили [11, л. 19].

Как видим, большинство ранений получены, когда пострадавшие еще не были командирами полков. При всем тщательном учете потерь, вплоть до ранения лошади, эти потери минимальны. Из 173 человек ранены 6 (3,5 %), в плену побывали 2 (1,1 %).

Характер ранений показывает, что больше половины получены на расстоянии – пулями и стрелами, но 3 пострадавших ранены саблями (1 из них будучи командиром полка), и ранили их черкесы.

Ф.Ф. Торнау позже отмечал особенность черкесов в рукопашном бою – они не имели обычая «бросаться на неприятеля очертя голову, зато дрались упорно и, обратив его в бегство, гнались за ним далеко и рубили без пощады...» [15, с. 210].

Результаты. Вооруженные конфликты, которые происходили в XVIII в. в «Кубанской степи», в предгорьях Кавказа и на самом Кавказе, в первую очередь рассматривались казаками как война против населения Кубани и Западного Кавказа. Службу в Кизляре, на Моздокской линии и на Кавказской линии несли

отдельные казачьи полки, а охрана южных рубежей Войска Донского и России со стороны Кубани была делом всех казаков, которые организовывали здесь против противника «всеобщие походы».

Изначально война рассматривалась ими как защита своей территории от вражеских набегов. Поскольку казаками была выстроена многоуровневая система обороны, боевые действия велись без особого урона со стороны казаков и некоторыми воспринимались как соревнование в лихости при уважении к противнику («славный кубанский мурза Азамат»). Выдвижение к Кубани и разгром ногайской орды рассматривались казаками как справедливое возмездие за предыдущие набеги «закубанцев» и ногайцев. Господствующими определениями ситуации в послужных списках были «предосторожность» и «наказание».

Перенос границы России на Кубань и активизация боевых действий в других регионах Северного Кавказа изменили отношение казаков к войне. Война рассматривалась, прежде всего, как царская служба, в том числе полицейская служба («усмирение»). Новый театр военных действий был тщательно исследован с фиксацией географических объектов, но и тогда больше внимания уделялось территориям за Кубанью, на Западном Кавказе.

То, что это отношение к региону и событиям отражено в послужных списках командного состава, фактически – массовых источниках, свидетельствует, что подобные взгляды были присущи всему Войску Донскому или его подавляющему большинству.

Зафиксированные потери среди командного состава донцов были минимальны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беликов Г. Главноначальствующие Кавказа. М.: Изд. Надыршин А.Г. 2017. 408 с.
2. Венков А. В. Казаки в Первой русско-турецкой войне. 1768–1774 гг. М.: Вече, 2019. 459 с.
3. Венков А. В. Участие казаков в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. М.: Снеж. ком, 2024. 392 с.
4. Гизетти А. Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1901. 230 с.
5. Ермолов А. П. Из записок об Отечественной войне 1812 г. // России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М.: Современник, 1988. С. 62–72.
6. Журнал военных действий армии Ея Императорского Величества 1769 года. Печатан в Санкт-Петербурге при государственной военной коллегии. URL: https://www.runivers.ru/bookreader/book476669/#page/47/mode/1up
7. Ишимская Е. В., Рахметов А. А. Особенности формирования образа войны в современном мире // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2014. Т. 2, № 1 (5). С. 38–41.
8. Нахушева И. Р. К вопросу об истоках формирования системы приставских управлений на Северном Кавказе в последней трети XVIII в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 2. С. 94–99. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-2-94-94-101
9. Померанц Г. С. Меняющееся лицо войны // Первое сентября. 2003. 8 мая (№ 32).
10. Послужные списки генерал-майоров, полковников, подполковников // Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 344. Оп. 1. Д. 208. 213 л.
11. Послужные списки генералов и офицеров, войскового атамана Д. Иловайского, генерал-майора Ф. Денисова, полковника Иловайского и других // ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. 416 л.
12. Послужные списки генералов, полковников, подполковников // ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. 319 л.
13. Потто В. А. Кавказская война. В 5 т. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. Ставрополь: Кавк. край, 1994. 672 с.
14. Потто В. А. Кавказская война. В 5 т. Т. 3. Персидская война (1826–1828). Ставрополь: Кавк. край, 1993. 608 с.
15. Торнау Ф. Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002. 384 с.
16. Шакирова Е. Ю. Образ войны: проблема содержания и формы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология». 2018. Т. 18, вып. 2. С. 172–177. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-172-177
17. Lynn John A. Battle: A History of Combat and Culture. From Ancient Greece to Modern America. Colorado: Westview Press, 2003. 432 p.

REFERENCES

1. Belikov G. *Glavnonachalstvuyushchie Kavkaza* [Leaders of the Caucasus]. Moscow, Izd. Nadyrshin A.G., 2017. 408 p.
2. Venkov A.V. *Kazaki v Pervoj russko-tureckoj vojne. 1768–1774 gg.* [Cossacks in the First Russian-Turkish War. 1768–1774]. Moscow, Veche Publ., 2019. 459 p.

3. Venkov A.V. *Uchastie kazakov v Russko-tureckoj vojne 1787–1791* gg. [Participation of Cossacks in the Russian-Turkish War of 1787–1791]. Moscow, Snezh. kom Publ., 2024. 392 p.

4. Gisetti A.L. *Sbornik svedenij o poteryah Kavkazskih vojsk vo vremya vojn Kavkazsko-gorskoj, persidskih, tureckih i v Zakaspijskom krae. 1801–1885* [Collection of Information About the Losses of the Caucasian Troops During the Wars of the Caucasian Mountain, Persian, Turkish and in the Transcaspian Region. 1801–1885]. Tiflis, Tip. Ja.I. Libermana, 1901. 230 p.

5. Ermolov A.P. Iz zapisok ob Otechestvennoj vojne 1812 g. [From Notes on the Patriotic War of 1812]. *Rossii dvinulis syny. Zapiski ob Otechestvennoj vojne 1812 goda ee uchastnikov i ochevidcev* [Sons of Russia Moved. Notes on the Patriotic War of 1812 by Its Participants and Eyewitnesses]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988, pp. 62-72.

6. *Zhurnal voennyh dejstvij armii Eya Imperatorskogo Velichestva 1769 goda. Pechatan v Sankt-Peterburge pri gosudarstvennoy voyennoy kollegii* [Journal of Military Operations of Her Imperial Majesty's Army in 1769. Printed in St. Petersburg at the State Military College]. URL: https://www.runivers.ru/bookreader/book476669/#page/47/mode/1up

7. Ishimskaya E.V., Rakhmetov A.A. Osobennosti formirovaniya obraza vojny v sovremennom mire [Features of the Formation of the Image of War in the Modern World]. *Pozharnaya bezopasnost: problemy i perspektivy* [Fire Safety: Problems and Prospects], 2014, vol. 2, no. 1 (5), pp. 38-41.

8. Nakhusheva I.R. K voprosu ob istokah formirovaniya sistemy pristavskih upravlenij na Severnom Kavkaze v poslednej treti XVIII v. [On the question of the Origins of the Formation of the System of Bailiff Offices in the North Caucasus in the Last Third of the 18th Century]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [Izvestiya Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2020, no. 2, pp. 94-99. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-2-94-94-101

9. Pomerants G.S. Menyayushcheesya lico vojny [The Changing Face of War]. *Pervoye sentyabrya*, 2003, May 8 (no. 32).

10. Posluzhnye spiski general-majorov, polkovnikov, podpolkovnikov [Service Records of Major Generals, Colonels, and Lieutenant Colonels]. *Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (daleye – GARO)* [State Archive of the Rostov Region], f. 344, inv. 1, d. 208. 213 l.

11. Posluzhnye spiski generalov i oficerov, vojskovogo atamana D. Ilovajskogo, general-majora F. Denisova, polkovnika Ilovajskogo i drugih [Service Records of Generals and Officers, Military Ataman D. Ilovaisky, Major General F. Denisov, Colonel Ilovaisky and Others]. *GARO* [State Archive of the Rostov Region], f. 46, inv. 1, d. 40. 416 l.

12. Posluzhnye spiski generalov, polkovnikov, podpolkovnikov [Service Records of Generals, Colonels, Lieutenant Colonels]. *GARO* [State Archive of the Rostov Region], f. 344, inv.1, d. 41. 319 l.

13. Potto V.A. *Kavkazskaya vojna. V 5 t. T. 1. Ot drevnejshih vremen do Ermolova* [Caucasian War. In 5 Vols. Vol. 1. From Ancient Times to Ermolov]. Stavropol, Kavk. kray Publ., 1994. 672 p.

14. Potto V.A. *Kavkazskaya vojna. V 5 t. T. 3 Persidskaya vojna (1826–1828)* [The Caucasian War: In 5 Vols. Vol. 3. The Persian War (1826–1828)]. Stavropol, Kavk. kray Publ., 1993. 608 p.

15. Tornau F.F. *Vospominaniya russkogo oficera* [Memoirs of a Russian Officer]. Moscow, AIRO-XX Publ., 2002. 384 p.

16. Shakirova E.Yu. Obraz vojny: problema soderzhaniya i formy [The Image of War: The Problem of Content and Form]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya»* [News of Saratov University. New Series. Series "Philosophy. Psychology"], 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 172-177. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-172-177

17. Lynn J.A. *Battle: A History of Combat and Culture. From Ancient Greece to Modern America.* Colorado, Westview Press, 2003. 432 p.

Information About the Authors

Andrey V. Venkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Laboratory of the Cossacks, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, andrey_venk@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4455-2822

Khadzhi-Murat A. Sabanchiev, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Ethnology, History of the Peoples of the KBR and Journalism, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekova, Chernyshevskogo St, 173, 360004 Nalchik, Russian Federation, sabanchievkh-m@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-2004-4659

Информация об авторах

Андрей Вадимович Венков, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, andrey_venk@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4455-2822

Хаджи-Мурат Алексеевич Сабанчиев, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, ул. Чернышевского, 173, 360004 г. Нальчик, Российская Федерация, sabanchievkh-m@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-2004-4659

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.3

UDC 93:261.8
LBC 63.3(2)63

Submitted: 19.07.2024
Accepted: 10.10.2024

OPENING OF THE ETCHMIADZIN SEMINARY (1945) AND ITS COOPERATION WITH THE MOSCOW THEOLOGICAL ACADEMY (IN 1947–1953): BASED ON ARCHIVAL DOCUMENTS AND LETTERS FROM CATHOLICOS GEVORG VI

Vladimir S. Blokhin

Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The *introduction* shows the role of interchurch ties in the history of relations between the peoples of Russia and Armenia. After the Great Patriotic War, the Russian Orthodox and Armenian churches entered a period of closest rapprochement, which began with the establishment of cooperation between the Etchmiadzin Seminary and the Moscow Theological Academy (MTA). The *research methods* used are historical-genetic, which made it possible to identify the circumstances of the opening of the Etchmiadzin Seminary; a synchronization method, with the help of which the forms of cooperation between Echmiadzin and the MTA in the specified period were determined; and an updating method, which helps to understand the current level of relations between the Russian and Armenian churches, taking into account historical experience. The *materials* used include information from the reports of the Council for Armenian Church Affairs for 1949, a number of telegrams, and personal sources – letters from Catholicos Gevorg VI addressed to his students who studied at the Moscow Theological Academy in 1951–1953. The letters were published in Armenian in the science magazine "Etchmiadzin." The author of the article translated the letters into Russian and introduced them into scientific circulation. *Analysis.* The circumstances that led to the opening of the Etchmiadzin Seminary, the highest theological school of the Armenian Apostolic Church, in 1945 are explored; the role of the Catholicos of All Armenians, Gevorg VI (Cheorekchyan), in this process was revealed. The prerequisites that influenced the establishment of cooperation between Etchmiadzin and the Moscow Theological Academy are outlined. The forms, content, and results of interaction between two theological schools in the first post-war years (1947–1953) are revealed. *Results.* The cooperation between the Echmiadzin Seminary and the Moscow Theological Academy in 1947–1953 was mutually beneficial. There are two forms of cooperation in this process: scientific and student exchange and supplying the Etchmiadzin Library with theological publications of the Russian Orthodox Church. Adding to this the factor of official and private friendly meetings between Catholicos Gevorg VI and Moscow Patriarch Alexy I, the period under review served as the beginning of bilateral inter-church relations, the development of which continues to this day, including the sphere of spiritual education and theological science.

Key words: Armenian Apostolic Church, Russian Orthodox Church, Russian-Armenian inter-church relations, Etchmiadzin Theological Seminary, Moscow Theological Academy.

Citation. Blokhin V.S. Opening of the Etchmiadzin Seminary (1945) and its Cooperation with the Moscow Theological Academy (in 1947–1953): Based on Archival Documents and Letters from Catholicos Gevorg VI. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 27-37. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.3

© Блохин В.С., 2025

УДК 93:261.8
ББК 63.3(2)63

Дата поступления статьи: 19.07.2024
Дата принятия статьи: 10.10.2024

ОТКРЫТИЕ ЭЧМИАДЗИНСКОЙ СЕМИНАРИИ (1945 г.) И ЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИЕЙ (1947–1953 гг.): ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ПИСЕМ КАТОЛИКОСА ГЕВОРГА VI

Владимир Сергеевич Блохин

Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Во *введении* показана роль межцерковных связей в истории взаимоотношений народов России и Армении. После Великой Отечественной войны Русская православная и Армянская церкви вступили в период наиболее тесного сближения, которое началось с установления сотрудничества между Эчмиадзинской семинарией и Московской духовной академией (МДА). Используемые *методы исследования* – историко-генетический, позволивший выявить обстоятельства открытия Эчмиадзинской семинарии, метод синхронизации, с помощью которого определены формы сотрудничества Эчмиадзина и МДА в указанный период, и метод актуализации, способствующий пониманию современного уровня взаимоотношений Русской и Армянской церквей с учетом исторического опыта. В качестве *материалов* используются сведения из отчетов Совета по делам Армянской церкви за 1949 г., ряд телеграмм и источники личного происхождения – письма католикоса Геворга VI, адресованные его ученикам, проходившим в 1951–1953 гг. обучение в Московской духовной академии. Письма опубликованы на армянском языке в журнале «Эчмиадзин». Автор статьи осуществил перевод писем на русский язык и ввел их содержание в научный оборот. *Анализ.* Исследованы обстоятельства, которые привели к открытию в 1945 г. Эчмиадзинской семинарии – высшей духовной школы Армянской апостольской церкви; определена роль в этом процессе католикоса всех армян Геворга VI (Чеорекчяна). Обозначены предпосылки, повлиявшие на установление сотрудничества Эчмиадзина и МДА. Выявлены формы, содержание и результаты взаимодействия двух духовных школ в первые послевоенные годы (1947–1953 гг.). *Результаты.* Сотрудничество Эчмиадзинской семинарии и Московской духовной академии в 1947–1953 гг. носило взаимовыгодный характер. В данном процессе прослеживаются две формы сотрудничества: 1) научный и студенческий обмен, 2) снабжение Эчмиадзинской библиотеки богословскими изданиями Русской православной церкви. Добавив к этому фактор официальных и частных дружественных встреч католикоса Геворга VI и Московского патриарха Алексия I, можно утверждать, что рассматриваемый период послужил началом установления двусторонних межцерковных отношений, развитие которых происходит до настоящего времени, включая сферу духовного образования и богословской науки.

Ключевые слова: Армянская апостольская церковь, Русская православная церковь, русско-армянские межцерковные связи, Эчмиадзинская духовная семинария, Московская духовная академия.

Цитирование. Блохин В. С. Открытие Эчмиадзинской семинарии (1945 г.) и ее сотрудничество с Московской духовной академией (1947–1953 гг.): по материалам архивных документов и писем католикоса Геворга VI // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 27–37. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.3

Введение. Изучение феномена взаимодействия Русской православной и Армянской апостольской церквей, во-первых, представляет большой интерес для современного научного дискурса о роли конфессионального фактора в межкультурных и межнациональных коммуникациях, а во-вторых, является неотъемлемым элементом в рамках исследования межгосударственных отношений России и Армении.

Принадлежность русских и армян восточной ветви христианства, общие исторические судьбы двух народов (проживание армянских общин в русских землях, вхождение Восточной Армении в состав Российской империи в 1828 г.) способствовали установлению прочных связей между Русской православной и Армянской церквами. На протяжении XIX в. представители обеих церквей пришли к выводу, что православное и армянское вероучения расходятся не в самой христологической позиции, а в ее трактовке. Вместе с тем необходимо заметить, что разница в понимании христологического догмата поныне остается

сложным вопросом в контексте двустороннего богословского диалога.

В советский период идея братства и дружбы народов СССР способствовала еще большему сближению русских и армян. Одним из проявлений этого процесса стало формирование тесного сотрудничества между Русской православной и Армянской церквами, которое пришлось на послевоенные десятилетия. Помимо частых личных контактов глав и представителей обеих церквей и их участия в активной миротворческой деятельности, межцерковное взаимодействие охватило сферу церковного образования и богословской науки.

Цель статьи – выявить предпосылки, формы, содержание и результаты сотрудничества Эчмиадзинской семинарии с Московской духовной академией (далее – МДА) в 1947–1953 годах.

Хронологические рамки исследования: 1945 г. – открытие Эчмиадзинской духовной семинарии, 1953 г. – окончание обучения в МДА первых армянских священнослужителей. Следовательно, период охватывает первые годы деятельности Эчмиадзинской духовной школы в новейший период и начало установления ее взаимоотношений с МДА.

Новизна статьи заключается в анализе взаимодействия Армянской и Русской православной церквей в сфере богословского образования и науки в послевоенный период – теме крайне важной для понимания характера русско-армянских религиозных связей, включая их современное состояние. Установлены формы, содержание и результаты сотрудничества между Эчмиадзином и МДА в 1947–1953 годах. Новизна исследования заключается также в авторском переводе на русский язык и включении в научный контекст писем католикоса Геворга VI дьяконам, окончившим Эчмиадзинскую семинарию и направленным для дальнейшего обучения в МДА. Содержание писем позволяет, во-первых, определить цели духовного образования Армянской церкви в первые послевоенные годы, во-вторых, понять задачи, поставленные католикосом перед выпускниками Эчмиадзинской семинарии и, в-третьих, выявить роль Русской православной церкви в сфере повышения уровня духовного образования отдельными представителями армянского духовенства.

Методы и материалы. Автором проанализирован и введен в научный оборот ряд источников. Неопубликованные материалы представлены документами из Национального архива Армении – телеграммами, благодаря которым осуществлялось деловое общение между представителями Эчмиадзина и МДА, и материалами отчетов о работе Совета по делам Армянской церкви. Для раскрытия темы исследования были использованы три письма католикоса Геворга VI (Чеорекчяна), отправленные армянским дьяконам, проходившим обучение в МДА в 1951–1953 годах. Текст писем впервые был опубликован в 2003 г. на армянском языке в официальном издании Армянской церкви – журнале «Эчмиадзин» [13].

В целом история русско-армянских церковных связей советского периода по-прежнему остается малоизученной и требует отдельного целенаправленного исследования. Вместе с тем в современной отечественной историографии вопросы положения Армянской церкви в советском государстве в 1917–1945 гг. и возобновления ее связей с Русской православной церковью на завершающем этапе Великой Отечественной войны, а также анализ писем православного священника Александра Печникова, адресованных католикосу Геворгу VI, отражены в работах В.С. Блохина [1; 2]. Обзор видных выпускников и преподавателей Эчмиадзинской семинарии осуществлен А. Меружаняном [3]. Биографические сведения о католикосе всех армян Геворге VI – одном из инициаторов установления прочных связей с Русской православной церковью – приведены в статье В. Деврикяна [4].

Особую ценность для нашего исследования имеют статьи армянских авторов (на армянском языке), обращавшихся к изучению деятельности католикоса Геворга VI по возрождению Эчмиадзинской семинарии и установлению ее связей с МДА, – П. Вайоцдзореци [13] и протоиерея Егише Саргсяна [14–15].

Анализ. Начиная с 1917 г. в деятельности Русской православной и Армянской церквей наблюдались аналогичные процессы, обусловленные спецификой религиозной по-

литики Советского государства, – репрессии священнослужителей, кульминация которых пришлась на 1930-е гг., закрытие храмов и монастырей, активная антицерковная пропаганда, запрет избрания патриархов (период местоблюстительства действовал в 1925–1943 гг. в Русской православной церкви, а в 1938–1945 гг. – в Армянской церкви), фактическое прекращение деятельности армянских епархий, находившихся на территории РСФСР, и православных храмов в Советской Армении. В 1917 г. была закрыта Эчмиадзинская духовная семинария – главное учебное заведение Армянской церкви, а в 1919 г. – Московская духовная академия (в начале 1920-х гг. занятия продолжались частным порядком в Москве).

Встреча И.В. Сталина с патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), митрополитами Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), состоявшаяся 4 сентября 1943 г., и созванный 8 сентября того же года Архиерейский собор привели к оживлению внутренней деятельности Русской православной церкви: избрание патриарха и новых епископов, замещение ими вакантных кафедр, возобновление издания «Журнала Московской патриархии». Осенью 1943 г. были созданы особые государственные органы, контролировавшие деятельность церковных организаций как на союзном, так и республиканском уровнях – Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР и Совет по делам Армянской церкви при СНК Армянской ССР. Следует заметить, что изменение церковной политики советского государства в отношении христианских церквей коснулось и Грузинской православной церкви: 19 ноября 1943 г. между ней и Русской православной церковью было восстановлено каноническое общение, прерванное в 1917 г. вследствие односторонних решений грузинского духовенства о провозглашении автокефалии Грузинской церкви, а затем началось постепенное возобновление церковной жизни на территории Грузинской ССР.

Одним из главных итогов встречи И.В. Сталина с иерархами стала договоренность о возрождении духовного образования для восполнения кадров священнослужителей. Так, 14 июня 1944 г. в Москве были открыты Православный богословский институт и Богословско-пастырские курсы, позже преобразованные в МДА.

В то же время 12 июня 1944 г. Геворг VI (Чеорекчян), исполняя обязанности генерального викария Эчмиадзинского католикосата (фактически – управляющего Армянской апостольской церковью), обратился к правительству Армянской ССР, сообщив о том, что духовная семинария в Эчмиадзине должна открыться как можно скорее. Необходимость такого шага диктовалась тем, что семинария должна была предоставить возможность всем армянским епархиям, находившимся не только в пределах СССР, но и в зарубежной диаспоре, иметь своих предводителей-епископов, священников, ученых-богословов [14, с. 110]. Таким образом, духовная школа Эчмиадзина уже тогда рассматривалась в качестве образовательного центра, который должен был объединить армян всего мира, способствовать сохранению единообразия армянского языка (известно, что восточноармянский и западноармянский диалекты ощутимо различаются по написанию и звучанию), менталитета и культуры армянского народа.

Геворг VI наметил режим деятельности семинарии: она должна была иметь характер интерната – круглосуточного пребывания студентов в ее стенах, чтобы учащиеся, не покидая территорию монастыря Святого Эчмиадзина, привыкали к религиозной жизни и церковным традициям. Следовательно, здание духовной школы должно располагать всеми необходимыми помещениями, а их содержание, равно как и расходы на заработную плату преподавателям, требовали немалых финансовых вложений. По мнению католикоса, часть средств должно было взять на себя правительство Армянской ССР, часть – пожертвована армянами диаспоры [14, с. 110].

Проект Геворга VI предусматривал 6-летний цикл обучения, включавший два трехлетних отделения – общеобразовательное и профессиональное.

Общеобразовательное отделение предусматривало изучение школьных (русский, армянский и английский языки, русская и армянская литература, история, география, алгебра, геометрия, естествознание, астрономия и др.) и религиозных (богословие, введение в Ветхий и Новый Заветы, история

Армянской церкви, церковное право и др.) предметов.

Ступень профессионального образования включала изучение будущими священнослужителями таких предметов, как богословие Ветхого и Нового Заветов, Священное Писание, христианское вероучение, история религий, история богословия, история Армянской церкви, церковная музыка, древнеармянский (грабар) и современный армянский языки и др., а также предметы общепрофессионального цикла – экономическую географию, историю философии, логику, русский и английский языки, историю русской и армянской литературы и др. [14, с. 113–117].

Учебный план и программа предметов, составленные лично Геворгом VI, отвечали главной цели, которая стояла на тот момент перед Армянской церковью, – подготовке священнослужителей, владеющих необходимыми профессиональными знаниями, любящих церковь, обладающих твердой верой и патриотическими чувствами по отношению к армянскому народу и его исторической родине.

На протяжении 1944 г. проект Геворга VI оставался нереализованным. В Национальном архиве Армении какого-либо встречного ответа от правительства Армянской ССР не имеется.

При этом довольно интересным оказывается следующее обстоятельство. Несмотря на отсутствие разрешения открытия семинарии со стороны властей, в номере за октябрь – ноябрь 1944 г. журнала «Эчмиадзин» было опубликовано объявление о приеме студентов: «Духовная семинария святого Эчмиадзина будет иметь трехлетний курс обучения. Поступить могут лица от 18 до 36 лет, имеющие среднее или высшее образование. <...> Для поступления необходимо подать документы: свидетельство о рождении, документ об образовании, справку о состоянии здоровья, автобиографию, характеристику епархиального архиерея, две фотографии. Духовная семинария является учреждением интернатного типа, обучение – бесплатное» [15, с. 94]. Речь шла о поступлении лиц с высшим или средним образованием на профессиональное отделение.

Официальное открытие Эчмиадзинской духовной школы, уровень которой фактически соответствовал статусу семинарии, произошло уже после Церковно-народного собора Армянской церкви (на котором Геворг VI был избран католикосом всех армян) и состоялось 1 ноября 1945 года. На первый курс поступило 35 человек – граждане Советской Армении [15, с. 96].

Однако уже в первые годы функционирования семинарии произошел отток учащихся. После первого года обучения на второй курс были переведены лишь 24 человека (из 35), а новый набор на первый курс в 1946 г. составил 20 человек [15, с. 96, 98, 102]. Географический охват воспитанников к этому времени расширился за счет армянских репатриантов – выходцев из Сирии, Египта, Ирана и Ливана. Остальные студенты были гражданами СССР – представителями Армении, Грузии, Нагорного Карабаха и республик Северного Кавказа [15, с. 104]. В 1948/49 и 1949/50 учебных годах объявления о приеме в семинарию не размещались, а сам прием не проводился.

В 1949 г. состоялся первый немногочисленный выпуск: из 35 человек, поступивших в 1945 г., завершили обучение лишь 5 человек, а всего за шесть лет деятельности (1945–1951 гг.) семинария выпустила 9 студентов [15, с. 106, 112].

О затруднительном положении дел в Эчмиадзинской семинарии сообщают материалы отчета о работе Совета по делам Армянской церкви за 1949–1950 гг., где указывалось на значительное сокращение доходов от внутренних армянских епархий, то есть находившихся на территории СССР [5, л. 17–18]. Добавим, что в результате введения валютных ограничений со стороны ряда государств полностью прекратился приток денежных средств от армянских зарубежных епархий. В условиях «холодной войны» зарубежные армяне-спонсоры опасались, что их могут обвинить в сотрудничестве с коммунистическими властями СССР. В отчете говорится, что «при нынешних материальных условиях, естественно, католикос не сумеет содержать ни духовную академию, ни журнал “Эчмиадзин”. Это состояние и побудило его прибегнуть к известному нетактичному шагу-просьбе средств у патриарха Алексия. <...> Католикос все время ставит вопрос о получении правительственной дотации или ссуды. Нам наконец удалось убедить его, что он не должен рассчитывать на получение государственной помощи. При таких условиях

католикос в беседе с нами каждый раз ставит вопрос: “Как быть ему?” и <...> прямо заявляет: “Возьмите все мои средства, все мои возможности, материальные и прочие, и сами распределяйте и регулируйте все, я согласен выполнить все Ваши указания, только как-нибудь выведите меня из этого положения”» [5, л. 18].

Далее из отчета Совета следует: «Духовная академия ныне имеет всего 27 воспитанников во всех классах и отделениях. В этом году должен состояться первый выпуск 6 слушателей академии. В связи с этим католикос поставил вопрос о создании условий для их посылки на усовершенствование в московские или ленинградские вузы или в высшие учебные заведения стран народной демократии. Эту необходимость он мотивирует тем, что ему надо подготовить высокоразвитых и высокопоставленных церковнослужителей, которые могли бы получить назначение на работу в зарубежных епархиях или отсюда руководить этими епархиями. Совет считает правильным такую постановку вопроса и находит нужным оказать содействие католикосу в этом деле» [5, л. 20].

Из содержания приведенных источников можно сделать ряд важных выводов.

Во-первых, ощутимые финансовые затруднения Армянской церкви неблагоприятно сказывались на текущей деятельности Эчмиадзинской семинарии. На рубеже 1949–1950 гг. семинария оказалась под угрозой закрытия.

Во-вторых, антирелигиозная политика властей и их контроль над деятельностью церкви создавали явные препятствия для поступления представителей советской молодежи на обучение в духовную школу.

В-третьих, перед Эчмиадзинской семинарией была острейшая задача создания собственной преподавательской корпорации, состоявшей из компетентных специалистов в богословской и церковно-исторической науках. В материалах отчета имеются сведения о том, что из-за проблем с финансированием (что, в свою очередь, неизбежно связано с выплатой заработной платы работающим преподавателям) и собственно проблемой квалифицированных кадров католикос Геворг VI намеревался вынужденно сократить преподавание ряда богословских предметов [5, л. 20].

Наконец, католикос был крайне заинтересован в таких представителях духовенства, которые имели бы высшее церковное образование и «добрый нрав», что позволило бы им осуществлять деятельность в армянских епархиях, расположенных как на территории СССР, так и за рубежом, тем самым поднимая авторитет Армянской церкви в послевоенный период. В 1949 г. католикос впервые озвучил идею об отправлении выпускников Эчмиадзинской семинарии для совершенствования их знаний и опыта в учебные заведения Русской православной церкви или православных церквей стран Восточной Европы («народной демократии»). Речь шла о Московской духовной академии и богословских учебных заведениях, находившихся в Югославии, Болгарии, Румынии и др. Действительно, на тот момент в странах Восточной Европы крупными образовательными теологическими центрами являлись богословские факультеты, созданные на базе Белградского (с 1952 г. – богословский факультет Сербской православной церкви), Софийского (с 1951 г. – Софийская духовная академия) и Бухарестского университетов. О намерении католикоса отправить выпускников Эчмиадзина на обучение в «теологические университеты» Европы свидетельствовал один из его учеников – дьякон Каджик Геворкян [13, с. 85].

Частичное решение обозначенных выше проблем стало возможным благодаря установлению научного и образовательного сотрудничества Эчмиадзинской семинарии с открывшейся в 1946 г. Московской духовной академией. Уже в следующем году для изучения истории и вероучения Армянской церкви на стажировку в Эчмиадзин был направлен доцент МДА Николай Петрович Доктусов. В телеграмме католикосу Геворгу VI от 20 сентября 1947 г. глава отдела внешних церковных сношений Русской православной церкви митрополит Николай (Ярушевич) просил оказать «благосклонное содействие» Н.П. Доктусову в его работе с фондами библиотеки Эчмиадзинской семинарии [12].

Результатом исследований Н.П. Доктусова стала представленная в ученый совет МДА диссертация «Армянская церковь: история ее взаимоотношений с церковью Вселенской; ее вероучение и обряды сравнительно с право-

славными», за которую в 1950 г. автор был удостоен степени магистра богословия. Труд Н.П. Доктусова, носивший в основном апологетический характер и продолживший дореволюционный опыт изучения исторического и богословского наследия Армянской церкви, стал ценным вкладом в процесс взаимопонимания и сближения Русской православной и Армянской церквей [6].

Исследовательская работа Н.П. Доктусова в Эчмиадзинской библиотеке, его общение с католикосом Геворгом VI и другими представителями армянского духовенства способствовали тому, что Московский Патриархат выступил источником образовательных и информационных ресурсов для Армянской церкви. Начиная с 1947 г. по просьбе католикоса Геворга VI в Эчмиадзин стали регулярно поступать номера «Журнала Московской Патриархии» – официального издания Русской православной церкви [7, л. 1].

Поскольку выпуск духовной и богословской литературы в то время был в целом затруднен, а возрождение семинарии в Эчмиадзине и организация в ней образовательного процесса требовали наличия необходимого корпуса богословских и святоотеческих трудов, в ноябре 1947 г. МДА передала в дар Эчмиадзинской библиотеке ряд исследований православных авторов:

– Сильвестр (Малеванский) еп. Опыт православного догматического богословия. В 5 т. (Киев, 1884–1897);

– Макарий (Булгаков), еп. Православно-догматическое богословие. В 5 т. (СПб., 1850–1853);

– Солярский П., прот. Записки по нравственному православному богословию. В 3 т. (СПб., 1860–1864), Нравственное православное богословие (СПб., 1869);

– Янышев И.Л., прот. Православно-христианское учение о нравственности (М., 1887);

– Филарет (Дроздов), митр. Пространный христианский катехизис (М., 1916);

– Правда о религии в России (М., 1942);

– Ведерников А.В. «Русская православная церковь после кончины патриарха Сергия» (М., 1947) [7, л. 2].

Тем самым будущие армянские священнослужители получили непосредственную возможность изучения православного догматического наследия.

Следуя навстречу пожеланиям католикоса Геворга VI о продолжении обучения выпускников Эчмиадзина в русских духовных школах, МДА открыла свои двери для армянских студентов. В результате договоренности с Московским патриархом Алексием I в ноябре 1951 г. по благословению католикоса Геворга VI 8 дьяконов-выпускников Эчмиадзинской семинарии были отправлены в МДА в целях изучения православного богословия и истории Русской православной церкви, получения духовного опыта и совершенствования знаний по русскому языку [8, л. 1].

Впечатления об армянских студентах отразились в воспоминаниях митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (Нечаева). В 1951 г. он, будучи начинающим преподавателем МДА, встречал армянских дьяконов на Казанском вокзале Москвы, а затем сопровождал их в Троице-Сергиеву лавру: «Я договорился с начальником вокзала, чтобы им выделили отдельный вагон и чтобы туда никто больше не заходил. Так и ехали в полупустом вагоне» [9, с. 239]. Студенты-армяне по происхождению были из разных мест – из Еревана, Эчмиадзина, а также из Турции (Стамбула и Анкары) [9, с. 239–240].

На встрече с председателем Эчмиадзинского верховного духовного совета архиепископом Ваганом (Костаняном) 23 декабря 1951 г. Московский патриарх Алексий I заверил, что расходы на армянских студентов-дьяконов (питание, одежда, ежедневные затраты) берет на себя принимающая сторона [8, л. 2].

В поздравительной телеграмме по поводу Нового года и Рождества Христова, адресованной ректору МДА протоиерею Константину Ружицкому и инспектору профессору Н.П. Доктусову, 3 января 1952 г. католикос Геворг VI писал: «По поводу новолетия и рождественских праздников поздравляем дирекцию, педагогический персонал и студенчество академии и шлем вам наш отеческий привет и патриаршее благословение. Желаем вам дальнейшей плодотворной деятельности и благодарим вас за отеческую заботу о наших иеродиаконах» [11, л. 2].

29 февраля 1952 г. архиепископ Ваган (Костанян), проявляя заботу о своих дьяко-

нах, справлялся у ректора МДА протоиерея К. Ружицкого: какое пособие (стипендию) получают армянские дьяконы и русские студенты при обучении в академии? Также архиепископ Ваган просил администрацию академии распорядиться о пошиве подрясников для армянских дьяконов и сообщить об их стоимости, чтобы перевести требуемую сумму на счет академии [10, л. 1].

В журнале «Эчмиадзин» нам удалось обнаружить три письма, которые католикос Геворк VI отправил дьяконам во время их обучения в МДА [13, с. 87–88]. Первое письмо датировано 18 апреля 1952 г., второе – 20 февраля 1953 г., третье – 3 мая 1953 года.

Письма написаны на классическом армянском языке и отличаются высотой слога. В них католикос размышлял о том, каким должен быть священник, чтобы занять достойное место в Армянской церкви. Приведем авторский перевод этих писем на русский язык для того, чтобы лучше понять позицию католикоса.

[Письмо первое]

18 апреля 1952 г.

«Любимые дьяконы!

Получил ваши поздравительные телеграммы, взаимно и вас поздравляю. Желаю, чтобы Господь горячо поддерживал в вас национально-религиозный дух, вооружившись которым наши предки самозабвенно боролись за независимость нации и Родины, равно как и за высоконравственные святые идеи, и стали за это мучениками. Но они стали бессмертными и по сей день обеспечивают физическое существование каждого армянина. Дорога жизни народа – это путь, который избрали наши предки, путь, по которому следуют разбросанные по всему миру разные народы и за который борется все человечество. Этот путь является путем завета для вас и всего духовенства. Оставайтесь верными своим обетам и следуйте пути ваших предков. Этот путь сложен, но у вас будет чистая совесть, вы будете жить высшими идеями и наслаждаться уважением и славой.

Я получил утешение и испытал душевный покой, когда мне передали ваши положительные оценки от профессора О. Кусикяна и его мнение по поводу вашего многообещающего будущего. Я надеюсь, что скоро приеду, лично увижу вас и вернусь с еще большим чувством утешения. Оставайтесь с миром.

С отеческой любовью и благословением Геворг католикос».

[Письмо второе]

20 февраля 1953 г.

«Дорогие дьяконы!

С большим удовольствием я услышал похвальные отзывы по поводу вашего быта и успеваемости со стороны руководства Русской духовной семинарии. Я доволен, что вашим поведением вы способствуете изменению в лучшую сторону сформировавшегося в прошлом неблагоприятного впечатления о дьяконах, нашей духовной семинарии и монастыре, что в ближайшем будущем, несомненно, может послужить в ваших интересах. Нынешняя администрация стремится, чтобы вы получили в семинарии навыки общения на русском языке, считая это для себя почетным и соответствующим вашим интересам занятием. Нам дано официальное заверение, что если в нынешних условиях вам не удастся отправиться за границу за научной подготовкой, то вы сможете пройти ее здесь, для которой необходимо достаточное знание русского языка. Пока что вы знаете только это.

Через священника Хачатура мы получили информацию о профессоре Овсепе Кусикяне, чтобы он, согласно своему обещанию, с 15 февраля начал проводить свои научные занятия с вами, на что у меня имеется его согласие. Об этом и вообще по поводу вашего образования и быта отправляйте нам письма, чтобы держать нас в курсе. Оплату профессору Кусикяну мы устанавливаем сто рублей в час. Как нам известно, он будет заниматься с вами два часа в неделю. По поводу своих занятий и оплаты за них профессор должен сообщить вам, а вы передадите точные сведения мне, чтобы я полностью выполнил свой долг.

Желаем вам здоровья и удачи в ваших занятиях.

С отеческой любовью и благословением Геворг католикос».

[Письмо третье]

3 мая 1953 г.

«Дорогие дьяконы!

Мы получили два ваших письма и узнали о вашем трепетном желании, обозначенном в письмах, – остаться на все три летних месяца в Москве и работать под руководством профессора Кусикяна. Мы рады, что вы избрали путь науки и начали познавать ее сладкий вкус, и можем только поприветствовать и оказать должное содействие для реализации этих желаний, но при условии, что ваша жизнь будет сдержанной, а быт – скромным. По этому поводу мы написали отцу Хачатуру, чтобы он телеграммой сообщил нам о результатах. Цель наших требований состоит в том, чтобы вы стали стойкими и выносливыми, были борцами за идею, как делали наши предки, и чтобы жили вы и

с вами жил армянский народ. С этой точки зрения на протяжении двух лет мы видим вашу хорошую успеваемость, о которой известно из вашего последнего письма. Вместе с этим письмом мы отправили письма профессору и Тер-Хачатуру. Письма, выражающее наше удовлетворение, будут также направлен Святейшему патриарху и в администрацию духовной семинарию. Вы также на забудьте выразить благодарность духовной семинарии, достойно предстать перед Святейшим патриархом, попрощаться с ним и выразить ему благодарность.

С отеческим приветом и патриаршим благословением Геворг католикос».

Как видим, содержание писем довольно трогательное. Католикос всеми силами поддерживал своих студентов, возлагая на них большие надежды, так как на тот момент они являлись фактически единственными выпускниками Эчмиадзина. Геворг VI подчеркивает, чтобы будущие священнослужители хранили «национально-религиозный дух», верность Армянской церкви. Массовая репатриация армян в советскую Армению в 1946–1948 гг., возрождение церковной жизни, необходимость развития связей с диаспорой, укрепление армянских епархий в СССР и за его пределами – эти и другие важные обстоятельства требовали от Армянской церкви компетентных священнослужителей, преданных культуре и традициям армянского народа.

Отсюда – искренняя радость католикоса за успехи дьяконов в обучении. Из писем выявляем интересную деталь: кроме посещения курсов академии, дьяконы должны были два раза в неделю отправляться в Москву к профессору Овсепу Кусикяну для дополнительных занятий по арменоведению. Речь идет об Иосифе (Овсепе) Карповиче Кусикяне (1890–1964) – крупном советском ученом, арменисте, лингвисте, авторе более 100 научных трудов. До Великой Отечественной войны он работал старшим научным сотрудником в Институте национальностей ЦИК СССР, читал лекции в Ереванском университете, а после войны – работал профессором Института языка и мышления АН СССР. Во время занятий с армянскими студентами-дьяконами И.К. Кусикян являлся старшим научным сотрудником Института языкознания АН СССР.

Придавая большое значение церковному и национальному единству армянской диаспоры и ее связей с исторической родиной, католикос Геворг VI видел в выпускниках-дьяконах будущее Армении и Армянской церкви, о чем свидетельствуют его слова из последнего письма: «Цель наших требований состоит в том, чтобы вы стали стойкими и выносливыми, были борцами за идею, как делали наши предки, и чтобы жили вы и с вами жил армянский народ» [13, с. 88].

Однако Геворг VI в полной мере видел, какие трудности стояли перед Армянской церковью, и вполне осознавал, сколько еще предстоит сделать для ее возрождения в условиях Советского государства. Один из дьяконов вспоминал, что за день до кончины католикоса (в 1954 г.), все они, восемь человек, стояли у ложа своего духовного отца. Последние слова, сказанные Геворгом VI своим воспитанникам, звучали так: «Эчмиадзин прошел тернистый путь, но остается жить. Любите Эчмиадзин. Жаль Эчмиадзин» [15, с. 114].

Результаты. Проведенное исследование показывает, что взаимодействие Эчмиадзинской семинарии с МДА началось почти сразу после их открытия. С самого начала процесс сотрудничества оказался необходим и полезен обеим сторонам: возглавляемая патриархом Алексием I Русская православная церковь в целом стремилась к развитию и расширению своей деятельности (насколько это было возможным в тот период), включая сферу богословского образования; Эчмиадзинская семинария в первые годы после открытия остро нуждалась в финансировании, профессиональных преподавательских кадрах, богословской и святоотеческой литературе и восполнении традиций духовного образования, прерванных в 1917 году.

Период 1947–1953 гг. можно рассматривать в качестве первого этапа в процессе взаимодействия двух духовных школ. На этом этапе проявились две формы сотрудничества:

1. Осуществление научного и студенческого обмена. Начало научному обмену было положено стажировкой доцента МДА Н.П. Доктусова в Эчмиадзин для работы в библиотечных фондах и защитой им магистерской диссертации по истории и богословию Армянской церкви. Студенческий обмен, начатый с поступления в МДА восьми выпускников-дьяконов Эчмиадзина в 1951 г., в дальнейшем приобрел регулярный характер.

Следует заметить, что в последующие годы Эчмиадзинская семинария будет сотрудничать не только с МДА, но и с Ленинградской духовной академией (далее – ЛДА), где также будут проходить обучение армянские священнослужители. Одним из результатов такого взаимодействия станет введение в 1972 г. в МДА и ЛДА новой дисциплины «Древние Восточные церкви», предметом которой является история дохалкидонских церквей, в том числе Армянской.

2. Передача Эчмиадзинской семинарии ряда богословских изданий из библиотеки МДА, что, с одной стороны, увеличивало фонд образовательных ресурсов Эчмиадзинской духовной школы, а с другой – обеспечивало возможность армянским священнослужителям получать знания о православном богословском наследии из первоисточников. Регулярное получение Эчмиадзинской библиотекой номеров «Журнала Московской Патриархии» позволяло представителям Армянской церкви находиться в курсе текущих событий, происходящих в Русской православной церкви, и знакомиться с публикуемыми материалами богословского, церковно-исторического и агиографического содержания.

Ключевая роль в открытии Эчмиадзинской семинарии и установлении ее взаимоотношений с МДА принадлежала католикосу Геворгу VI. Содержание его писем свидетельствует о том, что богословское образование – залог успешной деятельности Армянской церкви, на протяжении веков выступавшей объединительным началом для армянского народа. С возрождением Эчмиадзинской духовной школы, которая находилась на территории Советской Армении, также укреплялось влияние католикоса в послевоенном мире, так как выпускники семинарии должны были нести пастырское служение в армянских общинах, расположенных как в пределах СССР, так и в зарубежной диаспоре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блохин В. С. Армянская апостольская и Русская православная церкви в 1917–1945 гг.: общие судьбы и истоки возобновления межконфессиональных связей // История: электрон. науч.-образоват. журн. 2023. Т. 14, вып. 2 (124). URL: https://history.jes.su/s207987840017531-3-1/

2. Блохин В. С. Письма священника Александра Печникова (1948 г.) в контексте армяно-русских церковных связей // Источник и его роль в историческом познании: материалы Междунар. науч. конф. 17–18 мая 2012 г. Н. Новгород: НГПУ, 2012. С. 190–193.

3. Видные выпускники и преподаватели Эчмиадзинской духовной семинарии в Санкт Петербурге: биогр. справ. / сост. А. Меружанян. СПб.: Роза ветров, 2013. 75 с.

4. Деврикян В. Геворг VI // Православная энциклопедия. Т. 10. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2005. С. 488–489.

5. Информационный отчет о работе Совета по делам Армянской церкви за 1949–1950 гг. // Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 823. Оп. 3. Д. 18. Л. 1–31.

6. Маякова И. А. Доктусов Николай Петрович // Православная энциклопедия. Т. 15. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. С. 579.

7. Переписка с Московской Патриархией // НАА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 2777. Л. 1–2.

8. Переписка с патриархом Алексием // НАА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 2791. Л. 1–3.

9. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб.: [б. и.], 2007. 672 с.

10. Телеграммы и послания за 1952 г. // НАА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 2793. Л. 1, 5.

11. Телеграммы и послания за 1952–1953 гг. // НАА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 2792. Л. 2.

12. Телеграмма католикосу всех армян, 20.09.1947 // НАА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 2776. Л. 5.

13. Վայոցձորեցի Պ. Երջանկահիշատակ Գեվորգ Ձ կաթողիկոս Չորեքչյանի նամակները Մոսկվայում ուսանող Մայր Աթոռի սարկավագներին // Էջմիածին. 2003. № 7. Էջ. 85–88.

14. S. Եղիշե Ավագ քահանա Սարգսյան. Ամենայն Հայոց կաթողիկոս Գեվոր Ձ-ն եւ հոկեվոր ճեմարանի վերաբացումը // Էջմիածին. 2006. № 2/3. Էջ. 108–125.

15. S. Եղիշե Ավագ քահանա Սարգսյան. Ամենայն Հայոց կաթողիկոս Գեվոր Ձ-ն եւ հոկեվոր ճեմարանի վերաբացումը // Էջմիածին. 2006. № 5. Էջ. 92–114.

REFERENCES

1. Blokhin V.S. Armyanskaya apostolskaya i Russkaya pravoslavnaya tserkvi v 1917–1945 gg.: obshhie sudby i istoki vozobnovleniya mezhkonfessionalnykh svyazey [Armenian Apostolic and Russian Orthodox Churches in 1917–1945: Common Fates and Origins of the Renewal of Interfaith Relations]. *Istoriya: electron.*

nauch.-obrazovat. zhurn. [History: The Journal of Education and Science], 2023, vol. 14, iss. 2 (124). DOI: 10.18254/S207987840017531-3

2. Blokhin V.S. Pisma svyashhennika Aleksandra Pechnikova (1948 g.) v kontekste armyano-russkikh cerkovnykh svyazey [Letters of Priest Alexander Pechnikov (1948) in the Context of Armenian-Russian Church Relations]. *Istochnik i ego rol v istoricheskom poznanii: materialy mezhdunar. nauch. konf. 17–18 maya 2012 g.* [Source and Its Role in Historical Knowledge: Proceedings of the International Scientific Conference on May 17–18, 2012]. Nizhniy Novgorod, NGPU, 2012, pp. 190-193.

3. Meruzhanyan A., ed. *Vidnye vypuskniki i prepodavateli Echmiadzinskoy dukhovnoy seminarii v Sankt-Peterburge: biogr. sprav.* [Prominent Graduates and Teachers of the Etchmiadzin Theological Seminary in St. Petersburg: Biographical Reference Book]. Saint Petersburg, Roza vetrov Publ., 2013. 75 p.

4. Devrikyan V. Gevorg VI. *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 10* [Orthodox Encyclopedia. Vol. 10]. Moscow, TsNTs «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2005, pp. 488-489.

5. Informacionny otchet o rabote Soveta po delam Armyanskoy tserkvi za 1949–1950 gg. [Information Report on the Work of the Council for the Affairs of the Armenian Church for 1949–1950]. *Natsionalnyy arkhiv Armenii (daleye – NAA)* [National Archives of Armenia], f. 823, inv. 3, f. 18, l. 1-31.

6. Mayakova I.A. Doktusov Nikolay Petrovich. *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 15* [Orthodox Encyclopedia. Vol. 15]. Moscow, TsNTs «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2007, p. 579.

7. Perepiska s Moskovskoy Patriarkhiey [Correspondence with the Moscow Patriarchate]. *NAA* [National Archives of Armenia], f. 409, inv. 1, d. 2777, l. 1-2.

8. Perepiska s patriarkhom Aleksiem [Correspondence with Patriarch Alexy]. *NAA* [National Archives of Armenia], f. 409, inv. 1, d. 2791, l. 1-3.

9. *Rus ukhodyashaya. Rasskazy mitropolita Pitirima* [Russia Is Leaving. Stories of Metropolitan Pitirim]. Saint Petersburg, s.n., 2007. 672 p.

10. Telegrammy i poslaniya za 1952 g. [Telegrams and Messages for 1952]. *NAA* [National Archives of Armenia], f. 409, inv. 1, d. 2793, l. 1, 5.

11. Telegrammy i poslaniya za 1952–1953 gg. [Telegrams and Messages for 1952–1953]. *NAA* [National Archives of Armenia], f. 409, inv. 1, d. 2792, l. 2.

12. Telegramma katolikosu vseh armyan, 20.09.1947 [Telegram to the Catholicos of All Armenians, 20.09.1947]. *NAA* [National Archives of Armenia], f. 409, inv. 1, d. 2776, l. 5.

13. Vayotsdzoretsy P. Erdjankayshatak Gevorg Z katohikos Cheorekchyani namaknere Moskvayum usanokh Mayr Atory sarkavagnerin [Letters of Catholicos Gevorg VI Chorekchyan of Blessed Memory to the Deacons of the Mother See Studying in Moscow]. *Echmiadzin*, 2003, no. 7, pp. 85-88. (In Armenian).

14. Sargsyan E., prot. Amenayn Hayots katohikos Gevorg Z-n ev hovevor tchemarani verabatsume [His Holiness Gevorg VI, Catholicos of All Armenians, and the Reopening of the Theological Seminary]. *Echmiadzin*, 2006, no. 2/3, pp. 108-125. (In Armenian).

15. Sargsyan E., prot. Amenayn Hayots katohikos Gevorg Z-n ev hovevor tchemarani verabatsume [His Holiness Gevorg VI, Catholicos of All Armenians, and the reopening of the Theological Seminary]. *Echmiadzin*, 2006, no. 5, pp. 92-114. (In Armenian).

Information About the Author

Vladimir S. Blokhin, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of World Economy and Logistics, Ural State University of Railway Transport, Kolmogorova St, 66, 620034 Yekaterinburg, Russian Federation, vladiblok@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9906-3727

Информация об авторе

Владимир Сергеевич Блохин, кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой экономики и логистики, Уральский государственный университет путей сообщения, ул. Колмогорова, 66, 620034 г. Екатеринбург, Российская Федерация, vladiblok@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9906-3727

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.4

UDC 327
LBC 66.4

Submitted: 14.05.2024
Accepted: 25.12.2024

FACTORS OF LEGITIMATION OF POLITICAL POWER IN ARMENIA UNDER NIKOL PASHINYAN

Aleksandr V. Skiperskikh
Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Marieta A. Yepremyan
Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the features of the functioning of political power in Armenia during the rule of Nikol Pashinyan. The authors determine the factors of legitimation of the political regime in modern Armenia. *Methods and materials.* Using the method of biographical analysis, the authors construct a political portrait of the Armenian prime minister. With the help of factor analysis, the most important factors of legitimation of political power in modern Armenia are highlighted. The sociological method is also used, recording the mood of Armenian society in certain situations arising in Armenian political life. *Analysis.* Nikol Pashinyan has the image of a politician who defends the interests of Armenia both within the state and in the external contour. This is predetermined by his political experience and the balance of power in the Armenian political elite. The factors of legitimation of the political regime depend on the current economic situation. The role of the Armenian political culture is also high. It is characterized by short expectations and a high emotional component. There are also special expectations of the society from a specific politician who is trusted to overcome the current political and economic crises. *Results.* The Armenian leader is constantly puzzled by questions of his legitimation. N. Pashinyan still has enough political experience to maintain political stability in the republic. Today, this is difficult to achieve, given the grave consequences of the defeat in the Karabakh conflict. One can see how his rhetoric changes in the case of the Collective Security Treaty Organization (CSTO). Relations with Russia are subject to high dynamics. The Armenian leader is trying to position himself as an ally of the West, improving relations with the USA and France. China is gradually taking on the role of an important geopolitical partner. Relations with Turkey are normalizing. The political maneuvering of the Armenian prime minister may confuse geopolitical partners. However, such behavior largely meets the interests of the state and N. Pashinyan's voters. The authors believe that the current political situation plays into the hands of the Armenian leader, who managed to convince society of his indispensability. *Authors' contributions.* A. Skiperskikh examines the political process in Armenia from the perspective of challenges for the political regime. M. Yepremyan studies the connection between Nikol Pashinyan's legitimation and internal and external factors. The authors consistently come to the conclusion that the Armenian prime minister is extracting the maximum for himself from the current political situation. The external and internal audiences receive a political signal from N. Pashinyan that Armenia is getting out of difficult geopolitical puzzles with benefit.

Key words: Armenia, power, legitimation, Nikol Pashinyan, political leadership, political regime, factors of legitimation, charisma.

Citation. Skiperskikh A.V., Yepremyan M.A. Factors of Legitimation of Political Power in Armenia Under Nikol Pashinyan. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 38-46. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.4

УДК 327
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 14.05.2024
Дата принятия статьи: 25.12.2024

ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В АРМЕНИИ ПРИ НИКОЛЕ ПАШИНЯНЕ

Александр Владимирович Скиперских
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

© Skiperskikh A.V., Yepremyan M.A., 2025

Мариета Араиковна Епремян

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье изучаются особенности функционирования политической власти в Армении в период правления Никола Пашиняна. *Методы и материалы.* Используя метод биографического анализа, авторы пытаются сконструировать политический портрет нынешнего армянского премьер-министра. При помощи факторного анализа выделяются наиболее важные факторы легитимации политической власти в современной Армении, определяющие политический дизайн армянского политикума. С точки зрения авторов, данные факторы напрямую связываются с текущей экономической конъюнктурой в республике, армянской политической культурой, ее короткими ожиданиями и высокой эмоциональной компонентой. Существуют и особенные требования общественности от конкретного политика, которому общество доверяет преодоление текущих политических и экономических кризисов. В статье используется и социологический метод, фиксирующий настроения армянского общества, связанные с теми или иными ситуациями, возникающими в армянской политической жизни. *Анализ и результаты.* В статье внимание уделено политическому стилю Н. Пашиняна и сформированному им политическому режиму. Армянский лидер постоянно озадачен вопросами собственной политической легитимации. На данный момент времени Н. Пашиняну хватает политического опыта поддерживать политическую стабильность в республике, несмотря на тяжелые последствия проигрыша в карабахском конфликте. Особое внимание в статье уделено вопросам изменения риторики армянского лидера по вопросам нахождения в структуре ОДКБ. В отношениях с Россией присутствует неопределенность. Армянский лидер пытается позиционировать себя как союзника Запада, улучшая отношения с США и Францией. В качестве геополитического партнера выступает и Китай. Нормализуются отношения с Турцией. Политическое маневрирование армянского премьер-министра вызывает много вопросов у геополитических партнеров. Правда, в то же время является оптимальной политической моделью для самого Н. Пашиняна, армянского общества и интересов государства. В статье авторы пытаются определить, как Н. Пашинян убеждает общество в собственной незаменимости в настоящий момент времени. *Вклад авторов.* А. Скиперских исследует современный политический процесс в Армении с точки зрения вызовов для политического режима. М. Епремян изучает зависимость легитимации Никола Пашиняна от внутренних и внешних факторов. Авторы приходят к выводу, что армянский премьер извлекает максимум для себя из текущей политической обстановки. Внешняя и внутренняя аудитория получает политический сигнал от Н. Пашиняна о том, что Армения с пользой выходит из сложных геополитических пасьянсов.

Ключевые слова: Армения, власть, легитимация, Никол Пашинян, политическое лидерство, политический режим, факторы легитимации, харизма.

Цитирование. Скиперских А. В., Епремян М. А. Факторы легитимации политической власти в Армении при Николе Пашиняне // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 38–46. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.4

Introduction. Current political processes in Armenia are associated with the current Prime Minister of Armenia, Nikol Pashinyan. Former leaders of Armenia – Levon Ter-Petrosyan, Robert Kocharyan, and Serzh Sargsyan – were presidents. S. Sargsyan's attempt to retain power in Armenia as a result of constitutional reform in the status of prime minister (a similar scheme for maintaining power in the hands of the ruling elite can be seen in a number of post-Soviet republics) ended in failure. But new interesting faces have appeared in Armenian politics. N. Pashinyan turned out to be exactly such a face.

It would be a stretch to call N. Pashinyan a new face in Armenian politics. His arrival as an official face of Armenian politics took place only in 2018. From his time as an opposition journalist in the 1990s to his time as a member of parliament in the National Assembly of Armenia, N. Pashinyan has been involved in Armenian politics in a number of ways.

The current Prime Minister of Armenia has been accustoming the Armenian domestic audience to himself for quite a long time. His image as a defender of Armenia's national interests was gradually formed. This allows us to single out the factor of the Armenian prime minister himself in the current Armenian politics. The leadership style of N. Pashinyan is distinct. We believe it is important to focus attention on the cultural factor of legitimation when culture acts as the energy source of political processes. In the process of

political legitimation in modern Armenia, an external factor also plays a huge role, the pressure of which immediately affects the fragile stability and the position of the Armenian elites. Economic problems in Armenian society have always been perceived with a certain degree of acuteness and concern. The economic successes of one or another team of politicians were directly linked to the future of Armenian society. Economic efficiency gave society the necessary hopes.

Methods and materials. The authors use a biographical method that allows them to see the prerequisites for political leadership in the past of the Armenian prime minister. The method of factor analysis is used. The Nikol Pashinyan legitimation is assessed as a combination of a number of accompanying factors. Among them, historical, economic, and cultural factors can be distinguished.

The work also takes into account the external factor that allows N. Pashinyan to position himself as a defender of Armenia's national interests. The study also uses secondary sociological analysis, which measures the public opinion of the residents of the Republic of Armenia on certain issues of domestic and foreign policy.

Analysis. The political biography of the Armenian prime minister includes a stormy youth. This was the heyday of the Karabakh movement (late 1980s – early 1990s). At that time, the legitimation of any politician in Armenia was constructed based on this factor. N. Pashinyan was a supporter of the first president, L. Ter-Petrosyan. At the same time, he publicly distanced himself from R. Kocharyan and S. Sargsyan. N. Pashinyan consistently criticized them and participated in various forms of resistance to the current government.

There is a section in N. Pashinyan's biography where he was imprisoned for political reasons (January 2011 to May 2012). He was accused of participating in riots during the election of S. Sargsyan for the first term. At that time, he gained important experience for himself, which influenced his political image. There are analogies with the fate of Armenian democratic politicians of the late 1980s and early 1990s. In the political biography of N. Pashinyan, there is personal participation in elections at various levels, from parliamentary campaigns (from 2007) to the elections of the mayor of Yerevan in 2017.

The secrets of legitimation of Armenian politicians should be considered in the feeling of short-term expectations of society. The mood of the Armenian voter is always changeable. The changeability of moods reaches its apogee during periods of electoral campaigns.

As Armenian political scientist Vigen Hakobyan notes, this is proven by the lists of candidates from the ruling party. The lists "demonstrate a disregard for previous political tricks, such as statements that businessmen should not get into parliament, ideas about 'old' and 'new'. They have a pragmatic task – to get as many percent as possible, and how they will get these percent, what voters will say about this, they are of little interest" [6]. It is significant that the expert opinion is given in relation to the political party "Civil Contract," which is connected with N. Pashinyan.

The political space initially attracts business figures. There is nothing surprising in the fact that some Armenian politicians are characterized by a penchant for bargaining and negotiations. This brings them closer to business representatives. It is not surprising that any well-known Armenian politician can find support among the influential oligarchy and make a pact with them.

In particular, S. Shkel talks about the strategy of co-optation in the context of the increasing role of political parties in Armenia. As a consequence, there is an "increase in the share of deputies elected by party lists and a decrease in single-mandate deputies" [21, p. 124].

In the case of N. Pashinyan's rise to power in 2018, an example of such a tactical alliance could be the story of his support by Gagik Tsarukyan's bloc. In 2018, G. Tsarukyan had a noticeable influence in the National Assembly of Armenia. Another influential Armenian businessman, Khachik Sukiasyan, also provided support to N. Pashinyan. The lists of the "Civil Contract" include the famous Armenian oligarch, Gurgen Arsenyan.

Trust in a political leader increases as he controls the information field. Control over information is an important source of power. Society ensures the functionality of political legitimation channels. When a politician is not very active, he cannot be visible in society. As a result, his ratings cannot be high. In particular, as for the Yelk bloc, its rating on the eve of the parliamentary elections in Armenia was only 3%.

On the contrary, the activities of K. Karapetyan, the then Prime Minister of Armenia, were supported by 77%. This is noted by a survey conducted by the Russian VTsIOM in Armenia in 2017 [23]. In principle, the noted anomaly is periodically encountered in the practice of democratic transitions.

The failure of the S. Sargsyan and K. Karapetyan team in the permanent conflict with N. Pashinyan is explained by A. Melville. The political scientist noted the advantage in legitimation of "not the centrist group of politicians who started democratic reforms, but the representatives of the radical opposition" [15, p. 68].

One detail in the political biography of the Armenian prime minister attracts attention. It is connected with his expulsion from Yerevan University. At that time, N. Pashinyan was on L. Ter-Petrosyan's team in the presidential elections in 2008. An interesting episode occurred during one of the trials of N. Pashinyan's journalistic publication in 2009. When the judge enquired about the journalist's education, he ironically replied, "It's hard to say" [16].

The current Prime Minister of Armenia is a bearer of many leadership traits that were in demand in Armenia in the early 1990s. He combines political youth and student life, participation in the Karabakh movement, work at the forefront of political journalism, and professional involvement in politics.

N. Pashinyan's leadership type includes quite populist technologies. This significantly expands the public support potential. In particular, such was the "walking march" to Yerevan on March 31, 2018, from the central Vardanants Square in Gyumri [10].

N. Pashinyan has charismatic features that attract the sympathies of the electorate. Charisma as a resource simplifies the procedures of incorporation into the ruling elite. At the same time, it is impossible to unequivocally assert that legitimation technologies are aimed exclusively at the leader. The interests of the national state and society stand behind N. Pashinyan and the policies he pursues. The future of Armenia in the new world order, which is rapidly changing before our eyes, depends on the political decisions of the current prime minister.

The political legitimation of N. Pashinyan takes into account many features of the Armenian mentality. Armenians are characterized by a tendency to protest, confusion, shocking behavior, and frequent changes of position to suit the current political situation. In our opinion, an important argument in favor of the legitimation of N. Pashinyan has always been his distance from the official authorities. Trust in the current Armenian leader can be defined as affective, constructed under a high emotional background, and produced where its object "has already established a strong, historical connection. In the Armenian case, such communities can be diasporas, professional, urban, and rural communities" [22, p. 95].

This disposition may be understandable to the Armenian voter. Distance from the government and persistent and regular criticism may evoke fair sympathy. N. Pashinyan was in opposition for a long period of time. This formed him as a critic of the government and a politician who has no obligations to it. N. Pashinyan quickly gained popularity among the people. As I. Fedorovskaya notes, N. Pashinyan "appears in camouflage at rallies but goes to negotiations in a suit" [7, p. 201]. At such a moment, a political leader cannot help but feel that he is at the forefront of public expectations. Each of his decisions takes on the character of a fateful one for the entire Armenian nation.

In a cultural context, N. Pashinyan's behavior can be called trickster-like, characterized by "a fundamental force beyond anyone's control" [8, p. 36].

N. Pashinyan's volatility, which affects his behavior and political orientations, is a continuation of the hot-tempered Armenian character, Armenian political culture, and dynamic public sentiment. M. Babayan notes that "irascibility is determined by unspoken prescriptions of male behavior in Armenia, according to which brave people will not give in or tolerate the slightest hint of humiliation" [2]. Here we can talk about the constant creativity of Armenians. According to N. Berdyaev, the meaning of the existence of nations should be sought precisely "in creative movement, and not in eternal immobility" [5, p. 189].

Like many other Armenians, N. Pashinyan and his family may be characterized by a luxurious life, visiting boutiques, outrageous behavior, and using expensive cars and private jets. This does not escape the attention of the press, which

believes that the prime minister's wealth is associated with state budget expenditures [9].

Since the legitimation of N. Pashinyan, his family and relatives have been gradually integrated into the political elite of Armenia. As a result, the popular leader has gradually lost his heroic aura that has accompanied him since 2018. The dynamics of the Armenian society's attitude towards N. Pashinyan can be assessed using sociological research.

According to sociological research conducted by the International Republican Institute (IRI) in Armenia in December 2021, 49% of Armenians trusted N. Pashinyan, while 48% did not. The survey data allows us to model the electoral portrait of support for the Prime Minister of Armenia. The electoral base consists of elderly people from rural areas. Support for N. Pashinyan is melting among the urban population. According to the same survey, the number of opponents of N. Pashinyan in Yerevan was 42% of the number of Armenians surveyed [18].

According to the Gallup International Association in May 2023, only 13.9% of respondents expressed full support for N. Pashinyan's rule. At the same time, 38.7% of respondents did not approve of his activities at all [17].

Through his political scheming, N. Pashinyan presents himself as a seasoned politician prepared to increase the "price" of this or that matter in order to maximize the positive impact on his own reputation. The emphasis on his personal service to state interests is also evident. This style is projected not only onto domestic policy but also onto the external contour. According to the American theorist A. Leyphart, at the moment of raising the stakes, the preconditions for "creating a broad coalition" are created [13, p. 63]. Let us recall that the current Prime Minister of Armenia himself was part of the collective project during the 2018 revolution.

N. Pashinyan knows how to negotiate, as well as how to provide an attractive theatrical background for the negotiation process. This is a component of his political style. This is how N. Pashinyan could be perceived at the moment when he was conducting negotiations at the Russian Embassy in late April 2018, preceding his political legitimation. The Armenian revolution was presented to the international community in a non-violent context. N. Pashinyan was compared to M. Gandhi. Some experts saw in it tectonic national processes that became "an expression of self-awareness and conscious activity of the entire people, and not the result of the influence of external sources or only internecine party-political struggle" [3, p. 12].

The effects of N. Pashinyan's political maneuvering are also reflected in foreign policy. Armenia is surrounded by quite influential geopolitical players in the region. Relations with them largely shape the context of foreign policy. In our opinion, the opportunities for maneuver are becoming fewer and fewer each time. Geopolitical neighbors may demand more specificity in actions.

Back in 2018, the figure of N. Pashinyan did not raise any questions from the Kremlin. As I. Fedorovskaya notes, "the Kremlin understood that whoever came to power in the republic would hardly dare to complicate relations with Russia" [7, p. 199]. This thesis is proven by the experience of the previous presidencies of R. Kocharyan and S. Sargsyan. The Russian authorities were clearly not satisfied with the figure of such a leader of Armenia who could come to power by enlisting the support of the street. The politicization of street protest activity is associated with "color revolutions."

For the Russian side, the figure of S. Sargsyan was more predictable. Another optimal figure could be Prime Minister K. Karapetyan. Karen Karapetyan was received in Moscow and contacted [12].

The very fact of N. Pashinyan's coming to power "from below," contrary to the opinion of the current government, looked like an alarming signal. It is necessary to understand what irritation this fact could have for the Kremlin, which was indirectly voiced by M. Simonyan. N. Pashinyan was accused of creating favorable conditions for the activities of anti-Russian NGOs and of tendentious education of youth. Armenian NGOs that appeared under R. Kocharyan significantly increased their influence under the new prime minister. The reproaches from the Russian side seemed quite justified. The Russian ruling elite always greeted with concern the political changes inspired by "color revolutions" in geopolitical neighbors in the former USSR.

At the same time, critical statements from Armenians regarding Russia's tendentious reaction are also quite appropriate. A. Hanbabyan's commentary on the results of the revolution is

indicative when "the Russian media, which understands nothing, immediately began to write that, supposedly, the Americans organized another 'Maidan' in Armenia" [11].

After N. Pashinyan's legitimation as prime minister, NGO representatives are gradually integrating into the government. At the same time, politicians from S. Sargsyan's elite are leaving power. The development of the political regime under N. Pashinyan and the "appointment of Sorosites 'walking with him' has acquired a large-scale character. Groups of NGO representatives, activists, and media people were the organizers of anti-Russian actions in front of the Russian embassy in Yerevan. It was they who acquired the skills of 'velvet' revolutionaries in the US and Europe, which were used during the 2018 revolution" [20].

Pressure is also present from the external perimeter. It would seem that Armenia's entry into the Collective Security Treaty Organization (CSTO) in 1992, once relevant for the young independent republic, could have contributed to the pacification of the state's geopolitical opponents. The benefits of Armenia's accession to the treaty gave the ruling elite new chances for political legitimacy. Almost all top Armenian officials have spoken positively about the CSTO, emphasizing the importance of friendly relations with Russia. Over time, it became clear that the organization does not meet Armenia's security needs, and Armenia's CSTO partners have an ambivalent position. Russia's position looked more than diplomatic, based on its own benefit in relations with Azerbaijan and Turkey. Relations with its CSTO partner, Belarus, can also be called difficult for N. Pashinyan. At one time, N. Pashinyan "exposed" himself by being one of the first to congratulate A. Lukashenko on his victory in the 2020 presidential elections. The elections were not recognized by most of the world's states and were accompanied by mass protests by Belarusians. Not noticing Armenia's problems in the Karabakh conflict, A. Lukashenko focused the CSTO's attention on other problematic areas. He noted that "military cooperation within the framework of the Union State of Belarus and Russia, and Belarus's membership in the CSTO are the very same stabilizers that have a certain sobering effect on hotheads on the other side of the border" [19].

At the moment, N. Pashinyan finds himself in a difficult situation. Critical statements were voiced by him, who chaired the CSTO summit on May 16, 2022. N. Pashinyan's speech was quite harsh and clearly condemned the current situation for Armenia. N. Pashinyan noted that "for a long time we raised the issue of the sale of weapons by CSTO member countries to a country unfriendly to Armenia, in which these weapons were ultimately used against Armenia and the Armenian people" [19]. At the same time, at the end of his speech, he thanked V. Putin for helping to stop the conflict between Armenia and Azerbaijan in Nagorno-Karabakh. As we will see later, this story ended sadly for Armenia. The territory of Nagorno-Karabakh came under the control of Azerbaijan. In March and October 2024, N. Pashinyan congratulated V. Putin, respectively, on his victory in the presidential elections in Russia and on his birthday. Examples of N. Pashinyan's political maneuvering and frequent changes in his rhetoric are quite varied.

A new round of conflict between N. Pashinyan and the CSTO and Moscow took place in 2023. N. Pashinyan sends different signals to the domestic audience and to foreign observers. They contradict each other and maintain a high emotional background. In 2023, N. Pashinyan stated that he cannot even imagine how the situation will develop if Russia loses in the Russian-Ukrainian conflict.

Thus, on March 24, 2023, the Constitutional Court of Armenia ratified the obligations of the Rome Statute on the ICC, which issued an arrest warrant for Russian President Vladimir Putin and children's ombudsman Maria Lvova-Belova. In the Armenian political discourse, it was believed that this decision would not be implemented on the territory of Armenia, finding other motives in the court's decision.

The ratification of the commitment had a strong information effect. This decision barely outshone even the presence of N. Pashinyan in Moscow at the military parade on May 9 among the heads of some post-Soviet states. The Armenian Prime Minister was so interesting to television that he was often shown in close-up during the broadcast.

A study by the "Center for Globalization and Regional Studies," conducted among 900 residents of cities and villages – Yerevan, Gyumri, Vanadzor, and Martuni – in the period from June 1 to

September 1, 2017, shows that "50% of respondents believe that Armenia's membership in the EAEU has a negative impact on the country. 37% of respondents believe that the deterioration of the economic situation is connected with Armenia's membership in the EAEU, and 38% believe that the deterioration of the economic situation is partially connected with the same factor" [14].

The dynamics of public opinion in Armenia can also be controlled by N. Pashinyan. The Armenian leader is sometimes indignant about various collisions that arise in relations with this structure and then immediately softens his rhetoric. The situation changed during the aggravation of the Karabakh conflict and the situation in Ukraine. N. Pashinyan always leaves uncertainty for the Russian side. During his reign, he managed to create a reality in which his legitimacy is based on the mutual care of the state and society. Legitimacy includes the exchange of permanent obligations, as noted by the British political scientist J. Simmons [24, p. 10].

The clear connection between his own rhetoric and its legitimation by Armenian society, in our opinion, makes the Armenian Prime Minister a hostage of public opinion. And it is always different, changing with high dynamics.

Seeking to secure the support of a new influential partner against the backdrop of unstable relations with Russia and within the Collective Security Treaty Organization, N. Pashinyan is trying to build friendly relations with China. In 2019, he met with Xi Jinping in Beijing. The Armenian prime minister needs more serious security guarantees and influential partners.

N. Pashinyan unexpectedly held a working meeting with R. Erdogan in Istanbul at the end of June 2025. The Armenian leader is probably using the tension in relations between Russia and Azerbaijan. It is important for him to appear as an independent political figure, ready to search for unexpected geopolitical allies.

N. Pashinyan is under pressure from the problems of his domestic policy, which is causing criticism from political opponents. The voice of the opposition in Armenia has always been sensitive.

At the same time, the republic is experiencing economic growth associated with the intensification of business activity. Economic growth is supported by remittances from Armenians working abroad and Russian relocates who moved to Armenia due to the Russian-Ukrainian conflict after February 24, 2022. Quite a few intellectual relocators involved in the IT sector have arrived in Armenia. Thus, according to the Central Bank of Armenia, there has been a 2.8-fold increase in money transfers from individuals in the first four months of 2023 compared to 2022. The volume of transfers amounted to $1.5 billion. The construction, services, and trade sectors are growing in Armenia, and the business climate is improving. According to the National Statistical Committee of Armenia, in January – May 2023, the construction sector grew by 16.7% compared to the same period last year, and the services market, growing thanks to the tourism sector, grew by 19.9% compared to 2022.

N. Pashinyan is creating an economic model where national characteristics and state interests prevail. Armenia entered the Top 4 countries exporting semiconductors for the defense industry to Russia in 2023. It does not seem surprising that the Minister of Finance of Armenia, V. Hovhannisyan, noted an increase in exports from Armenia to Russia by 187% compared to 2021 figures [1].

But the Armenian economy lacks financial resources. In this indicator, the state's economy lags far behind European countries. As the Armenian Minister of Economy V. Kerobyan ironically notes, "to say that there is enough money in our economy means being out of touch with reality" [4]. In principle, in domestic policy, it seems that maximum efforts are being made to ensure that the state's image on the external perimeter becomes better and better.

N. Pashinyan's policy turns out to be dependent on a number of problems, the immediate resolution of which is practically impossible. At one time, the German political philosopher K. Yaspers noted that "provision of the masses is not carried out according to a specific plan, but in an extremely complex interaction of various types of rationalization" [25, p. 307]. The process of state development encounters numerous problems and challenges everywhere along its path. Armenia's current economic development is largely hampered by the ongoing blockade of the country by Azerbaijan and Turkey. This affects its logistical attractiveness

and hinders the inflow of investments into the republic. Any investor investing in Armenia may face complex transport logistics. True, there are also positive developments in this direction. According to the Logistics Performance Index for 2019, Armenia ranked 92nd out of 160 countries, compared to 141st in 2016. The above factors make the expert community skeptical about the prospects for rapid growth of the Armenian economy.

According to Armenian economist A. Khurshudyan, "Armenia has not achieved much success in attracting foreign direct investment" [6].

Along with this problem, corruption remains a serious factor hindering economic growth in Armenia. N. Pashinyan, together with the Armenian government, identified corruption as the most serious problem.

Results. Armenian Prime Minister N. Pashinyan is an example of a politician who is historically, sociologically, and culturally close to the Armenian voter. His vast political experience and personal participation in fateful historical periods for Armenia have shaped him as a nationally oriented politician. N. Pashinyan expresses the interests of Armenian society and is responsible for the future of the state.

The gradual habituation to power and the emergence of corruption traps and temptations of power create a dangerous precedent for the current prime minister and his democratic style of governance, which, by the way, differs from the political style of his predecessors – three former presidents of Armenia: L. Ter-Petrosyan, R. Kocharyan, and S. Sargsyan.

The period of N. Pashinyan's rule falls on a difficult time of foreign policy instability: with the aggravation of relations with Azerbaijan and Turkey, there is a gradual deterioration of relations with Russia. In September 2023, joint exercises with the United States, Eagle Partner 2023, began in Armenia.

The participation of his wife, public figure and journalist Anna Hakobyan, in September 2023, in the Kiev summit on mental health is also a confirmation of N. Pashinyan's shift to the Western fairway. The first ladies of the states were guests and speakers at the event. Because of his political background, N. Pashinyan is able to continue adjusting foreign policy while upholding his dedication to the interests of the country. The personal factor plays an important role in the legitimation of the political leader of Armenia, focusing on the personality of N. Pashinyan himself and his political style. The cultural factor is also noticeable, appealing to the unique codes of Armenian culture, traditions, and meanings. Current problems also affect the economic situation, which is an important factor in the legitimation of the Armenian government. These challenges can certainly adjust the processes of legitimation of N. Pashinyan for both the Armenian society and the international community.

REFERENCES

1. *Armeniya – v TOP-4 postavshchikov poluprovodnikov dlya RF* [Armenia Is in the TOP 4 Suppliers of Semiconductors for the Russian Federation]. URL: https:// news.day.az/politics/1585396

2. Babayan M. *Tri mifa ob armyanah: temperament, semya, vneshnost* [3 Myths About Armenians: Temperament, Family, and Appearance]. URL: https://vestikavkaza.ru/articles/3-mifa-ob-armanah-temperament-sema-vnesnost.html

3. Barlybaev H.A. Armyanskaya «revolyuciya» v kontekste solidarologii [Armenian "Revolution" in the Context of Solidarology]. *Filosofskie nauki*, 2018, no. 4, pp. 7-26.

4. Beglaryan A. *Vnutrielitnaya klanovaya borba – oligarhi pogloshchayut revolyucionerov: Armeniya predvybornaya* [Intra-Elite Clan Struggle – Oligarchs Absorb Revolutionaries: Armenia Pre-Election]. URL: https://verelq.am

5. Berdyaev N. *Sudba Rossii* [Fate of Russia]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1990. 348 p.

6. *Ekonomika Armenii rastet bystrymi tempami, no ne razvivaetsya* [Armenia's Economy Is Growing Rapidly, but It Is Not Developing]. URL: https:// eadaily.com/ru/news/2023/06/28/

7. Fedorovskaya I. Politicheskij krizis v Armenii: prihod k vlasti Nikola Pashinyana [Political Crisis in Armenia: Nikol Pashinyan's Rise to Power]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, 2018, no. 2, pp. 196-203.

8. Gavrilov D.A. *Licedej v evroaziatskom folklore* [Actor in Eurasian Folklore]. Moscow, Soc.-polit. mysl Publ., 2006. 240 p.

9. *Gosudarstvennyj oligarh. Pashinyan i ego semya – v centre korrupcionnogo skandala* [State Oligarch. Pashinyan and His Family Are at the Center of a Corruption Scandal]. URL: https://1news.az/news/20200525013030139

10. Grigoryan S. *Armyanskaya barhatnaya revolyuciya* [Armenian Velvet Revolution]. Erevan, Edit Print, 2018. 174 p.

11. Hanbabyan A. *Armyanskaya «barhatnaya revolyuciya»* [Armenian "Velvet Revolution"]. URL: https://noev-kovcheg.ru/mag/2018-05/6154.html

12. *Karapetyan otpravitsya v Moskvu s rabochim vizitom* [Karapetyan to Go to Moscow on Working Visit]. URL: https://am.sputniknews.ru/20180215/karapetyan-otpravitsya-v-moskvu-s-rabochim-vizitom-10550608.html

13. Leyphart A. *Demokratiya v mnogosostavnyh obshchestvah. Sravnitelnoe issledovanie* [Democracy in Multi-Component Societies. Comparative Research]. Moscow, Aspekt Press, 1997. 287 p.

14. Martirosyan S. *«Elk» pytaetsya nachat kampaniyu za vyhod Armenii iz EAES* [Yelk Is Trying to Launch a Campaign for Armenia's Withdrawal from the EAEU]. URL: https://kavkazoved.info/news/2017/09/25

15. Melville A.Yu. O traektoriyah postkommunisticheskih transformacij [On the Trajectories of Post-Communist Transformations]. *Polis, Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2004, no. 2, pp. 64-76.

16. *Nikol Pashinyan: Ya sam izbral svoj arest meroj presecheniya* [Nikol Pashinyan: I Chose My Own Arrest as a Preventive Measure]. URL: https://news.am/rus/news/6961.html

17. *Rejtingi doveriya Pashinyana i ego pravitelstva stremitelno polzut vniz* [Trust Ratings of Pashinyan and His Government Are Rapidly Creeping Down]. URL: https://news.rambler.ru/sociology/50743606

18. *Rejting Pashinyana neobratimo padaet: ob oprose IRI* [Pashinyan's Rating Is Falling Irreversibly: About the IRI Survey]. URL: https://www.civilnet.am/ru/news/650565/

19. *Sammit ODKB. Stenogramma* [CSTO Summit. Transcript]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/64118

20. *Set agentov Sorosa v Armenii* [Soros Agent Network in Armenia]. URL: https://www.kiprioman.livejournal.com/808313.html

21. Shkel S.N. Novaya volna: mnogoobrazie avtoritarizma v otrazhenii sovremennoj politicheskoj nauki [New Wave: Diversity of Authoritarianism in the Reflection of Modern Political Science]. *PolitBook*, 2013, no. 4, pp. 120-139.

22. Skiperskikh A., Epremyan M. Armeniya v 1990-h gg.: kratkaya istoriya legitimacii vlasti [Armenia in the 1990s: A Brief History of the Legitimation of Power]. *PolitBook*, 2023, no. 2, pp. 87-106.

23. *Startovye rejtingi* [Starting Ratings]. URL: https://www.golosarmenii.am /article/50871/startovye-rejtingi

24. Simmons J. *Justification and Legitimacy. Essays on Rights and Obligations*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 276 p.

25. Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and Purpose of the Story]. Moscow, Politizdat, 1991. 527 p.

Information About the Authors

Aleksandr V. Skiperskikh, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Bunin Yelets State University, Kommunarov St, 28, 399770 Yelets, Russian Federation, pisatels@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8587-7415

Marieta A. Yepremyan, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Social Sciences, Bunin Yelets State University, Kommunarov St, 28, 399770 Yelets, Russian Federation, mariepremyan@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-0525-0007

Информация об авторах

Александр Владимирович Скиперских, доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, 28, 399770 г. Елец, Российская Федерация, pisatels@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8587-7415

Мариета Араиковна Епремян, аспирант кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, 28, 399770 г. Елец, Российская Федерация, mariepremyan@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-0525-0007

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.5

UDC 323.283(470+571)
LBC 66.3(2Рос),5

Submitted: 09.03.2024
Accepted: 30.09.2024

COUNTERING EXTREMISM IN THE NORTH CAUCASUS: FROM CONFLICT MANAGEMENT STRATEGY TO POST-CONFLICT INTEGRATION

Maxim E. Popov

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article studies extremism in the North Caucasus and analyzes the subjects, sources, and main reasons for the escalation of armed violence and radicalization. The author focuses on examining the Russian experience of regional policy, which made it possible to move in the North Caucasus from a strategy of conflict management and forceful measures to counter terrorism and extremism to post-conflict integration. *Literature review.* The author discusses empirical and theoretical sources relevant to the topic and objectives of the study. *Methods.* The article uses the method of qualitative diachronic analysis based on the collection and interpretation of data obtained from official documents and secondary sources. *Analysis.* Although transnational Islamist groups share common goals of global jihad and Islamization, they may differ in discourses and methods that facilitate the indoctrination of extremist ideas in the North Caucasus, which is why Russia since the mid-1990s has been using force against jihadism at its local and regional levels. To reduce radicalization and strengthen the integration of Muslims into Russian society, a conflict management strategy was adopted, including anti-terrorist operations; diplomatic efforts in the Muslim world to optimize Russia's multi-confessional image; and a large-scale policy of supporting Russian Muslim leaders and their traditional communities. Domestic policy proclaims Islam to be a traditional religion protected by the state and foundational to the identity of the multinational Russian people. *Results.* The current integration policy in the North Caucasus serves as a tool for countering and preventing extremism – proactively influencing the factors and conditions of radicalization through a set of measures aimed at forming regional elites, economic support via interbudgetary transfers and development programs, promoting tolerance and inclusion, and organizing informational activities.

Key words: extremism, radicalization, preventing extremism, conflict management, integration policy, post-conflict integration, North Caucasus.

Citation. Popov M.E. Countering Extremism in the North Caucasus: From Conflict Management Strategy to Post-Conflict Integration. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 47-56. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.5

УДК 323.283(470+571)
ББК 66.3(2Рос),5

Дата поступления статьи: 09.03.2024
Дата принятия статьи: 30.09.2024

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОТ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ К ПОСТКОНФЛИКТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Максим Евгеньевич Попов

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

© Popov M.E., 2025

Аннотация. *Введение*. В статье проводится исследование экстремизма на Северном Кавказе, анализируются субъекты, источники и причины эскалации вооруженного насилия и радикализации в регионе. Автор акцентирует внимание на изучении российского опыта региональной политики, позволившей пе-

рейти на Северном Кавказе от стратегии управления конфликтами и силовых мер по противодействию терроризму и экстремизму к постконфликтной интеграции. *Обзор литературы*. Автор рассматривает релевантные теме и задачам исследования эмпирические и теоретические источники. *Методы.* В статье используется метод качественного диахронического анализа, основанного на сборе и интерпретации данных, полученных из средств массовой информации, аналитических отчетов, официальных документов, академических работ. *Анализ.* Хотя транснациональные исламистские группы имеют общие цели глобального джихада и исламизации, они могут различаться в дискурсах и методах, которые облегчают индоктринацию идей экстремизма на Северном Кавказе, в связи с чем Россия с середины 1990-х гг. применяет силовые меры против джихадизма в его локальном и региональном срезе. Для снижения радикализации и усиления интеграции традиционных мусульман в российское общество государством была реализована масштабная стратегия управления конфликтами, включающая в себя: антитеррористические операции; внешнеполитические и дипломатические усилия в мусульманском мире по оптимизации поликонфессионального имиджа России; политику поддержки российских мусульманских лидеров. Внутренняя политика провозглашает ислам традиционной религией, охраняемой государством и исторически фундирующей идентичность многонационального народа России. *Выводы.* Сегодня политика интеграции на Северном Кавказе становится инструментом противодействия и профилактики экстремизма – упреждающего воздействия на факторы и условия радикализации посредством комплекса мер по формированию региональных элит, экономической поддержке с помощью межбюджетных трансфертов и программ развития, продвижению толерантности и инклюзии, организации информационной деятельности.

Ключевые слова: экстремизм, радикализация, профилактика экстремизма, управление конфликтами, политика интеграции, постконфликтная интеграция, Северный Кавказ.

Цитирование. Попов М. Е. Противодействие экстремизму на Северном Кавказе: от стратегии управления конфликтами к постконфликтной интеграции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 47–56. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.5

Introduction. Historically, ethnopolitical and religious factors are intertwined in the North Caucasus, often masking each other. The bloodiest ethnic war in the region, the Chechen conflict, began as an ethno-secessionist conflict but soon transformed into religious extremism, with radical Islamism becoming the leading factor in the violence. Ethno-religious violence in the North Caucasus includes a wide range of regional phenomena and intensifies territorial and cultural contradictions. Long-standing regional conflicts in the North Caucasus can be divided into three interdependent types: intra-regional territorial conflicts; separatist conflicts between regional communities and the federal government; and ethno-religious extremism associated with the ideologies and practices of jihadism and radical Islamism in their regional refraction [21]. The North Caucasus region is of geostrategic importance for Russia and is within the sphere of its key national interests. Russia is interested in strengthening its position in the multi-ethnic region, ensuring the security of its southern borders, stabilizing the internal situation, and strengthening regional integration. To determine the goals and priorities of the geopolitical strategy and its compliance with changing regional realities, a comprehensive study of ethnoreligious processes in the North Caucasus is necessary. This is especially important in the context of the large-scale fight against global terrorism, when the possibility of effectively implementing an anti-terrorist strategy and constructively resolving ethnoreligious contradictions largely depends on the stability and regional integration. Establishing political control over the North Caucasus occupied a central place in the 2000 presidential program, remained the most important federal task addressed by the government before the 2004 elections, and was declared a major success of the administration during the 2012 and 2018 presidential campaigns. Further implementation of the regional integration policy means that Russia is moving in the North Caucasus from a conflict management strategy to post-conflict integration.

Methods and materials. The author employs a comprehensive methodological approach. First, a historical and political analysis is conducted on the sources, subjects, and factors of radicalization in the North Caucasus during the post-Soviet decades. This analysis draws on data obtained from federal and regional media,

analytical reports from research centers, official documents (such as the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025 and the Comprehensive Plan for Countering the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024–2028), and academic studies by both domestic and foreign scholars. Second, a diachronic study examines efforts to counter extremism and methods of deradicalization in the North Caucasus through an analysis of political events in the region from the collapse of the USSR to the present day. Diachronic analysis involves dividing sociohistorical processes into a sequence of stages and phases, which are considered within the broader context of historical developments. In the context of the subject of the research, the author highlights the essential temporal changes in historical reality (I.D. Kovalchenko): 1) 1994–1996 – the stage of the First Chechen War, the beginning of the "transnationalization" of extremist ideology and terrorist activity (participation of the first foreign jihadists in the conflict); 2) 1999–2009 – the stage of the Second Chechen War, the "jihadization" of the ethnic conflict, the formation of the international terrorist organization Caucasus Emirate, the abolition of the CTO regime, and the combination of conflict management strategy and post-conflict integration; 3) 2010–2015 – a new stage of "jihadization" and "transnationalization" of extremist ideology and terrorist activity of the Caucasus Emirate and the liquidation of the organization; 4) 2016 – present – the stage of full-scale de-escalation of armed violence and further socio-cultural reintegration of the North Caucasus.

Literature review. The combination of ethnic and religious factors is used by contemporary analysts to explain the fundamental causes of armed violence in the North Caucasus [2; 3; 6; 9; 10; 11; 23; 26; 28; 29; 30; 34]. According to R. Glazier, today no cultural conflict is associated exclusively with religion, but it undoubtedly plays an important role in many conflicts around the world, and a deeper understanding of religion and the role it should play in peacekeeping can help in conflict resolution [7]. Most researchers of jihadism and radical Islamism understand extremism as a system of radical views and methods of violence with the aim of achieving destructive goals, combining political and religious components, and acting in an inextricable link with a mobilizing ideology and collective identities [1; 4; 12; 14; 16; 18; 19; 22; 25; 27; 28; 33]. As noted by H.V. Dzutsev and N.V. Kornienko, in the North Caucasus, "religious affiliation is perceived as an element of ethnic self-identification; therefore, apostasy pertains not only to the sphere of religion but also to interethnic relations" [5, p. 91].

D. Sagramoso and A.A. Yarlykapov analyze the role of foreign fighters in the Chechen wars and in the development of Islam in Chechnya and Dagestan in the 1990s–2010s, challenging the prevailing view in the academic literature that foreign jihadists bore the main responsibility for political Islamization [23]. The article argues that Islamist tendencies and Salafi circles existed in the North Caucasus before the First Chechen War: local Salafi jamaats, combined with foreign jihadist fighters, provided the mobilization structures and ideological framework for the radicalization of the North Caucasian underground [23, p. 28].

Analyzing the specifics of ethnoreligious radicalism and extremism in the North Caucasus, it is necessary to point out the combination of local and global levels of armed violence. According to O. Roy, the local level is associated with ethnic separatism and is part of politically motivated violent actions with a clear goal: to liberate the territory from what is perceived by radicals as foreign occupation [19]. The global level of radicalization is determined by the following criteria: a terrorist act is not always part of a wider range of political and military actions; it is relatively isolated from the local political context; extremists are not always rooted in the region (even if they are integrated, like the Arab fighters in the first Chechen conflict); they do not fight in their country of origin, but in the case of the North Caucasus this is an exception, while jihadists circulate between three countries – the country of origin, the country of residence (radicalization), and the country of conflict, although all three can coincide [19].

In order to analyze the conceptual connection between radicalization and deradicalization, it is necessary to provide a framework definition of deradicalization by D. Koehler, who describes this phenomenon as a process of "repluralization" of political values and ideas [14]. This definition of deradicalization entails an increase in the perception of alternative solutions to an ideologically defined problem, which has the important effect of forcing people

to rethink the lack of alternatives to violence as a means of achieving political change [14]. According to Koehler, radicalization is a process of "depluralization" aimed at reducing the political ideas available to people until the only available political ideas are those sanctioned by the extremist ideology of a terrorist organization [14]. Thus, radicalization and deradicalization are closely intertwined and, therefore, are concepts that should always be studied together. Koehler believes that taking into account the connection between radicalization and deradicalization can be useful in developing methods for countering extremism and in the effective planning of preventive measures by official bodies. This is due to the fact that, as deradicalization strategies, preventive programs are only successful when they are based on a comprehensive understanding of the root causes of extremism and violence [14].

Analysis. *1. Regional specifics of extremism: the Caucasus Emirate and global jihadism*. In the "Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025", the following concepts are used to conceptualize extremism: "a) the ideology of violence – a set of views and ideas justifying the use of violence to achieve political, ideological, religious and other goals; b) radicalism – uncompromising commitment to the ideology of violence, characterized by the desire for a decisive and radical change in the foundations of the constitutional system of the Russian Federation, violation of the unity and territorial integrity of the Russian Federation; c) extremist ideology – a set of views and ideas that represent violent and other illegal actions as the main means of resolving political, racial, national, religious and social conflicts; d) manifestations of extremism (extremist manifestations) – socially dangerous illegal actions committed on the grounds of political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity, or on the grounds of hatred or enmity towards any social group, contributing to the emergence or aggravation of interethnic, interfaith and regional conflicts, and also threatening the constitutional order of the Russian Federation, the violation of the unity and territorial integrity of the Russian Federation" [32].

Typologically, the North Caucasian conflicts can be characterized as intrastate ethnopolitical conflicts, which are based on ethno-separatist intentions to separate from the Russian Federation and build new ethno-national and ethno-religious states [6; 10; 22; 23; 25; 28; 30; 34]. After the first Chechen conflict, North Caucasian ethnic separatism was mobilized on the basis of jihadist extremism, which was the most widespread form of violence and represented a fundamental challenge to the ethno-confessional peace in the North Caucasus. Until the mid-1990s, the North and South Caucasus occupied an insignificant place in global politics, but the need for footholds near Iran, Syria, and Iraq and the threats of Islamist terrorism and Al-Qaeda * and ISIS ** forced the world community to intensify its anti-terrorist strategy in the region. Russia, Iran, and Turkey have competed with each other for influence in the Caucasus for many centuries; the unresolved issue of the Caspian status also did not reduce tensions in the region, but in recent years the positions of the parties have converged on most issues of regional development and geopolitical strategy. Diplomatic efforts in the Middle East and throughout the Muslim world to optimize the multicultural, multi-ethnic, and multi-confessional image of Russia have become an important condition for optimizing relations between Russia, Iran, and Turkey. One of the hotbeds of instability in Middle Eastern geopolitics on the border with the Caucasus remained the situation in Syria. Since 2013, relations between Russia and Iran in the Syrian conflict can be characterized as a partnership, and after Russia's direct intervention in the Syrian conflict on the side of the government in 2015 – as an alliance. This fact was emphasized by the Secretary of the Security Council of the Russian Federation, N.P. Patrushev, who stated in Israel in 2019 that Russia and Iran are allies and partners in Syria. More complex relations have developed in the Russia-Iran-Turkey triangle, where the first two countries are allies, and Turkey is only a partner, since it is a NATO country and supports forces openly hostile to the government of Bashar al-Assad. Such paradoxical geopolitical cooperation could take place due to the fact that Russia and

* A terrorist organization whose activities are prohibited in the Russian Federation.

** A terrorist organization whose activities are prohibited in the Russian Federation.

Iran jointly played a decisive role in preventing the coup d'état in Turkey in 2016, and on the basis of this support, the Astana process of 2017 was launched [31].

Following the Chechen conflict, the emergence of "rebel jihad" in the 2000s led to numerous and bloody terrorist attacks. The Caucasus Emirate *** created a network of jihadists in each North Caucasus region and organized terrorist attacks since 2007. According to A.A. Kazantsev and L.Yu. Gusev, "this structure was created by the 'president of Chechnya in exile,' Doku Umarov, in 2007 and signified the transformation of the North Caucasus underground from separatist-nationalist to radical-Islamist" [12, p. 23]. After the death of all known leaders of the Caucasus Emirate, local field commanders swore allegiance to ISIS in 2014–2015. Global ISIS jihadists appeared in the North Caucasus before the 2014 Sochi Olympics. The Caucasus Emirate competed with ISIS in the North Caucasus, but later local radicals and militants went to Iraq and Syria and joined ISIS. Under pressure from the Caucasus Emirate, transnational radical Islamists and global jihadists who supported Al-Qaeda and ISIS gained weight and significance in the North Caucasus [9; 10; 12; 23; 26; 28].

Although transnational jihadism is associated with Islamism, and in many ways these ideologies rely on common cultural sources, at the same time jihadism represents a break with Islamism as a political movement. According to I.V. Starodubrovskaya, "radical Islamic ideology combines elements of archaization with an attempt to Islamize modernity" [27, p. 112]. Jihadists are highly critical of Islamist movements around the world, accusing them of accepting democratic parliamentary systems and participating in elections, of rejecting Sharia law, and of preaching "shirk" (idolatry), which for jihadists is a mortal sin and a justification for hatred of traditional Islamists. Jihadists view Muslims as a community of believers, a group that has been saved ("firqah an najiyah") and which suffers from repression in the world: they claim that in Muslim countries Muslims are oppressed by regimes supported by Western governments. Jihadists reject nation-states on the grounds that such states are secular and artificial constructs inherited from Western colonialism. Jihadists regard all international institutions (including the UN) as representing a repressive order and as illegitimate [8; 9; 11; 14; 19; 25]. Today, jihadism is dominated by narratives presented in several themes: jihad against the infidels, the dominance of "jahiliyyah" (ignorance) in society, the romanticization of jihad, the valor of a warrior fighting in the path of Allah, enjoyment in paradise, and the predetermination of the fate of the "mujahidin" [18, p. 86].

The Caucasus Emirate declared its rule over most of the North Caucasus republics in 2007, defining radical Islamism and jihadism as its political ideology. While the First Chechen War was fought by local recruits and based on an ethno-nationalist ideology, the radical leaders of the Second Chechen War sought to expand the ethno-religious conflict by using jihadism as an ideology and practice of violence. The jihadization of the Chechen mujahedeen began in the mid-1990s and culminated in October 2007 in the proclamation of the Islamist Caucasus Emirate on the site of the defunct ethno-nationalist Chechen Republic of Ichkeria. The leaders of the Caucasus Emirate initially declared their loyalty to Al-Qaeda, following the tactics of international terrorism and organizing terrorist attacks on "enemy territory." In 2014, disagreements arose within the radical Islamist movement in the North Caucasus over the strategy of global jihadism. The disagreements between supporters of Al-Qaeda and ISIS concerned the essence of the "Islamic uprising": supporters of Al-Qaeda in the Caucasus Emirate argued that the terrorist war should be waged in all countries hostile to Islam, including Russia; supporters of ISIS in the North Caucasus prioritized the idea of a state based on radical Islam and wanted to join ISIS in its fight to create a new Islamic caliphate in the Middle East and the Caucasus. In addition to ideological disagreements, a number of factors contributed to the significant decrease in the number of jihadists in the Caucasus Emirate, primarily the lack of mass support among local Muslims and the anti-terrorist activities of the Russian authorities. The number of Imarat supporters declined due to the split after the 2014 Sochi Olympics, and after 2016, the flow of radical Islamists leaving Russia to join ISIS virtually ceased [10; 23; 26; 28].

*** A terrorist organization whose activities are prohibited in the Russian Federation.

Many researchers point to a noticeable de-escalation of violence in the region since the mid-2010s, drawing attention to the fact that the number of people killed or wounded in armed violence has decreased, either overall or using the number of casualties among security forces as a proxy [10; 23; 28]. E. Holland, F. Witmer, and J. O'Loughlin identify three periods when civilian casualties were high: 1) August – December 1999, the early stage of the Second Chechen War; 2) 2003–2004, including the terrorist attack in Beslan; and 3) 2010–2013, when violence was highest in Dagestan [10]. During the more active phases of hostilities (2000–2002, when violence peaked in Chechnya), civilian casualties were lower, with most clashes occurring between security forces and radicals. Following the peak of violence in 2010–2013, the proportion of civilian casualties declined; since 2014, the percentage of civilian casualties has been at or below 15% in each of the subsequent three years [10].

One of the significant and independent factors of ethno-confessional radicalization in the post-Soviet North Caucasus was the problem of mass outflow and migration of the Russian-speaking population: migration processes increased the polyethnicity of the Ciscaucasia and the monoethnicity of the national republics. The authorities of the Russian regions responded to these processes in different ways: if in Stavropol in the 1990s, ethnic migration took place relatively peacefully, without excessive politicization, then in Kuban, ethnophobia began to form on the basis of ethno-religious and cultural intolerance. Stormy migration flows in the context of economic depression formed a number of ethnic conflict zones in the North Caucasus, including in the southeast of Stavropol Krai, where there was a long-term ethnic confrontation between the Nogais and Dargins. The east of Stavropol Krai is a striking example of ethnic dynamics with the replacement of ethnocultural groups that historically lived in a certain territory by new ethnic groups with the risk of escalating conflicts [2].

2. Integration policy as a strategy for countering extremism. When developing new strategies for integrating multicultural societies, it is necessary to expand the scope of reductionist interpretations that focus only on economic integration: socio-cultural differences, symbolic resources, and group identities are becoming key in integration policy today. Integration policy in complex societies is a set of national and regional strategies that promote ethnic and religious peace by countering extremism and deradicalization: socio-cultural integration policy strives to create optimal conditions for the harmonious interaction of the structural elements of the social system, a balance between religious and ethnic groups [20].

In the "Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025," the concept of "counteracting extremism" is conceptualized as "the activities of entities counteracting extremism aimed at identifying and eliminating the causes of extremist manifestations, as well as preventing, suppressing, solving, and investigating crimes of an extremist nature, minimizing and (or) eliminating their consequences"; while "entities counteracting extremism are federal government bodies, government bodies of the constituent entities of the Russian Federation, and local government bodies" [32]. Deradicalization is a long-term social process of leaving an extremist environment and distancing oneself from extremist views and value systems; it is a process as a result of which radicalized individuals and groups renounce not only the use of violence but also extremist ideology, "repluralize" (D. Koehler), leave the extremist group, and accept a new system of integration values that rejects violence as the only way to achieve political goals. Support for deradicalization practices is a form of prevention and counteraction to extremism and radicalization. Anti-extremist preventive measures are divided into two types: primary prevention – work to prevent recruitment of new members into extremist groups; and secondary prevention – preventive work with members of extremist groups. As in the case of radicalization, deradicalization is a dynamic process that does not happen all at once: there is no such thing as "spontaneous radicalization," just as there is no such thing as "spontaneous deradicalization." Deradicalization takes a long time and requires, from the individual and the group, critical interaction with the environment and their own views in the long term and reintegration into society.

Regional approaches to the prevention of extremism and radicalization in the North Caucasus, with an abundance of common

features, have noticeable local specifics. The main part of deradicalization strategies is informational, explanatory, cultural and educational work, which is carried out during mass events, through local media, publications on social networks and brochures. As an ideological alternative to ethnoreligious extremism, regional and federal authorities are pinning their hopes on the development of scientific and educational programs, a mass volunteer movement, the popularization of patriotic activities, holding youth forums, and the allocation of grants for the development of civic forms of activity. Ethnic pluralism, consolidating a multicultural community and forming close ties between ethnic groups, is of fundamental importance for the resolution of ethnopolitical conflicts: social inclusion and integration policies create conditions for the rationalization and transformation of unmanageable identity conflicts into intercultural dialogue [20; 21].

According to I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, and V.I. Pantin, the measure of the effectiveness of regulating ethnopolitical conflict is the "depoliticization of ethnicity, which can be ensured by the social policy of the state and the inclusion in the agenda of civil society of interests promoted on behalf of ethnic groups, a positive combination of civil and ethnic identity based on 'consent to development' as a key guideline for the identity policy of subjects involved in interethnic interactions" [24, p. 69]. E.A. Stepanova, analyzing the reasons for the de-escalation of armed violence in the region, notes that the rational combination of force and integration strategies of deradicalization ensured "the transition of the armed conflict in Chechnya and terrorism of North Caucasian origin from priority challenges to the national security of the Russian Federation to the category of peripheral threats – at the level of low-intensity and highly fragmented violence" [28, p. 113].

Currently, the "Comprehensive Plan for Countering the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024–2028" is being implemented, the main goal of which is to protect the population from the propaganda influence of extremist ideologies and international terrorist organizations, communities, and individuals [15]. Among the main tasks of countering the ideology of terrorism, priority preventive areas of the fight against extremism, and ways of deradicalization provided for in the Comprehensive Plan, the following are highlighted: "general prevention – activities to implement events with the population (for the education sector – with students) aimed at forming an anti-terrorist worldview; targeted prevention – activities to implement events with individual social groups of people vulnerable to the influence of the ideology of terrorism, or their individual representatives (for example, with people who received a religious education abroad and intend to engage in religious activities on the territory of the Russian Federation)"; "Individual prevention is the activity of implementing measures with individuals who are exposed to the ideology of terrorism or have fallen under its influence, the purpose of which is to form in them motives to refuse to participate in terrorist activities" [15].

In order to counter extremism, special attention is now being paid to methods of preventing the radicalization of young people through seminars and presentations for students conducted by imams and government officials, which widely use theological, political, and legal arguments against violent ideologies [1]. The abundance of state grants for counter-extremist initiatives encourages competition between NGOs in the region and helps launch small businesses, develop business plans, and provide microloans. Such grants also offer a range of practical courses and seminars that attract entrepreneurs from the regions, giving them the opportunity to collaborate and learn from each other. These are examples of positive inclusive initiatives aimed at developing communication skills and tolerance. Multi-target approaches that encourage intercultural dialogue are crucial in promoting integration policies in the North Caucasus. Analyzing the models of reintegration of the North Caucasus region, R.Kh. Kochesokov notes, "The education sector plays a crucial role in the reintegration process. In the early post-Soviet years, the paradigm of education as a process of providing services became widespread. Now it has become obvious that the role of education cannot be reduced to a simple transmission of scientific knowledge. It is in the educational process that spiritual values that unite people are laid down" [13, p. 18].

Integration policy in the North Caucasus is financed by the federal government through target programs aimed at solving a set of regional

problems. These mechanisms include inter-budget transfers, such as subsidies, grants, and subventions; federal target projects – large industry programs; and special economic zones. State programs aimed at stimulating economic development accompany inter-budget transfers; federal target programs and grants give priority to long-term investments in production, infrastructure, healthcare, agriculture, science, education, and tourism. Extensive top-down development programs should be coordinated with local projects based on regional resources and human capital, transforming local practices into business models. The North Caucasus needs support for bottom-up economic development in order to form a solid economic foundation at the grassroots level and unlock growth potential; moreover, the macro-region needs further integration. According to Deputy Prime Minister of the Russian Federation A.V. Novak, "Key sectors for the regional economy are currently developing in the North Caucasus. These are tourism, agro-industrial complex, agriculture, industry, and transport. The Prime Minister has approved economic models for each region of the North Caucasus. Priority investment projects are currently being implemented there. This will attract more investment, create new jobs, and develop small and medium businesses" [17].

Results. As terrorism and extremism remain a serious threat, there is a growing scientific and socio-political consensus that special operations and enhanced security measures alone are not enough to defeat terrorism. In order to fully and effectively respond to the challenges and threats that terrorism and extremism pose to the North Caucasus today, more attention should be paid to the prevention of radicalization through strengthening ethno-confessional tolerance, structural changes, and integration policies. Systemic governance must be strengthened, eliminating aggravating factors that can create conflicts and lead people to extremist groups.

By the mid-2010s, a number of factors, in addition to ideological differences, contributed to the decrease in the number of extremists in the North Caucasus, primarily the lack of mass support among local Muslim communities, anti-terrorist activities, and the policy of integration of the region. The number of supporters of the Caucasus Emirate decreased due to the split after the 2014 Sochi Olympics, and after 2016 the flow of radical Islamists leaving Russia and joining ISIS stopped – deradicalization and de-escalation of armed violence began in the region. In order to reduce radicalization and strengthen the integration of traditional Muslims, the state adopted a systemic conflict management strategy, including counter-terrorism operations, methods of preventing radicalization, diplomatic efforts in the Muslim world to optimize the multi-ethnic, multi-confessional image of Russia, and a large-scale policy of support for Muslim leaders and their traditional communities.

The integration policy proclaims Islam as a traditional religion, protected by the state and historically foundational to the identity of the multinational Russian people. State support for Islam corresponds to the main goals of foreign and domestic policy. The confirmation of the cultural and historical connection of Islam with Russia, as well as the thesis that Russia is a multi-confessional civilization, served as the basis for its desire to restore the geopolitical status of a great power in Asia and the Middle East. Under these conditions, the policy of integration in the North Caucasus is becoming an important tool for the prevention of ethno-religious extremism, a preemptive impact on the factors of radicalization through a set of political and socio-cultural measures to manage regional elites, economic support through federal transfers, targeted projects and development programs, the promotion of social inclusion and tolerance, and the organization of educational and informational activities.

REFERENCES

1. Adiev A.Z., Musaeva A.M. Profilaktika terrorizma na Severnom Kavkaze [Terrorism Prevention in the North Caucasus]. *Rossiya i musulmanskij mir* [Russia and the Muslim World], 2022, no. 1 (323), pp. 33-52.

2. Blakkisrud H., Kolstø P. Stavropol as "Russia's Kosovo"? Nationalist Mobilization and Public Response in a Russian Region. *Post-Soviet Affairs*, 2017, no. 33 (5), pp. 370-388.

3. Borshchevskaya A. The Islamic State Comes to Russia. *Journal of International Security Affairs*, 2015, no. 29, pp. 27-32.

4. Dobaev I.P. Terroristicheskie islamistskie organizacii na Severnom Kavkaze: vliyanie ekzogennogo faktora [Terrorist Islamist Organizations

in the North Caucasus: Influence of an Exogenous Factor]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2012, no. 10, pp. 13-20.

5. Dzutsev H.V., Kornienko N.V. Otnoshenie zhitelej Severnogo Kavkaza k svobode veroispovedaniya i verootstupnikam [Attitude of the Inhabitants of the North Caucasus to Freedom of Religion and Apostates]. *Socis. Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, no. 1, pp. 83-93.

6. Galeotti M. *Russia's Wars in Chechnya 1994–2009*. Oxford, Osprey Publishing, 2014. 248 p.

7. Glazier R. How Religion Influences Peacemaking. *Peace and Conflict Studies*, 2018, no. 25 (2), pp. 1-21.

8. *Global Jihadism: Analysis of the Phenomenon and Reflections on Radicalisation. National Coordinator for Security and Counterterrorism (NCTV) December 2014*. URL: https://info.publicintelligence.net/NL-NCTV-GlobalJihadism.pdf

9. Hamming T. Global Jihadism After the Syria War. *Perspectives on Terrorism*, 2019, no. 13 (3), pp. 1-16.

10. Holland E., Witmer F., O'Loughlin J. The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia's North Caucasus, 2010–2016. *Eurasian Geography and Economics*, 2018, no. 58, pp. 613-641.

11. Isaev A.V., Matvienko V.A. Religioznyj i etnoreligioznyj ekstremizm v usloviyah netransparentnosti mirovoj politiki [Religious and Ethno-Religious Extremism in the Conditions of Non-Transparency of World Politics]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [Bulletin of the Irkutsk State University. Political Science Series. Religious Studies], 2022, no. 39, pp. 101-109.

12. Kazantsev A.A., Gusev L.Yu. *Ugroza religioznogo ekstremizma na postsovetskom prostranstve* [Threat of Religious Extremism in the Post-Soviet Space]. Moscow, Centr izucheniya perspektiv integracii, 2017. 80 p.

13. Kochesokov R.Kh. Ob osobennostyah sovremennoj reintegracii Severnogo Kavkaza v rossijskoe socialnoe prostranstvo [On the Features of the Modern Reintegration of the North Caucasus into the Russian Social Space]. *Kavkazologiya*, 2017, no. 2, pp. 12-20.

14. Koehler D. *Understanding Deradicalization: Methods, Tools and Programs for Countering Violent Extremism*. London, Routledge, 2017. 177 p.

15. *Kompleksnyj plan protivodejstviya ideologii terrorizma v Rossijskoj Federacii na 2024–2028 gody (utverzhdyon Prezidentom Rossijskoj Federacii 30 dekabrya 2023 goda (Pr-2610)* [Comprehensive Plan to Counter the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024–2028 (Approved by the President of the Russian Federation on December 30, 2023 (Pr-2610)]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408366785/

16. Naidenko V.N. Raznovidnosti ekstremizma i ih vliyanie na socialno-politicheskuyu zhizn Rossii [Varieties of Extremism and Their Impact on the Socio-Political Life of Russia]. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik* [Reforming Russia: Yearbook], 2020, no. 18, pp. 225-244.

17. Ot potenciala k realizacii: kak Severnyj Kavkaz stal territoriej rosta [From Potential to Implementation: How the North Caucasus Became a Growth Area]. *RBK+Kavkaz*, 2023, December 18. URL: https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/opinions/18/12/2023/657ffb7c9a79475100931e9d

18. Pateev R.F. Dzhihaditskaya subkultura [Jihadi Subculture]. *Vyzovy religioznogo ekstremizma v globaliziruyushchemsya mire: kollektiv. monogr.* [Challenges of Religious Extremism in a Globalizing World. Collective Monograph]. Kazan, Foliant Publ., 2017, pp. 83-94.

19. *Perspectives on Radicalisation and Political Violence. Papers from the First International Conference on Radicalisation and Political Violence, London, 17–18 January 2008*. URL: https://www.nonviolent-conflict.org/wp-content/uploads/2016/11/Perspectives-on-Radicalisation-Political-Violence.pdf

20. Popov M.E. Politika sociokulturnoj integracii: osnovnye teoreticheskie podhody [Sociocultural Integration Policy: Major Theoretical Approaches]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2017, no. 1, pp. 99-115.

21. Popov M.E. Sociokulturnaya integraciya kak sposob razresheniya etnicheskih konfliktov na Severnom Kavkaze [Socio-Cultural Integration as a Tool for Ethnic Conflicts Resolution in the North Caucasus]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, no. 23, no. 4, pp. 186-196. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.16

22. Ratelle J-F. A Critical Assessment of the Scholarship on Violent Conflicts in the North Caucasus During the Post-Soviet Period. *Caucasus Survey*, 2015, no. 3 (1), pp. 1-24.

23. Sagramoso D., Yarlykapov A. The Impact of Foreign Salafi -Jihadists on Islamic Developments in Chechnya and Dagestan. *Journal of International Analytics*, 2021, no. 12 (4), pp. 28-49.

24. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Tipologiya etnopoliticheskoj konfliktnosti: metodologicheskie vyzovy «bolshoj teorii» [Typology of Ethnopolitical Conflict: Methodological Challenges of the "Great Theory"]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2016, no. 6, pp. 69-94.

25. Souleimanov E.A. Jihad or Security? Understanding the Jihadization of Chechen Insurgency Through Recruitment into Jihadist Units. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 2015, no. 17 (1), pp. 86-105.

26. Starodubrovskaya I.V. Islamic Conflict and Violence in Local Communities: Lessons from the North Caucasus. *Perspectives on Terrorism*, 2020, vol. 14 (2), pp. 80-92.

27. Starodubrovskaya I.V. Mezhpokolencheskie otnosheniya i socialnye transformacii na primere Severnogo Kavkaza [Intergenerational Relations and Social Transformations on the Example of the North Caucasus]. *Sociologia vlasti* [Sociology of Power], 2019, no. 31 (1), pp. 92-113.

28. Stepanova E.A. *IGIL i fenomen inostrannyh boevikov-terroristov v Sirii i Irake* [SIS and the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters in Syria and Iraq]. Moscow, IMEMO RAN, 2020. 198 p.

29. Tatunts S.A., Piskarev M.D. Etnoreligioznyj ekstremizm kak problema gosudarstvennoj i obshchestvennoj bezopasnosti: voprosy konceptualnogo osmysleniya [Ethno-Religious Extremism as a Problem of State and Public Security: Issues of Conceptual Understanding]. *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of the Russian Nation], 2018, no. 5 (63), pp. 107-118.

30. Tishkov V.A. *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte (etnografiya chechenskoj vojny)* [Society in Armed Conflict (Ethnography of the Chechen War)]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 552 p.

31. Truevtsev K.M. Rossiya – Iran: v Sirii i na Blizhnem Vostoke [Russia – Iran: In Syria and the Middle East]. Moscow, MDK Valdaj, 2019. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-iran-v-sirii-i-na-blizhnem-vostoke/

32. *Ukaz Prezidenta RF ot 29 maya 2020 g. № 344 "Ob utverzhdenii Strategii protivodejstviya ekstremizmu v Rossijskoj Federacii do 2025 goda"* [Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2020, no. 344 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation Until 2025"]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/

33. Yarlykapov A.A. «Islamskoe gosudarstvo» i Severnyj Kavkaz v blizhnevostochnoj perspektive: vyzovy i uroki dlya Rossii ["Islamic State" and the North Caucasus in the Middle East: Challenges and Lessons for Russia]. *Mezhdunarodnaya analitika* [International Analytics], 2016, no. 3 (17), pp. 112-121.

34. Youngman M. Between Caucasus and Caliphate: The Splintering of the North Caucasus Insurgency. *Caucasus Survey*, 2016, no. 4 (3), pp. 194-217.

Information About the Author

Maxim E. Popov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Ethnology, North Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russian Federation, maximus.popov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4321-6920

Информация об авторе

Максим Евгеньевич Попов, доктор философских наук, профессор кафедры философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Российская Федерация, maximus.popov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4321-6920

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.6

UDC 94(470)
LBC 63.3(2)512

Submitted: 04.12.2024
Accepted: 03.06.2025

COURLAND PROBLEM IN THE FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE UNDER CATHERINE I: RUSSIAN-POLISH-COURLAND RELATIONS AFTER THE GRODNO SEJM OF 1726

Marina T. Nakishova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article is devoted to the study of private subjects of the Courland crisis of the turn of 1726–1727, which united different states that had geopolitical interests in the Baltic region. The events that took place in Courland after the Polish Grodno Sejm (September 28 – November 9, 1726) on the eve of the arrival of a special investigative commission in Mitawa are being reconstructed. *Methods and materials.* The source base was made up of documents related to the mission of the General-Chief of Police A.M. Devieir, sent to Mitawa in early 1727, and complexes of private correspondence of Russian statesmen and envoys in Courland and Poland involved in resolving this foreign policy issue. A detailed study of this source complex allows not only the reconstruction of the events that took place in Courland but also the tracing of the strategies of the behavior of governments as the Courland issue is resolved. *Analysis.* The actions of the Courland, Russian, and Polish political elites are considered regarding the decision on the preservation or abolition of "ancient" rights and autonomies and the accession or non-accession of the Duchy of Courland and Semigalia to the Polish-Lithuanian Commonwealth. In the general political context, the mission of A.M. Devieir and his contacts with the Courland elite and Moritz of Saxony, who claimed the Courland throne, are analyzed. Based on the reports of the tsarist envoys in Mitawa, the verdicts of the Courland sejm, which took place from February 22 to March 4, 1727, are reconstructed. *Results.* As a result, it is emphasized that the confirmation of the previous status of Courland and Semigalia before the death of Ferdinand Ketler, despite the actions of interested parties, seemed the only correct decision in the current political situation. At the conclusion of the article, a translation of the instruction of Captain E. von Medem, which he received on March 1, 1727, from the deputies of the Courland Seymic for presentation at the Senate Collegium in Warsaw, is published for the first time. *Funding*. The research was carried out with the financial support of a grant from the Russian Science Foundation № 23-78-01059, https://rscf.ru/project/23-78-01059/.

Key words: Duchy of Courland and Semigalia, Russian Empire, Polish-Lithuanian Commonwealth, Grodno Sejm, Mitawa, social ties.

Citation. Nakishova M.T. Courland Problem in the Foreign Policy of the Russian Empire Under Catherine I: Russian-Polish-Courland Relations After the Grodno Sejm of 1726. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 57-74. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.6

© Накишова М.Т., 2025

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)512

Дата поступления статьи: 04.12.2024
Дата принятия статьи: 03.06.2025

КУРЛЯНДСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ I: РУССКО-ПОЛЬСКО-КУРЛЯНДСКИЕ СВЯЗИ ПОСЛЕ ГРОДНЕНСКОГО СЕЙМА 1726 ГОДА

Марина Тазабаевна Накишова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Настоящая статья посвящена изучению частных сюжетов так называемого курляндского кризиса рубежа 1726–1727 гг., объединившего различные государства, имевшие геополитические интересы в Прибалтийском регионе. Реконструируются события, происходившие в Курляндии после польского Гродненского сейма (28 сентября – 9 ноября 1726 г.) накануне приезда в Митаву специальной следственной комиссии. *Методы и материалы.* Основу источниковой базы составили документы, относящиеся к материалам миссии генерал-полицеймейстера А.М. Девиера, отправленного в Митаву в начале 1727 г., комплексы частной корреспонденции русских государственных деятелей и посланников в Курляндии и Польше, занятых в решении данного внешнеполитического вопроса. Детальное изучение настоящего источникового комплекса позволяет не только реконструировать события, происходившие в Курляндии, но и проследить стратегии поведения правительств в целях урегулирования курляндского кризиса. *Анализ.* Рассматриваются действия курляндской, русской и польской политических элит относительно решения вопроса о сохранении или упразднении «древних» прав и автономий и присоединения или неприсоединения герцогства Курляндия и Семигалия к Речи Посполитой. В общеполитическом контексте анализируется миссия генерал-полицеймейстера А.М. Девиера, его контакты с курляндским рыцарством и Морицом Саксонским. На основе донесений царских посланников в Митаве реконструируются вердикты курляндского ландтага, проходившего с 22 февраля по 4 марта 1727 года. *Результаты.* В результате подчеркивается, что подтверждение прежнего статуса Курляндии и Семигалии до смерти Фердинанда Кетлера, несмотря на действия заинтересованных сторон, представлялось единственным верным решением в условиях сложившейся политической конъюнктуры. В приложении к статье впервые публикуется перевод инструкции капитана Э.К. фон Медема, полученной им 1 марта 1727 г. от депутатов курляндского ландтага для представления на Сенат-консилиуме в Варшаве.
Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01059 («Механизмы функционирования социальных связей в контексте государственного реформирования в России во второй половине XVII – начале XVIII вв.»), https://rscf.ru/project/23-78-01059/.

Ключевые слова: герцогство Курляндия и Семигалия, Российская империя, Речь Посполитая, Гродненский сейм, Митава, социальные связи.

Цитирование. Накишова М. Т. Курляндский вопрос во внешней политике Российской империи при Екатерине I: русско-польско-курляндские связи после Гродненского сейма 1726 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 57–74. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.6

Введение. На протяжении XVI–XVIII вв. курляндский вопрос являлся одним из наиболее актуальных аспектов балтийской политики. По договору (pacta subjectionis) от 8 декабря 1561 г.[1], заключенному между польским королем Сигизмундом Августом и гроссмейстером ливонских рыцарей Готхардом Кетлером, рыцарство Курляндии и Семигалии признавало себя вассалом польского государства с правом широкой автономии. Герцогство находилось под управлением местной династии Кетлеров, наследовавших престол по нисходящей линии. Им разрешалось содержать армию, чеканить собственную монету и вступать в дипломатические сношения. Ленная зависимость от польского престола выражалась в запрете самостоятельно объявлять войну [21]. Очевидно, что подобные отношения не могли полностью удовлетворить ни поляков, нацеленных на включение герцогства

в состав своей территории, ни курляндцев, желавших самостоятельно определять дальнейшую политическую судьбу государства и сохранить протестантскую веру. Более того, ситуация осложнялась тем, что геополитические преимущества герцогства делали его привлекательным для других держав, имевших торговые и/или политические интересы в прибалтийском регионе и стремившихся распространить там свое влияние.

В начале XVIII в. курляндская проблема значительно обострилась в связи с отсутствием прямых наследников династии Кетлеров. После смерти в 1711 г. герцога Фридриха Вильгельма остро встал вопрос об избрании нового претендента на престол и последующем сохранении или упразднении «древних» прав и автономий. В Курляндии оставалась вдовствующая герцогиня Анна Иоанновна, не имевшая наследников и не призвавшаяся как самостоятельный политический актор, а герцогом номинально числился последний представитель династии шестидесятилетний герцог Фердинанд, не пользовавшийся популярностью у курляндской элиты и проживавший в Гданьске (Данциге) под контролем Польши. В течение 1720-х гг. вокруг Курляндии развернулась ожесточенная борьба, по мере развития которой в качестве претендентов на престол выдвигалось несколько кандидатур: герцог Голштинский, принц Гессен-Кассельский, князья Гессен-Гомбургские, граф Мориц Саксонский, светлейший князь А.Д. Меншиков. Наиболее заинтересованные стороны – Речь Посполитая, Российская империя, Пруссия и Саксония – предпринимали немало усилий для привлечения на свою сторону курляндского рыцарства.

В итоге 28 июня 1726 г. местный ландтаг [2] под влиянием интриг курляндского и саксонского правительств избрал на герцогский престол незаконнорожденного сына польского короля, графа Морица Саксонского [53, s. 469–472]. Этот выбор ни Речь Посполитая [3], вступившая в конфронтацию с личными интересами Августа II, ни Российская империя не поддержали. В России, оспаривая избрание Морица, продолжили продвигать на герцогский престол лояльных кандидатов (после самовольного вмешательства А.Д. Меншикова и конфликта с курляндским рыцарством кандидатура светлейшего князя не рассматривалась как возможная [48]), устанавливать социальные связи внутри Курляндии и вступать в союзы с другими державами. Дальнейшие действия Речи Посполитой в отношении Курляндии должен был определить Гродненский сейм, оказавший ключевое влияние на судьбу герцогства и всей курляндской политики.

Учитывая изложенное выше, целью настоящего исследования является анализ политики, проводившейся российской стороной в период наибольшего политического напряжения в Курляндии: начиная с принятия польской конституции [4] на сейме в Гродно (28 сентября – 9 ноября 1726 г.) и заканчивая началом Сенат-консилиума [5] в Варшаве (23 марта 1727 г.). Как представляется, осмысление данных событий позволит не только разобраться в хитросплетениях русско-польско-курляндских отношений рубежа 1726–1727 гг., но и сформировать детальные представления о методах ведения внешней политики при Екатерине I, роли тех или иных деятелей в решении наиболее актуальных задач и их влиянии на государственное строительство.

Методы и материалы. Как и другие обстоятельства курляндского кризиса, русско-польско-курляндские связи рубежа 1726–1727 гг. рассмотрены в историографии фрагментарно [1; 2; 3; 18; 42; 43; 47; 48; 49; 51; 55; 56; 57; 59; 60; 61]. Более того, если деятельность российских, польских, саксонских и прусских дипломатов в России и Речи Посполитой так или иначе изучалась исследователями (работы У. Косиньской, К. Штрома, Л. Эррена) [50; 53; 54; 58], то события, имевшие место в столице Курляндии г. Митаве, до сих пор остаются без должного осмысления и детальной реконструкции (за исключением исследования К. Кантецкого, рассмотревшего период деятельности польской комиссии в августе – декабре 1727 г.) [52]. Например, только лишь мимоходом упоминается тайная миссия генерал-полицеймейстера А.М. Девиера начала 1727 г., среди материалов которой сохранились уникальные сведения как о действиях российских дипломатов, их связях с польской и курляндской политическими элитами, так и о попытках курляндцев оспорить вердикты Гродненского сейма. Данный комплекс представляется уникальным, поскольку

по объему и степени информативности (относительно событий в Митаве) во много раз превосходит известные в историографии собрания реляций П.И. Ягужинского, П.М. Бестужева-Рюмина, журналов и приговоров Верховного тайного совета и т. д.

Материалы миссии генерал-полицеймейстера разделены между двумя архивохранилищами: реляции А.М. Девиера, его письма к кабинет-секретарю А.В. Макарову, различного рода мнения и дипломатические документы (кредитив, списки депутатов и членов комиссии, копии инструкций и пр.), а также оригиналы, копии и переводы документов, полученных от курляндских обер-ратов и депутатов, сохранились в фонде Кабинета е.и.в. (№ 9) Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА); оригиналы инструкций, некоторые личные послания, записные книги указам, поступавшим к генерал-полицеймейстеру от императрицы, и письмам, отправленным от него и к нему от П.М. и М.П. Бестужевых-Рюминых, А.И. Остермана, А.В. Макарова, П.И. Ягужинского, И.И. Исаева, Морица Саксонского, хозяйственные документы миссии отложились среди материалов фонда «Сношения России с Курляндией» (№ 63) Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Соответственно, ценность источниковых комплексов состоит не только в том, что они позволяют судить о миссии А.М. Девиера самой по себе и личном вкладе генерал-полицеймейстера в решение курляндского вопроса, но и характеризуют деятельность многих других государственных деятелей, раскрывают специфику их контактов и механизмов взаимодействия, обозначают векторы развития русско-польско-курляндских отношений.

Анализ. На Гродненском сейме, длившемся с 28 сентября по 9 ноября 1726 г., курляндский вопрос являлся ключевым для обсуждений [20]. Стоит отметить, что последние месяцы до заседаний в Гродно оказались крайне напряженными. Согласно У. Косиньской, польских магнатов и сенаторов, в частности вице-канцлера Я. Липского, К. Шембека, Ю. Мнишека, М.Ф. Чарторыйского, возмущала открытая поддержка Августом II Морица Саксонского, избранного курляндским герцогом вопреки политическим интересам Речи Посполитой [53, s. 474, 475]. Не вызвали одобрения и действия саксонских дипломатов (Я.-Г. Флеминга, И. Ле Форта) в рамках так называемого проекта двух дам, предполагавшего организацию династического брака графа с Елизаветой Петровной или Анной Иоанновной [54; 58, S. 93–95]. 16 июня под значительным политическим давлением король отправил в Курляндию указ, запрещавший проведение ландтага и какие-либо контакты с иностранными державами, желавшими вмешаться в вопросы престолонаследия. Однако курляндцы, подстрекаемые Морицом Саксонским и гетманом Л.-К. Поцеем, отклонили требования Августа II, и, как известно, ландтаг состоялся.

В результате на Гродненском сейме удалось сформировать практически единогласное мнение по курляндскому вопросу. Собравшиеся представители польско-литовской шляхты полагали, что, несмотря на определенную политическую самостоятельность, курляндцы не имели права решать династические вопросы без ведома и одобрения государства-покровителя [21, л. 221–224]. Коронный регент Я. Дунин, защищая позиции короля, отмечал, что «Его величество вельми старается о пользе народной и дал де он о том много опытов от десяти лет в том, что он приложил свои отеческие старательства для выводу иностранных войск из Курляндии, и ради содержания сей же Курляндии в древнем ее состоянии, нимало не мысля о отчюждении оной, как некоторые хотят о том внушить» [20, л. 68 об.]. Не способный противостоять сейму Август II 11 октября 1726 г. согласился издать акт, отменявший избрание Морица и требовавший от него сдачи избирательного диплома [49, p. 521–522; 58, S. 103–104; 60, S. 143–144; 61, S. 125–132]. Граф не внял указаниям отца, отказался вернуть подтверждающие бумаги, заявив о готовности защищать герцогство и свой титул. Параллельно Мориц Саксонский стремился заручиться поддержкой Российской империи, заявляя о лояльности российскому престолу, и добивался протекции А.Д. Меншикова, в том числе предлагая ему проекты по созданию в Речи Посполитой абсолютной монархии [10].

Во время Гродненского сейма позиция Российской империи, объявленная ее предста-

вителями в Польше, твердо основывалась на тезисе о невозможности нарушения «древних» прав и привилегий Курляндии по собственной воле собирать ландтаг, избирать герцога и сохранять широкую автономию [53, S. 487–488; 58, S. 105; 61, S. 124]. При этом кандидатура Морица Саксонского не поддерживалась, предполагалось продвигать своих кандидатов – герцога Голштинского или одного из братьев Гессен-Гомбургских. Согласно К. Кантецкому, требования царских дипломатов были проигнорированы. Так, С.-Э. Денгоф во время заседания польской комиссии в августе – декабре 1727 г. указывал, что хотя московские уполномоченные представили на сейме официальный универсал Екатерины I, они не потребовали публичной конференции, как это было принято у иностранных министров с министрами и депутатами Речи Посполитой. Более того, им был передан официальный ответ, содержавший четкую позицию сейма относительно Курляндии, на который реакции государыни не последовало (в данном случае молчание было расценено как одобрение) [52, s. 21].

В результате, как полагает У. Косиньска, принятая на сейме конституция (то есть специальное постановление, имевшее законодательную силу) оказалась значительно более строгой, чем предполагалось изначально. Собравшиеся на Гродненском сейме постановили: 1) отложить присоединение Курляндии и Семигалии к Польше и их разделение на воеводства до кончины Фердинанда; 2) аннулировать избрание Морица, объявить его «за инфама (то есть авантюриста, опозоренного человека. – *М. Н.*) и бандита» и принудить покинуть территорию Курляндии; 3) отправить в Митаву специальную комиссию с военным сопровождением, которой поручалось изучить проблему на месте и доложить о ней следующему сейму [53, s. 361–362, 476–493]. Спустя несколько месяцев, несмотря на сопротивления курляндской и российской стороны, были начаты приготовления к отправке в Митаву следственной комиссии под охраной из 5 тыс. солдат (указ Августа II от 2 марта 1727 г.). Согласно донесениям российских дипломатов, в ее состав должно было войти 22 представителя польской и литовской знати, в том числе К. Шембек, К. Огинский, С.-Э. Денгоф, С. Хоментовский, Я.К. Браницкий, Я. Дунин, М. Осколинский, К. Сапега, светлейший князь М. Радзивилл и др. [29]. К. Шембек, С.-Э. Денгоф и С. Хоментовский были известны как сторонники полного присоединения Курляндии и Семигалии к Речи Посполитой и, соответственно, противники России [17].

Постановление Гродненского сейма произвело неизгладимое впечатление на курляндское рыцарство, которое небезосновательно опасалось результатов деятельности следственной комиссии и оценивало действия Речи Посполитой как ущемление «древних» прав и привилегий. Стоит отметить, что споры относительно политического статуса Курляндии сводились к субъективному толкованию юридических терминов: Речь Посполитая трактовала положения договора Кетлера об автономии как право, заканчивающееся вместе с концом династии; Курляндская сторона настаивала, что «свободная элекция» герцога должна сохраниться вне зависимости от судьбы правящего дома. Разрешить данное противоречие не представлялось возможным. Тем более, что среди курляндского шляхетства не было единого мнения о политической судьбе герцогства и, соответственно, оно не было способно выступить самостоятельной силой, надеясь исключительно на помощь соседних держав.

Основными участниками конфликта, оказывавшими поддержку Курляндии в борьбе за автономию, являлись Россия и Пруссия. Как указывают исследователи, они имели общую цель – противодействовать присоединению герцогства к Речи Посполитой и закреплению на курляндском престоле династии Веттинов [53, s. 484–485]. Соответственно, оба государства стремились не допустить приезда в Митаву следственной комиссии и подорвать доверие курляндского рыцарства к Морицу Саксонскому [6]. Еще 21 августа 1726 г. между Россией (Г.И. Головкин, А.И. Остерман) и Пруссией (Г. фон Мардефельд) был подписан союзный договор [7], при заключении которого помимо прочего было заявлено о взаимном желании сохранить *status quo* в Курляндии [14, с. 36]. Более того, русскому чрезвычайному министру в Польше П.И. Ягужинскому предписывалось поддерживать диалог с прусским посланником на Гродненском сейме вплоть до совместной деятельности по срыву заседаний [7].

Однако ожидаемое русскими сотрудничество с Пруссией в польско-курляндских делах не проходило гладко. В преддверии польского сейма прусский посланник Г. фон Мардефельд потребовал, чтобы Россия заняла сторону Пруссии в Торуньском (*нем.* Торнском) деле [8]. Несмотря на союзнические обязательства, он получил от царского правительства, не желавшего вступать в конфликт с Польшей, отказ. В Санкт-Петербурге уже знали, что поляки собираются выразить королю Фридриху Вильгельму I решительный протест в отношении пограничных конфликтов и назначить в Торунь (нем. Торн) специальную комиссию для расследования возмущений протестантов [53, s. 489]. Еще одной причиной столь решительной позиции Екатерины I относительно польско-прусских споров было давление Австрии. В 1726 г. во время переговоров о заключении альянса [9] имперские дипломаты убеждали русского резидента в Вене Л.К. Ланчинского, что под предлогом Торуньского дела прусский король, действуя совместно с англичанами, хочет, во-первых, отторгнуть от Польши какую-либо провинцию, во-вторых, «засуетить» Россию и Австрию настолько, чтобы они были не способны помочь герцогу Голштинскому в его претензиях на Шлезвиг [42, стб. 967].

Взаимное недоверие России и Пруссии усугубляло и то, что прусские дипломаты напрямую не вмешивались в ход русско-польско-курляндских разбирательств. В подобной позиции союзника российская сторона видела недружественную подоплеку. В начале 1727 г. генерал-полицеймейстер А.М. Девиер предостерегал Екатерину I о тайном желании прусского короля решить вопрос чужими руками: «Якобы де дает нам токмо вид такой, чтобы де мы верили доброму их намеренно, а потом бы же довесть нас в ыгру и наделать разные танцы» [32]. Тем не менее царскому правительству приходилось считаться с позицией Пруссии относительно курляндской автономии и оно стремилось к поиску компромиссов с союзником.

В Санкт-Петербурге отношение к курляндскому вопросу после Гродненского сейма кардинально изменилось. Прежде всего, императрица и ее окружение потеряли интерес к саксонскому «проекту двух дам» и уверились, что Речь Посполитая не поддерживает личных амбиций Августа II [53, s. 493; 58, S. 107]. Отдельной задачей признавалась согласованная деятельность российских министров П.И. Ягужинского и М.П. Бестужева-Рюмина с курляндскими депутатами, посланными в Варшаву после сейма. Они должны были скоординировано добиваться «смягчения» позиции Речи Посполитой относительно курляндской автономии.

Принципиально важно, что на данном этапе Россия не стремилась присоединить Курляндию и Семигалию к своей территории или установить там военный контроль. Екатерина I и ее окружение опасались открытого и тем более вооруженного столкновения с Речью Посполитой, поэтому каждое свое действие координировали с интересами польской стороны, старались действовать тайно, дабы не вызвать подозрения [11; 25; 31; 34; 35; 44]. «И о вышепомянутом извольте Ея величество престерегать, – писал кабинет-секретарю А.В. Макарову посланник из Митавы, – чтоб асторожно в том деле было, дабы не допустить до коры (то есть ссоры. – *М. Н.*) и до войны, а ежели допустить до коры, то извольте ведать, в каком состоянии наше государство стоит» [24]. В связи с этим царское правительство перестало настаивать на назначении лояльного России кандидата после смерти Фердинанда, а сконцентрировало внимание на проведении в Курляндии пропагандистской кампании против решений польского сейма и расширило поддержку стремлений местного рыцарства к сохранению «древних» прав и привилегий [53, s. 490; 58, S. 108–111, 117; 60, S. 146–147].

В начале 1727 г. в Митаву был отправлен с тайной миссией генерал-полицеймейстер А.М. Девиер [10], которому поручалось «всякими мерами старатца и курлянцов увещать, чтоб они при прежних своих правах крепко и ненарушимо стояли, и о протчем, что к пользе нашей принадлежит, с представлением сильных резонов» [27]. А.М. Девиер не являлся опытным дипломатом, однако долгое время служил в Прибалтике – во время правления Петра I генерал-полицеймейстер занимался строительством оборонительных сооружений и организацией флота в Ревеле, пользовался доверием императрицы, имел репутацию честного и неподкупного государственного дея-

теля (подробнее об этом см.: [12, с. 960–962]). Надо полагать, еще один проверенный и надежный посланник в Курляндию потребовался из-за известного недоверия окружения Екатерины I к П.М. Бестужеву-Рюмину. Авторитет обер-гофмейстера Анны Иоанновны был катастрофически подорван после вмешательства А.Д. Меншикова в курляндские дела, ведь, как известно, светлейший князь переложил всю тяжесть вины за конфликт с курляндцами на Петра Михайловича [5; 53, s. 478–482].

В первой тайной инструкции, полученной А.М. Девиером 10 января 1727 г., обозначались методы работы с пророссийской и пропольской «партиями»: дружественных курляндцев предписывалось всеми способами поддерживать и убеждать в доброжелательных намерениях российской императрицы; недружественных – пытаться склонить на свою сторону, в том числе предлагая им денежное вознаграждение [44]. Практически сразу же генералу-полицеймейстеру стала очевидна шаткость политических позиций местного рыцарства. Курляндцы, образовавшие пророссийскую группировку, в действительности не желали ни усиления России, ни усиления Речи Посполитой и, опираясь на протекцию Екатерины, стремились только лишь сохранить свои «древние» права и привилегии. Поэтому они боялись предпринимать какие-либо решительные действия, подозревая, что политическая зависимость от России может обернуться для них еще большим злом. Лидеры курляндцев, занимавших пропольскую позицию, – обер-бургграф А.К. Костюшко, ландмаршал Э.Ф. фон дер Бриген, гауптман Офемберг – по разным причинам отсутствовали в Митаве, а первый из них вовсе пытался заручиться поддержкой в Польше и ускорить прибытие следственной комиссии [33, с. 976]. Генерал-полицеймейстер так и не смог вступить с ними в переговоры, поскольку не имел в Курляндии доверенных лиц и развитых социальных связей [32; 34; 35; 36; 39].

Установление связей с Морицем Саксонским, надо полагать, изначально являлось для А.М. Девиера вторичной задачей. В инструкции ему указывалось тайно встретиться с графом и узнать, где и в каких условиях он живет, с кем общается, каковы его политические намерения [44]. Во время встречи Мориц наигранно выражал готовность сотрудничать с российской стороной, уверяя, что «он желает зело быть под высокою Вашего величества протекциею и во всем полагается в волю Вашего императорского величества, понеже, когда случилось в разговорех упоминать о имени Вашего величества, то тогда у него из глас слезы выступали» [37, л. 318]. Однако, несмотря на актерские способности графа, страх отпугнуть дружественных курляндцев и дать полякам повод к подозрениям в сотрудничестве с «инфамом и бандитом» оказался сильнее – уже 28 января 1727 г. генерал-полицеймейстеру был передан указ, запрещавший видеться с непризнанным курляндским герцогом даже тайно [23; 26].

Тем не менее по мере ознакомления с реальной ситуацией в Курляндии А.М. Девиеру, а вслед за ним и окружению императрицы пришлось изменить отношение к политическому влиянию Морица и, как следствие, занять более враждебную позицию по отношению к нему [18, с. 264–265; 53, s. 493]. Как оказалось, «здешние шляхты едва не все ево любят, и, как я вижу, что здесь все ради ево носят такое платье, как он, Морис, и тем знать дают, что любят ево, також ездит часто к ним по деревням. А иногда между собой шляхты в компаниях говорят, надобно де нам за него умереть, ежели что зделается противно прав их (или пахтов)» [37]. Во второй инструкции от 15 февраля 1727 г. главной целью деятельности генерал-полицеймейстера в Митаве определялось противодействие попыткам графа занять курляндский престол при видимости лояльных отношений с ним. А.М. Девиер должен был убедить курляндских депутатов и обер-ратов не упоминать о его кандидатуре ни на грядущем ландтаге в Митаве, ни в тексте инструкции, отправляемой с депутатом в Польшу [4].

Очередной курляндский ландтаг проходил в Митаве с 22 февраля по 4 марта 1727 года. На него с обновленными инструкциями прибыли депутаты из 19 кирхшпилей, в том числе один «главнейший» Бауский, «у которого в инструкций противное к интересу Вашего величества написано» [33, с. 976; 34, л. 244]. В курляндскую столицу также вернулся камер-юнкер Ф. фон Рутенберг, представлявший интересы герцогства на Гродненском

сейме. Он привез для публичного объявления текст польской конституции. Согласно сведениям А.М. Девиера, 24 февраля Ф. фон Рутенберг предлагал депутатам рассмотреть реляцию, составленную на основе гродненского постановления, однако они, его не выслушав, разъехались, «ибо та конституция им противна» [31, с. 974].

В общих чертах работа ландтага сводилась к обсуждению трех взаимосвязанных проблем. Во-первых, поднимался вопрос о сохранении или упразднении автономных прав герцогства и легитимности избрания нового правителя. Поскольку депутаты из семи кирхшпилей, противных российским намерениям, и два пропольских обер-рата, А. Костюшко и Э.Ф. фон дер Бриген, на ландтаг не прибыли, то во время дискуссий доминировала позиция, призывавшая к упорной борьбе за сохранение в Курляндии «древних» прав и привилегий [31; 33]. Хотя данная установка должна была полностью удовлетворить российских дипломатов, по мнению А.М. Девиера, многие курляндцы уклонялись от конкретных обещаний. Они сомневались в искренности поддержки российской стороны, боялись приближавшейся польской следственной комиссии настолько, что готовы были подчиниться всем требованиям короны [31, с. 972–973].

Во-вторых, собравшимся на ландтаг необходимо было подтвердить или опровергнуть избрание Морица Саксонского на герцогский престол. А.М. Девиер и П.М. Бестужев-Рюмин приложили немало усилий, чтобы убедить курляндцев отказаться от кандидатуры Морица. Как представляется, этому должна была способствовать и решительная позиция Речи Посполитой, не признававшей законность ландтага 1726 г. и избрания незаконнорожденного сына польского короля. Однако депутаты были непреклонны и подтвердили свой выбор вновь: «Они (обер-раты. – *М. Н.*) то за невозможность признавают, ибо сами они в указах посланных х киршпилем, о которых напред сего многократно я доносил, включили ту речь, чтоб они депутатов прислали с полными инструкциями, что к пользе и умножению Отечества и содержанию прав и свобод полезной в духовном и мирском состоянии принадлежит, по силе которых указов от кирхшпилей тем депутатом в инструкциях и включено, чтоб о известной персоне при сеймике было подтвержено» [31, с. 972]. Дружественные России обер-раты боялись оказывать давление на депутатов, так как их личная политическая судьба зависела от одобрения местных избирателей. Единственное, чего удалось добиться генерал-полицеймейстеру, – это получить от них обещание не вносить положение, касающееся избрания Морица, в инструкцию депутата, отправляемого в Польшу, а дать ему об этом тайный пункт [31, с. 973].

В-третьих, курляндский ландтаг постановил отправить в Варшаву на Сенат-консилиум, начало которого было назначено на 23 марта 1727 г., капитана Э.К. фон Медема, депутата газенпотского и гробинского, и с ним «одну персону, которая была в Польше при князь Василье Долгоруком, которая как в здешних правах, так и в протчих довольна знающа» [31, с. 974]. Согласно инструкции, выданной Э.К. фон Медему 1 марта, ему указывалось: 1) уверить Августа II и Речь Посполитую в верности и преданности курляндского рыцарства; 2) объявить, что конституция, принятая в Гродно, входит в противоречие с «древними» правами и договорами, поскольку была создана без участия курляндской стороны; 3) выразить недовольство недопуском депутатов, посланных в Польшу с сообщениями о «земских нуждах»; 4) указать на право курляндцев избирать герцога после прекращения династии Кетлеров; 5) в конце концов, убедить отменить назначенную следственную комиссию [8; 9]. И «ежели король и Речь Посполитая по их прошению и по предстательству министров Вашего величества, – писал в реляции А.М. Девиер, – Курляндию оставит при прежних правах, то тогда чтоб тот депутат о том избранном герцоге (о конкретной кандидатуре герцога. – *М. Н.*) мог уже предложить» [31, с. 974].

Вскоре после окончания ландтага 4 марта 1727 г. Э.К. фон Медем в одиночестве (второй посланник заболел и не смог поехать) отправился в Варшаву, куда приехал в начале марта [38]. Ему полагалось, по позволению депутатов и обер-ратов, встретиться с российскими министрами П.И. Ягужинским и М.П. Бестужевым-Рюминым и иметь с ними конфиденциальный разговор [15; 16]. А.М. Девиер просил М.П. Бестужева-Рюмина, которо-

му доверял в отличие от П.И. Ягужинского [15; 16; 24; 28; 30] [11], «когда сей письмовручитель до вас прибудет, то соизволите с ним во всем, что к лутчему в сем деле принадлежит, конференции иметь без опасения, ибо он человек доброй и к здешней земле верной» [15, л. 161]. Официальный указ о всестороннем «вспоможении» Э.К. Медему был также отправлен в Польшу канцлером Г.И. Головкиным и вице-канцлером А.И. Остерманом [41].

Э.К. фон Медем был встречен поляками как бунтовщик. С.М. Соловьев указывал, что во время совета, собранного у примаса Ф.П. Потоцкого, маршалка Гродненского сейма, курляндский депутат был взят под стражу. При этом ни М.П. Бестужев-Рюмин, ни П.И. Ягужинский не смогли ему помочь, опасаясь вступать в открытую конфронтацию с Речью Посполитой [42, стб. 989–990]. 8 января в реляции Екатерине I П.М. Бестужев-Рюмин сообщал, что Э.К. фон Медем, находящийся под арестом у коронного гетмана С. Ржевуского, передал письмо курляндским обер-ратам, чтобы те обратились к польскому королю с просьбой о его освобождении [40]. Он также прилагал копию и перевод текста коллективного прошения, отправленного Августу II 4 мая. Ланд-гофмейстер Г.Х. фон ден Бринкен и канцлер И.Г. Кайзерлинг от лица курляндских обер-ратов и депутатов писали: «А понеже мы ныне противную волю Вашего королевского величества повторительными разы выразумели и читали, что благородный наш посланник, капитан фон Медем в Варшаве арестован, то мы от той акции [действа] доброхотно отступим. И понеже все делолося на публичном сеймике, мы обращаемся принуждены быть по предписании правительного формуля опять выписать другой сеймик, при котором сеймике присудствие нашего благородного посланика требуется, и чтоб Ваше королевское величество его аресту всемилостивейше освободить и сюда возвратиться позволили» [19].

Как удалось выяснить К. Кантецкому, Э.К. фон Медем находился под арестом вплоть до приезда польской комиссии в последних числах лета 1727 г. (сначала в Варшаве, а затем был перевезен в Митаву). 30 августа во время второго заседания комиссаров в митавской Ратуше представитель курляндского рыцарства, заместитель земского судьи А. Кориф ходатайствовал о назначении нового ландтага и разрешении проведения выборных собраний в кирхшпилях. Он требовал освободить арестанта, возвратить ему дела комиссии 1717 г., разбиравшей политический статус Курляндии и определившей границы власти герцога Фердинанда, и всех документов, найденных при нем в момент взятия под стражу. А. Кориф, кроме того, передал прошение жены капитана, которая не смогла лично выступить перед собравшимися из-за проблем со здоровьем, относительно дальнейшей судьбы ее мужа. Тем не менее комиссары постановили Э.К. фон Медема, посланника литовского гетмана Л.К. Поцея А. Карпа, подстрекавшего курляндцев к созыву ландтага и избранию Морица, и других шляхтичей, выступавших против законных прав Речи Посполитой, оставить под стражей до середины сентября. В реальности заключение продлилось намного дольше. Надо полагать, Э.К. фон Медем был выпущен на свободу лишь к декабрю 1727 г., когда польская комиссия закончила свою работу [52, s. 32].

Таким образом, миссия Э.К. фон Медема, равно как и миссия А.М. Девиера, закончилась ничем. Генерал-полицеймейстер сразу же после завершения курляндского ландтага отправился в Санкт-Петербург, где спустя недолгое время сам оказался под следствием в рамках нашумевшего дела Девиера – Толстого [12]. Посланник Э.К. фон Медем, заключенный под стражу, не смог выполнить своей инструкции и убедить короля и Речь Посполитую отменить запланированную комиссию [48, с. 61; 52]. Дальнейший ход курляндского дела определили перемены в политической жизни Российской империи. 17 мая 1727 г. скончалась Екатерина I и управление страной на время перешло к светлейшему князю А.Д. Меншикову, чье желание установить контроль над территорией герцогства оставалось неизменным. В августе из Риги были введены военные формирования под командованием генерала П. Ласси, которому поручалось изгнать из Курляндии Морица Саксонского и помешать работе следственной комиссии. С первой задачей генерал справился с блеском – в ночь с 29 на 30 августа Мориц, бросив своих сторонников и пожитки,

бежал в Гданьск. Препятствовать работе польских комиссаров без открытого противостояния с Речью Посполитой оказалось невозможно тем более, что инициатор военного вторжения, А.Д. Меншиков, вскоре был свергнут с политического Олимпа (об участии П. Ласси и И.И. Бибикова в заседаниях комиссии см.: [52]). Польские комиссары под охраной нескольких сотен драгун генерала В. Мейера благополучно расположились в Митаве и в итоге своей работы (до 12 декабря 1727 г.) отказались от полного включения герцогства в состав Речи Посполитой [52, s. 34–37; 53, s. 498; 58, S. 113–115]. До смерти Фердинанда Кетлера в Курляндии был сохранен *status quo*.

Выводы. Заключая, стоит отметить, что решение курляндского вопроса в 20-х гг. XVIII в. требовало слаженных действий как от различных политических группировок внутри герцогства Курляндия и Семигалия, так и от правительств заинтересованных держав (Российской империи, Речи Посполитой, Пруссии, Саксонии и др.). Принятие на Гродненском сейме конституции (постановления), отвергнувшей избрание на герцогский престол Морица Саксонского и провозгласившей назначение в Митаву следственной комиссии с военным сопровождением, обострило политическую ситуацию, заставив, прежде всего, русскую и прусскую стороны изменить характер вмешательства в курляндские дела. В данном контексте России приходилось постоянно лавировать между собственными политическими амбициями – желанием поставить на курляндский престол лояльного герцога – и интересами Речи Посполитой, перспектива военного столкновения с которой рассматривалась советниками Екатерины I как катастрофа. Ситуация осложнялась еще и тем, что политические элиты Курляндии и Семигалии не были едины в своих внешнеполитических ориентирах. По большому счету они стремились выбрать меньшее из двух зол (в лице России или Речи Посполитой), не желали усиления ни одной из держав, использовали их противоречия в борьбе за сохранение древних прав и привилегий, полученных династией Кетлеров. Как показал анализ деятельности российских посланников в Курляндии и Польше, им практически ничего не удалось добиться ни от Речи Посполитой, ни от Августа II, ни от курляндских обер-ратов и депутатов. Также и польская следственная комиссия, отправленная в Митаву летом 1727 г., не нашла ничего лучше, чем сохранить в герцогстве *status quo*. Фактически подтверждение прежнего статуса Курляндии и Семигалии, по крайней мере до смерти Фердинанда Кетлера, выглядело единственным верным решением в условиях сложившейся политической конъюнктуры, когда участники конфликта не могли договориться.

Публикация источника. В приложении публикуется перевод инструкции капитана Э.К. фон Медема, посланника курляндского ландтага на Сенат-консилиум в Варшаву. Данный документ представляет особый интерес для исследователей русско-польско-курляндских взаимоотношений начала XVIII в., поскольку наглядно отразил требования курляндского рыцарства накануне приезда следственной комиссии, их преставления об автономных правах герцогства и механизмы поведения в политической борьбе с Речью Посполитой.

Копия инструкции Э.К. фон Медема была получена А.М. Девиером от «дружественных курлядцев» тайно [33, с. 976]. Ее текст записан готическим курсивом со вставками на латинском языке. Синтаксический и смысловой каркас соответствуют правилам немецкого языка, а политические и юридические термины вставлены на латыни [8]. Перевод документа выполнен в 1727 г. переводчиком Коллегии иностранных дел Ф. Шевиусом, входившим в состав тайной миссии А.М. Девиера [22]. Вторая копия с приложенным тайным пунктом сохранилась среди материалов корреспонденции П.М. Бестужева-Рюмина в Коллегию иностранных дел, где была переведена переводчиком К. Армашенко [9].

Русский текст инструкции капитана Э.К. фон Медема публикуется и вводится в научный оборот впервые. Издание осуществлено по «Правилам издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1727 г., 1 марта. Перевод инструкции капитана Э.К. фон Медема

(Л. 43) Понеже благородный господин Фердинанд фон Рутенберг, высококняжеской камер-юнкер, помещик валгальской, от благородного рыцерства и земских чинов 1726 году, 5-г[о] июля [13] к его королевскому ве[личеству] польскому отправлен был с такою инстрюкциею, дабы он в важнейших, до Отечества нашего касающихся, делах домогался, а особливо о сукцессии в запас постановляемой, и он о той негоциации своей нам обстоятельныя ведомости подавал, того ради благородное рыцерство и земския чины к нынешнему, в 18 де[нь] февраля 1727-г[о] [14] году назначенному, чрезвычайному сеймику упросили благороднаго Эбергарда фон Медема, королевского капитана, помещика писленекенского и дурбенского, по имевшей к нему конфиденции земским депутатом своим в Польшу и ему следующую инструкцию дали.

(Л. 43 об.) 1. Его королевское ве[личество] польское, всемилостивейшаго короля и вышшаго государя нашего уверить подданейшею нашею девоциею[а], також и Светлейшую Речь Посполитую нашею от нас требуемою верностию и преданностию. А потом представить, коим образом благородное рыцерство и земския чины от коммиссии, в последней сеймской конституции определенной, не без основания опасаться имеют злых следованей, ибо вид имеется, что оная комиссия назначена и определена ко опровержению[б] того, что, не слушая курлянское доношение и не допустя депутатов с надлежащим их представлением, якобы незаконно заключено.

2. Объявить, что всему договоров содержанию и обоих сторон договарывающимся противно есть, чтоб оныя чрез учиненное токмо с одной страны решение опровержены, и мы тому подвержены быть могли // *(Л. 44)* для того, что таковыя публичныя [в]и древния[в] договоры с общаго обоих сторон согласия опровергнуть надлежало[б].

3. Коим образом вольному Курландского и Семигальского княжества шляхетству, яко во время поддания, [г]с правами и привилегиями своими[г] к славной вольной же нации привступившим и с оною посредственным образом соединенным, несносно и весьма болезненно есть слышать, что наши депутаты, которыя уже чрез несколько лет в общих земских нуждах от нас посланы, были не допущены, ниже их предложения приняты, но признаны, якобы они от партикулярного собрания посланы были. А известно, что по содержанию договоров и формы правительства верное рыцерство и земския чины вечную власть имеют публичныя съезды держать.

4. Что верному рыцерству и земским чинам // *(Л. 44 об.)* чювствительно есть, что Королевства и Великаго княжества Литовскаго инстигаторы[д] их своей неправедной цитации преслушниками нарицают и общее до публичного стата касающееся дело к собственным королевства и королевского вел[ичества] судам причитают. А оным собственным судам токмо одних приватных особ дела подлежат, понеже пакты или договоры да привилегии наши [ежели с оказательством благовеннейшей верности и покорности нам говорить позволено] ни от его королевского величества, нашего всемилостивейшаго [е]короля[е] и государя, ниже от Светлейшей Речи Посполитой сводной страны толкованы и иследованы быть могут. И что сверх того учиненная верности присяга содержанию пактов предосудительна[ж] быть не имеет для того, что в помянутой присяге никако не содержано, чтоб в случае // *(Л. 45)* небытности герцога мы от своих прав и привилегей отрицалися.

И против вышеписанных обстоятельств нашему господину депутату с неотменным уверением о нашей подданейшей верности и должном благоговении имянем благородного рыцерства и земских чинов представить о ужасности комисии чрез последную конституцию, токмо с одной страны определенной, и по всякой возможности своей его королевское вел[ичество] и Светлейшую Речь Посполитую о отвращении оной комисии упросить. Притом подданейше молить, дабы верное рыцерство и земския чины при своих пактах и привилегиях под посредственным соединением в протекции королевства Польскаго и Великаго княжества Литовскаго так, как предки наши, и впредь содержаны были.

И ежели наш господин депутат запотребно изобрещет за его королевским величеством в Саксонию поехать, // *(Л. 45 об.)*, то вам, нашему земскому господину уполномоченному, к господам обер-ратом заранее о том известие подать и поступать по благоизобретению их.

Ежели же, несмотря на отправленное к его королевскому величеству рыцерства и земских чинов подданнейшее прошение, здешния земския дела пред тамошними реляционскими судами слушать будут, то вам, нашему господину депутату, (понеже особливой к тому инструкции ныне не имеете) всякия полезныя ко

отсрочиванию способы употреблять, також против данных в том деле господину фон Белову и господину обер-гауптману Бракелю[15] инструкцей ³согласно³ поступать.

Протчее, что до благополучия и общаго блага Отечества и до посредственного княжеского правительства косатися может // *(Л. 46)* и потребно будет, в том полагаемся на праводушие ваше, однако ж без предосуждения содержанию сея инструкции.

Переводил Франц Шевиус.

АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 43–46.

Подлинник.
Копия перевода инструкции сохранилась в фонде Кабинета е.и.в., см.:
РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 256–257.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее все даты приведены по григорианскому календарю.

[2] Ландтаг в герцогстве Курляндия и Семигалия представлял собой регулярное собрание выборных «депутатов» от местного дворянства, которое по преимуществу рассматривало вопросы налоговой политики, землевладения и дворянских привилегий. Заседания собраний происходили или ординарно (раз в 2 года), или чрезвычайно (при необходимости), в обоих случаях по указу курляндского герцога. Поскольку Фердинанд Кетлер управлял герцогством номинально, то решение о созыве ландтага принималось обер-ратами, высшими должностными лицами (ланд-гофмейстером, канцлером, бургграфом, ландмаршалом и обер-гауптманами), также участвующими в заседаниях. На ландтаг в Митаве съезжались депутаты из 26 кирхшпилей, то есть церковных приходов, административно-территориальных единиц герцогства. Главнейшим считался депутат от Бауского кирхшпиля. Депутаты, как правило, имели на руках инструкции, составленные совместно избирателями в кирхшпиле, и должны были следовать им беспрекословно.
В русских источниках курляндский ландтаг называется на польский манер «сеймиком».

[3] В данном случае под «Речью Посполитой» подразумевается Республика как политическая сила, независимая от польского короля.

[4] Сеймовая конституция (постановление, утверждение) – законодательный акт польского сейма, содержавший в себе решение, касающееся всей территории Речи Посполитой или отдельных частей.

[5] Сенат-консилиум – заседание Сената, верхней палаты Сейма Речи Посполитой.

[6] Как указывали российские дипломаты, прусского короля особенно раздражало пребывание Морица Саксонского в Курляндии, несмотря на запреты поляков [11, л. 273–274].

[7] Союзный договор между Пруссией и Россией заключался на 18 лет. Основные положения трактата подразумевали декларацию взаимных обязательств ненападения, вечной дружбы, информирования относительно контактов с чужеземными дворами, свободной торговли, военной помощи (по 3 тыс. чел. пехоты и 2 тыс. чел. кавалерии) и др. Российская сторона обещала не использовать Стокгольмский договор 1724 г. со Швецией против интересов Пруссии [45].

[8] Город Торунь (нем. Торн) входил в состав так называемой Королевской Пруссии, автономной части Речи Посполитой, включавшей в себя Померанию, Кульмерландию и Помезанию. В 1724 г. во время Пасхи в Торуне разгорелось противостояние между протестантами-немцами и католиками-поляками. Инцидент привел к жестокой расправе: были разграблены протестантские церкви и школы, казнены 10 лютеран, в том числе и бургомистр. Протестантские государства (Англия, Ганновер и Пруссия) посчитали своей обязанностью вступиться за единоверцев. Прусский король, кроме того, имел территориальные претензии к Речи Посполитой, желая присоединить Торунь и/или другие земли Королевской Пруссии к своему государству. Торуньское дело затихло концу 1725 г., поскольку Фридрих Вильгельм испугался возможности религиозной войны и не был готов к вооруженному конфликту с поляками [14, с. 16; 42, стб. 967–972].

[9] Союзный договор с Австрией был заключен 6 августа 1726 года. В нем провозглашалась вечная дружба двух стран, военная помощь (20 тыс. чел. пехоты и 10 тыс. чел. драгун с каждой стороны), их совместные усилия по поддержанию мира в Европе, в том числе посредством взаимных консультаций послов и др. Россия присоединялась к австро-испанскому союзу 1725 г., а Австрия – к русско-шведскому 1724 года. Секретный артикул предусматривал совместную войну против Турции в случае ее нападения на каспийские владения России [14, с. 21–33; 46].

[10] Подробнее о биографии А.М. Девиера см.: [13, с. 151–255; 47].

[11] 10 февраля 1727 г. на заседании Верховного тайного совета было постановлено послать к П.И. Ягужинскому указ о возвращении из Польши. В Польше был оставлен только М.П. Бестужев-Рюмин [6, с. 70].

[12] Дело Девиера – Толстого представляет собой один из этапов борьбы политических группировок в конце царствования Екатерины I. А.М. Девиер, П.А. Толстой, И.И. Бутурлин, Г.Г. Скорняков-Писарев и др. предприняли неудачную попытку противостоять стремлениям А.Д. Меншикова выдать замуж за будущего наследника престола Петра Алексеевича свою дочь Марию. В результате А.М. Девиер был осужден и сосан в Жиганское зимовье в Якутии, где прожил вплоть до 1744 г. Подробнее см.: [13, с. 250–254].

[13] По григорианскому календарю – 16 июля.

[14] По григорианскому календарю – 1 марта.

[а] *Уточнено* благовением.

[б] *Уточнено* в подлинном тексте написано для эксекукии.

[в-в] *Дописано сверху*.

[г-г] *Дописано сверху*.

[д] *Уточнено* фискалы.

[е-е] *Добавлено сверху*.

[ж] *Пояснено* вредительна.

[15] Оба – высшие сановники Курляндского герцогства, обер-раты.

[з-з] *Написано сверху*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. 305 с.
2. Арсеньев К. И. Царствование Екатерины I. СПб.: Тип. Императ. Рос. Акад., 1856. 94 с.
3. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть третья. (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. 329 с.
4. Вторая тайная инструкция А.М. Девиеру о Курляндии, 4 (15) февраля 1727 г. // Накишова М. Т. Светлейший князь А.Д. Меншиков в кругу сподвижников Петра I. СПб.: Алетейя, 2023. С. 277–279.
5. Дело о поступках находившегося в Курляндии тайного советника П.М. Бестужева-Рюмина по делам, касающимся до избрания нового герцога, 1726 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1726 г. Д. 14.
6. Журнал Верховного тайного совета, 30 января (10 февраля) 1727 г. // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 63. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1888. С. 69–70.
7. Инструкция П.И. Ягужинскому, данная при отпуске его на Гродненский сейм, 2 сентября 1727 г. // РГАДА. Ф. 142. Оп. 1. Д. 587. Л. 1–12.
8. Копия и перевод инструкции капитана Э.К. фон Медема, 1 марта 1727 г. (из материалов миссии А.М. Девиера) // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 43–46.
9. Копия и перевод инструкции капитана Э.К. фон Медема, 1 марта 1727 г. (из материалов миссии П.М. Бестужева-Рюмина) // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 3. Л. 67–74 об.
10. Мемория (черновик) А.Д. Меншикова А.В. Макарову о Курляндии и Морице Саксонском, 1726 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 226. Л. 86–87.
11. Мнение об избрании Морица Саксонского и курляндском вопросе, февраль 1727 г. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 269–276 об.
12. Накишова М. «Курляндский вопрос» в реляциях генерал-полицеймейстера А.М. Девиера // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12, № 3. С. 955–979. DOI: 10.15826/qr.2024.3.918
13. Накишова М. Т. Светлейший князь А.Д. Меншиков в кругу сподвижников Петра I. СПб.: Алетейя, 2023. 470 с.
14. Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига : Объед. ред. МВД России, 2010. 408 с.
15. Отпуск письма А.М. Девиера М.П. Бестужеву-Рюмину, 14 марта 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 160 об. – 161 об.
16. Отпуск письма А.М. Девиера М.П. Бестужеву-Рюмину, 27 февраля 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 154–154 об.
17. Отпуск письма А.М. Девиера П.И. Ягужинскому, 8 февраля 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. 1727 г. Оп. 1. Д. 1. Л. 132 об. – 133.
18. Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. М.: Молодая гвардия, 2016. 399 с.
19. Перевод прошения курляндского рыцарства Августу II, 4 мая 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 53–53 об.
20. Перевод копии журнала заседаний Гродненского сейма, 1726 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1726 г. Д. 26. Л. 63–73.
21. Перевод универсала курляндского рыцарства, январь 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 217–228.
22. Письмо А.В. Макарова А.М. Девиеру, 15 января 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 6–7.
23. Письмо А.В. Макарова А.М. Девиеру, 28 января 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 12а–12б.
24. Письмо А.М. Девиера А.В. Макарову, 18 января 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 315–317.
25. Письмо А.М. Девиера А.В. Макарову, 22 января 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 322–323.
26. Письмо А.М. Девиера А.В. Макарову, 4 февраля 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 238–238 об.
27. Письмо Екатерины I П.И. Ягужинскому, 10 января 1727 г. // РГАДА. Ф. 142. Оп. 1. Д. 589. Л. 2–2 об.
28. Письмо М.П. Бестужева-Рюмина А.М. Девиеру, 15 февраля 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 31–31 об.
29. Реестр комиссаров, назначенных в Курляндию, 22 февраля 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 246–246 об.
30. Реляция А.М. Девиера из Курляндии, 1 февраля 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 232–233 об.
31. Реляция А.М. Девиера из Курляндии, 14 (25) февраля 1727 г. // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12, № 3. С. 972–975.
32. Реляция А.М. Девиера из Курляндии, 14 (25) января 1727 г. // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12, № 3. С. 967–969.
33. Реляция А.М. Девиера из Курляндии, 18 февраля (1 марта) 1727 г. // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12, № 3. С. 975–977.
34. Реляция А.М. Девиера из Курляндии, 22 февраля 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 242–245 об.

35. Реляция А. М. Девиера из Курляндии, 24 января (4 февраля) 1727 г. // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12, № 3. С. 969–971.

36. Реляция А. М. Девиера из Курляндии, 28 января 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 230–230 об.

37. Реляция А. М. Девиера из Курляндии, 30 января 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 318–319 об.

38. Реляция А. М. Девиера из Курляндии, 4 марта 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 258–259.

39. Реляция А. М. Девиера из Курляндии, 7 (18) января 1727 г. // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12, № 3. С. 964–967.

40. Реляция П. М. Бестужева-Рюмина из Курляндии, 26 апреля 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 3. Л. 81–81 об.

41. Секретный рескрипт (черновик) Г. И. Головкина и А. И. Остермана П. М. Бестужеву-Рюмину, 23 марта 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 2. Л. 3–3 об.

42. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1851–1879. Кн. 4, т. 16–20. 840 с.

43. Стродс Х. Курляндский вопрос в XVIII в. В 2 ч. Ч. 1. Рига: Латв. ун-т, 1993. 204 с.

44. Тайная инструкция А.М. Девиеру о Курляндии, 30 декабря 1726 г. (10 января 1727 г.) // Накишова М. Т. Светлейший князь А.Д. Меншиков в кругу сподвижников Петра I. СПб.: Алетейя, 2023. С. 274–276.

45. Трактат оборонительного союза, заключенный в Санкт-Петербурге между прусским и российским дворами через обоюдных министров, 21 августа 1726 г. // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 7. № 4947.

46. Трактат, заключенный в Вене между российским и цесарским дворами, 6 августа 1726 г. // Мартенс Ф.-Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1. Трактаты с Австрией. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1874. С. 32–44.

47. Шубинский С. Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48, № 5. С. 427–448.

48. Щебальский П. К. Князь Меньшиков и граф Мориц саксонский в Курляндии 1726–1727 гг. М.: Тип. Катков и К°, 1860. 66 с.

49. Despréaux E. Le cabinet de Versailles et le conflit entre la Russie et la Pologne en Courlande au debut du XVIII siècle // Revue dhistoire diplomatique. 1932. Vol. 46, № 3. P. 368–387; № 4. P. 518–534.

50. Erren L. Der Russische Hof nach Petr dem Großen 1725–1730. Eine Kulturgeschichte des Politischen. Herne: Gabriele Schäfer Verlag, 2022. 679 S.

51. Kallmeyer Th. Graf Moritz von Sachsen in Kurland. Eine historische Skizze // Separatabdruck aus dem “Rigaschen Almanach für 1859”. Riga: Haecker, 1858. S. 1–42.

52. Kantecki K. Komisja kurlandzka w 1727 roku // Przewodnik Naukowy i Literacki. 1882. № 10. S. 12–39.

53. Kosińska U. August II w poszukiwaniu sojusznika Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730). Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2012. 564 s.

54. Kosińska U. Stosunki sasko-polsko-rosyjskie a sprawa Maurycego Saskiego i sukcesji kurlandzkiej w świetle relacji saskiego posła w Petersburgu Jeana Le Forta (1725–1728) // Вялікае Княства Літоўскае і суседзі: права, вайна, дыпламатыя / пад рэд. С. Ф. Сокала, А. М. Янушкевіча. Мінск: БІП – Інстытут правазнаўства, 2012. S. 349–366.

55. Kraushar A. Tragikomedya kurlandzka z czasów saskich (1727 r.). Kraków: Redakcja “Świata”, 1893. 33 s.

56. Kurland. Vom polnisch-litauischen Lehnsherzogtum zur russischen Provinz. Dokumente zur Verfassungsgeschichte 1561–1795 / hrsg. von E. Oberländer, V. Kellerz. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008. 330 S.

57. Seraphim A. Die Geschichte des Herzogthums Kurland (1561–1795). Reval: F. Kluge, 1904. 371 S.

58. Strohm K. Die Kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtepolitik im Ançiem. Berlin: Verlag dissertation Publ., 1999. 404 S.

59. Taillandier S.-R. Maurice de Saxe daprès des papiers inédite // Revue des deux mondes. 1864. № 51. P. 639–677.

60. Treffer G. Moritz von Saxen – Marschall von Frankreich. Regensburg: Pustet, 2005. 312 S.

61. Weber K. Moritz von Sachsen, Marschall von Frankreich; nach archivalischen Quellen. Leipzig: B. Tauchnitz, 1863. 293 S.

REFERENCES

1. Arbuzov L.A. *Ocherk istorii Lifljandii, Estljandii i Kurljandii* [Outline of the History of Livonia, Estonia and Courland], Saint Petersburg, Tip. M.M. Stasjulevicha, 1912. 305 p.

2. Arsenyev K.I. *Carstvovanie Ekateriny I* [Reign of Catherine I]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Ros. Akad., 1856. 94 p.

3. Bantysh-Kamenskij N.N. *Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god). Chast tretja. (Kurljandija, Lifljandija, Estljandija, Finljandija, Polsha i Portugalija)* [Review of Foreign Relations of Russia (to 1800). Part Three. (Courland, Livonia, Estonia, Finland, Poland and Portugal)]. Moscow, Tip. E. Lissnera i Ju. Romana, 1897. 329 p.

4. Vtoraja tajnaja instrukcija A.M. Devieru o Kurljandii, 4 (15) fevralja 1727 g. [The Second Secret Instruction to A.M. Devieir About Courland, February 4 (15), 1727]. Nakishova M.T. *Svetlejshij knjaz A.D. Menshikov v krugu spodvizhnikov Petra I* [Prince A.D. Menshikov in the Circle of associates of Peter I]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2023, pp. 277-279.

5. Delo o postupkah nahodivshegosja v Kurljandii tajnogo sovetnika P.M. Bestuzheva-Rjumina po delam, kasajushhimsja do izbranija novogo gercoga, 1726 g. [The Case of the Actions of the Privy Councilor P.M. Bestuzhev-Ryumin, Who Was in Courland, in Matters Concerning the Election of the New Duke, 1726]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii (daleye – AVPRI)* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1726, d. 14.

6. Zhurnal Verhovnogo tajnogo soveta, 30 janvarja (10 fevralja) 1727 g. [Journal of the Supreme Privy Council, January 30 (February 10), 1727]. *Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 63* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 63]. Saint Petersburg, Tip. I.N. Skorohodova, 1888, pp. 69-70.

7. Instrukcija P.I. Jaguzhinskomu, dannaja pri otpuske ego na Grodnenskij sejm, 2 sentjabrja 1727 g. [Instructions to P.I. Yaguzhinsky, Given on His Vacation to the Grodno Sejm, September 2, 1727]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (daleye – AVPRI)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 142, inv. 1, d. 587, l. 1-12.

8. Kopija i perevod instrukcii kapitana E.K. fon Medema, 1 marta 1727 g. (iz materialov missii A.M. Deviera) [Copy and Translation of the Instruction of Captain E. von Medem, March 1, 1727 (From the Materials of the Mission of A.M. Devieir)]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 43-46.

9. Kopija i perevod instrukcii kapitana E.K. fon Medema, 1 marta 1727 g. (iz materialov missii P.M. Bestuzheva-Rjumina) [Copy and Translation of the Instruction of Captain E. von Medem, March 1, 1727 (From the Materials of the Mission of P.M. Bestuzhev-Rumin)]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 3, l. 67–74 r.

10. Memorija (chernovik) A.D. Menshikova A.V. Makarovu o Kurljandii i Morice Saksonskom, 1726 g. [Memorandum of A.D. Menshikov to A.V. Makarov About Courland and Maurice of Saxony, 1726]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 226, l. 86-87.

11. Mnenie ob izbranii Morica Saksonskogo i kurljandskom voprose, fevral 1727 g. [Opinion on the Election of Moritz of Saxony and the Courland Question, February 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 5, d. 1, pt. 5, l. 269-276 r.

12. Nakishova M. «Kurljandskij vopros» v reljacijah general-policejmejstera A.M. Deviera [The "Courland Question" in the Reports of A.M. Devieir, General Chief of Police]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 3, pp. 955-979. DOI: 10.15826/qr.2024.3.918

13. Nakishova M.T. *Svetlejshij knjaz A.D. Menshikov v krugu spodvizhnikov Petra I* [Prince A.D. Menshikov in the Circle of Associates of Peter I]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2023. 470 p.

14. Nelipovich S.G. *Sojuz dvuglavyh orlov: russko-avstrijskij voennyj aljans vtoroj chetverti XVIII v.* [The Union of Double-Headed Eagles: A Russian-Austrian Military Alliance of the Second Quarter of the 18th Century]. Moscow, Kvadriga Publ., Obed. red. MVD Rossii, 2010. 408 p.

15. Otpusk pisma A.M. Deviera M.P. Bestuzhevu-Rjuminu, 14 marta 1727 g. [Summary of a Letter from A.M. Devieir to M.P. Bestuzhev-Ryumin, March 14, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 160 r.-161 r.

16. Otpusk pisma A.M. Deviera M.P. Bestuzhevu-Rjuminu, 27 fevralja 1727 g. [Summary of a Letter from A.M. Devieir to M.P. Bestuzhev-Ryumin, February 27, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 154-154 r.

17. Otpusk pisma A.M. Deviera P.I. Jaguzhinskomu, 8 fevralja 1727 g. [Summary of Letter from A. M. Devieir to P. I. Yaguzhinsky, February 8, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 132 r.-133.

18. Pavlenko N.I. *Menshikov: Poluderzhavnyj vlastelin* [Menshikov: Semi-Powerful Ruler]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2016. 399 p.

19. Perevod proshenija kurljandskogo rycarstva Avgustu II, 4 maja 1727 g. [Translation of the Petition of Courland Elite to Augustus II, May 4, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 53-53 r.

20. Perevod kopii zhurnala zasedanij Grodnenskogo sejma, 1726 g. [Translation of a Copy of the Minutes of the Meetings of the Grodno Sejm, 1726]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 79, inv. 1, 1726, d. 26, l. 63-73.

21. Perevod universala kurljandskogo rycarstva, janvar 1727 g. [Translation from the Station Wagon of Courland Elite, January 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 5, l. 217-228.

22. Pismo A.V. Makarova A.M. Devieru, 15 janvarja 1727 g. [Letter from A.V. Makarov to A.M. Devieir, January 15, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 6-7.

23. Pismo A.V. Makarova A.M. Devieru, 28 janvarja 1727 g. [Letter from A.V. Makarov to A.M. Devieir, January 28, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 12a-12b.

24. Pismo A.M. Deviera A.V. Makarovu, 18 janvarja 1727 g. [Letter from A.M. Devieir to

A.V. Makarov, January 18, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 315-317.

25. Pismo A.M. Deviera A.V. Makarovu, 22 janvarja 1727 g. [Letter from A.M. Devieir to A.V. Makarov, January 22, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 322-323.

26. Pismo A.M. Deviera A.V. Makarovu, 4 fevralja 1727 g. [Letter from A.M. Devieir to A.V. Makarov, February 4, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 238-238 r.

27. Pismo Ekateriny I P.I. Jaguzhinskomu, 10 janvarja 1727 g. [Letter from Catherine I to P.I. Yaguzhinsky, January 10, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 142, inv. 1, d. 589, l. 2-2 r.

28. Pismo M.P. Bestuzheva-Rjumina A.M. Devieru, 15 fevralja 1727 g. [Letter from M. P. Bestuzhev-Ryumin to A. M. Devieir, February 15, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 31-31 r.

29. Reestr komissarov, naznachennyh v Kurljandiju, 22 fevralja 1727 g. [Register of Commissioners Appointed to Courland, 22 February 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 5, l. 246-246 r.

30. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 1 fevralja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, February 1, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 232-233 r.

31. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 14 (25) fevralja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, February 14 (25), 1727]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 3, pp. 972-975.

32. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 14 (25) janvarja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, January 14 (25), 1727]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 3, pp. 967-969.

33. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 18 fevralja (1 marta) 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, February 18 (March 1), 1727]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 3, pp. 975-977.

34. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 22 fevralja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, February 22, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 242-245 r.

35. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 24 janvarja (4 fevralja) 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, January 24 (February 4), 1727]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 3, pp. 969-971.

36. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 28 janvarja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, January 28, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 230-230 r.

37. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 30 janvarja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, January 30, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 318-319 r.

38. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 4 marta 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, March 4, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 258-259.

39. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 7 (18) janvarja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, January 7 (18), 1727]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 3, pp. 964-967.

40. Reljacija P.M. Bestuzheva-Rjumina iz Kurljandii, 26 aprelja 1727 g. [Report of P.M. Bestuzhev-Ryumin from Courland, April 26, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 3, l. 81-81 r.

41. Sekretnyj reskript (chernovik) G.I. Golovkina i A.I. Ostermana P.M. Bestuzhevu-Rjuminu, 23 marta 1727 g. [Secret Rescript (Draft) of G.I. Golovkin and A.I. Osterman to P.M. Bestuzhev-Ryumin, March 23, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 2, l. 3-3 r.

42. Solovyev S.M. *Istorija Rossii s drevnejshih vremen* [History of Russia since Ancient Times]. Saint Petersburg, T-vo «Obshhestvennaja polza», 1851–1879, book 4, vol. 16–20. 840 p.

43. Strods H. *Kurljandskij vopros v XVIII v. V 2 ch. Ch. 1* [Courland Question in the 18th Century. In 2 Pts. Pt. 1]. Riga, Latv. un-t, 1993. 204 p.

44. Tajnaja instrukcija A.M. Devieru o Kurljandii, 30 dekabrja 1726 g. (10 janvarja 1727 g.) [The Second Secret Instruction to A.M. Devieir About Courland, December 30, 1726 (January 10, 1727)]. Nakishova M.T. *Svetlejshij knjaz A.D. Menshikov v krugu spodvizhnikov Petra I* [Prince A.D. Menshikov in the Circle of Associates of Peter I]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2023, pp. 274-276.

45. Traktat oboronitelnogo sojuza, zakljuchennyj v Sankt-Peterburge mezhdu prusskim i rossijskim dvorami cherez obojudnyh ministrov, 21 avgusta 1726 g. [Treatise of a Defensive Alliance Concluded in Saint Petersburg Between the Prussian and Russian Courts Through Mutual Ministers, August 21, 1726]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Pervoe sobranie (1649–1825)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection (1649–1825)], vol. 7, no. 4947.

46. Traktat, zakljuchennyj v Vene mezhdu rossijskim i cesarskim dvorami, 6 avgusta 1726 g. [Treatise Concluded in Vienna Between the Russian and Imperial Courts on August 6, 1726]. Martens F.-F. *Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossiej s inostrannymi derzhavami. T. 1. Traktaty s Avstriej* [Collection of Treatises and Conventions Concluded by Russia with Foreign Powers. Vol. 1. Treaties with Austria]. Saint Petersburg, Tip. M-va putej soobshhenija, 1874, pp. 32-44.

47. Shubinskij S.N. Pervyj Peterburgskij general-policmejster [The First St. Petersburg General Chief of Police]. *Istoricheskij vestnik*, 1892, vol. 48, no. 5, pp. 427-448.

48. Shhebalskij P.K. *Knjaz Menshikov i graf Moric saksonskij v Kurljandii 1726–1727 gg.* [Prince Menshikov and Count Moritz of Saxony in Courland 1726–1727]. Moscow, Tip. Katkov i K°, 1860. 66 p.

49. Despréaux E. Le cabinet de Versailles et le conflit entre la Russie et la Pologne en Courlande au debut du XVIII siècle. *Revue d'histoire diplomatique*, 1932, vol. 46, no. 3, pp. 368-387; no. 4, pp. 518-534.

50. Erren L. *Der Russische Hof nach Petr dem Großen 1725–1730. Eine Kulturgeschichte des Politischen.* Herne, Gabriele Schäfer Verlag, 2022. 679 S.

51. Kallmeyer Th. Graf Moritz von Sachsen in Kurland. Eine historische Skizze. *Separatabdruck aus dem „Rigaschen Almanach für 1859"*. Riga, Haecker, 1858, S. 1-42.

52. Kantecki K. Komisja kurlandzka w 1727 roku. *Przewodnik Naukowy i Literacki,* 1882, no. 10, pp. 12-39.

53. Kosińska U. *August II w poszukiwaniu sojusznika Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730)*. Warszawa, Wydawnictwo Neriton, 2012. 564 s.

54. Kosińska U. Stosunki sasko-polsko-rosyjskie a sprawa Maurycego Saskiego i sukcesji kurlandzkiej w świetle relacji saskiego posła w Petersburgu Jeana Le Forta (1725–1728). Sokal S.F., Janushkevłch A.M., eds. *Vjallkae Knjastva Litoŷskae i susedzi: prava, vajna, dyplamatyja.* Minsk, BIP – Instytut pravaznaŷstva, 2012, pp. 349-366.

55. Kraushar A. *Tragikomedya kurlandzka z czasów saskich (1727 r.).* Kraków, Redakcja "Świata", 1893. 33 s.

56. Oberländer E., Keller V., Hrsg. *Kurland. Vom polnisch-litauischen Lehnsherzogtum zur russischen Provinz. Dokumente zur Verfassungsgeschichte 1561–1795*. Paderborn, Ferdinand Schöningh, 2008. 330 S.

57. Seraphim A. *Die Geschichte des Herzogthums Kurland (1561–1795).* Reval, F. Kluge, 1904. 371 S.

58. Strohm K. *Die Kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtepolitik im Ançiem.* Berlin, Verlag dissertation Publ., 1999. 404 S.

59. Taillandier S.-R. Maurice de Saxe d'après des papiers inédite. *Revue des deux mondes*, 1864, no. 51, pp. 639-677.

60. Treffer G. *Moritz von Saxen – Marschall von Frankreich.* Regensburg, Pustet, 2005. 312 S.

Weber K. *Moritz von Sachsen, Marschall von Frankreich; nach archivalischen Quellen.* Leipzig, B. Tauchnitz, 1863. 293 S.

Information About the Author

Marina T. Nakishova, Candidate of Sciences (History), Researcher, Laboratory of Primary Sources Research, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620062 Yekaterinburg, Russian Federation, m-nakishova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2115-1663

Информация об авторе

Марина Тазабаевна Накишова, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620062 г. Екатеринбург, Российская Федерация, m-nakishova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2115-1663

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.7

UDC 94(47)
LBC 63.3(2)46

Submitted: 11.03.2025
Accepted: 10.07.2025

OFFICIAL CORRESPONDENCE OF THE 18th CENTURY BETWEEN RUSSIAN AND KALMYK AUTHORITIES: ASPECTS OF SCIENTIFIC RESEARCH (BASED ON THE DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA)

Danara A. Suseeva
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Oksana A. Gorban
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The object of the analysis is the official correspondence of the 18th century between Russian and Kalmyk authorities. *Methods and materials.* The article considers documents of the 18th century of the Kalmyk Commission at the Board of Foreign Affairs, stored in fund 36 of the National Archive of the Republic of Kalmykia, and uses historical-descriptive, source study, content, formal, documentary, and linguistic analysis. *Analysis.* It is determined that the correspondence is represented by two types: Russian-Kalmyk (where the initiators are from the Russian authorities) and Kalmyk-Russian (where the initiators are from the Kalmyk authorities), while justifying the expediency of using the term *Kalmyk* rather than *Oirat*. The letters reveal the relations between the Russian state and the Kalmyk Khanate, the activities of individuals, their interaction, the specifics of official communication, and the procedure for conducting office work in the field of interstate relations; they reflect the rules of speech etiquette and the peculiarities of the Russian and Kalmyk languages and their mutual influence (in Russian there are Kalmyk and European borrowings, outdated words, and features of actual pronunciation). The material demonstrates systematic features of an official letter as a document text. *Results.* The Russian-Kalmyk correspondence of the 18th century is proved to be a significant source on the history of Russia and Kalmykia and of the Russian and Kalmyk languages, as well as an independent object of study. At the same time, both aspect studies of correspondence and its comprehensive analysis are possible from the point of view of the speech organization of texts and the documentary properties of letters determined by external conditions – the historical context, office work, specific events, and relations between the authorities and their individual representatives. It is necessary and promising to study the sources through the joint efforts of specialists in the fields of history, philology, ethnography, and other sciences. *Authors' contribution.* D.A. Suseeva proposed the idea of the article, justified the term *Kalmyk* for the designation of the people, their language, and writing in the 18th century, described the procedure for working with Kalmyk letters in Russian institutions, gave an example of an interdisciplinary study of Russian-Kalmyk-Kazakh correspondence, and selected documents for analysis. O.A. Gorban analyzed the selected texts, revealing the possibilities of their comprehensive research in the source, linguistic, genre, and documentary aspects, and wrote the final text of the article.

Key words: Kalmyk Khanate, Russian state, 18th century, Kalmyk Commission at the Board of Foreign Affairs, Russian-Kalmyk official correspondence, Kalmyk-Russian official correspondence.

Citation. Suseeva D.A., Gorban O.A. Official Correspondence of the 18th Century Between Russian and Kalmyk Authorities: Aspects of Scientific Research (Based on the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 75-93. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.7

© Сусеева Д.А., Горбань О.А., 2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

Дата поступления статьи: 11.03.2025
Дата принятия статьи: 10.07.2025

ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА XVIII в. МЕЖДУ РУССКИМИ И КАЛМЫЦКИМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ: АСПЕКТЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

Данара Аксёновна Сусеева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Оксана Анатольевна Горбань

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Объектом анализа является официально-деловая переписка XVIII в. между русскими и калмыцкими органами власти. *Методы и материалы*. Рассматриваются документы XVIII в. Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел, хранящиеся в фонде 36 Национального архива Республики Калмыкия, с использованием историко-описательного, источниковедческого, содержательного, формулярного, документоведческого, лингвистического анализа. *Анализ.* Определено, что переписка представлена двумя типами: русско-калмыцкой (где инициаторами выступают представители органов власти России) и калмыцко-русской (где инициаторами выступают представители калмыцкой власти), при этом обосновывается целесообразность использования термина *калмыцкий*, а не *ойратский*. В письмах раскрываются отношения между Российским государством и Калмыцким ханством, деятельность конкретных лиц, их взаимодействие, особенности официальной коммуникации и порядок ведения делопроизводства в сфере межгосударственных связей; отражаются правила речевого этикета, особенности русского и калмыцкого языков, их взаимовлияние (в русском – калмыцкие и европейские заимствования, устаревшие слова, черты живого произношения). Материал демонстрирует такое документное свойство официальных писем, как системность. *Результаты.* Доказано, что русско-калмыцкая переписка XVIII в. представляет собой значимый источник по истории России и Калмыкии, русского и калмыцкого языков, а также самостоятельный объект изучения. При этом возможны как аспектные исследования переписки, так и ее комплексный анализ с точки зрения речевой организации текстов, документных свойств писем, определяемых внешними условиями – историческим контекстом, делопроизводством, конкретными событиями, отношениями между органами власти и их отдельными представителями. Необходимым и перспективным является изучение источников совместными усилиями специалистов в области истории, филологии, этнографии и других наук. *Вклад авторов.* Д.А. Сусеева предложила идею статьи, обосновала термин *калмыцкий* для названия народа, его языка и письменности в XVIII в., описала порядок работы с калмыцкими письмами в российских учреждениях, привела пример междисциплинарного исследования русско-калмыцко-казахской переписки, подобрала документы для анализа. О.А. Горбань провела анализ выбранных текстов, раскрыв возможности их комплексного исследования в источниковедческом, лингвистическом, жанровом, документоведческом аспектах, осуществила написание окончательного текста статьи.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, Российское государство, XVIII век, Калмыцкая комиссия при Коллегии иностранных дел, русско-калмыцкая официально-деловая переписка, калмыцко-русская официально-деловая переписка.

Цитирование. Сусеева Д. А., Горбань О. А. Официально-деловая переписка XVIII в. между русскими и калмыцкими органами власти: аспекты научного исследования (на материале документов Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 75–93. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.7

Введение. В настоящее время представителями различных наук активно ведется изучение собраний деловой письменности не только центральных, но и региональных архивов. Для историков местные архивные материалы являются уникальными источниками по политической, экономической, социальной, культурной истории региона в контексте истории государства. Лингвистам они дают обширные данные для описания развития языка во всем

многообразии его функциональных и территориальных разновидностей. Одним из богатейших хранилищ является Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК), содержащий 1 550 фондов, в которых находятся 446 588 единиц хранения (с 1713 г. по настоящее время) [13, с. 190]. Как отмечают в своем обзоре источниковой базы истории калмыцкого народа К.Н. Максимов и Р.Б. Тогаева, в этой сфере имеется целый ряд проблем: рассредоточенность документов по центральным и региональным архивам, доступность документов, их сохранность, введение в научный оборот и др. [13]. Собрание НАРК привлекается разными учеными, тем не менее многие исследовательские задачи еще ждут своего решения.

Настоящая работа посвящена официально-деловой переписке XVIII в. между представителями органов власти Российского государства и Калмыцкого ханства.

Первым о наличии русско-калмыцкой переписки XVIII в. и ее видах заговорил Н.Н. Пальмов (1873–1934). Поднимая вопрос об этих источниках, он указывал, что «громадное количество документов, относящихся к калмыцкой истории, написано на калмыцком и, отчасти, на татарском языках, доступных ограниченному кругу филологов-монголоведов и тюрковедов» [16, с. 28]. Помимо этих трудностей для исследователей, ученый обратил внимание и на неточности хранящихся в архиве «старинных» русских переводов калмыцких деловых писем, так что «историк не всегда может на них полагаться» [16, с. 28].

Заслуга Н.Н. Пальмова заключается не только в том, что он открыл для науки новый объект изучения, но и в том, что он первый указал на междисциплинарность исследований переписки. Ученый прямо говорил, что «...историк калмыцкого народа должен искать содействия специалистов монгольской и тюркской филологии и ожидать, когда они исполнят нелегкую задачу перевода калмыцких и татарских текстов на русский язык и сделают их достоянием широкого круга ученых. Разработка калмыцкой истории предполагает участие в ней целой плеяды ученых и образованных работников. Здесь необходимы и лингвисты, и этнографы, и юристы, и археологи, и экономисты, и художники» [16, с. 28].

Заметный вклад в изучение истории калмыков, в том числе на основе переписки, внесли отечественные и зарубежные исследователи Н.Н. Пальмов [16], М.Л. Кичиков [7], М.М. Батмаев [2], Э. Хёниш [30], Дж.Р. Крюгер и Р.Дж. Сервис [31] и др. Рассматриваемые архивные материалы используются в трудах, посвященных внешней политике России XVIII в. [3], истории отдельных калмыцких улусов [26] и др.

Основные направления филологических исследований переписки XVIII в. в основном связаны с изучением официально-деловых писем калмыцких ханов на калмыцком языке. Имеются публикации, содержащие лингвистическое описание деловых писем хана Аюки [20], хана Дондук-Даши [8], наместника Калмыцкого ханства Убаши [17], а также русских переводов XVIII в. писем калмыцких ханов и их современников [21; 25; 28]. Но, к сожалению, работ, посвященных изучению документов на русском языке в адрес руководителей Калмыцкого ханства и их переводов на калмыцкий язык, – единицы. К их числу, например, относится статья И.В. Кульганек, где рассматривается Указ императрицы Анны Иоанновны 1735 года о назначении Главным правителем калмыцкого народа Дондук-Омбо [11]. Русско-калмыцкой переписке XVIII в. в настоящее время пока уделено мало внимания, однако она является надежным источником для решения многих важных вопросов, касающихся истории как русского языка, так и калмыцкого.

Вопрос о междисциплинарности исследований переписки после Н.Н. Пальмова практически не поднимался, хотя материал, которым располагает НАРК, и сегодня позволяет работать в этом направлении совместно лингвистам, историкам, экономистам, географам, археологам, фольклористам, этнографам и др. Подтверждением тому может служить проект по изучению документов XVIII в. фонда 36 НАРК, представляющих собой русско-калмыцко-казахскую переписку периода, когда главой Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел и астраханским губернатором был В.Н. Татищев. Ж.Б. Кундакбаевой, И.В. Торопицыным и Д.А. Сусеевой на материале документов Калмыцкой комиссии была раскрыта тема «Русско-калмыцко-казахские

отношения». В ходе совместного исследования были решены задачи: 1) исторического характера (Ж.Б Кундакбаевой и И.В. Торопицыным проанализированы взаимоотношения России с народами северного Прикаспия в 1741–1745 гг.; факторы, влиявшие на формирование политики государства в отношении кочевых народов Прикаспия; процесс урегулирования калмыцко-казахских отношений); 2) лингвистического характера (Д.А. Сусеевой рассмотрен процесс нормализации и стандартизации делового языка на Юге России). Результаты отражены в 9 совместных статьях (см., например: [12; 22; 23]) и подтверждают актуальность подобных исследований.

Кроме того, в настоящее время отсутствуют полное описание жанров документов фонда в плане внешней обусловленности жанровых параметров и их языковой репрезентации, их документоведческий анализ, требующие междисциплинарного подхода. Цель данной статьи – обосновать значимость русско-калмыцкой переписки не только как источника, но и как объекта научных исследований и показать возможности ее разноаспектного, а также комплексного изучения и описания с указанных позиций.

Методы и материалы. Материалом исследования являются документы фонда 36 «1. Государственное управление. Состоящий при Калмыцких делах при астраханском губернаторе» НАРК [24, с. 21–22]. Фонд включает 423 дела (1713–1771 гг.), в которых хранятся официальные документы на русском и калмыцком языках, составляющие переписку представителей органов власти Российского государства и Калмыцкого ханства XVIII века. Дела имеют разный объем: одни включают в себя 250–500 листов, другие – до 1 600. Тысячи документов – это обращения калмыцких ханов и их современников в адрес российских центральных и региональных органов власти, написанные на старописьменном калмыцком языке «тодо бичиг»; тысячи – соответствующие им русские переводы, написанные скорописью.

Авторы опирались на принципы историзма, объективности, а также комплексности, заключающейся в разностороннем описании объекта с учетом его внутренних и внешних связей с использованием совокупности методов: историко-описательного, источниковедческого, содержательного, формулярного, документоведческого, лингвистического анализа.

Анализ. Определение объекта исследования сопряжено с тем, что среди ученых нет единого понимания терминов *калмыцкий язык* и *русско-калмыцкая переписка*. Несмотря на то что в историографии утверждение о формировании в пределах Российского государства новой этнической группы – калмыков – устоявшееся, в общественной и культурной жизни бытуют представления о том, что калмыки – это прежде всего ойраты, являющиеся частью тех ойратов, которые проживают сегодня в Китае. Более того, в научной литературе, посвященной XVIII в., все еще встречается непоследовательное употребление, а порой и смешение наименований *ойраты* и *калмыки*. Например, в работах Д.Б. Гедеевой и ряда других авторов калмыцкий язык называется либо ойратским, либо калмыцким [5], в работе Н.О. Кокшаевой – то ойратским, то калмыцким [8, с. 16, 17, 40].

Мы придерживаемся той точки зрения, что язык калмыков следует называть *калмыцким*, соответственно, письменный язык – *калмыцким*, а не *ойратским письменным языком.* Переписку между русскими и калмыцкими органами власти XVIII в. целесообразно называть *русско-калмыцкой* или *калмыцко-русской*. В этот период в составе Российского государства проживал народ, который по всем официальным документам из НАРК назывался *калмыцким*, а не *ойратским*.

Как известно, в начале XVII в. несколько крупных владельцев ойратского происхождения (торгутских, дербетских, хошутских и др.) вместе с подвластными им людьми перекочевали из Центральной Азии в Прикаспийскую низменность и добровольно вошли в состав России. Тем самым были заложены основы для формирования новой народности – калмыцкой. Калмыцкий народ и его язык – это новые явления, которые возникли именно благодаря вхождению нескольких родственных племен ойратского происхождения в состав России. Здесь, в новых условиях и на новой территории, их диалектные языки получили новую траекторию развития, которая способствовала не только их быстрому сближению,

но и формированию на их основе нового для монгольского мира языка – калмыцкого, отличающегося от других языков ойратского происхождения.

Сегодня калмыцкий язык – это язык калмыцкого народа как результата сближения и слияния нескольких родственных племен ойратского происхождения на территории Российского государства. С момента вхождения торгутов, дербетов, хошутов в состав России окружавшие их народы (русские, татары, кабардинцы, башкиры и др.) рассматривали их как части одного народа – калмыцкого. В Европе он был известен с XVII в., о чем свидетельствуют труды исследователей калмыцкого (не ойратского!) народа и его языка XVII–XVIII вв. [1; 6, с. 137; 32; 33].

Таким образом, официально-деловая переписка между представителями разных уровней власти Российского государства и Калмыцкого ханства может называться *русско-калмыцкой* или *калмыцко-русской* уже с XVII в., поскольку она осуществлялась на русском и калмыцком языках.

Русско-калмыцкая переписка – это та, где инициаторами выступают представители российских органов власти (император, императрицы, губернаторы, комендантs волжских городов), а получателями – представители калмыцкой власти. В качестве примера можно назвать документ на калмыцком языке, посланный комендантом г. Кизляра генерал-майором Н. Потаповым наместнику Калмыцкого ханства Убаши 18 февраля 1767 г., и его русскоязычный оригинал. Оба документа опубликованы в [20, с. 817, 818].

Инициаторами в русско-калмыцкой переписке выступали не только представители местных органов власти, но порой и первые лица государства, например Петр I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна. В качестве примера здесь представлена копия грамоты Петра I хану Аюке. Оригинал этой грамоты в свое время был отправлен хану Аюке, а ее копия, согласно порядку делопроизводства, послана астраханскому губернатору и сохранилась в НАРК [9] (рис. 1, 2).

Текст грамоты убеждает в значимости источника как для исторических, так и для лингвистических исследований: здесь содержатся упоминания лиц (*Аюкаи ханъ*, *Дунду Анбо*, *Чандержап*, *Досангъ*), раскрываются их взаимоотношения (*Досангъ з братьями своими и з другими находятся в несогласіи и в ссорахъ* [1]), обеспокоенность российского государя междоусобной войной за наследство и призыв к прекращению вражды (*дабы они между собою жили согласно и спокойно, и отнюд бы болѣе таких ссор и нападения другъ на друга чинить не дерзали*), новые реалии государственного устройства, воинские и гражданские чины (*императорскогѡ величества*, *губернатору астраханскому*, *капитану*, *канцеляристъ*), называются географические объекты (*у реки Перекети*, *в Санктъ Питербурге*, *Астраханскогѡ*) и др. В тексте также отражаются черты русского делового языка рассматриваемого периода, например: постановка спрягаемой части сказуемого в конце предложения (*известно учинилось*), использование архаичных грамматических форм (*с воиски*, *пришед*), книжных слов (*вяще*), новых заимствований (*копия*, *императорский*, *капитан*, *губернатор*) и др. Общим для историков и филологов можно считать вопрос о способах передачи калмыцких имен собственных на русском языке, касающийся, с одной стороны, проблемы индентификации исторической личности, с другой – путей освоения иноязычных имен русским языком, и в целом – унификации правил их написания и склонения в современных текстах (*Аюкаи*, *Аюкаю*, ср. совр. *Аюка*, *Аюке*; *Дунду Анбо*, ср. совр. варианты – несклоняемое *Дондук-Омбо*, склоняемое в Род. п. – *Дондука Омбо*, *Дондук Омбы*; *Чандержап*, ср. совр. варианты *Чакдоржаб*, *Чакдорджаб* и др.). Сопоставительный анализ русских и калмыцких текстов позволит выявить использовавшиеся способы перевода и степень его точности, а также особенности обоих языков.

Калмыцко-русская переписка – это такая, где инициаторами выступают представители калмыцкой власти (калмыцкие ханы, наместники ханства, тайши, нойоны), а получателями – представители российских органов власти. Если адресантом оказывалась калмыцкая сторона, то документ посылался на калмыцком языке и в канцелярии адресата переводился на русский. Ответ адресата инициатору давался тоже на калмыцком языке. Приме-

ром может служить письмо хана Дондук-Омбо от 24 апреля 1740 г. астраханскому губернатору князю М.М. Голицыну на калмыцком языке [19] (рис. 3) и в русском переводе [18] (рис. 4).

В Астрахани письмо было получено 2 мая, в тот же день переведено на русский язык. Чтобы дать обоснованный ответ на просьбу калмыцкого хана о выдаче ему пороха, свинца и железа, князю М.М. Голицыну пришлось изучать основания для ее выполнения, о чем свидетельствует подготовленный по его распоряжению документ [4]. 14 мая 1740 г. астраханский губернатор пишет ответ на русском языке; в НАРК сохранился его черновик [15] (рис. 5). В тот же день письмо было отправлено хану Дондук-Омбо в переводе на калмыцкий язык; оно хранится в НАРК в черновом варианте [14] (рис. 6, 7).

Названные документы, небольшие по объему, содержат исторические сведения об отношениях между Российским государством и Калмыцким ханством, их взаимных обязательствах (ссылки на высочайший указ), организационной деятельности астраханского губернатора по выполнению этих обязательств с российской стороны, о способах связи (передача писем через нарочных, посланников); отражаются в них также административно-территориальные реалии (Черный Яр, Астраханская губерния), некоторые элементы быта (мерлушковый тулуп).

Анализ текстов позволяет судить о делопроизводстве в российских учреждениях. Так, к собственно тексту письма хана Дондук-Омбо в переводе добавлены реквизиты, отражающие название документа (*перевод с письма*), указывающие на лицо, передавшее письмо (*зайсанг Чеметь*), на даты написания и получения документа (*Писано 24го апреля 1740го году*; *полученнаго… 2го маия 1740го году*), наличие печати у оригинала (*У писма печать Дондукъ ѡмбы хана калмыцкого*), лицо, переводившее текст (*Переводчикъ Гаврило Калышкин*), дату выполнения перевода (*1740 году маия въ .2. день*), а также запись, свидетельствующая о порядке работы с документами: внесение в книгу входящих и исходящих, передача в соответствующий отдел учреждения – повытье – для сверки с указами, доклад вышестоящему лицу о выполнении (*записать в книгу отдать в повыте исправясь со указами а писав доложить*). В ответе имеется ссылка на полученное письмо (*Сего маия 2го числа получил я от вашего сиятелства… писмо*), указываются дата отправки (*Таково отправлено 14 маия 1740го году*) и лицо, с которым оно отправлено (*с Чеметем*).

Речевая структура текстов писем дает представление о правилах деловой коммуникации: используются формулы речевого этикета, выражающие адресата и адресанта (обращения *верному другу генералу*, *светлеиши калмыцкои ханъ*, *мои приятнеиши другъ*; представление *вашъ приятнеиши другъ* и др.), действия как знак уважения и почтения (передача подарка), благодарность за подарок (*попремного благодарствую*) и ответные действия (*такими ж мерами служит вам имею*).

Лингвистический анализ важен для изучения истории двух языков. Так, в приведенных русскоязычных текстах можно выделить калмыцкое (*зайсанг*) и европейские (*кригскомиссар*, *губернатор*, *губерния*) заимствования, устаревшую лексику (*мерлущатый* = *мерлушчатый*, ср. совр. преимущественно *мерлушковый* или *мерлушечий*), неустойчивое грамматическое оформление имени *Дондукъ ѡмбѡ*, которое в Им. пад. имеет окончание *-о*, как в среднем роде, а в Род. пад. – *-ы*, как у имен муж. и жен. рода на *-а*. Графика и орфография отражают особенности письма, в частности употребление букв ѡ, ѕ, ѯ, к этому времени упраздненных в гражданской азбуке, а также некоторые черты живого произношения: «аканье»; *шч* = *щ*, редукция безударного *а* и окончание *-ой* вместо *-ый* в слове *мерлу**щет**ои* и др. Интересно написание *кри**ѯ**ъ* вместо *кригсъ* (заимствованная из немецкого языка часть сложных наименований военных должностей и учреждений): оглушение звука *г* перед *с* дало сочетание *кс*, которое по традиции передано буквой ѯ. Исследование может быть проведено и в сопоставительном аспекте для выявления межъязыковых соответствий и точности перевода. Полученные результаты найдут применение в создании грамматик и словарей двух языков данного периода.

Названные и другие вопросы могут решаться при аспектных исследованиях источников. Возможен также комплексный подход к текстам писем с позиций теории жанров, документной лингвистики с учетом как языковых средств, так и внеязыковой действительности, которая является средой и условием создания писем.

Письма интересны как образцы жанра и могут быть проанализированы с точки зрения жанровых параметров (о жанровой модели документа см.: [29]) и речевых средств их репрезентации, которая обусловлена историческими условиями (вид документа, характер адресанта и адресата, их взаимоотношений, место создания, передаваемое событие и т. д.), состоянием языка, языковой традицией (книжной, деловой, разговорной). Такое описание, например, писем В.Н. Татищева в бытность его главой Калмыцкой комиссии свидетельствует о характерных признаках делового письма – разнонаправленности коммуникации, полифункциональности, наличии обязательных и факультативных элементов формуляра и др. [27] – и ставит задачу более активного привлечения русско-калмыцкой переписки для расширения сведений об этом жанре.

Комплексное изучение текстов в русле документной лингвистики предполагает исследование их речевой специфики в связи со свойствами писем как документов – функциональностью, структурностью, системностью – при помощи документоведческого анализа. Рассмотренный выше фрагмент переписки ярко демонстрирует такое свойство документа, как включенность в определенную систему документации [10, с. 9]. Здесь мы видим связь между следующими единицами: инициирующее письмо на калмыцком языке; его русский перевод; книга записи входящих и/или исходящих, где они регистрируются; ответ на русском языке; его перевод на калмыцкий; высочайший указ, в соответствии с которым просьба инициатора переписки и ее выполнение правомерны; выписка из документов, подтверждающая случаи выполнения указа. В текстах это эксплицируется ссылками на другие документы; наличие каждого из элементов данной микросистемы и последовательность их создания определены реальной ситуацией и порядком делопроизводства. Документоведческий анализ призван определить место документа в системе, его функции (информирующую, разъясняющую, предписывающую и др.), композиционно-содержательную структуру (составные части, формуляр) и собственно речевую организацию (языковые средства, реализующие функцию документа, образующие его композицию, представляющие реквизиты, содержание, стиль и т. д.) [10]. При исследовании источников прошлых эпох такое их описание невозможно без знания исторического контекста, особенностей деловой коммуникации, ведения документации и других экстралингвистических данных.

Комплексный подход целесообразен при решении проблемы издания русско-калмыцкой переписки, подготовка которого предполагает предварительное археографическое описание, а научный аппарат включает источниковедческое, историческое, лингвистическое и иное комментирование.

Результаты. Официально-деловая переписка между представителями власти Российского государства и Калмыцкого ханства XVIII в., хранящаяся в НАРК, – это значимый по своему содержанию и репрезентативности источник для изучения истории России и Калмыкии, русского и калмыцкого языков. Для ее наименования уместным является термин *калмыцкий*, а не *ойратский*, поскольку в рассматриваемый период можно говорить о формировании калмыцкой народности и калмыцкого языка как самостоятельных.

Документы дают сведения о реальных действиях участников переписки, направленных на развитие и дальнейшее укрепление русско-калмыцких отношений, о событиях, обусловивших эти действия (наличие законодательно установленных взаимных обязательств, деятельность должностных лиц по выполнению этих обязательств, частные действия как проявление личного уважения и т. д.).

Изучение русско-калмыцкой переписки позволяет внести ясность в использование важных для того времени слов, лучше понять закономерности развития и взаимодействия русского и калмыцкого языков, особенности официального общения как проявления традиций речевой культуры двух народов (употреб-

ление формул речевого этикета). Источники расширяют представление об особенностях русского литературного языка в период его формирования как национального, пополняют материал, который может использоваться в лексикографической практике (наличие заимствований из европейских и калмыцкого языков, устаревших слов). Переписка, представляющая собой единственный и уникальный источник по живому калмыцкому языку XVIII в., может служить надежной базой как для создания грамматики калмыцкого языка XVIII в. (синхронный тип), так и для исторической грамматики XVII–XIX вв. (диахронный тип).

Переписка может выступать не только как источник, но и как объект исследования – аспектного (источниковедческого, лингвистического и др.) и комплексного. Письма – это прежде всего тексты, которые могут быть рассмотрены в качестве образцов жанра и в качестве документов с присущими им свойствами. Их комплексный анализ призван раскрыть особенности речевой реализации основных жанровых параметров (адресанта, адресата, функции, структуры и др.), формуляр документов, правила делопроизводства, место писем в системе документации, порядок работы с ними (осуществление перевода полученных писем, регистрация оригиналов и переводов, а также ответных писем и т. д.). Такие исследования предполагают внимание к внутренней стороне текстов и к внешней реальности, обусловливавшей их создание и функционирование, требуя междисциплинарного подхода.

Необходимость анализа документов фонда с рассмотренных позиций подтверждается, помимо общих с другими документами черт, и их оригинальностью.

Привлечение сведений из истории, источниковедения, исторической лингвистики необходимо при подготовке документов к публикации.

Основанное на изучении русско-калмыцкой / калмыцко-русской переписки полное и достоверное знание об отношениях между Российским государством и Калмыцким ханством в XVIII в., взаимоотношениях между их представителями как отдельными личностями, о специфике официального речевого (письменного) общения, о культуре двух народов, истории их языков может быть получено только совместными усилиями историков, филологов, этнографов, представителей других общественных и гуманитарных наук.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] При передаче текстов служебные слова пишутся отдельно, титла раскрываются, выносные буквы приводятся в строке, имена собственные – с прописной буквы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

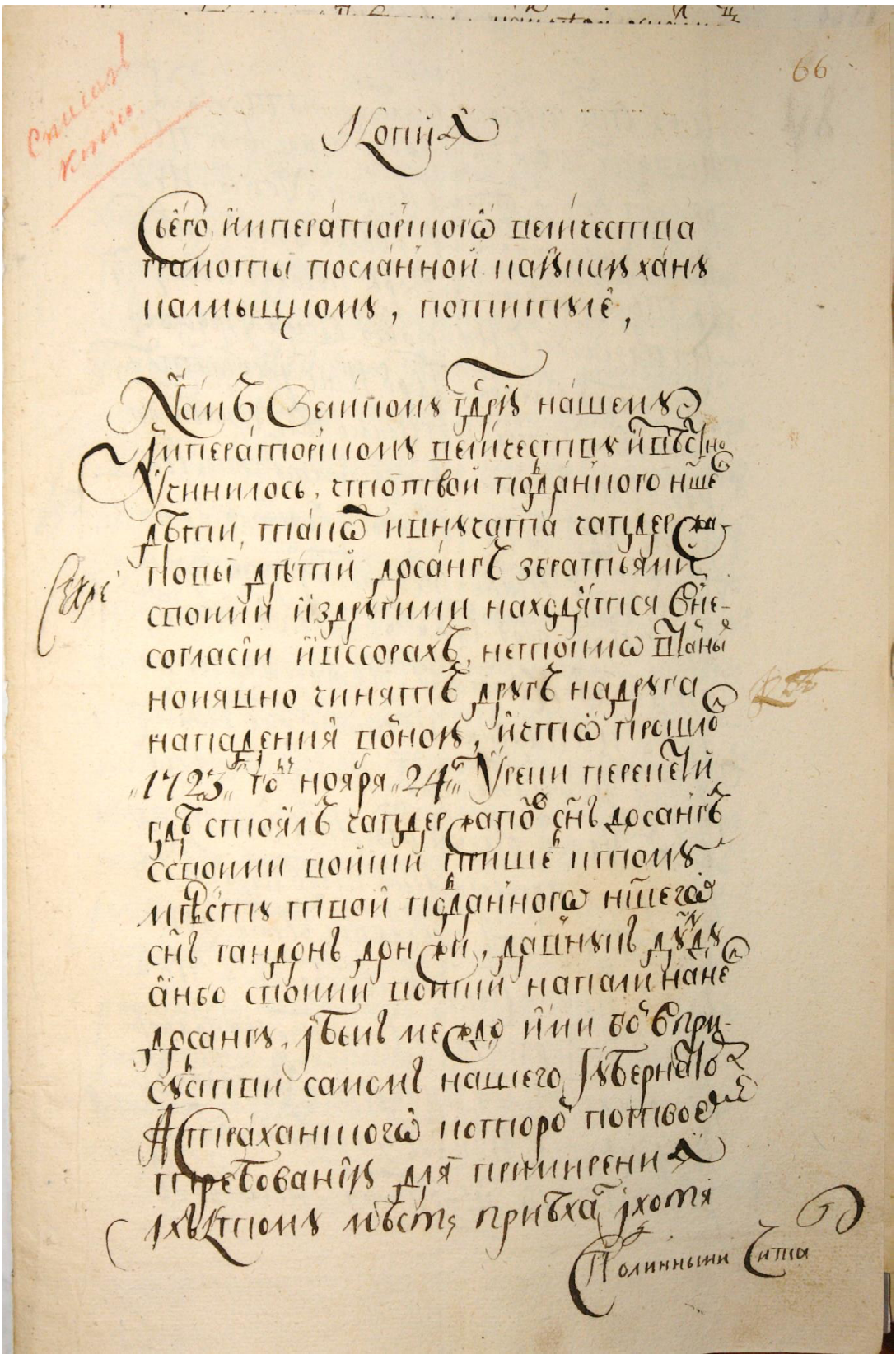


Рис. 1. Копия грамоты Петра I хану Аюке (начало)
Fig. 1. Copy of the letter of Peter I to Khan Ayuka (beginning)

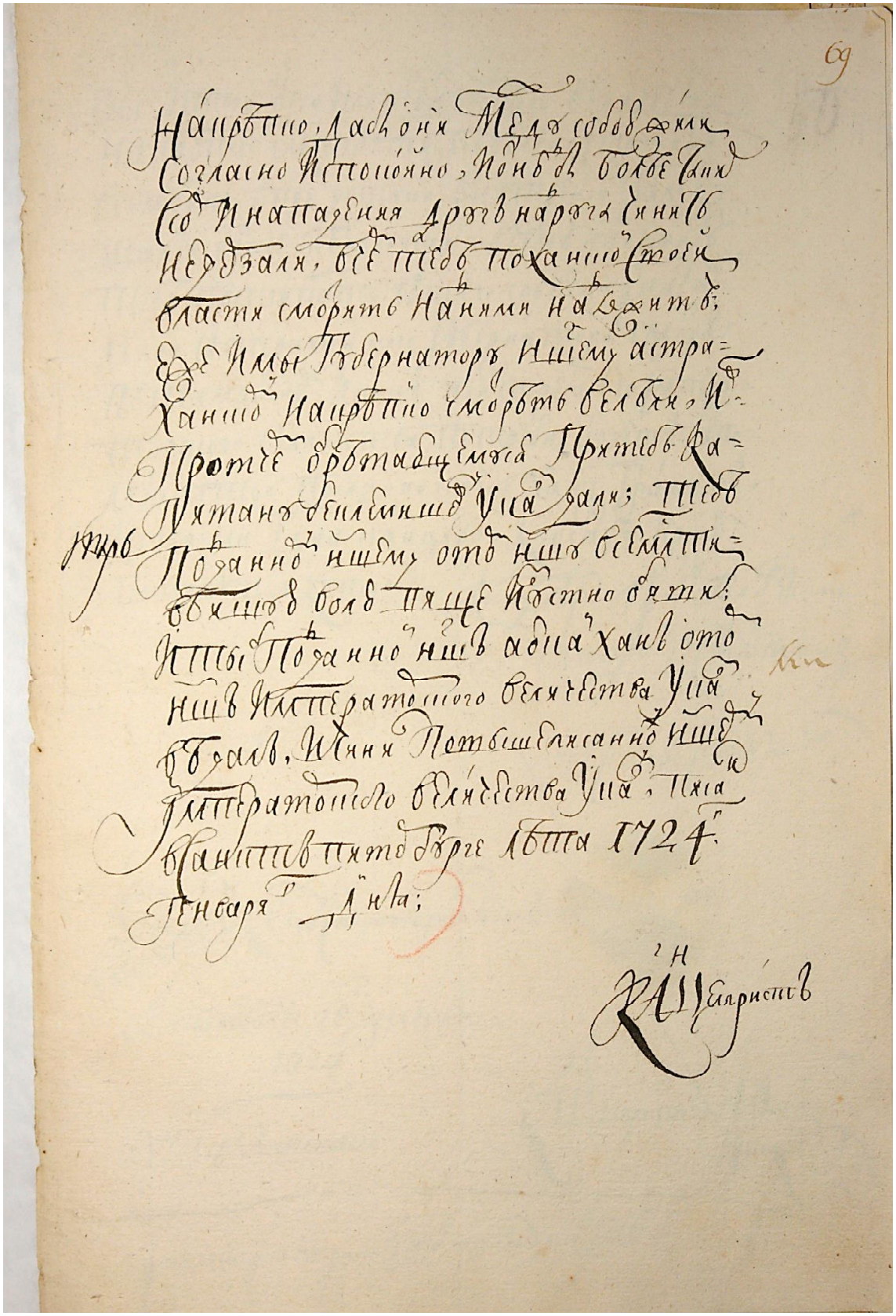


Рис. 2. Копия грамоты Петра I хану Аюке (окончание)
Fig. 2. Copy of the letter of Peter I to Khan Ayuka (end)

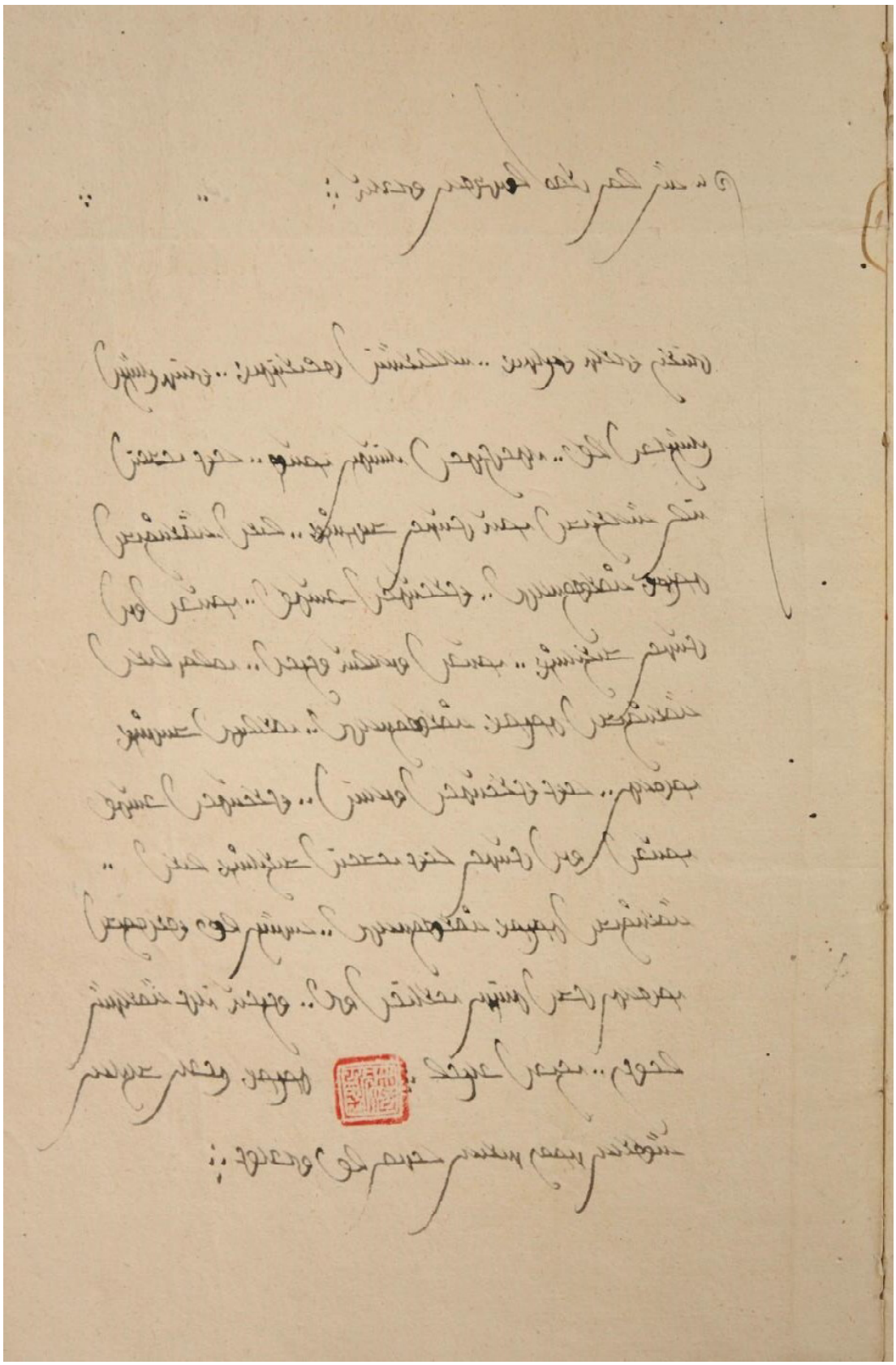


Рис. 3. Письмо хана Дондук-Омбо астраханскому губернатору князю М.М. Голицыну
Fig. 3. Letter from Khan Donduk-Ombo to the Astrakhan Governor Prince M.M. Golitsyn

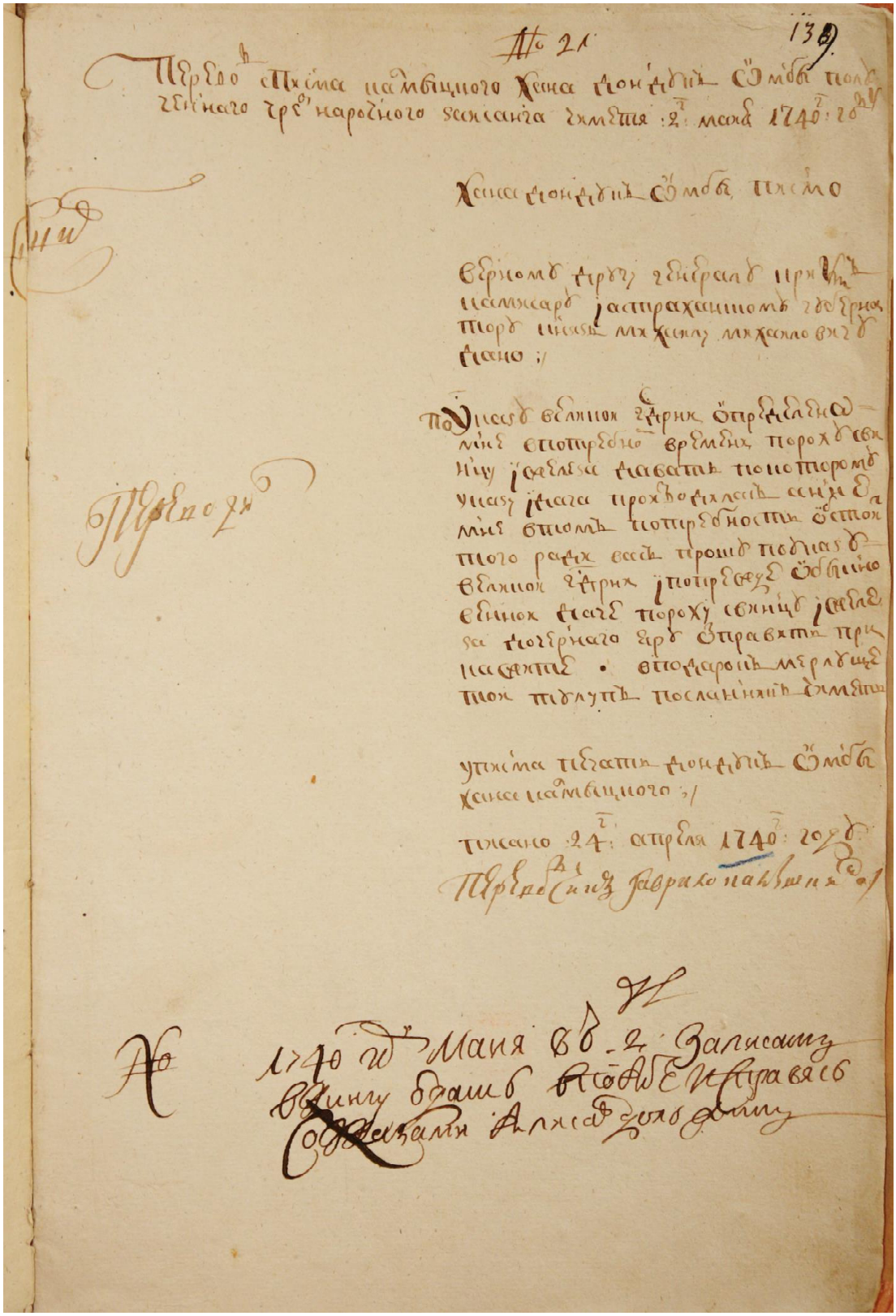


Рис. 4. Письмо хана Дондук-Омбо князю М.М. Голицыну в переводе на русский язык
Fig. 4. Letter from Khan Donduk-Ombo to Prince M.M. Golitsyn, translated into Russian

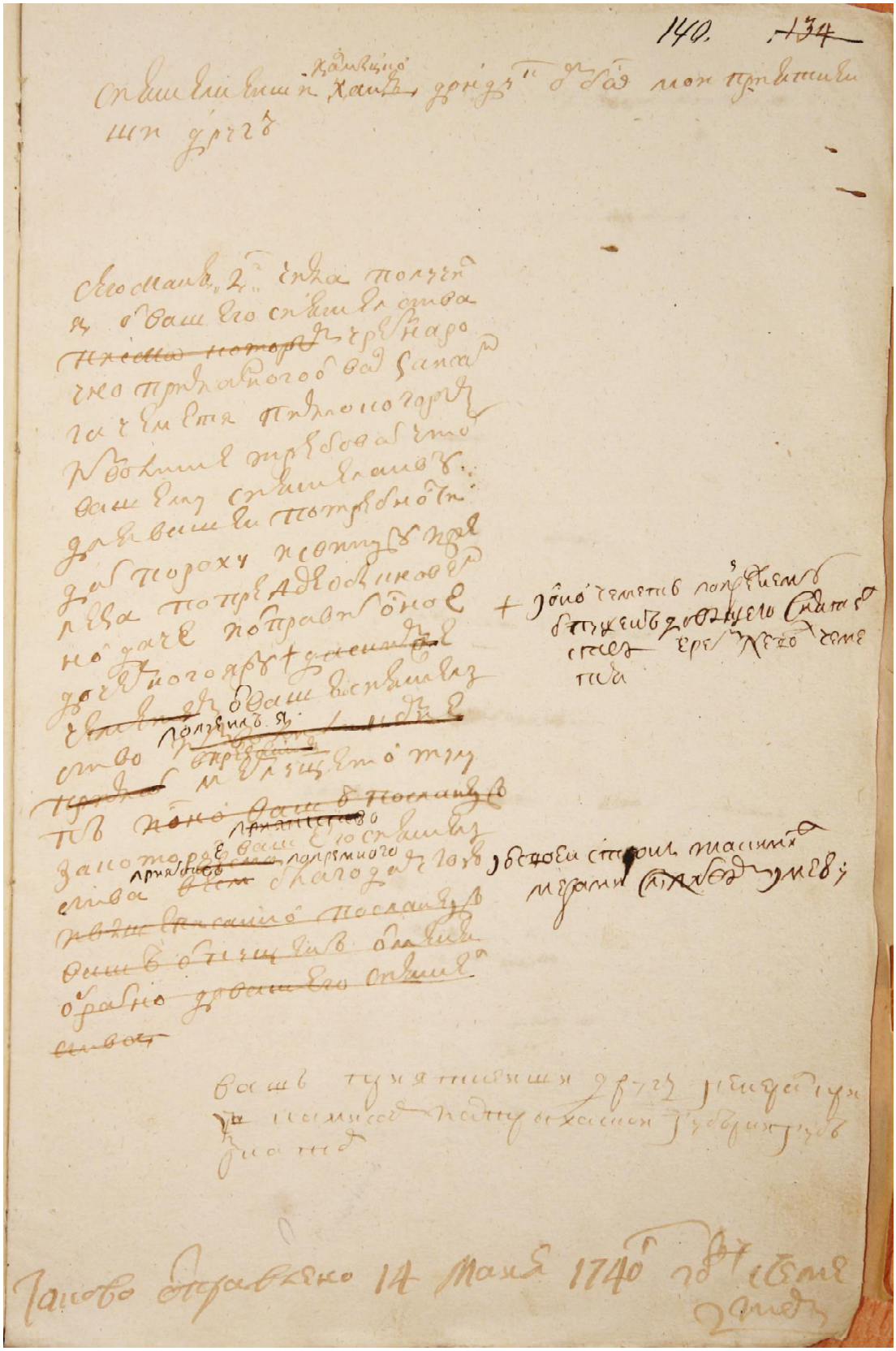


Рис. 5. Ответ князя М.М. Голицына хану Дондук-Омбо на русском языке
Fig. 5. Prince M.M. Golitsyn's reply to Khan Donduk-Ombo in Russian

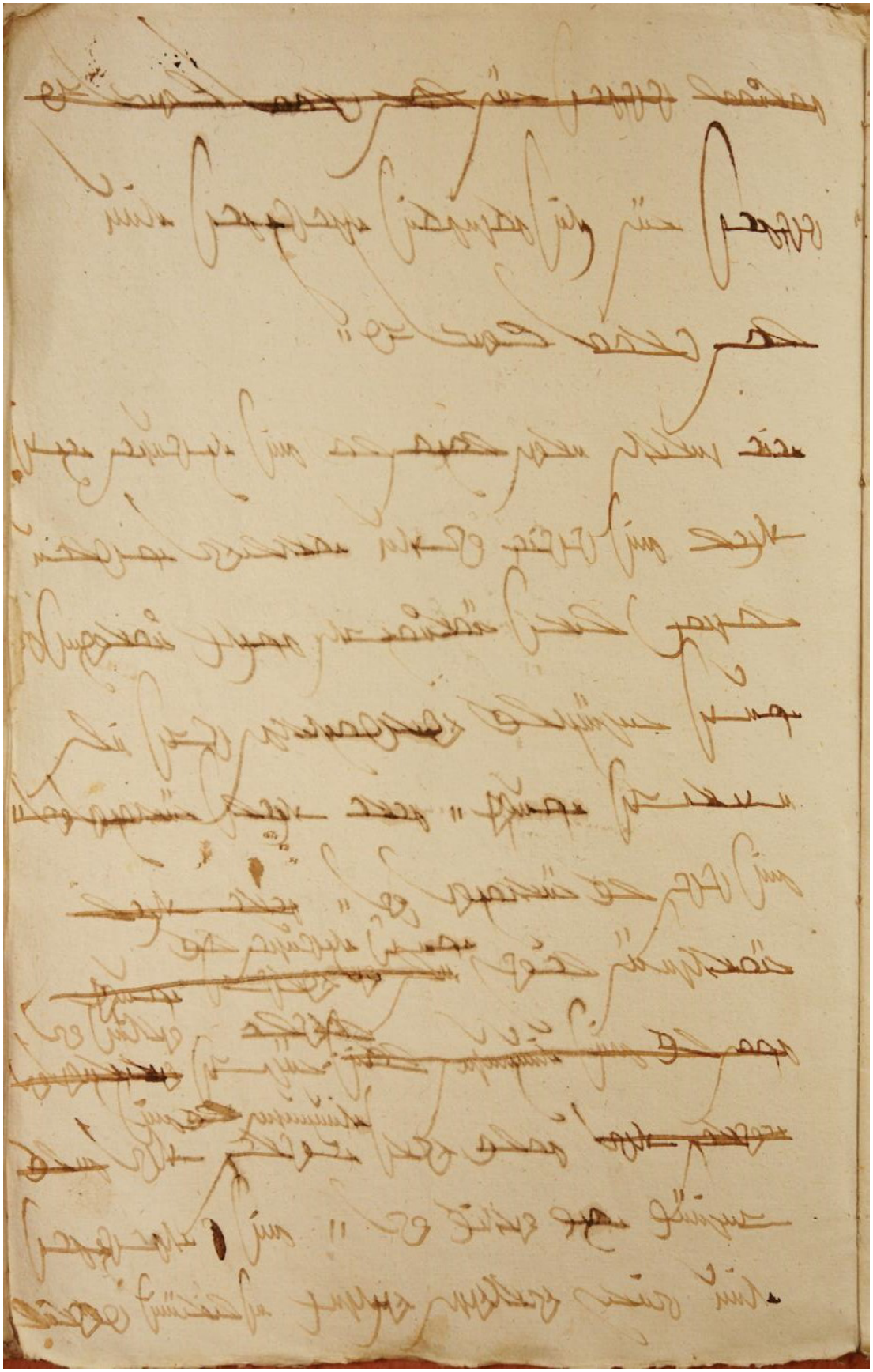


Рис. 6. Ответ князя М.М. Голицына хану Дондук-Омбо в переводе на калмыцкий язык (начало)
Fig. 6. Prince M.M. Golitsyn's reply to Khan Donduk-Ombo, translated into Kalmyk (beginning)

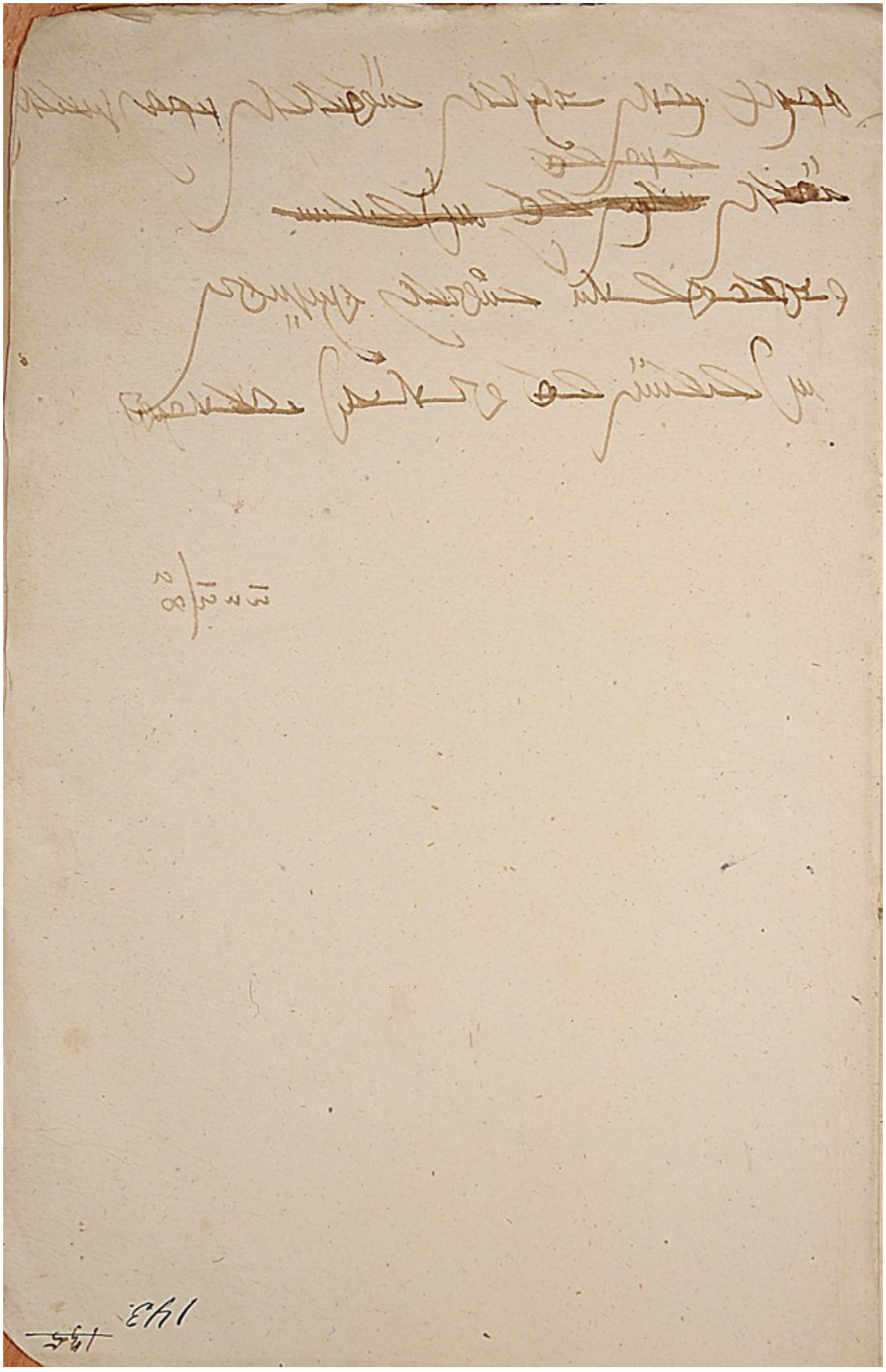


Рис. 7. Ответ князя М.М. Голицына хану Дондук-Омбо в переводе на калмыцкий язык (окончание)
Fig. 7. Prince M.M. Golitsyn's reply to Khan Donduk-Ombo, translated into Kalmyk (end)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1995. 153 с.

2. Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 2002. 400 с.

3. Болдырева О. Н. Калмыцкое ханство в восточной политике России с начала XVIII в. и до 1771 г. // Наука и современность. 2016. № 1 (7). С. 256–269. DOI: 10.17117/ns.2016.01.256

4. Выписка из указа императрицы Анны Иоанновны о выдаче хану Дондук-Омбо при необходимости пороху, свинца и железа и из документов, подтверждающих такую выдачу в 1736–1739 гг. // Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 85. Л. 141–142.

5. Гедеева Д. Б. Правовая лексика в ойратском письменном языке XVII–XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 18 с.

6. Герье В. И. Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в ганноверской библиотеке. СПб.: Печ. В.И. Головина, 1871. 207 с.

7. Кичиков М. Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование Калмыцкого государства в составе России. Элиста: Калмиздат, 1966. 152 с.

8. Кокшаева Н. О. Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.). Элиста: Герел, 2011. 191 с.

9. Копия грамоты Петра I хану Аюке, 1 января 1724 г. // НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 17. Л. 66, 69.

10. Косова М. В. Метод документоведческого анализа в лингвистических исследованиях: содержание и цели // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2016. № 1 (30). С. 7–17. DOI: http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1

11. Кульганек И. В. Указ Анны Иоанновны 1735 г. о назначении Главным управителем калмыцкого народа Дондук Омбо как памятник двуязычной письменности документального жанра XVIII в. // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: материалы Междунар. науч. конф. Ч. 1. Элиста: Джангар, 2009. С. 358–363.

12. Кундакбаева Ж. Б., Сусеева Д. А. Взгляд калмыцкого наместника на политику России по укреплению Волго-Каспийского фронтира: из писем Дондук-Даши В.Н. Татищеву, 1741–1745 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 5. С. 32–41. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.3

13. Максимов К. Н., Тогаева Р. Б. Источниковая база истории Калмыкии: проблемы и пути их решения // Монголоведение. 2022. Т. 14, № 1. С. 182–196. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-182-196

14. Ответ астраханского губернатора князя М.М. Голицына калмыцкому хану Дондук-Омбо в переводе на калмыцкий язык // НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 85. Л. 140 об., 143.

15. Ответ астраханского губернатора князя М.М. Голицына калмыцкому хану Дондук-Омбо на русском языке // НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 85. Л. 140.

16. Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1992. 159 с.

17. Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.) / сост. Д. Б. Гедеева. Элиста: Джангар, 2004. 196 с.

18. Письмо хана Дондук-Омбо астраханскому губернатору князю М.М. Голицыну в переводе на русский язык, 2 мая 1740 г. // НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 85. Л. 139.

19. Письмо хана Дондук-Омбо астраханскому губернатору князю М.М. Голицыну на калмыцком языке, 24 апреля 1740 г. // НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 85. Л. 135 об.

20. Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.): избранное. Элиста: Джангар, 2009. 991 с.

21. Сусеева Д. А., Котяева Е. С., Олядыкова Л. Б., Ярмаркина Г. М. Русские переводы XVIII века деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. 744 с.

22. Сусеева Д. А., Торопицын И. В., Кундакбаева Ж. Б. Проблемы дипломатического перевода в русско-калмыцко-казахских отношениях середины XVIII в. // Вопросы истории. 2019. № 9. С.114–123. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201909Statyi17

23. Торопицын И. В., Кундакбаева Ж. Б., Сусеева Д. А. «Для твердого примирения кайсацкого народа с калмыцким надлежит показать им удовольствие». «Разменная карта» в степной дипломатии в середине XVIII в. // Oriental Studies. 2019. Т. 12, № 5 (45). С. 750–760. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-750-760

24. Фонды Национального архива Республики Калмыкия. 1713–1771 гг. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2002. 205 с.

25. Хараева А. Т. Русские заимствованные слова в калмыцком языке XVIII века: на материале официально-деловых писем калмыцких ханов XVIII века и их современников. Элиста: Джангар, 2014. 223 с.

26. Цюрюмов А. В. Новые источники по истории Дербетского улуса // Монголоведение. 2021. Т. 13, № 3. С. 440–449. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-3-440-449

27. Шептухина Е. М. Деловые письма В.Н. Татищева в жанровом аспекте (на материале документов Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024. Т. 23, № 6. С. 125–140. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.9

28. Ярмаркина Г. М. Число в калмыцких деловых текстах XVII–XVIII вв. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов) // Oriental Studies. 2022. Т. 15, № 5. С. 1173–1181. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1173-1181

29. Gorban O. A., Ilyinova E. Yu., Kosova M. V., Sheptukhina E. M. Cossack Military Charters of the Mid18th Century: Genre Distinction // XLinguae Journal. 2017. Vol. 10, iss. 3. P. 123–136. DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.10

30. Haenisch E. Kalmükische Fragmente // Ural-Altaische Jahrbücher. 1953. Bd. 25, Hft. 3/4. S. 283–294.

31. Krueger J. R., Service R. G. Kalmyk Old-Script Documents of Jsaac Jakob Schmidt, 1800–1810. Wiesbaden: O. Harrassowitz Verl., 2002. 214 p.

32. Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich und der grossen Tataren in sich begreifet... etc. Stockholm: Strahlenberg, 1730. 438 S.

33. Witsen N. C. Noord en Oost Tartarye, ofte Bondig ontwerp van eenige dier landen en volken welke voormaels bekent zijn geweest. Amsterdam: F. Halma, 1692. 467 p.

REFERENCES

1. Bakunin V.M. *Opisanie kalmyckih narodov, a osoblivo iz nih torgoutskogo, i postupkov ih hanov i vladelcev* [Description of the Kalmyk Peoples, and Especially of the Torgout Peoples, and the Actions of Their Khans and Owners]. Elista, Kalmyts. kn. izd-vo, 1995. 153 p.

2. Batmaev M.M. *Socialno-politicheskij stroj i hozyajstvo kalmykov v XVII–XVIII vv.* [Socio-Political System and Economy of the Kalmyks in the 17th and 18th Centuries]. Elista, Dzhangar Publ., 2002. 400 p.

3. Boldyreva O.N. Kalmyckoe hanstvo v vostochnoj politike Rossii s nachala XVIII v. i do 1771 g. [The Kalmyk Khanate in the Eastern Policy of Russia Since the 18th Century and up to 1771]. *Nauka i sovremennost* [Science and Modernity], 2016, no. 1 (7), pp. 256-269. DOI: 10.17117/ns.2016.01.256

4. Vypiska iz ukaza imperatricy Anny Ioannovny o vydache hanu Donduk-Ombo pri neobhodimosti porohu, svinca i zheleza i iz dokumentov, podtverzhdajushhih sluchai takoj vydachi v 1736–1739 gg. [Extract from the Decree of Empress Anna Ioannovna on the Extradition of Gunpowder, Lead and Iron to the Khan Donduk-Ombo, if Necessary, and from Documents Confirming Cases of Such Extradition in 1736–1739]. *Nacionalnyj arhiv Respubliki Kalmykija (daleye – NARK)* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 85, l. 141-142.

5. Gedeeva D.B. *Pravovaya leksika v ojratskom pismennom yazyke XVII–XVIII vv.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Legal Vocabulary in the Oirat Written Language of the 17th and 18th Centuries. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow, 1999. 18 p.

6. Gerye V.I. *Otnoshenie Lejbnica k Rossii i Petru Velikomu po neizdannym bumagam Lejbnica v gannoverskoj biblioteke* [Leibniz's Attitude to Russia and Peter the Great According to Leibniz's Unpublished Papers in the Hanover Library]. Saint Petersburg, Pech. V.I. Golovina, 1871. 207 p.

7. Kichikov M.L. *Istoricheskie korni druzhby russkogo i kalmyckogo narodov. Obrazovanie Kalmyckogo gosudarstva v sostave Rossii* [Historical Roots of Friendship of Russian and Kalmyk Peoples. Formation of the Kalmyk State as Part of Russia]. Elista, Kalmizdat, 1966. 152 p.

8. Kokshaeva N.O. *Jazykovye osobennosti epistoljarnogo nasledija kalmyckogo hana Donduk-Dashi (seredina XVIII v.)* [Linguistic Features of the Epistolary Heritage of the Kalmyk Khan Donduk-Dashi (Mid-18th Century)]. Elista, Gerel Publ., 2011. 191 p.

9. *Kopija gramoty Petra I hanu Ajuke, 1 yanvarya* [Charter of Peter I to Ayuka Khan. Copy.]. *NARK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 17, l. 66, 69.

10. Kosova M.V. Metod dokumentovedcheskogo analiza v lingvisticheskih issledovanijah: soderzhanie i celi [Documental Analysis Method in Linguistic Research: Content and Objectives]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2016, no. 1 (30), pp. 7-17. DOI: http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1

11. Kulganek I.V. Ukaz Anny Ioannovny 1735 g. o naznachenii Glavnym upravitelem kalmyckogo naroda Donduk Ombo kak pamjatnik dvujazychnoj pismennosti dokumentalnogo zhanra XVIII v. [Anna Ioannovna's Decree of 1735 on the Appointment of the Chief Administrator of the Kalmyk People Donduk Ombo as a Monument to Bilingual Writing of the Documentary Genre of the 18th Century]. *Edinaya Kalmykiya v edinoj Rossii: cherez veka v budushchee: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Ch. 1* [United Kalmykia in United Russia: Through the Centuries into the Future. Proceedings of the International Scientific Conference. Pt. 1]. Elista, Dzhangar Publ., 2009, pp. 358-363.

12. Kundakbaeva Zh.B., Suseeva D.A. Vzgljad kalmyckogo namestnika na politiku Rossii po ukrepleniju Volgo-Kaspijskogo frontira: iz pisem

Donduk-Dashi V.N. Tatishchevu, 1741–1745 gg. [On the View of Kalmyk Khan to the Activites of Russia in the Volga-Caspian Frontier: From the Letters of Donduk-Dashi to V. Tatishchev, 1741–1745]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 32-41. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.3

13. Maksimov K.N., Togaeva R.B. Istochnikovaja baza istorii Kalmykii: problemy i puti ih reshenija [Sources in the History of Kalmykia: Problems and Solution Approaches]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies], 2022, vol. 14, no. 1, pp. 182-196. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-182-196.

14. Otvet astrahanskogo gubernatora knjazja M.M. Golicyna kalmyckomu hanu Donduk-Ombo v perevode na kalmyckij jazyk [The Reply of the Astrakhan Governor Prince M.M. Golitsyn to the Kalmyk Khan Donduk Ombo in the Kalmyk Translation]. *NARK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 85, l. 140 r., 143.

15. Otvet astrahanskogo gubernatora knjazja M.M. Golicyna kalmyckomu hanu Donduk-Ombo na russkom jazyke [The Reply of the Astrakhan Governor Prince M.M. Golitsyn to the Kalmyk Khan Donduk-Ombo in Russian]. *NARK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 85, l. 140.

16. Palmov N.N. *Ocherk istorii kalmyckogo naroda za vremja ego prebyvanija v predelah Rossii* [An Essay on the History of the Kalmyk People During Their Stay in Russia]. Elista, Kalmyts. knizh. izd-vo, 1992. 159 p.

17. Gedeeva D.B., ed. *Pisma namestnika Kalmyckogo hanstva Ubashi (XVIII v.)* [Letters of Ubashi, Governor of the Kalmyk Khanate (18th Century)]. Elista, Dzhangar Publ., 2004. 196 p.

18. Pismo hana Donduk-Ombo astrahanskomu gubernatoru knjazju M.M. Golicynu v perevode na russkij jazyk, 2 maja 1740 g. [Letter of Khan Donduk-Ombo to Astrakhan Governor Prince M.M. Golitsyn in Russian Translation, 2 May 1740]. *NARK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 85, l. 139.

19. Pismo hana Donduk-Ombo astrahanskomu gubernatoru knjazju M.M. Golicynu na kalmyckom jazyke, 24 aprelja 1740 g. [Letter of Khan Donduk-Ombo to Astrakhan Governor Prince M.M. Golitsyn in Kalmyk, 24 Aprile 1740]. *NARK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 85, l. 135 r.

20. Suseeva D.A. *Pisma kalmyckih hanov XVIII veka i ih sovremennikov (1713–1771 gg.): izbrannoe* [Letters of the Kalmyk Khans of the 18th Century and Their Contemporaries (1713–1771). Selected]. Elista, Dzhangar Publ., 2009. 991 p.

21. Suseeva D.A., Kotjaeva E.S., Oljadykova L.B., Jarmarkina G.M. *Russkie perevody XVIII veka delovyh pisem kalmyckih hanov i ih sovremennikov: teksty i issledovanija* [Russian Translations of the 18th Century Official Letters of the Kalmyk Khans and Their Contemporaries: Texts and Studies]. Elista, Izd-vo KalmGU, 2013. 744 p.

22. Suseeva D.A., Toropicyn I.V., Kundakbaeva Zh.B. Problemy diplomaticheskogo perevoda v russko-kalmycko-kazahskih otnoshenijah serediny XVIII v. [Problems of Diplomatic Translation in Russian-Kalmyk-Kazakh Relations in the Middle of the 18th Century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2019, no. 9, pp. 114-123. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201909Statyi17

23. Toropicyn I.V., Kundakbaeva Zh.B., Suseeva D.A. *«Dlya tverdogo primireniya kajsackogo naroda s kalmyckim nadlezhit pokazat im udovolstvie». «Razmennaya karta» v stepnoj diplomatii v seredine XVIII v.* ["For Sound Reconciliation Between the Kaisak and Kalmyk Peoples, It Is Necessary to Please Them": A Mediating Means in the Mid-18th Century Steppe Diplomacy]. *Oriental Studies*, 2019, vol. 12, no. 5 (45), pp. 750-760. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-750-760

24. *Fondy Nacionalnogo arhiva Respubliki Kalmykija. 1713–1771 gg.* [Funds of the National Archive of the Republic of Kalmykia. 1713–1771]. Elista, Kalmts. kn. izd-vo, 2002. 205 p.

25. Kharaeva A.T. *Russkie zaimstvovannye slova v kalmyckom jazyke XVIII veka: na materiale oficialno-delovyh pisem kalmyckih hanov XVIII veka i ih sovremennikov* [Russian Loan Words in the Kalmyk Language of the 18th Century: Based on the Official Letters of the Kalmyk Khans of the 18th Century and Their Contemporaries]. Elista, Dzhangar Publ., 2014. 223 p.

26. Cjurjumov A.V. Novye istochniki po istorii Derbetskogo ulusa [New Sources on the History of Derbet Ulus]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies], 2021, vol. 13, no. 3, pp. 440-449. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-3-440-449

27. Sheptukhina E.M. Delovye pisma V.N. Tatishcheva v zhanrovom aspekte (na materiale dokumentov Nacionalnogo arhiva Respubliki Kalmykija) [V.N. Tatishchev's Business Letters in the Genre Aspect (Based on the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 125-140. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.9

28. Yarmarkina G.M. *Chislo v kalmyckih delovyh tekstah XVII–XVIII vv. (na materiale pisem hana Ajuki i ih russkih perevodov)* [Number in Official Kalmyk Texts, 17th – 18th Centuries: Letters of Khan Ayuka and

Their Russian Translations Analyzed]. *Oriental Studies*, 2022, vol. 15, no. 5, pp. 1173-1181. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1173-1181

29. Gorban O.A., Ilyinova E.Yu., Kosova M.V., Sheptukhina E.M. Cossack Military Charters of the Mid18th Century: Genre Distinction. *XLinguae Journal*, 2017, vol. 10, iss. 3, pp. 123-136. DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.10

30. Haenisch E. Kalmükische Fragmente. *Ural-Altaische Jahrbücher*, 1953, Bd. 25, Hft. 3/4, S. 283-294.

31. Krueger J.R., Service R.G. *Kalmyk Old-Script Documents of Jsaac Jakob Schmidt, 1800–1810.* Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 2002. 214 p.

32. Stralenberg Ph.J. *Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich und der grossen Tartarey in sich begreifet… etc*. Stockholm, Stralenberg, 1730. 438 S.

33. Witsen N.C. *Noord en Oost Tartarye, ofte Bondig ontwerp van eenige dier landen en volken welke voormaels bekent zijn geweest.* Amsterdam, F. Halma, 1672. 467 p.

Information About the Authors

Danara A. Suseeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Pushkina St, 11, 358000 Elista, Russian Federation, suseeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8814-8007

Oksana A. Gorban, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, oa_gorban@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2345-3673

Информация об авторах

Данара Аксёновна Сусеева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, suseeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8814-8007

Оксана Анатольевна Горбань, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, oa_gorban@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2345-3673

www.volsu.ru

ЮГ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.8

UDC 97(47+57)(092)
LBC 63.3(2)6-8

Submitted: 18.01.2024
Accepted: 18.03.2024

ANAMNESIS GRIGORY BATURIN. THE LIFE AND DEATH OF THE CHIEF OF STAFF OF THE TAMAN ARMY

Olga M. Morozova

Independent Researcher, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Grigory Baturin (1880–1925) is known as the chief of staff of the Taman Army, which in August – September 1918 made the transition from the Black Sea coast to Armavir in battles with White Cossack detachments. For many years of his life, Baturin was associated with military units formed on the basis of the Taman Army, with fellow Tamans, having made many efforts to perpetuate the history of this army. The most complete biography of Baturin was compiled by the Soviet historian N.A. Efimov in the 1970s. But due to the restriction of access to personal documents, he partially recreated the actual side of the military commander's life. *Methods and materials.* The access to Baturin's personal papers from the funds of the Rostov archives made it possible to clarify information about his activities from the spring of 1919 to the summer of 1920. Some of the papers are letters of a personal nature, which allowed psychiatrist A.Ya. Perekhov to conduct a psycholinguistic examination of the texts. *Analysis.* The content of the service record of the hero of the essay is not always confirmed by official information about the Red Army from reference publications. The reasons for the differences lie in the mechanism of passing army documents and the nature of the civil war and are explained by the deterioration of Baturin's health. The way of life and relationships within a close-knit group of former fellow soldiers in the first half of the 1920s reproduced the model of life and everyday life of the command staff and their families at army headquarters that developed during the war years. The circumstances of Baturin's private and family life are reconstructed. Medical documents provided objective data on his physical condition in the last year of his life. *Results.* In terms of supply and living conditions, representatives of the provincial elite in the first half of the 1920s were close to the rest of the population. The psychiatrist suggested the presence of gradually increasing recurrent endogenous depression.

Key words: G.N. Baturin, Chief of Staff of the Taman Army, 3rd Rifle Taman, 1st Special Cavalry Division, 7th Samara Cavalry Division.

Citation. Morozova O.M. Anamnesis Grigory Baturin. The Life and Death of the Chief of Staff of the Taman Army. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 94-110. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.8

© Морозова О.М., 2025

УДК 97(47+57)(092)
ББК 63.3(2)6-8

Дата поступления статьи: 18.01.2024
Дата принятия статьи: 18.03.2024

ANAMNESIS GRIGORY BATURIN. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ТАМАНСКОЙ АРМИИ

Ольга Михайловна Морозова

Независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Григорий Николаевич Батурин (1880–1925) вошел в историю как начальник штаба Таманской армии, которая в августе – сентябре 1918 г. совершила переход от Черноморского побережья к Армавиру, прорвав блокаду белоказачьих отрядов. Оставшиеся годы жизни Батурин был связан с воинскими частями, сформированными на основе Таманской армии, с товарищами-таманцами, предприняв много усилий по увековечиванию истории этой армии. Наиболее полную биографию Батурина составил советский историк Н.А. Ефимов в 1970-е годы. Однако в силу ограничения доступа к личным документам он воссоздал внешнюю канву жизни военкома. *Методы и материалы.* Открывшийся доступ к широкому перечню личных бумаг Батурина из фондов двух ростовских архивов позволил уточнить сведения о его деятельности с весны 1919 г. до лета 1920 г., которые ранее имели поверхностное описание. Часть бумаг составляют письма личного характера, что позволило провести психиатру А.Я. Перехову психолингвистическую экспертизу текстов. *Анализ.* Содержание послужного списка героя очерка не всегда подтверждается официальными сведениями о РККА из справочных изданий. Причины отличий кроются в механизме прохождения армейских документов, самом характере Гражданской войны и объясняются ухудшением здоровья Батурина. Образ жизни и отношений внутри сплоченной группы бывших однополчан в первой половине 1920-х гг. воспроизводили сложившуюся в годы войны модель жизни и быта командного состава и их семей при армейских штабах. Реконструированы обстоятельства частной и семейной жизни Батурина. Медицинские документы предоставили объективные данные о его физическом состоянии в последний год жизни. *Результаты.* По уровню снабжения и бытовым условиям представители провинциальной элиты в первой половине 1920-х гг. были близки к остальной массе населения. Психиатр предположил наличие постепенно усиливающейся рекуррентной эндогенной депрессии.

Ключевые слова: Г.Н. Батурин, начальник штаба Таманской армии, 3-я стрелковая Таманская, 1-я Особая кавалерийская дивизия, 7-я Самарская кавалерийская дивизия.

Цитирование. Морозова О. М. Anamnesis Grigory Baturin. Жизнь и смерть начальника штаба Таманской армии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 94–110. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.8

Введение. Григорий Николаевич Батурин – некогда широко известный борец за советскую власть на Кубани и Северном Кавказе, человек, вызывавший искренние симпатии большинства знавших его. Его ранний и добровольный уход из жизни способствовал забвению его имени в анналах революции, тем более что оно громко прозвучало лишь в 1918 г., затем его заслонили те, кто заканчивал и выигрывал борьбу с белыми.

1920-е гг. отмечены чередой самоубийств в лагере победителей. Этот феномен представляется более сложным, чем классический поствоенный синдром или версия о панике, вызванной смертью В.И. Ленина. Автору уже приходилось изучать судьбы большевиков, прошедших дорогой Батурина, – Е.Б. Бош, М.А. Энеева, а также предпринявшего неудачную попытку самоубийства Н.Ф. Гикало [30, с. 230–231, 273]. Помимо продолжения этого исследования данная статья делает акцент на частном случае жизнеустройства видного революционного деятеля в контексте социальных условий раннесоветского общества.

Сам Григорий Николаевич и его боевые товарищи-таманцы стали авторами книг мемуарного характера [2; 3; 5; 16–18]. Имя Батурина появляется на страницах военно-исторических книг за авторством воевавших на юге командиров РККА [35; 37]. Литературным воплощением Таманского похода стал роман А.С. Серафимовича «Железный поток». Батурин послужил прототипом начальника

штаба – персонажа, разработанного довольно слабо. Наиболее полную научную «биографию» похода Таманской армии дал Н.А. Ефимов [11–13]. Боевой путь Батурина в статьях и книге Ефимова основан на его послужных списках и автобиографиях, но включенные туда сведения не отличаются полнотой и точностью. После публикаций 1970-х гг. фамилия Батурина в работах по истории Гражданской войны упоминается крайне редко. Периодически интерес к этой фигуре возникает у кубанских краеведов в публикациях, размещенных в социальных сетях.

Методы и материалы. В Государственном архиве Ростовской области есть небольшой личный фонд (Р-3500), в котором хранятся послужные списки Батурина, служебные документы за 1924–1925 гг., приказы по организации торжественных похорон. В Центре документации новейшей истории Ростовской области в фонде архива (Р-910) встретилось несколько дел с фотографиями и документами из семейного архива. Переписка между супругами Батуриными и людьми из их круга общения дает представление об их характерологических особенностях, отношениях внутри ветеранской среды, бытовых условиях жизни региональной субэлиты. Имеющиеся материалы позволили проверить и дополнить факты биографии военкома, а также провести психолингвистический и – в качестве эксперимента – психолого-психиатрический анализ личных бумаг из его семейного архива.

У автора уже был опыт написания биографических очерков в историко-психологическом ключе с уточнением событий прошлого, что возможно при наличии определенного объема архивных документов с включением источников личного происхождения [28; 29]. Исходным тезисом являлось утверждение, что глубокое понимание содержания повествовательных исторических документов позволяет раскрыть мотивацию, побуждения, аффекты и эмоции человека. Знание эпохи, навыки и формализация исследовательской эмпатии поможет сократить долю ошибок в оценке и интерпретации поступков и действий людей прошлого.

Анализ. Г.Н. Батурин родился в 1880 г. в интеллигентной семье в кубанской станице Ахтанизовской. Отец, адвокат, по окончании университета вышел из казачьего сословия. Мать – актриса, ушедшая со сцены. Григорий с детства воспринял вольнодумные настроения близких родственников – родителей и дяди, которые не поколебало военное училище и служба в армии. Будучи уличенным в предосудительных связях с неблагонадежными элементами, после увольнения и лишения офицерского звания он, недолго пробыв в ссылке, бежал оттуда. Скитался по стране, в Туркестане, Закавказье, западных и центрально-русских губерниях. С 1909 г. жил в кубанских станицах, работая то сторожем, то бурлаком на лиманах, то в рыбацкой артели забродников писарем, как грамотный. Хорошо знал типажи «бродячей» России. Будучи не чужд литературным опытам и театру, он явно воспринимал эту полосу своей жизни как своего рода «странствия по Руси» популярного тогда писателя М. Горького.

С началом войны с Германией, воспользовавшись манифестом о помиловании добровольцев, вступил в армию рядовым. За боевые отличия награжден и произведен в офицеры и к 1917 г. был в чине штабс-капитана. Награжден тремя солдатскими Георгиевскими медалями и одним офицерским орденом Святого Георгия. После Февральской революции стал выборным полковым командиром и членом Центрального исполнительного комитета Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа (Румчерода), где сблизился с большевиками и вступил в партию в ноябре 1917 года. Вместе с Румчеродом был эвакуирован из Румынии в Одессу, потом в Феодосию и Ростов. Затем был командирован в апреле 1918 г. для организации обороны Перекопа. Не решив поставленной задачи, он прибыл в Царицын, а откуда в июле 1918 г. вернулся на родину с мандатом военного комиссариата Северо-Кавказского военного округа на мобилизацию и формирование частей Красной армии.

Сформированная им Курчанская рота влилась в конгломерат отрядов, скопившихся в районе Новороссийска. Бóльшую часть составляли отступившие через Крым и Керченский пролив украинские формирования, что подтверждает превалирование в руководстве Таманской армии командиров отрядов с Южной Украины – И.И. Матвеев, И.Ф. Федько,

Г.А. Кочергин, С.И. Белогубец. Кубанец Батурин оказался среди украинских командиров своим, возможно, что он уже пересекался с ними при попытке помешать продвижению германской армии в Крым.

Будущая армия набрала свою массу из числа рабочих Новороссийска и Туапсе, крестьян-переселенцев из предгорных поселков, казаков из таманских станиц. После падения Екатеринодара (14 августа 1918 г.) отряды получили приказ И.Л. Сорокина отходить на Белореченскую, но обоз тормозил военные группы, не желая уходить. Только в Геленджике было решено следовать приказу Сорокина [19, л. 45]. Людей напугали слухи о карательных акциях отряда В.Л. Покровского, который прошелся по приазовским станицам [25, л. 233–239].

Общая численность войск, по разным сведениям, определялась в 20–25 тыс. штыков, более 3 тыс. сабель. Гражданских лиц было 20 тыс., однако четкой границы между ними не было. Мужчины из обоза в боевой обстановке брались за оружие. Командующие Таманской армии менялись. Первым был избранный на собрании командиров отрядов в Геленджике матрос торгового флота, командир Днепровского отряда И.И. Матвеев. Управление строилось по принципам военной демократии – голосованием и криками. Его огромная популярность может быть этим и объяснена. После отстранения и расстрела Матвеева 10 октября 1918 г. на должность заступил Е.И. Ковтюх, вскоре заболевший тифом. С 22 октября командующим стал М.В. Смирнов. Начальником штаба неизменно состоял Батурин. Переход от Новороссийска и Туапсе к Армавиру, длившийся около месяца, стал главным событием его жизни. Ему он посвящал свои воспоминания. Сборник портретных очерков, вышедший в 1923 г. под названием «В борьбе», был призван показать многообразие человеческих типажей, почувствовавших с началом революции подъем человеческой энергии. Не все были несомненными сторонниками советской власти, но все они постепенно начинали понимать важность событий и, главное, интуитивно находили свое правильное место в разворачивавшейся борьбе. Каждый раз Батурин вкладывал в персонажа частичку своей личности.

Некоторая лубочность очерков не позволяет увидеть Батурина в эти дни в роли начальника штаба, хотя его соратник Кочергин высоко характеризовал его работу [18, л. 47]. Осенью 1918 г. Григорий Николаевич принимал участие в боях в Ставропольской губернии. По его словам, битва за Ставрополь стала лебединой песней Таманской армии [26, л. 26]. 28 дней боев нанесли обеим армиям – деникинской и Красной – существенный ущерб. Однако недостатки управления 11-й Красной армией оказались более весомым фактором исхода боев на Северной Кавказе. В декабре остатки понесшей большие потери армии были реорганизованы в 3-ю стрелковую Таманскую дивизию, начальником которой 27 декабря был назначен Г.Н. Батурин. Тиф, наступившие холода и нарушение снабжения обмундированием и вооружением привели к расколу единого фронта на множество участков сопротивления. В таких условиях в январе – феврале 1919 г. Батурин организовал отход остатков дивизии к Астрахани. Сосредоточив часть людей в районе с. Степное, он выбрал северный маршрут через Ачикулак, Яшкуль и Величаевское в район Оленичево-Лагань. Движение колонн прикрывали кавалерийские части под командованием Г.А. Кочергина, М. Воронова, Л.Я. Литуненко. Основные силы преодолели пустынные земли организованно. Пехота была пересажена на обозных лошадей и пересекла степь за 10 дней (27 января – 5 февраля 1919 г.) [5, с. 47]. Жестокий степной буран, погубивший не одну тысячу отступавших по восточному маршруту, не нанес такого ущерба частям Батурина. Часть таманцев, отбившись от основных сил, оказалась на пути к Моздоку и прошла скорбной дорогой от Кизляра к Яндыкам, потеряв многих погибшими в песчаном ледяном буране [31].

Уцелевших в степи бойцов накрыла эпидемия сыпного тифа. Переболел тифом и Батурин. Оправившись от болезни, 29 марта 1919 г. в Лагани Астраханской губернии он запечатлел себя похудевшего на кабинетном фото (см. рис. 1).

Последующие полтора года его военной биографии, изложенные самим Батуриным и взятые за основу Ефимовым, далеко не всегда находят подтверждение документами.

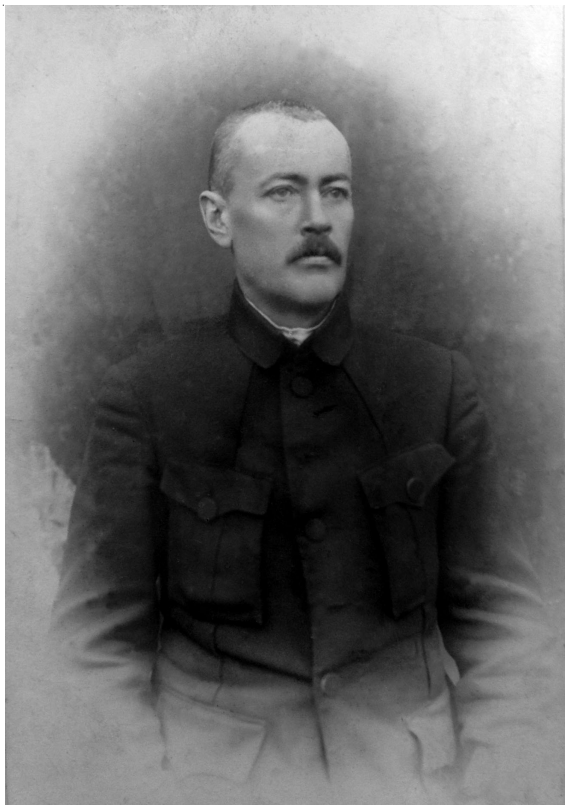


Рис. 1. Григорий Николаевич Батурин. 1919 г.

Fig. 1. Grigory Baturin. 1919

Примечание. Источник: [23, л. 1].

Разберем позиции послужного списка с начала января 1919 г. по март 1920 г. [22, л. 31–33].

1. В середине февраля 1919 г. 3-я стрелковая Таманская дивизия была преобразована в 1-ю Особую кавалерийскую дивизию, и командовать ею был оставлен Батурин. В первых числах апреля 1919 г. эта часть была переименована в 7-ю (она же – Самарская) кавалерийскую дивизию с сохранением поста комдива за ним же.

По справочным данным, 1-й Особой кавалерийской дивизией и 7-й Самарской кавалерийской дивизией командовал в указанное время М.К. Левандовский [20], но сведения из послужного списка могут быть достоверными. В Российском государственном архиве социально-политической истории найдена копия донесения Батурина в штаб 12-й армии от 17 февраля 1919 г., где он себя называет начальником Особой кавдивизии 12-й армии. Подлинник находился в Центральном государственном архиве Советской армии (ныне – Российский государственный военный архив) [9, л. 25]. Там он излагает свои соображения по установлению дисциплины в дивизии во время мятежа Кочубея: репрессивные меры, расформирование частей, приказ о повешении главного зачинщика.

Версия Батурина неожиданно также находит подтверждение в дневнике Д. Фурманова, назначенного комиссаром к Е.И. Ковтюху. Там говорится, что Ковтюх добился зимой 1919 г. разрешения воссоздать Таманскую армию. Штаб по формированию находился в Вольске Саратовской губернии на Волге. Собралось 4 тыс. опытных красноармейцев. Они и стали основой 7-й кавдивизии [38, с. 47–48].

2. Батурин указывает, что 19 июля 1919 г. назначен «начальником всей кавалерии для объединения сведения в кавалерийскую дивизию при 11-й армии» (далее – ссылка на номер удостоверения, выданного штабом Южного фронта).

Сомнительная запись. 11-я армия второго формирования в оперативном подчинении Южного фронта была расформирована за месяц до этого, 12 июня 1919 г., а 11-я армия третьего формирования была создана в составе Восточного фронта только 14 августа 1919 г. [39, с. 326–332].

Где же мог находиться в это время Григорий Николаевич?

На вышеупомянутом кабинетном фото есть надпись, сделанная им в Киеве 5 июля 1919 г. (рис. 2). Возможно, он оказался на Украине вместе с И.Ф. Федько, который был назначен заместителем П.Е. Дыбенко, командующего армии Крымской Советской Социалистической Республики, позднее переименованной в Крымскую стрелковую дивизию в составе 14-й армии.

В биографической книге о И.Ф. Федько [32] говорится, что после выздоровления от тифа он явился к С.М. Кирову, члену Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта, и тот предложил ему, как украинцу, начинавшему на Украине боевую деятельность, отправиться туда. Федько со своими боевыми друзьями – Г.А. Кочергиным (уроженцем Мелитопольского уезда Таврической губернии), И. Подвойским, И. Израенко – немедленно выехал через Москву в район боевых действий на Украине.

Батурин не упоминается среди участников этих событий, но надпись на фото есть. В качестве версии можно предположить, что на Юге его свалила болезнь, и он не сыграл существенной роли в событиях, о чем предпочитал не вспоминать.

3. 21 сентября 1919 г. – вступил в должность начальника 6-й кавдивизии 10-й армии.

Это подтверждается справочными изданиями, но конкретные даты несколько иные: с 24 августа 1919 г. по 3 октября 1919 года.

4. 21 ноября 1919 г. – вступил во временное исполнение должности начальника штаба 50-й Таманской дивизии.

Таковым Григорий Николаевич в истории части не значится, но, вероятно, отношение к ней он имел, так как начальником дивизии с декабря 1919 г. по март 1920 г. был Ковтюх.

5. 20 марта 1920 г. – вступил в должность временного командира 50-й стрелковой дивизии.

Однако в это время ее временным командиром значится некий Шмелёв [7]. Можно допустить, что Батурин находился при штабе этой дивизии. Его помощь могла быть полезна, ведь в марте – апреле 1920 г. дивизия принимала участие в разгроме остатков войск Деникина в районе Туапсе.

6. 10 мая 1920 г. – Батурин сдал должность и отправился в распоряжение штаба 11-й армии.

Однако 11-я Красная армия тогда находилась в Азербайджане. Упоминания о том, что Батурин принимал участие в советизации Закавказья, не встречались.

Рис. 2. Оборот фотографии Г.Н. Батурина. 1919 г.

Fig. 2. The reverse of G.N. Baturin's photograph. 1919

Примечание. Источник: [23, л. 1].

Несовпадение официальных данных и содержания послужного списка может быть объяснено сразу несколькими причинами (помимо невнимательности машинистки и забывчивости хозяина автобиографии). Упорядоченными боевые действия Гражданской войны выглядят по приказам высокого командования. При сопоставлении документов, включенных в военно-исторические сборники, нередко случается обнаруживать противоречия между ними. Не всегда эти документы отражают реальное положение дел на фронте, ведь они опирались на данные, которые представлялись штабами фронтовых частей. В них отмечался недостаток профессиональных и подготовленных работников. Проверяющие сталкивались с кадровой неразберихой и чехардой в частях, когда назначения не фиксировались, приказы не передавались по инстанциям.

Дальнейшие этапы службы в РККА имеют более четкую датировку.

С 1 августа 1920 г. – начальник штаба Краснодарского укрепрайона. С 9 сентября 1920 г. – начальник Краснодарского гарнизона. С 2 июля 1921 г. – начальник гарнизона г. Новороссийска. С 25 июля 1921 г. – инспектор пехоты Северо-Кавказского военного округа. В 1922 г. – начальник 2-й Донской дивизии в Новочеркасске (рис. 3), однако дата назначения в документах отличается – 20 апреля, 6 июня. В 1920–1921 гг. дивизия отметилась в боях с десантом С.Г. Улагая, воевала в Таврии и Крыму против П.Н. Врангеля, занималась ликвидацией бандитизма в донских степях. К моменту вступления Батурина в должность начальника дивизии часть перешла к планомерной боевой подготовке мирного времени. 28 июля 1922 г. она переименована в 9-ю стрелковую Донскую дивизию. В выпущенной в честь десятилетия дивизии книжке среди портретов комдивов есть и Батурин, но более о нем не написано ничего [1].

За год командования дивизией он отметился заботой об улучшении ее снабжения топливом и продовольствием. 9-я Донская дивизия была подшефной Донисполкома, поэтому Батурину удавалось получать из фон-

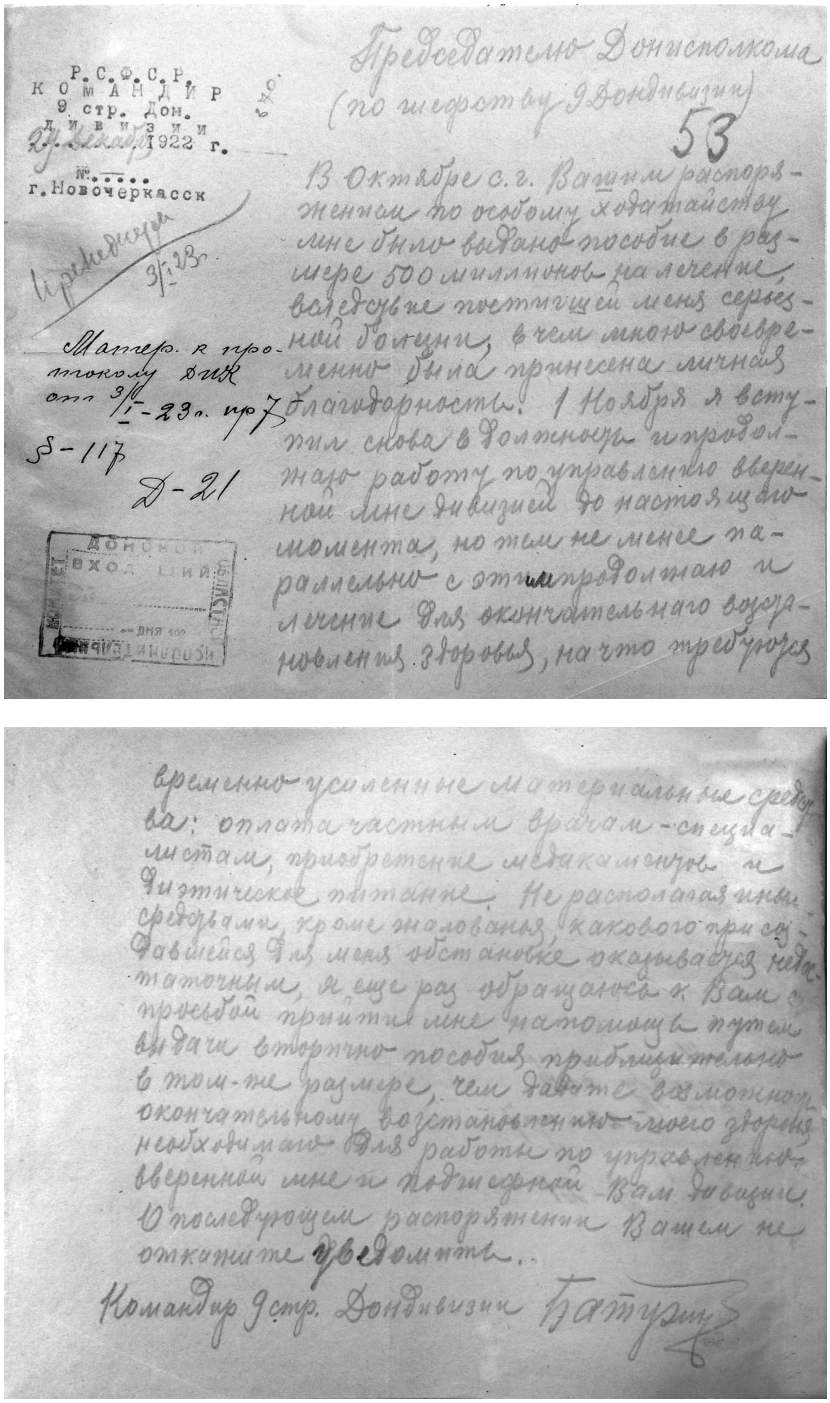
Рис. 3. Командование 2-й Донской стрелковой дивизии и представители Донского исполкома. Новочеркасск, 1922 г. Г.Н. Батурин – у знамени

Fig. 3. Command of the 2nd Don Rifle Division and representatives of the Don Executive Committee. Novocherkassk, 1922. G.N. Baturin – at the banner

Примечание. Источник: [23, л. 10].

дов учреждения дополнительные денежные средства и ресурсы.

Однако чаще Григорий Николаевич ходатайствовал о материальной помощи для себя (рис. 4). Президиум Донисполкома трижды выносил решения о выдаче ему пособия, которое в несколько раз превышало его должностной оклад. Половину времени он провел в отпусках по болезни и на курортном лечении [24, л. 53–53 об.; 34, л. 17, 42 об., 158]. Так командуя, пробыл в должности до 2 июня 1923 г. и зачислен в резерв РККА. В августе 1923 г. утвержден военным комиссаром Славянского отдела Кубано-Черноморской обла-



Р.С.Ф.С.Р.
КОМАНДИР
9 стр. Дон.
дивизии
24 декабря 1922 г.
№.....
г. Новочеркасск

Председателю Донисполкома
(по шефству 9 Дондивизии)

53

В Октябре с.г. Вашим распоряжением по особому ходатайству мне было выдано пособие в размере 500 миллионов на лечение, вследствие постигшей меня серьезной болезни, в чем мною своевременно была принесена личная благодарность. 1 Ноября я вступил снова в должность и продолжаю работу по управлению вверенной мне дивизией до настоящего момента, но тем не менее параллельно с этим продолжаю и лечение для окончательного возстановления здоровья, на что требуются временно усиленные материальные средства: оплата частным врачам-специалистам, приобретение медикаментов и диэтическое питание. Не располагая иными средствами, кроме жалованья, какового при создавшейся для меня обстановке оказывается недостаточным, я еще раз обращаюсь к Вам с просьбой прийти мне на помощь путем выдачи вторично пособия приблизительно в том-же размере, чем дадите возможность окончательному возстановлению моего здоровья необходимого для работы по управлению вверенной мне и подшефной Вам дивизии. О последующем распоряжении Вашем не откажите уведомить.

Командир 9 стр. Дондивизии Батурин

Матер. к протоколу ДИК от 3/I-23 г. пр 7
§-117
Д-21

Рис. 4. Заявление Г.Н. Батурина председателю Донисполкома. 3 января 1923 г.

Fig. 4. Statement by G.N. Baturin to the Chairman of the Don Executive Committee. January 3, 1923

Примечание. Источник: [24, л. 53].

сти и членом Славянского отдельского исполкома [4, л. 11].

Сохранились документы, которые могут пролить свет на последние годы Григория Батурина. Стержень его телесного бытия составляли болезни, впрочем не только физические, а вся его духовная жизнь вращалась вокруг сохранения памяти о подвиге Таманской армии. Он принял активнейшее участие в установке памятника Таманской армии в станице Славянская-на-Кубани [29]. Его перу принадлежит несколько брошюр о Таманском походе. Они носят искренний и глубоко личный характер. Например, очерк «Бой под Барсуковской» передает его впечатления о сражениях осени 1918 г. на Северном Кавказе, которые вела усталая и оборванная армия. В его память врезалась картина ночного поля, когда после 8-часового боя солдаты уснули прямо на земле, раненых и убитых нельзя было отличить от живых. Изданная им в 1923 г. книга «Красная Таманская армия» получила одобрительные рецензии в центральной печати [14]. Когда при переезде в Ростов в 1924 г. Батурин занял пост заместителя председателя Комиссии по истории Гражданской войны при Истпарте, это, как ничто другое, соответствовало его настроениям.

В Славянской он продолжил общение с боевыми товарищами – комбригом П.С. Решетняком [1], Д.А. Пимоненко [2], Н.В. Проскурниным [3]. Сохранившиеся фотографии в кругу друзей не оставляют сомнений в характере их досуга (рис. 5).

Среди бумаг есть письмо жене Александре Федоровне, уехавшей в Краснодар, где он откровенно описал праздничные дни марта 1924 г.: «17. Понедельник. Утром пришел Малкин и пьяный. Выпили и у нас. Понедельник – свободный день. Завтра вторник тоже праздник (Парижская коммуна). Не знаю, куда себя деть с тоски, даже и пить не хочется. Завтра начинается работа по призыву, может быть, она отвлечет мысли и даст успокоение, но едва ли. Ох, как тяжело. <…> Вторник. 18-е. Вчера вечером приехал Пимоненко... Я пил много, но представь себе, что на удивление всем не был никак пьян. Состояние духа такое, что и вино не действует» [21, л. 10–10 об.].

Рис. 5. Григорий Николаевич (*в белой рубахе*) и Александра Федоровна (*в пальто с каракулевой опушкой*) Батурины с товарищами. Станица Славянская-на-Кубани, 1923 г.

Fig. 5. Grigory Baturin (*in a white shirt*) and Alexandra Baturina (*in a coat with astrakhan trim*) with their comrades. Stanitsa Slavyanskaya-na-Kubani, 1923

Примечание. Источник: [23, л. 15].

В этом письме, написанном за полтора года до смерти, немало тревожных суицидальных мотивов: «Что для меня впереди? Могила и только. Избавился ли я от мучений, терзающих меня? Нет. Они так же сильны. Прошлое согнуло меня в бараний рог, и я уже не в состоянии выпрямиться. Муки одиночества, переживание прошлого и беспредельная тоска – все это чернее темной ночи. Вот куда я вышел, ну что ж было делать? Образовался заколдованный круг, и этот круг и сейчас остался, и нет выхода из тьмы, окружающей мою душу. Один выход в такую же темную могилу, и это последний выход. Буду бороться последними силами, насколько их хватит, не знаю» [21, л. 13 об. – 14]. На конверте, как бы вдогонку, еще строки: «Как будто еще что-то хочется сказать, и что-то еще многое говорить, добавить, это все тоска, нервы, больная душа, израненное сердце, незнание покоя. Когда-то она успокоится? Ах, тяжело! Когда-то кончатся все мучения?» [21, л. 8].

По мнению ростовского психиатра А.Я. Перехова, это пространное письмо, писанное в течение восьми дней, отражает классическую картину периодической биполярной депрессии. При этом врач отметил, что подобный ретроспективный диагноз имеет много ограничений, вероятностен, но возможен, исходя из содержания достаточно информативного текста. Письмо написано в состоянии клинической депрессии средней степени выраженности. Имеющаяся алкоголизация, скорее всего, носила симптоматический характер, алкоголь применялся не с целью получения классической эйфории, а с целью уменьшения «душевной боли» [15]. Поэтому Батурин и отрицал свое систематическое пьянство, когда вопрос о попойке в отдельском военкомате накануне дня Парижской коммуны попал на рассмотрение комиссии партийного контроля. Та не вникала в нюансы его душевного состояния. Ему был объявлен строгий выговор и предупреждение, что повторение подобного повлечет за собой исключение из партии. Дело было взято на контроль краевым комитетом. В июле 1924 г. военком был отправлен из армии в бессрочный отпуск, как достигший предельного возраста. Батурину пришлось задуматься о дальнейшем устройстве. Он ездил в Москву и обращался за помощью к К.Е. Ворошилову, совсем недавно уехавшему из Ростова-на-Дону и занявшему пост командующего войсками Московского военного округа. Тот выдал справку в Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) с просьбой оказать посильную поддержку заслуженному человеку при переходе на гражданскую работу и «предоставить ему возможность проявить себя на новом деле» [4, л. 15].

С 10 октября 1924 г. Батурин вступил в должность краевого инспектора по строевой части милиции Административного управления Северо-Кавказского краевого исполкома Советов [22, л. 3], сохранив право ношения и хранения огнестрельного оружия. Работа была сопряжена с командировками по окружным центрам (см. рис. 6).

Однако уже через два месяца, в декабре 1924 г., он был переведен (с понижением) на должность *временно исполняющего* обязанности инспектора мест заключения Административного управления Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета (далее – СККИК) [22, л. 20]. Незадолго до перевода, 12 ноября 1924 г., он командировался в Новочеркасск для участия в параде Школы комсостава милиции. Происходившее за кулисами можно предположить.

27 мая 1925 г. в результате освидетельствования комиссией при амбулатории СККИКа Батурину были поставлены диагнозы: Myocarditis (расширение сердца), Malaria chronicus (хроническая малярия), Neurasthenia gravis (тяжелая неврастения), Ischias dexter (воспаление седалищного нерва справа). Ему предписано санаторное лечение – четыре недели в Пятигорске и две недели в Кисловодске с возможной заменой на шесть недель в Мацесте. Возглавлял комиссию выдающийся хирург Н.А. Богораз. Все имеющиеся заболевания влияли на трудоспособность и самочувствие, а некоторые угрожали жизни, но в полуторамесячный отпуск Батурин был отправлен лишь 10 октября 1925 года.

Вскоре после обследования, 20 июня 1925 г., он был переведен на свою последнюю должность крайинспектора ведомственной милиции с мотивировкой «для пользы дела» [22, л. 21]. В ближайшие месяцы он трижды выезжал для обследования учреждений в Черноморский округ, Новочеркасск, Донецкий округ. Он явно хотел работать и быть полезным.

Рис. 6. Батурин – инспектор милиции Северо-Кавказского краевого административного управления. Коллективная фотография в память об инспекторском обследовании Мешковского районного административного отдела Донецкого округа Северо-Кавказского края. 1924 г.

Fig. 6. Baturin as a militsiya inspector of the North Caucasus Regional Administrative Department. A collective photo in memory of the inspection of the Meshkovsky district administrative department of the Donetsk district of the North Caucasus Region. 1924

Примечание. Источник: [23, л. 21].

12 ноября 1925 г. Батурин обратился в Донской отдел местного хозяйства со справкой о праве на дополнительную площадь «по роду исполняемых обязанностей» [22, л. 27]. В тот момент он жил в добротном бывшем доходном доме на главной улице Ростова-на-Дону (ул. Энгельса, 180), в квартире, превращенной в коммунальную. Живя в казенных комнатах, не имея постоянного жилья, он предпринял последнюю попытку обзавестись устроенным бытом.

Тут необходимо уже обратить внимание на его спутницу жизни – Александру Федоровну Казакевич (см. рис. 7). Григорий и Александра познакомились осенью 1918 года. В годы Первой мировой войны она была сестрой милосердия и, вероятно, влилась в таманские части в составе одного из отрядов. Отношения между супругами были неровными и эмоционально мучительными. Александра (или Оля) была внешне яркой, взбалмошной, неуравновешенной женщиной. Система домашних имен супругов (ее – «сумочка», «прикидошник»; его – «сумашедшик», «петух», «собачик», «вочик») представляет собой зашифрованные ссылки на события личной жизни и индивидуальные особенности, но отдает какой-то аффектированностью и перверсией.

Александра отличалась свободой нравов, часто изменяла Батурину. Ему становилось об этом известно, они расставались, он страдал. На расстоянии обида проходила, тоска побеждала, и они вновь сходились. Жена Батурина была непрактична, хозяйство вести не умела, находилась постоянно в долгах. Возможно, деньги, которые получал Батурин от Донисполкома, шли на оплату ее долгов. Имела зависимость от тотализатора, спуская там немалые по случаю пришедшие ей в руки деньги. Тратила их и на себя. Батурин довольствовался казенными вещами. Когда Александре пришлось устроиться на работу, муж ей сочувствовал, что теперь не получится понежиться в постели и поспать вволю, хотя в тот момент они жили отдельно после ее очередного романа.

Рис. 7. Г.Н. и А.Ф. (*с цветами в руках*) Батурины с товарищами. Станица Славянская-на-Кубани, 1923 г.

Fig. 7. G.N. Baturin and A.F. Baturina (*with flowers in her hands*) with their comrades. Stanitsa Slavyanskaya-na-Kubani, 1923

Примечание. Источник: [23, л. 14].

Во время одного из разрывов, когда Александра уехала из Славянской в Краснодар, Батурин сошелся с сотрудницей местного детского дома Таисией Тыщенко, полной ее противоположностью. Та была трудолюбива, хозяйственна, и она искренне полюбила Григория Николаевича. Ее уже все считали женой военкома Батурина. Из-за этого она была уволена с работы, как не нуждающаяся в заработке. Когда Батурин уехал к новому месту работы в Ростов, Таисия осталась без денег и без работы. Сохранилось несколько писем Таисии, адресованных Батурину в Ростов «до востребования» за август – сентябрь 1924 года. Хороший почерк, грамотное письмо. Таисия предлагает слать ей белье для стирки, взывает к его чувству долга. Передает слова их общих знакомых (все – бывшие таманцы), что он много в жизни ошибался [21, л. 45–46]. Батурин написал, но не отправил ей письмо, в котором сообщал, что его жизнь наладилась, просил не беспокоить и завести новые знакомства.

К тому времени Батурин вновь сошелся с Александрой Федоровной, которая имела привычку вскрывать почту, адресованную мужу. И если та была от женщин, то писала им ответные письма с оскорблениями. Написала она и Таисии.

Александра Федоровна была записана в послужном списке Батурина как дворянка Гродненской губернии. Сохранилось несколько ее записок, выполненных корявым почерком. Их отличает невысокая грамотность. Стиль речи вульгарный, темы – бытовые. В своей книге о Таманской армии Батурин както отметил, что в Красной армии со временем возникло такое поветрие: те, кто был фельдфебелем, вдруг начинали называть себя штабротмистрами или хвастаться женами, что те – княгини или графини. Однако на поверку оказывалось, что были они из горничных и знали всего несколько слов по-французски [6, л. 9]. Не исключено, что это наблюдение имеет отношение к Александре.

По сравнению с основной массой демобилизованных красноармейцев и командиров положение Батурина отличалось в выгодную сторону. Он имел работу, крышу над головой, регулярное жалование. Многие из ветеранов не имели этого. В 1924 г. после выхода романа А.С. Серафимовича «Железный поток» ключевой момент его жизни был помещен в зенит не только советской литературы, но и истории Гражданской войны. Тем не менее позиции самого Батурина неуклонно ослабевали. Неудов-

летворенность этим положением сочеталась с растерянностью и безысходностью, подавленным состоянием духа. 10 декабря 1925 г. в 9 часов утра бывший начштаба Таманской армии застрелился на своем рабочем месте, оставив предсмертную записку. Ни о каких разочарованиях в тексте речь не идет; просто жить стало выше его сил, и он, после того как все что мог сделал, когда все отдал Революции, считает себя в праве распорядиться собой. Вместе с мужем уйти из жизни намеревалась и Александра [4].

12 декабря в последний путь Батурина провожали траурным шествием по центральным улицам города с почетным караулом, музыкой, оружейным салютом. Захоронен Григорий Николаевич был на городском кладбище в Новом поселении г. Ростова-на-Дону [10; 22, л. 30].

По мнению психиатра А.Я. Перехова, выяснить до конца, что явилось главным в его решении уйти из жизни, невозможно. Состояние, описанное в его текстах и медицинских документах, очень похоже на психосоматические симптомы депрессии периодического характера. Аналогичные состояния имели место у него и ранее. В 1920 г. Г.Н. Батурин упоминал о том, что летом 1918 г. был «совершенно больным, переутомленным предыдущей работой и событиями», в связи с чем хотел отказаться от предложения возглавить армию [36, л. 15 об., 16]. Скорее всего, депрессия повторилась и в момент самоубийства. Бытовая неустроенность и материальные трудности усугубили угнетенное состояние духа. Депрессия являлась фоном, а причиной могли быть внешние события, которые из-за депрессии приняли гипертрофированный характер. Могло сыграть свою роль долго развивавшееся чувство бессмысленности существования, что у Батурина, несомненно, присутствовало. Комплекс заболеваний, указанный в диагнозе профессора Богораза, также вызывал непреходящее недомогание.

Физические муки Батурина были заметны окружающим, один из ветеранов, встречавший его во время работы в милиции, назвал его страдальцем [33, л. 53]. Журналист Михаил Донецкий (Пустошкин) посетовал, что товарищи «не сумели вовремя подметить и понять его тяжелых переживаний» [10]. Коллега из ставропольской милиции А.Б. Хосудовский написал в некрологе совсем тривиальное: всегда жизнерадостный, энергичный и уверенный в победах Красной армии, вел смело бойцов к победе [27].

Результаты. Обстоятельства жизни Г.Н. Батурина добавляют немного ясности в синдром выгорания 1920-х гг. и в объяснение череды самоубийств активных участников революции, пришедшихся на то же десятилетие. В случае бывшего начальника штаба Таманской армии роковое решение не вызвано идейным разочарованием, а было спровоцировано тяжелыми последствиями для организма многолетнего физического и эмоционального напряжения, перенесенных ранений и инфекционных заболеваний. Среди ветеранов Красной армии была существенна доля лиц, получавших инвалидность по общим и нервным заболеваниям. Их состояние усугублялось безработицей и нуждой. К бедствующей массе бывших красноармейцев относились военнослужащие, демобилизованные в 1923 г. без дальнейшего трудоустройства – вплоть до командиров полка. И если получали работу, то считали унизительным служить проводником вагона или сторожем. И главным тут был даже не статус, а мизерные оклады. Крупные командиры РККА, уволенные из армии, также тяжело привыкали к новой жизни. Третий командующий Таманской армией, кавалер трех орденов Красного Знамени М.В. Смирнов, назначенный в 1925 г. управляющим совхоза, спустя полгода скрылся с казенными деньгами и пытался перейти китайскую границу, был судим, но в связи с заслугами получил условный срок [8].

Батурин в силу болезни постепенно терял позиции, а перед глазами были примеры обратного порядка, когда отдельные «счастливчики», недавние сослуживцы, совмещали по несколько должностей. В первой половине 1920-х гг. скудное материальное обеспечение и плохие жилищные условия были уделом массы провинциальных советских работников. Предоставление им несколько большей социальной защищенности, чем всем остальным, было тем самым завоеванием революции, о котором мечтали в годы войны.

БЛАГОДАРНОСТИ

В ходе длительного сбора и анализа сведений о Г.Н. Батурине оказали неоценимую помощь кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии, наркологии и медицинской психологии Ростов-

ского государственного медицинского университета А.Я. Перехов и краевед В.Ф. Заболотин, которым автор выражает свою глубокую признательность.

ACKNOWLEDGMENT

During the long-term collection and analysis of information about G.N. Baturin, the Candidate of Sciences (Medicine), Associate Professor, Department of Psychiatry, Narcology, and Medical Psychology, Rostov State Medical University A.Ya. Perekhov, and local historian V. Zabolotin provided invaluable assistance, and the author expresses to them her deep gratitude.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Решетняк Прохор Савич (1890 – после 1946) – командир 1-й, потом 2-й бригады стрелковой Таманской дивизии, в 1923 г. – помощник военного комиссара Славянского отдела; близкий друг Г.Н. Батурина. В 1925 г. работал на хозяйственной должности на станции Торговая Северо-Кавказской железной дороги. В годы Великой Отечественной войны участвовал в боях за Кавказ, награжден орденом Красного Знамени. Полковник.

[2] Пимоненко Демьян Артемович (1888–1942) – начдив 3-й стрелковой Таманской дивизии; в 1920–1927 гг. – председатель исполкома Петровского волостного совета Славянского отдела Кубанской области.

[3] Проскурнин Никифор Васильевич – в 1923 г. председатель Славянского отдельского исполкома; в 1924 г. работал на разных должностях в окружном исполкоме г. Краснодара.

[4] Точные сведения о гибели А.Ф. Казакевич в 1925 г. отсутствуют. Дата передачи семейного архива Батуриных в Центр документации новейшей истории Ростовской области неизвестна, но надпись на одной из фотографий свидетельствует, что это не могло произойти ранее 1956 года. Среди документов имеются письма Александры Федоровны за 1924–1925 годы. Манера письма отличается. Между датами написания текстов прошло более 30 лет. Наверняка утверждать, что надпись на фотографии принадлежит ей, нельзя. Однако с учетом естественных возрастных изменений почерка и наличия некоторых индивидуальных идентификационных признаков в позднем тексте версия о том, что жена Батурина пережила его, остается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 9-я стрелковая Донская дивизия: исторический очерк к десятилетию существования, 1920–1930 / под ред. Г. А. Зиновьева, Л. А. Менджерицкого. Ростов н/Д: Гос. тип. им. Коминтерна, 1930. 136 с.
2. Батурин Г. Н. В борьбе: Воспоминания об участниках Гражданской войны. Ростов н/Д: Буревестник, 1925. 40 с.
3. Батурин Г. Н. Красная Таманская армия: крат. попул. воен.-ист. очерк. Краснодар: Краев. книгоиздательство, 1940. 36 с.
4. Батурин Григорий Николаевич. Личное дело // Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-910. Оп. 3. Д. 650. 17 л.
5. Батурин Г. Н. Красная Таманская армия. Славянская: Слав. отд. исполн. ком., 1923. 51 с.
6. Батурин Г. Н. О Таманской армии (1925) // ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 76. 26 л.
7. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М.: Сов. энцикл., 1983. 703 с.
8. Дело Смирнова: (Окружной суд) // Трудовой путь. 1927. 19 авг.
9. Документы о И. Кочубее // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 71. Оп. 35. Д. 880. 56 л.
10. Донецкий М. Батурин: некролог // Молот. 1925. 16 дек.
11. Ефимов Н. А. Из истории боевых действий Красной Армии на Северном Кавказе в 1918–1919 гг. // Ученые записки Московского пединститута имени В.И. Ленина. 1971. № 421. С. 153–240.
12. Ефимов Н. А. Историческая основа «Железного потока» А.С. Серафимовича // История СССР. 1978. № 4. С. 55–72.
13. Ефимов Н. А. Начальник штаба Таманской армии // Вопросы истории. 1972. № 3. С. 210–213.
14. Известия ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР. 1924. 16 марта.
15. Интервью с кандидатом медицинских наук, доцентом кафедры психиатрии, наркологии и медицинской психологии Ростовского государственного медицинского университета А.Я. Переховым (г. Ростов-на-Дону, 07.09.2020) // Личный архив автора. (Не опубл.).
16. Ковтюх Е. И. «Железный поток» в военном изложении. М.: Госвоениздат, 1935. 104 с.
17. Ковтюх Е. И. От Кубани до Волги и обратно. М.: Госвоениздат, 1926. 110 с.
18. Кочергин Г. А. Очерки гражданской войны на Северном Кавказе (1929) // ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 72. Л. 2–60.
19. Левандовский М. К. Кавказ – убежище контрреволюционного элемента (1923) // Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф. 21. Оп. 1. Д. 6. Л. 32–56.
20. Левандовский Михаил Карлович [3(15).5.1890 – 29.7.1937] // Герои Гражданской войны. М.: Мол. гвардия, 1963. С. 458–479.

21. Личная переписка Батурина Г.Н. // ЦДНИРО. Ф. Р-910. Оп. 3. Д. 651. 50 л.

22. Личное дело Батурина Григория Николаевича // Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3500. Оп. 1. Д. 1. 36 л.

23. Личные фотографии Батурина Г.Н. // ЦДНИРО. Ф. Р-910. Оп. 3. Д. 653. 24 л.

24. Материалы о реализации урожая в Донобласти за 1922/23 г., доклад и материалы // ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 370. 161 л.

25. Материалы об интервенции // Государственный архив Омской области. Ф. 950. Оп. 2. Д. 3. 313 л.

26. Материалы по Гражданской войне на Юге // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 71. Оп. 35. Д. 173. 234 л.

27. Молот. 1925. 12 декабря.

28. Морозова О. М. Петр Васильевич Монтин // Вопросы истории. 2014. № 9. С. 115–122.

29. Морозова О. М. Ранний опыт мемориализации Гражданской войны на Юге России: первый памятник героям-таманцам // Наследие веков. 2020. № 5. С. 29–39. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.002

30. Морозова О. М. Цари, казаки, красные командиры… Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2010. 288 с.

31. Морозова О. М., Трошина Т. И. Брошенные в песках // Родина. 2022. № 8. С. 120–123.

32. Обертас И. Л. Командарм Федько. М.: Воениздат, 1973. 165 с.

33. Письма, заявления, автобиографии на имя бывшего начальника 18 Кавдивизии Д.П. Жлобы // ЦДНИРО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 10. 761 л.

34. Протоколы № 1–36 заседаний Президиума Донисполкома IV созыва за 1922–1923 г. // ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 53. 379 л.

35. Свечников М. С. Борьба Красной Армии на Северном Кавказе: сентябрь 1918 – апрель 1919. М.; Л.: Госвоениздат, 1926. 232 с.

36. Серафимович Александр Серафимович. Материалы к роману «Железный поток» // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 457. Оп. 1. Д. 597. 165 л.

37. Сухоруков В. Т. IX армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М.: Воениздат, 1961. 287 с.

38. Фурманов Дм. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. За коммунизм! М.; Л.: Госиздат, 1929. 285 с.

39. Центральный государственный архив Советской армии: путеводитель: в 2 т. Т. 1. М.: East View Publ., 1991. 421 с.

REFERENCES

1. Zinoviev G.A., Mendzheritsky L.A., eds. *9-ia strelkovaia Donskaia diviziia: istoricheskii ocherk k desiatiletiiu sushchestvovaniia, 1920–1930* [The 9th Don Rifle Division: A Historical Essay on the Tenth Anniversary of Its Existence, 1920–1930]. Rostov-on-Don, Gos. tip. im. Kominterna, 1930. 136 p.

2. Baturin G.N. *V borbe: Vospominaniia ob uchastnikakh Grazhdanskoi voiny* [In the Struggle. Memories of Civil War Participants]. Rostov-on-Don, Burevestnik Publ., 1925. 40 p.

3. Baturin G.N. *Krasnaia Tamanskaia armiia: krat. popul. voen.-ist. ocherk* [The Red Taman Army. A Brief Popular Military-Historical Essay]. Krasnodar, Kraev. knigoizdatelstvo, 1940. 36 p.

4. Baturin Grigorii Nikolaevich. Lichnoe delo [Baturin Grigory. Personal File]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti (daleye – TsDNIRO)* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-910, inv. 3, d. 650. 17 l.

5. Baturin G.N. *Krasnaia Tamanskaia armiia* [Red Taman Army]. Slavianskaia, Slav. otd. ispoln. kom., 1923. 51 p.

6. Baturin G.N. O Tamanskoi armii (1925) [About the Taman Army (1925)]. *TsDNIRO*, f. R-12, inv. 3, d. 76. 26 l.

7. *Grazhdanskaia voina i voennaia interventsiia v SSSR* [Civil War and Military Intervention in the USSR]. Moscow, Sov. encycl. Publ., 1983. 703 p.

8. Delo Smirnova: (Okruzhnoi sud) [Smirnov Case. (District Court)]. *Trudovoi put* [Labor Path], 1927, Aug. 19.

9. Dokumenty o I. Kochubee [Documents About I. Kochubey]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 71, inv. 35, d. 880. 56 l.

10. Donetskii M. Baturin: nekrolog [Baturin: Obituary]. *Molot* [Hammer], 1925, Dec. 16.

11. Efimov N.A. Iz istorii boevykh deistvii Krasnoi Armii na Severnom Kavkaze v 1918–1919 gg. [From the History of Military Operations of the Red Army in the North Caucasus in 1918–1919]. *Uchenye zapiski Moskovskogo pedinstituta imeni V.I. Lenina* [Scientific Notes of the Moscow Pedagogical Institute Named After V.I. Lenin], 1971, no. 421, pp. 153-240.

12. Efimov N.A. Istoricheskaia osnova «Zheleznogo potoka» A.S. Serafimovicha [From the History of Military Operations of the Red Army in the North Caucasus in 1918–1919]. *Istoriia SSSR* [History of the USSR], 1978, no. 4, pp. 55-72.

13. Efimov N.A. Nachalnik shtaba Tamanskoi armii [Chief of Staff of the Taman Army]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1972, no. 3, pp. 210-213.

14. *Izvestiia TsIK SSSR i VTsIK RSFSR* [News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR], 1924, March 16.

15. Interviu s kandidatom meditsinskikh nauk, dotsentom kafedry psikhiatrii, narkologii i meditsinskoi psikhologii Rostovskogo gosudarstvennogo

meditsinskogo universiteta A.Ia. Perekhovym (g. Rostov-na-Donu, 07.09.2020) [Interview with A.Ya. Perekhov, Candidate of Sciences (Medicine), Associate Professor, Department of Psychiatry, Narcology and Medical Psychology, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, September 7, 2020)]. *Lichnyi arkhiv avtora* [Personal Archive of the Author]. (Not published).

16. Kovtiukh E.I. *«Zheleznyi potok» v voennom izlozhenii* ["The Iron Stream" in a Military Presentation]. Moscow, Gosvoenizdat, 1935. 104 p.

17. Kovtiukh E.I. *Ot Kubani do Volgi i obratno* [From Kuban to Volga and Back]. Moscow, Gosvoenizdat, 1926. 110 p.

18. Kochergin G.A. Ocherki grazhdanskoi voiny na Severnom Kavkaze [Essays on the Civil War in the North Caucasus]. *TsDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-12, inv. 2, d. 72, l. 2-60.

19. Levandovskii M.K. Kavkaz – ubezhishche kontrrevoliutsionnogo elementa (1923) [Caucasus – Refuge for Counterrevolutionary Elements (1923)]. *Nauchnyy arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsialnykh issledovaniy* [Scientific Archives of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research], f. 21, inv. 1, d. 6, l. 32-56.

20. Levandovskii Mikhail Karlovich (3(15).5.1890–29.7.1937). *Geroi Grazhdanskoi voiny* [Heroes of the Civil War]. Moscow, Mol. gvardiia Publ., 1963, pp. 458-479.

21. Lichnaia perepiska Baturina G.N. [Personal Correspondence of Baturin G.N.]. *TsDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-910, inv. 3, d. 651. 50 l.

22. Lichnoe delo Baturina Grigoriia Nikolaevicha [Personal File of Baturin Grigory]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti (daleye – GARO)* [State Archives of the Rostov Region], f. R-3500, inv. 1, d. 1. 36 l.

23. Lichnye fotografii Baturina G.N. [Personal Photographs of G.N. Baturin]. *TsDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-910, inv. 3, d. 653. 24 l.

24. Materialy o realizatsii urozhaia v Donoblasti za 1922/23 g., doklad i materialy [Materials on the Sale of the Harvest in the Don Region for 1922/23, Report and Materials]. *GARO* [State Archives of the Rostov Region], f. R-97, inv. 1, d. 370. 161 l.

25. Materialy ob interventsii [Materials on the Intervention]. *Gosudarstvennyy arkhiv Omskoy oblasti* [State Archives of Omsk Region], f. 950, inv. 2, d. 3. 313 l.

26. Materialy po Grazhdanskoi voine na Iuge [Materials on the Civil War in the South]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 71, inv. 35, d. 173. 234 l.

27. *Molot* [Hammer], 1925, Dec. 12.

28. Morozova O.M. Petr Vasilevich Montin [Petr Montin]. *Voprosy istorii* [Questions of History Magazine], 2014, no. 9, pp. 115-122.

29. Morozova O.M. Rannii opyt memorializatsii Grazhdanskoi voiny na Iuge Rossii: pervyi pamiatnik geroiam-tamantsam [Early Experience of Memorializing the Civil War in the South of Russia: the First Monument to the Taman Heroes]. *Nasledie vekov* [Heritage of the Centuries], 2020, no. 5, pp. 29-39. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.002

30. Morozova O.M. *Tsari, kazaki, krasnye komandiry… Sem ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta* [Tsars, Cossacks, Red Commanders… Seven Essays in the Genre of Historical and Psychological Portrait]. Rostov-on-Don, IuNTs RAN, 2010. 288 p.

31. Morozova O.M., Troshina T.I. Broshennye v peskakh [Abandoned in the Sands]. *Rodina* [Homeland], 2022, no. 8, pp. 120-123.

32. Obertas I.L. *Komandarm Fedko* [Army Commander Fedko]. Moscow, Voenizdat Publ., 1973. 165 p.

33. Pisma, zaiavleniia, avtobiografii na imia byvshego nachalnika 18 Kavdivizii D.P. Zhloby [Letters, Statements, Autobiographies Addressed to the Former Commander of the 18th Cavalry Division D.P. Zhloba]. *TsDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-912, inv. 1, d. 10. 761 l.

34. Protokoly № 1–36 zasedanii Prezidiuma Donispolkoma IV sozyva za 1922–1923 g. [Protocols No. 1–36 of Meetings of the Presidium of the Don Executive Committee of the 4th Convocation for 1922–1923]. *GARO* [State Archives of the Rostov Region], f. R-97, inv. 1, d. 53. 379 l.

35. Svechnikov M.S. *Borba Krasnoi Armii na Severnom Kavkaze: sentiabr 1918 – aprel 1919* [The Red Army's Struggle in the North Caucasus: September 1918 – April 1919]. Moscow, Leningrad, Gosvoenizdat, 1926. 232 p.

36. Serafimovich Aleksandr Serafimovich. Materialy k romanu «Zheleznyi potok» [Serafimovich Aleksandr. Materials for the Novel "The Iron Stream"]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art], f. 457, inv. 1, d. 597. 165 l.

37. Sukhorukov V.T. *IX armiia v boiakh na Severnom Kavkaze i Nizhnei Volge (1918–1920 gg.)* [The 9th Army in the Battles in the North Caucasus and the Lower Volga (1918–1920)]. Moscow, Voenizdat, 1961. 287 p.

38. Furmanov Dm. *Sobraniye sochineniy. V 4 t. T. 4. Za kommunizm!* [Collected Works. In 4 Vols. Vol. 4. For Communism!]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1929. 285 p.

39. *Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Sovetskoi armii: putevoditel: v 2 t. T. 1* [Central State Archives of the Soviet Army. Guide. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, East View Publ., 1991. 421 p.

Information About the Author

Olga M. Morozova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Independent Researcher, Rostov-on-Don, Russian Federation, olgafrost@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8232-8189

Информация об авторе

Ольга Михайловна Морозова, доктор исторических наук, доцент, независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, olgafrost@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8232-8189

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.9

UDC 314.8(470.620)
LBC 60.7(2Рос-4Кра)

Submitted: 16.12.2024
Accepted: 14.02.2025

CHANGES IN THE SETTLEMENT NETWORK AND DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE KUBAN AND THE BLACK SEA REGION IN 1920–1939

Andrey V. Baranov
Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Valery V. Kasyanov
Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The scientific problem of changes in the settlement network in the context of demographic processes of the NEP periods and the modernization of Soviet society (1920–1939) is relevant for clarifying the historical patterns of development of the space of the regions of Russia, including Kuban and the Black Sea region. Changes in the settlement network have become an important factor in industrialization and collectivization, the formation of a new territorial identity in the regional community. The purpose of the article is to determine the direction of changes in the settlement network in the context of demographic processes in the Kuban and the Black Sea region in 1920–1939. *Methods and materials.* The study is conducted using system analysis, synchronous and diachronic comparative analysis, and construction of variational and dynamic series in the form of statistical tables. *Analysis and results.* It is established that the main factors of the specifics of the settlement network of the Kuban region and the Black Sea province by 1920 were the specialization of the region – high-quality grain agriculture – as well as Cossack communal land use in the Kuban and the incomplete peasant colonization of the Black Sea coast. Due to the natural conditions, the region is clearly divided into steppe, foothill, and coastal zones. The highest settlement density and population concentration in large villages are noted in the Ekaterinodar and Labinsk departments. The population and its ethnic heterogeneity have increased significantly due to interregional migration. Under the conditions of the new economic policy, the restoration of settlement networks disrupted during the Civil War was developing, but the preservation of Cossack communal land ownership prevented the modernization of the community. Industrialization and collectivization, which began in 1928, had a peculiarity in the Kuban and the Black Sea region: the priorities of economic development were the food and construction industries, large grain collective farms in the Kuban, and the creation of resort and recreational centers in the Black Sea region. At the same time, the dispossession and famine of 1932–1933 led to significant forced migration and stimulated the growth of the urban population and its concentration in large settlements. Modernization has led to changes in the territorial identity of the Kuban and Black Sea communities. *Authors' contribution.* A.V. Baranov has provided research conceptualization, methodology development, source text writing, and final conclusions. V.V. Kasyanov has participated in the development of curricula and their implementation, the collection and interpretation of archival materials, the follow-on revision of the text, and final conclusions. *Funding.* The research was carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation and at the expense of a grant from the Russian Science Foundation within the framework of project No. 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/.

Key words: demographic processes, settlement network, changes, Kuban, Black Sea region, 1920–1939.

Citation. Baranov A.V., Kasyanov V.V. Changes in the Settlement Network and Demographic Processes in the Kuban and the Black Sea Region in 1920–1939. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 111-123. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.9

© Баранов А.В., Касьянов В.В., 2025

УДК 314.8(470.620)
ББК 60.7(2Рос-4Кра)

Дата поступления статьи: 16.12.2024
Дата принятия статьи: 14.02.2025

ИЗМЕНЕНИЯ СЕТИ ПОСЕЛЕНИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА КУБАНИ И В ЧЕРНОМОРЬЕ В 1920–1939 ГОДАХ

Андрей Владимирович Баранов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Валерий Васильевич Касьянов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. *Введение*. Научная проблема изменений сети поселений в контексте демографических процессов периодов НЭПа и модернизации советского общества (1920–1939 гг.) актуальна для выяснения исторических закономерностей развития пространства регионов России, в том числе Кубани и Черноморья. Изменения сети поселений стали важным фактором проведения индустриализации и коллективизации, формирования новой территориальной идентичности в региональном сообществе. Цель статьи – определить направленность изменений сети поселений в контексте демографических процессов на Кубани и в Черноморье в 1920–1939 годах. *Методы и материалы*. Исследование проведено с применением системного анализа, синхронного и диахронного сравнительного анализа, построения вариационных и динамических рядов в виде статистических таблиц. *Анализ и результаты*. Установлено, что основными факторами специфики сети поселений Кубанской области и Черноморской губернии к 1920 г. были специализация региона (высокотоварное зерновое сельское хозяйство), казачье общинное землепользование на Кубани и незавершенная крестьянская колонизация Черноморского побережья. В соответствии с природными условиями регион отчетливо делился на степную, предгорную и приморскую зоны. Наибольшая плотность расселения и концентрация населения в крупных станицах отмечены в Екатеринодарском и Лабинском отделах. Численность населения и его этническая неоднородность значительно возросла благодаря межрегиональной миграции. В условиях новой экономической политики происходило восстановление сетей поселений, нарушенных в годы Гражданской войны, но сохранение казачьего общинного землевладения препятствовало модернизации сообщества. Индустриализация и коллективизация, начатые в 1928 г., имели свои особенности на Кубани и в Черноморье: приоритетами экономического развития стали пищевая и строительная промышленность, крупные зерновые коллективные хозяйства на Кубани, а в Черноморье – создание курортно-рекреационных центров. В то же время раскулачивание и голод 1932–1933 гг. привели к значительной вынужденной миграции, стимулировали рост городского населения и его концентрацию в крупных населенных пунктах. Модернизация привела к изменениям территориальной идентичности сообществ Кубани и Черноморья. *Вклад авторов*. А.В. Баранов – концепция исследования, развитие методологии, написание исходного текста, итоговые выводы. В.В. Касьянов – участие в разработке концепции исследования и ее реализации, сбор и интерпретация архивных материалов, доработка текста, итоговые выводы. *Финансирование.* Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/.

Ключевые слова: демографические процессы, сеть поселений, изменения, Кубань, Черноморье, 1920–1939 гг.

Цитирование. Баранов А. В., Касьянов В. В. Изменения сети поселений и демографические процессы на Кубани и в Черноморье в 1920–1939 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 111–123. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.9

Введение. Актуальность научной проблемы изменений сети поселений в контексте демографических процессов периодов НЭПа и модернизации советского общества (1920–1939 гг.) состоит в необходимости выяснить исторические закономерности развития пространства регионов России, в том числе Кубани и Черноморья. Изменения сети поселений (численности и плотности населения, его этнического и сословного состава, территориальных связей и идентичности жителей) стали важным фактором проведения индустриали-

зации и коллективизации, формирования новой территориальной идентичности в региональном сообществе. Тема исследована недостаточно. Актуальность темы также состоит в необходимости учесть исторические традиции и самосознание местных сообществ при управлении современными масштабными демографическими процессами в Краснодарском крае. Цель статьи – определить направленность изменений сети поселений в контексте демографических процессов на Кубани и в Черноморье в 1920–1939 годах.

Методы и материалы. Географические пределы исследования включают в себя территорию Кубано-Черноморской области, существовавшей с 29 марта 1920 г. по 13 февраля 1924 года. Позже на данной территории были образованы Армавирский, Кубанский, Майкопский и Черноморский округа в прямом подчинении Северо-Кавказскому краю (лето 1924 г. – начало 1930 г.). Ейский, Кущёвский и Староминской сельские районы, г. Ейск вошли в состав Донского округа. Все перечисленные территории обладали социокультурной преемственностью по отношению к дореволюционным Кубанской области и Черноморской губернии. Территория Адыгейской (Черкесской) автономной области, созданной в 1922 г., не включена в объект исследования, поскольку она по типу историко-демографического развития ближе к другим автономиям Северного Кавказа, а не к Кубано-Черноморью.

Хронологические пределы работы охватывают время с весны 1920 г. (восстановление советской власти в регионе) до 1939 г. (завершение коллективизации и проведение Всесоюзной переписи населения).

Степень научной разработанности проблемы можно признать недостаточной. Первые исследования исторической демографии Кубани и Черноморья 1920-х гг. провели статистики и краеведы: В.И. Смирнский [29], И.М. Гольдентул [6], А.И. Гозулов [5], Л.Я. Апостолов [1]. Их интересовала в первую очередь фиксация численности и социальной структуры населения региона. Эти сведения использовались для аргументации планов экономического развития, «планомерного размещения производительных сил», реформ административно-территориального деления (работа А.А. Пономарёва [20]). Интерес историков 1930–1950-х гг. к теме резко снизился: изменения численности и состава населения лишь бегло упоминались в контексте факторов коллективизации. Вновь внимание к исторической демографии Кубано-Черноморья привлек коллектив монографии Института этнографии АН СССР под редакцией К.В. Чистова [11], а также исследователь доколхозной станицы В.Е. Щетнёв [35]. Однако полномасштабное возрождение интереса к исторической демографии региона, осознание сложной детерминации демографических процессов состоялось только к концу 1990-х годов. Можно упомянуть работы по истории населения Кубани периодов НЭПа и коллективизации, выполненные на новой методологической и источниковой основе В.Н. Ратушняком [26], А.В. Барановым [2], В.Н. и Я.В. Ракачёвыми [24; 25], М.Ю. Макаренко [13], О.С. Субботиным [31]. А.П. Скорик и И.М. Федина сосредоточили внимание на кубанских доколхозных станицах и хуторах как типах поселений [28]. Т.В. Панкова-Козочкина и В.А. Бондарев раскрыли проявления модернизации сельского хозяйства Юга России [18]. А.А. Цуциев впервые создал исторический атлас Кавказа, уделив основное внимание этническим и конфессиональным ареалам [34]. В.Р. Истягин осветил малоизвестные процессы переселенческой политики в период коллективизации [8]. Вместе с тем сохраняется приоритетное внимание специалистов к половозрастным, социальным и этническим аспектам истории населения; пространственные аспекты демографической истории 1920–1930-х гг. изучены значительно слабее. Внимание в основном уделяется населению городов, а не станиц и сел. Редко выполняются работы о сельских поселениях Черноморья (достойное исключение – статьи О.В. Бершадской [3] и Г.А. Нагаевой [15].

Специальных исследований сети поселений Кубано-Черноморья 1920–1930-х гг. в зарубежной историографии еще не создано. Упомянем общие исследования российской демографической истории данного периода, выполненные японскими авторами К. Кумо, Т. Моринага и Й. Шида [44], американскими экспертами Ч. Беккером, Й. Мендельсоном и К. Бендерской [37], французскими исследователями К. Бруич и К. Гестава [38]. Их авторы концентрируют внимание на долгосрочных тенденци-

ях роста народонаселения России, особенностях урбанизации (Дж. Кесслер и др.) [46] и модернизации сельских поселений.

Наше исследование реализовано на основе использования системного анализа, синхронного и диахронного сравнительного анализа [36]. Население Кубано-Черноморской области (с лета 1924 г. – округов, на которые область была разделена) воспринимается как целостная совокупность взаимосвязанных элементов: половозрастных, сословных и этнических групп, горожан и сельских жителей, обладавших территориальной идентичностью. Сравнительный анализ обеспечивает установление сходств и различий населения отделов, округов и районов Кубано-Черноморья как в статике, так и в динамике, в зависимости от стратегий общественного развития 1920–1930-х годов. Построены вариационные и динамические ряды в виде статистических таблиц, позволившие наглядно представить локальные особенности расселения, удельного веса народов, а также сословных групп казаков и крестьян среди жителей городов, сельских районов и станиц.

Авторы статьи применяют методы исторической географии: картографирование [42], определение поселенческих ареалов и сетей [40], центр-периферийный подход [41], а также понятийный аппарат географии населения [43], теорию расселения В. Кристаллера [39] и теорию экономического ландшафта А. Лёша [45]. На их основе определены ареалы концентрации населения, оси транспортных и хозяйственных коммуникаций между местными сообществами Кубани и Черноморья.

Источниковая база исследования объемлет собой материалы переписей населения 1920, 1926 и 1939 гг., а также текущего статистического учета населения; справочные и отчетные материалы органов государственной власти (отчеты статистических управлений областного и окружных статистических управлений, справки по запросам партийных и правоохранительных органов); статистические данные о землепользовании и землеустройстве; записки и сообщения органов ОГПУ о выселении кулаков из районов Кубано-Черноморья [33, с. 214–229]; географические карты о размещении населения региона, его этническом и сословном составе, о географических особенностях хозяйства [29; 31; 32].

Результаты. Система расселения на Кубани и в Черноморье определялась природно-географическими факторами: плодородными черноземами и благоприятным для земледелия климатом на большей части территории региона – в его степной (к северу от рек Кубань и Лаба) и предгорной (между Кубанью и Лабой на севере и Главным Кавказским хребтом на юге) зонах. Территорию Кубанской области прорезают с востока на запад полноводная р. Кубань и ее притоки, создающие естественные транспортные оси. Черноморское и Азовское побережья в большей мере благоприятны для садоводства, виноградарства и овощеводства, а также имели возможности для развития портового хозяйства и экспорта российской сельскохозяйственной продукции на внешние рынки.

Социально-экономическим фактором быстрого роста населения Кубани и Черноморья до 1917 г. являлось развитие высокотоварного сельского хозяйства (возделывались зерновые культуры, подсолнечник, сахарная свекла, эфиромасличные культуры; достаточно развиты были скотоводство, коневодство и рыбная ловля). Начиная с 1870-х гг. важными осями системы расселения стали железные дороги Ростов-на-Дону – Армавир, Царицын – Новороссийск, Тихорецкая – Ейск, Армавир – Туапсе. Железные дороги стимулировали промышленный и торговый рост Екатеринодара, Новороссийска, Армавира и других узловых населенных пунктов. Вместе с тем по среднероссийским меркам города Кубани и Черноморья были развиты недостаточно, оставаясь в основном центрами пищевой промышленности и транспортными узлами.

Накануне Первой мировой войны Кубанская область и Черноморская губерния представляли собой регионы, население которых увеличивалось наиболее высокими в европейской части России темпами. В совокупности к началу 1914 г. Кубань и Черноморье достигли численности населения 3 110,2 тыс. чел. (в сравнении с 180 тыс. чел. в 1860 г.), в том числе Кубанская область – 2 984,5 тыс., Черноморская губерния – 152,7 тыс. человек. Казаки составляли 45,8 % жителей в Кубанской области, но мизерную долю – в Черноморской губернии [10, с. 32]. Сельские жители составляли 90,6 % суммарного населения Кубани и

Черноморья, включая 92,7 % на Кубани и 51,4 % в Черноморье. Преобладали патриархальные семьи из 3–4 поколений [30, с. 8–11]. Такая демографическая ситуация была следствием быстрого прогресса сельского хозяйства, ориентированного на внешний и внутренний рынок.

Сеть поселений характеризуется наличием крупных станиц и сел, население которых было равным по численности с городами центральной части России. Так, по переписи 1926 г., ст-ца Лабинская включала население 28,8 тыс. чел., Пашковская – 18,0 тыс. чел., 67 станиц и сел Кубано-Черноморья насчитывали более 10 тыс. жителей (65 из 67 – в степной зоне) [21, с. 35–36]. Важнейшими из них по транспортному и экономическому расположению были ст-цы Динская, Белореченская, Славянская, Крымская, Михайловская, Уманская, Павловская, Калниболотская, Староминская, Екатериновская, Новопокровская, Медвёдовская и др. Поселения концентрировались вдоль основных рек и транспортных путей, зачастую занимая вытянутые участки земли. Хлеборобы страдали от дальноземелья своих участков («планов»).

Первая мировая война привела к значительному притоку мигрантов из западных, прифронтовых местностей Российской империи. Например, население г. Екатеринодара выросло за 1914–1920 гг. на 43,5 % [12, с. 74–76]. Усилилась этническая разнородность населения региона за счет притока поляков, евреев, эстонцев, латышей, немцев. Особо надо отметить переселение на Черноморское побережье беженцев из Османской империи – армян и греков, расселившихся достаточно компактно [7]. За годы Гражданской войны и последовавшего голода возрос приток в Кубано-Черноморскую область славянского населения, прежде всего с Левобережной Украины, из Центрального Черноземья и Поволжья. Например, Всесоюзная перепись населения 18 декабря 1926 г. зафиксировала в округах бывшей Кубано-Черноморской области 514 667 переселенцев, прибывших в Северо-Кавказский край извне (16,6 % постоянного населения). Среди них преобладали переехавшие с Украины (28,9 %) и из Центрально-Черноземной области (24,8 %), далее по убывающей шли выходцы из республик Закавказья, Центрального промышленного региона и зарубежных стран [17, с. 23–24]. В основном новоселы пополняли ряды иногороднего крестьянства, неполноправного в землепользовании. Приток мигрантов стимулировал организацию новых хуторов и сел, но на Черноморском побережье беженцы из Османской империи зачастую ютились во временных ветхих жилищах, что провоцировало конфликты [23, л. 13–18].

Перепись населения 28 августа 1920 г. проводилась в условиях еще не налаженного аппарата государственного управления – продолжалась Гражданская война. По различным оценкам, недоучет составил от 4 до 11 % постоянных жителей. Учтенное население Кубано-Черноморской области, включая жителей вскоре созданных Карачаево-Черкесской и Адыгее-Черкесской автономных областей, составило 2934,9 тыс. человек. Из них 2498,8 тыс. (85,1 %) были сельскими жителями, а 436,1 тыс. (14,9 %) – горожанами. Население Баталпашинского отдела (Карачаево-Черкесии) составляло оценочно 284,0 тыс. чел., Ейского – 427,5 тыс., Кавказского – 422,9 тыс., Краснодарского – 415,7 тыс., Лабинского – 489,7 тыс., Майкопского (включая Адыгею) – 447,0 тыс., Таманского отдела – 497,7 тыс. чел., а бывшей Черноморской губернии – 152,7 тыс. чел. [30, с. 12].

Следовательно, численность населения Кубано-Черноморья в границах, сопоставимых с дореволюционными, снизилась, по официальному статистическому учету на 1914–1920 гг., на 175,3 тыс. чел., причем в большей степени сократилось сельское население. Депопуляция продолжилась вследствие хозяйственной разрухи, эмиграции и повстанческих выступлений в 1921–1922 годах. На 1922 г. численность жителей Кубано-Черноморской области сократилась до 2 880,8 тыс. чел. [16, с. 1, 53]. Последующее восстановление численности населения объясняется постепенным налаживанием многоукладной нэповской экономики. В частности, на территории Кубанского округа естественный прирост населения был на уровне +2,1 % в 1924 г. и +2,6 % в 1926 г., превысив довоенный уровень [19, с. 57].

Наиболее объективные и детальные сведения о демографических процессах на Кубани и в Черноморье периода НЭПа дает Всесоюзная перепись населения (17 декабря 1926 г.), состоявшаяся на стадии относительной стабилизации многоукладного общества. Ее результаты мы представили в виде вариационного ряда (см. таблицу).

Население Кубани и Черноморья по Всесоюзной переписи населения (17 декабря 1926 г.)

Population of Kuban and the Black Sea region according to the All-Union Population Census (December 17, 1926)

№ п/п	Административная единица	Все население, тыс. чел.	Городское население, тыс. чел.	Сельское население, тыс. чел.	Урбанизация, %	Казачье население, % от всего населения
1	Армавирский округ	927,4	153,7	773,7	16,6	41,0
1.1	г. Армавир	74,5	74,5	–	100,0	12,3
1.2	Армавирский район	71,4	–	71,4	0	46,7
1.3	г. Баталпашинск	19,4	19,4	–	100,0	45,9
1.4	Баталпашинский район	41,6	–	41,6	0	73,5
1.5	Вознесенский район	54,5	–	54,5	0	47,7
1.6	Григориполисский район	39,0	–	39,0	0	34,2
1.7	Каменнобродский район	38,2	–	38,2	0	77,9
1.8	г. Кропоткин	31,0	31,0	–	100	5,3
1.9	Кропоткинский район	105,9	–	105,9	0	36,6
1.10	Курганинский район	48,6	–	48,6	0	37,7
1.11	Лабинский район	75,9	28,8	47,1	37,9	37,2
1.12	Невинномысский район	85,2	–	85,2	0	33,4
1.13	Новоалександровский район	49,5	–	49,5	0	74,61.
1.14	Отрадненский район	78,5	–	78,5	0	63,1
1.15	Петропавловский район	52,4	–	52,4	0	53,7
1.16	Успенский район	61,8	–	61,8	0	24,8
2	Кубанский округ	1 489,1	211,0	1278,1	14,2	50,8
2.1	Абинский район	58,9	–	58,9	0	46,9
2.2	Брюховецкий район	82,6	–	82,6	0	50,2
2.3	Горячеключевской район	29,6	2,2	27,4	7,4	53,7
2.4	Каневской район	54,4	–	54,4	0	62,7
2.5	Кореновский район	117,3	–	117,3	0	50,3
2.6	Краснодарский район	123,0	–	123,0	0	73,2
2.7	г. Краснодар	162,5	162,5	–	100	7,1
2.8	Медвёдовский район	70,5	–	70,5	0	55,4
2.9	Новопокровский район	72,4	–	72,4	0	68,3
2.10	Павловский район	73,0	–	73,0	0	63,3
2.11	Поповический район	78,2	–	78,2	0	69,1
2.12	Приморско-Ахтарский район	40,4	11,3	29,1	28,0	45,0
2.13	Северский район	66,5	–	66,5	0	41,3
2.14	Славянский район	131,0	–	131,0	0	61,3
2.15	Темрюкский район	50,7	10,5	40,2	20,7	62,9
2.16	Уманский район	41,7	–	41,7	0	66,4
2.17	Усть-Лабинский район	88,1	–	88,1	0	39,2
3	Донской округ, присоединенная от Кубани часть	304,0	38,1	265,9	12,5	44,5
3.1	Ейский район	100,6	–	100,6	0	53,8
3.2	г. Ейск	38,1	38,1	–	100	2,8
3.3	Кущёвский район	87,6	–	87,6	0	33,4
3.4	Староминской район	77,7	–	77,7	0	65,3
4	Майкопский округ	330,1	55,9	274,2	16,9	34,2
4.1	Армянский район	8,1	–	8,1	0	1,0
4.2	Белореченский район	61,6	–	61,6	0	29,8
4.3	Дондуковский район	43,4	–	43,4	0	31,9
4.4	Майкопский район	71,9	–	71,9	0	53,2
4.5	г. Майкоп	55,9	55,9	–	100	3,0
4.6	Мостовской район	58,4	–	58,4	0	44,5
4.7	Хадыженский район	30,9	–	30,9	0	48,1
5	Черноморский округ	291,4	112,5	179,0	38,6	12,8
5.1	Анапский район	40,6	–	40,6	0	50,4
5.2	г. Анапа	13,4	13,4	–	100	3,5

Окончание таблицы

End of the table

№ п/п	Административная единица	Все население, тыс. чел.	Городское население, тыс. чел.	Сельское население, тыс. чел.	Урбанизация, %	Казачье население, % от всего населения
5.3	Геленджикский район	12,2	–	12,2	0	1,5
5.4	г. Геленджик	4,5	4,5	–	100	1,9
5.5	Крымский район	56,9	–	56,9	0	16,9
5.6	г. Новороссийск	74,1	67,9	6,2	91,6	3,5
5.7	Сочинский район	44,4	14,5	29,9	32,7	2,1
5.8	Туапсинский район	17,4	–	17,4	0	2,6
5.9	г. Туапсе	12,0	12,0	–	100	3,3
5.10	Шапсугский район	5,5	–	5,5	0	0,2
Кубань и Черноморье в целом		3 342,0	571,2	2 770,8	17,1	42,5

Примечание. Составлено по: [4, с. 47–48; 9, с. 2–9].

Материалы переписи 1926 г., представленные в таблице, подтверждают, что восстановилась и немного была превзойдена довоенная численность населения изучаемого региона. Уровень урбанизации сообщества Кубани и Черноморья вырос в условиях НЭПа – с 14,9 до 17,1 % за 1920–1926 гг. Наиболее быстро росли административные центры округов – Краснодар, Армавир, Новороссийск и Майкоп. Удельный вес казачества в населении Кубани и Черноморья несколько снизился в сравнении с 1914 г. (с 45,8 до 42,5 %), но абсолютная численность кубанского казачества восстановилась, достигнув 1 421,1 тыс. чел. [4, с. 47–48; 9, с. 2–9].

Анализ пространственного распределения казачества в 1926 г. показывает, что наивысший удельный вес кубанских казаков отмечен среди жителей сельских районов, удаленных от транспортных магистралей. Так, казаки составляли 7,5 % горожан Кубани и Черноморья, тогда как среди сельских жителей региона казаков было 58,2 % [4, с. 47–48; 9, с. 2–9]. В то же время, иногородние крестьяне в наибольшей мере концентрировались в местностях вдоль транспортных путей, в городских и сельских административных центрах.

Черноморский округ резко отличался от бывшей Кубанской области высоким уровнем урбанизации и полиэтничностью населения, что было обусловлено особенностями экономики (развитием курортного дела, портов, пригородного садоводства и овощеводства, выращивания технических культур). Черноморское побережье оставалось недостаточно заселенным и освоенным.

Приоритеты развития Кубани и Черноморья качественно меняются в 1927–1929 гг. при подготовке и проведении коллективизации. Основной целью становится наращивание удельного веса колхозов и совхозов в сельскохозяйственном производстве, вытеснение «эксплуататорских элементов» города и села из экономики (включая выселение части нэпманов и кулаков из Северо-Кавказского края). Планы первой и второй пятилеток предусматривали активное строительство в регионе крупных предприятий пищевой, легкой, нефтеперерабатывающей промышленности, производства строительных материалов, что требовало быстрой урбанизации общества. Территориальное размещение возводимых приоритетных предприятий выявлено Д.А. Салфетниковым, который особо отмечает значение реконструкции цементных заводов г. Новороссийска, строительства нефтепровода Грозный – Туапсе, предприятий сельскохозяйственного машиностроения в г. Краснодаре и Армавире, заводов по переработке сельскохозяйственной продукции в г. Краснодаре и Кропоткине, ст-цах Крымской, Кореновской, г. Ейске и Темрюке [27, с. 99, 105].

Раскулачивание, начатое летом 1929 г., охватило в ряде районов Кубани до 13–15 % сельских семей, хотя официально кулаками считались 3–5 % казаков и крестьян. Первая и вторая категория раскулаченных подлежали высылке из Северо-Кавказского края в местности Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока. Под эти категории подпадали 8 тыс. жителей Кубани, выселенных к 1 марта 1930 года. По подсчетам сибирского

историка С.А. Красильникова, из Северо-Кавказского края было выселено к лету 1930 года. 10 595 семей, из них примерно 25 % – с Кубани [14, с. 483]. Позже, в ноябре 1932 г., ЦК ВКП(б) своим постановлением выселил с Кубани 2 000 кулацко-зажиточных семей, злостно срывающих сев» [26, с. 292–296]. Из «чернодосочных» станиц Полтавской, Уманской, Медвёдовской, Урупской были выселены 53 500 человек. Соответствующее постановление было принято ЦК ВКП(б) и СНК СССР 14 декабря 1932 г. [22]. Кроме этого, за сопротивление хлебозаготовкам за ноябрь 1932 г. – январь 1933 г. депортировано с Кубани 20 тыс. казаков и крестьян [26, с. 294–296].

Часть голодавшего населения бежала с Кубани в другие регионы. Так, в спецсводке № 9 секретно-политического отдела ОГПУ от 20 декабря 1932 г. признано, что с 15 ноября по 15 декабря 1932 г. с Кубани бежало 1 500 семей; только Черноморский окружной оперсектор ОГПУ задержал 2 279 человек. Массовое бегство из голодающих станиц отмечал Павловский районный комитет ВКП(б) в своем постановлении от 24 января 1933 г. [33, с. 225–226, 229].

Взамен, как выявил В.Р. Истягин, органы власти организовали переселение на Кубань, как и в другие регионы Юга РСФСР, демобилизованных красноармейцев и крестьян-бедняков из Центральной России. Например, к 14 декабря 1933 г. на Кубань было организованно переселено 10 560 чел. [8, с. 173].

В результате встречных миграционных потоков состав населения Кубани и Черноморья в 1930 г. серьезно изменился. Согласно расчетам В.Н. Ракачёва, при переписи 1939 г. численность населения Краснодарского края (без Адыгейской АО) составила лишь 2 930,9 тыс. чел., что на 4 % меньше, чем в 1926 г., несмотря на высокую рождаемость. При этом урбанизация населения Краснодарского края (без автономии) выросла в 1939 г. до 24,8 %. Быстрее всего росло население г. Краснодара, Армавира, Новороссийска, Туапсе [24, с. 51, 75].

Заключение. Установлено, что основными факторами специфики сети поселений Кубанской области и Черноморской губернии к 1920 г. были специализация региона (высокотоварное зерновое сельское хозяйство), казачье общинное землепользование на Кубани и незавершенная крестьянская колонизация Черноморского побережья. В соответствии с природными условиями регион отчетливо делился на степную, предгорную и приморскую зоны. Размеры поселений на Кубани значительно превышали среднероссийские, особенно в степной зоне. Наибольшая плотность расселения и концентрация населения в крупных станицах отмечены в Екатеринодарском и Лабинском отделах. Численность населения и его этническая неоднородность значительно возросли благодаря межрегиональной миграции, направлявшейся прежде всего в города и местности вдоль железных дорог. Основными источниками миграционного притока выступали Левобережная Украина, Центральное Черноземье, Закавказье и бывшая Османская империя. В условиях новой экономической политики происходило восстановление сетей поселений, нарушенных в годы Гражданской войны. Довоенная численность населения Кубани и Черноморья, в том числе казачьего, а также уровень урбанизации были в 1926 г. восстановлены и превзойдены. Однако сохранение казачьего общинного землевладения препятствовало модернизации общества. Индустриализация и коллективизация, начатые в 1928 г., имели свои особенности на Кубани и в Черноморье: приоритетами экономического развития стали пищевая и строительная промышленность, крупные зерновые коллективные хозяйства на Кубани, а в Черноморье – создание курортно-рекреационных центров. В то же время раскулачивание и последовавший голод 1932–1933 гг. привели к значительной вынужденной миграции, стимулировали усиленный рост городского населения и его концентрацию в крупных населенных пунктах. Модернизация 1930-х гг. привела к изменениям территориальной идентичности сообществ Кубани и Черноморья: ослаблению влияния казачьего самосознания, интеграции региона в советское общество. Таким образом, трансформации народонаселения Кубани и Черноморья в 1920–1939 гг. имели три следующих этапа: 1920–1922 гг. – депопуляция вследствие войн и хозяйственной разрухи; 1923–1927 гг. – восстановление довоенных пропорций народонаселения на основе многоукладной рыночной экономики; 1928–1939 гг. – качественные изменения состава сообщества

вследствие репрессий, миграций и урбанизации. Установлено, что убыль населения из-за репрессий и голода неполностью возмещалась межрегиональными организованными миграциями. Удельный вес горожан в населении Кубани и Черноморья вырос почти вдвое в результате строительства промышленных предприятий, притока рабочей силы как из сельских местностей региона, так и из других регионов СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апостолов Л. Я. Кубано-Черноморский край: Краткий очерк его современного состояния с приложением карты. Краснодар: Кубан.-Черном. краев. науч.-исслед. ин-т, 1924. 54 с.
2. Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999. 346 с.
3. Бершадская О. В. Черноморская деревня в первой трети XX в.: социально-экономический аспект // Былые годы. 2009. № 3 (13). С. 37–45.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. В 7 отд., 56 т. Отд. 1. Т. 5. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. М.: Изд-во ЦСУ Союза ССР, 1928. VIII, 388 с.
5. Гозулов А. И. Морфология населения: Опыт изучения строения основных свойств населения Северо-Кавказского края по данным трех народных переписей 1926, 1920 и 1897 г. Ростов н/Д: Сев.-Кавк. краев. стат. упр., 1929. 442 с.
6. Гольдентул И. М. Земельные отношения на Кубани: крат. очерк. Краснодар: Буревестник, 1924. XI, 96, XIII с.
7. Доклад о землепользовании и землеустройстве национальных меньшинств в Черноморском округе // Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 878. Л. 1–2.
8. Истягин В. Р. Реализация государственной переселенческой политики в период коллективизации (на материалах Дона и Северного Кавказа). Ростов н/Д: Дониздат, 2016. 175 с.
9. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д: Сев.-Кавк. краев. стат. упр., 1928. 99 с.
10. Козлов А. И. На историческом повороте. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 214 с.
11. Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / под ред. К.В. Чистова. М.: Наука, 1967. 356 с.
12. Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М.: Пл. хоз-во; Госплан СССР, 1926. 124 с.
13. Макаренко М. Ю. Юг России накануне и в процессе демографической модернизации (1897–1926 гг.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2010. 160 с.
14. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / отв. ред. С. А. Красильников. М.: Полит. энцикл., 2017. 600 с.
15. Нагаева Г. А. Исторические факторы формирования населенных пунктов (на примере Черноморского побережья Краснодарского края) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (59). С. 24–37. DOI: 10.21685/2072-3024-2021-3-3
16. Население и хозяйство Кубанско-Черноморской области: стат. сб. за 1922–1923 год. В 3 ч. Ч. 1 / под ред. В. И. Смирнского. Краснодар: Кубан.-Черном. обл. пл. комис., 1924. 226 с.
17. Нежигай Э. Н. Национальный состав населения Кубано-Черноморской области в 20-е годы XX века // Вестник Академии знаний. 2013. № 2 (5). С. 22–26.
18. Панкова-Козочкина Т. В., Бондарев В. А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи НЭПа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск: Лик, 2012. 266 с.
19. Писарев И. Ю. Народонаселение СССР: соц.-экон. очерк. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1962. 188 с.
20. Пономарёв А. А. Территория и население Юго-Востока // Юго-Восток: справ. по Юго-Востоку России. Ростов н/Д: Сов. Юг, 1924. С. 349–372.
21. Поселенные итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д: Сев.-Кавк. краев. стат. упр., отд. переписи, 1929. 547 с.
22. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках в Украине, на Северном Кавказе и в Западной области». 14 декабря 1932 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2025. Л. 42–42 об.
23. Протокол № 1 расширенного совещания Черноморской окружной греческой секции при Агитпропотделе Черноморского окружкома ВКП(б) от 18 мая 1927 г. // ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 817. Л. 13–31.
24. Ракачёв В. Н. Население Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. 350 с.
25. Ракачёв В. Н., Ракачёва Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. В 4 т. Т. 1. 1900–1920-е гг. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. 199 с.
26. Ратушняк В. Н. История кубанского казачества. Краснодар: Традиция, 2013. 416 с.
27. Салфетников Д. А. Развитие промышленности Кубани в годы первых пятилеток (1928–1937). Краснодар: Кубан. гос. аграр. ун-т, 2013. 193 с.

28. Скорик А. П., Федина И. М. Кубанские курени и станицы: повседневный поселенческий уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII – первой трети XX веков. Новочеркасск: Лик, 2022. 1335 с.

29. Смирнский В. И. Население и хозяйство Кубанского округа. К началу 1924–1925 года (общий очерк). Краснодар: Кубан. окр. исполн. ком., 1924. 46, VI с.

30. Статистический справочник Юго-Востока России. Вып. 2 / под общ. ред. В. С. Орлова, А. А. Пономарёва. Ростов н/Д: Юго-Вост. пл. ком. при Крайэкономсовете Юго-Востока России, 1923. 312 с.

31. Субботин О. С. Развитие систем расселения и самобытные черты в планировке населенных мест Кубани // Жилищное строительство. 2014. № 11. С. 16–22.

32. Схематическая карта Кубанско-Черноморской области. Краснодар: 1-я литогр. Краснодара, 1923. 1 с.

33. Хрестоматия по истории Кубани / науч. ред. В. В. Касьянов. Краснодар: Периодика Кубани, 2015. 400 с.

34. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

35. Щетнёв В. Е. Октябрьская революция и динамика социально-экономической структуры кубанской станицы // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: докл. и сообщ. Девятой сес. Междунар. симп. Таллин: АН ЭССР, 1971. С. 522–531.

36. Baker A. R. H. Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 281 p.

37. Becker Ch., Mendelsohn J., Benderskaya K. Russian Urbanization in the Soviet and Post-Soviet Eras. N. Y.: International Institute for Environment and Development United Nations Population Fund, 2012. 134 p.

38. Bruisch K., Gestwa K. Expertise and the Quest for Rural Modernization in the Russian Empire and the Soviet Union // Cahiers du Monde Russe. 2016. № 57/1. P. 7–30. DOI: https://doi.org/10.4000/monderusse.8324

39. Christaller W. Le localita centrali della Germania meridionale: un'indagine economico-geografica sulla regolarita della distribuzione e dello sviluppo degli insediamenti con funzioni urbane. Milano: F. Angeli, 1980. 342 p.

40. Domosh M. Heffernan M., Withers Ch. The Sage Handbook of Historical Geography. L.: Sage Publications, 2021. 1168 p.

41. Graham B., Nash C. Modern Historical Geographies. Harlow [etc.]: Pearson/Longman, 2006. XIV, 279 p.

42. Holdsworth D. W. Historical Geography: New Ways of Imaging and Seeing the Past // Progress in Human Geography. 2003. № 27 (4). P. 486–493. DOI: 10.1191/0309132503ph440pr

43. Izhar Hassan M. Population Geography: A Systematic Exposition. New Dehli: Routledge India, 2020. 368 p.

44. Kumo K., Morinaga T., Shida Y. Long-Term Population Statistics for Russia 1867–2002. Tokyo: Russian Research Center; The Institute of Economic Research Hitotsubashi University Kunitachi, 2007. 39 p.

45. Losch A. The Economics of Location. New Haven: Yale University Press, 1954. 520 p.

46. Afontsev S., Kessler G., Markevich A., Tyazhel'nikova V., Valetov T. Urban Households in Russia and the Soviet Union, 1900–2000: Size, Structure and Composition / (IISH-Research Paper 44). Amsterdam: Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, 2005. 90 p.

REFERENCES

1. Apostolov L.Ya. *Kubano-Chernomorskij krai: Kratkij ocherk ego sovremennogo sostoianiia s prilozheniem karty* [The Kuban-Black Sea Region: A Brief Outline of Its Current State with the Application of a Map]. Krasnodar, Kuban.-Chernom. kraev. nauch.-issled. in-t, 1924. 54 p.

2. Baranov A.V. *Mnogoukladnoe obshchestvo Severnogo Kavkaza v usloviyakh novoj ekonomicheskoj politiki* [Multicultural Society of the North Caucasus in the Context of New Economic Policy]. Krasnodar, Kuban. gos. un-t, 1999. 346 p.

3. Bershadskaya O.V. Chernomorskaia derevnia v pervoj treti XX v.: sotsialno-ekonomicheskii aspect [The Black Sea Village in the First Third of the 20th Century: Social and Economic Aspect]. *Bylye gody*, 2009, no. 3 (13), pp. 37-45.

4. *Vsesojuznaya perepis naseleniya 1926 goda. Okonchatelnye itogi. V 7 otd., 56 t. Otd. 1. T. 5. Krymskaia ASSR. Severo-Kavkazskij kray. Dagestanskaia ASSR* [The All-Union Population Census of 1926. Final Results. In 7 Sections, 56 Vols. Section 1. Vol. 5. Crimean ASSR. The North Caucasus Region. Dagestan ASSR]. Moscow, Izd-vo TsSU Soyuza SSR, 1928. VIII, 388 p.

5. Gozulov A.I. *Morfologiya naseleniia: Opyt izucheniia stroeniia osnovnykh svojstv naseleniia Severo-Kavkazskogo kraia po dannym trekh narodnykh perepisej 1926, 1920 i 1897 g.* [Morphology of the Population: The Experience of Studying the Structure of the Main Properties of the Population of the North Caucasus Region According to the Data of Three National Censuses of 1926, 1920 and 1897]. Rostov-on-Don, Sev.-Kavk. kraev. stat. upr., 1929. 442 p.

6. Goldentul I.M. *Zemelnye otnosheniya na Kubani: krat. ocherk* [Land Relations in the Kuban: A Brief Essay]. Krasnodar, Burevestnik Publ., 1924. XI, 96, XIII p.

7. Doklad o zemlepolzovanii i zemleustroistve natsionalnykh menshinstv v Chernomorskom okruge [Report on Land Use and Land Management of National Minorities in the Black Sea District]. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraya (daleye – TsDNIKK)* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 878, l. 1-2.

8. Istyagin V.R. *Realizatsiia gosudarstvennoi pereselencheskoi politiki v period kollektivizatsii (na materialakh Dona i Severnogo Kavkaza)* [Implementation of the State Resettlement Policy in the Period of Collectivization (Based on the Materials of the Don and the North Caucasus)]. Rostov-on-Don, Donizdat, 2016. 175 p.

9. *Kazachestvo Severo-Kavkazskogo kraya. Itogi perepisi naseleniya 1926 g.* [The Cossacks of the North Caucasus Region. The Results of the Population Census of 1926]. Rostov-on-Don, Sev.-Kavk. kraev. stat. upr., 1928. 99 p.

10. Kozlov A.I. *Na istoricheskom povorote* [At a Historical Turn]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1977. 214 p.

11. Chistov K.V., ed. *Kubanskie stanitsy: Etnicheskie i kulturno-bytovye protsessy na Kubani* [Kuban Villages: Ethnic and Cultural Processes in the Kuban]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 356 p.

12. Lubny-Gertsyk L.I. *Dvizhenie naseleniia na territorii SSSR za vremia mirovoi voiny i revoliutsii* [The Movement of the Population on the Territory of the USSR During the World War and the Revolution]. Moscow, Pl. khoz-vo; Gosplan SSSR, 1926. 124 p.

13. Makarenko M.Yu. *Yug Rossii nakanune i v protsesse demograficheskoj modernizatsii (1897–1926 gg.)* [The South of Russia on the Eve and in the Process of Demographic Modernization (1897–1926)]. Krasnodar, Kuban. gos. un-t, 2010. 160 p.

14. Krasilnikov S.A., ed. *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir (1920–1930-e gody)* [Marginals in Society. Marginals as a Society. Siberia (1920–1930s)]. Moscow, Polit. entsikl., 2017. 600 p.

15. Nagaeva G.A. Istoricheskie faktory formirovaniia naselennykh punktov (na primere Chernomorskogo poberezhia Krasnodarskogo kraya) [Historical Factors of the Formation of Settlements (By the Example of the Black Sea Coast of Krasnodar Region)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Humanities], 2021, no. 3 (59), pp. 24-37. DOI: 10.21685/2072-3024-2021-3-3

16. Smirnsky V. I., ed. *Naselenie i khoziaistvo Kubansko-Chernomorskoi oblasti. Statisticheskiy sbornik za 1922–1923 god. V 3 ch. Ch. 1* [Population and economy of the Kuban-Black Sea region. Statistical collection for 1922–1923. In 3 Pts. Pt. 1]. Krasnodar, Kuban.-Chernom. obl. pl. komis., 1924. Part 1. 226 p.

17. Nezhigaj E.N. Natsionalnyi sostav naseleniia Kubano-Chernomorskoy oblasti v 20-e gody XX veka [The National Composition of the Population of the Kuban-Black Sea Region in the 20s of the 20th Century]. *Vestnik Akademii znaniy*, 2013, no. 2 (5), pp. 22-26.

18. Pankova-Kozochkina T.V., Bondarev V.A. *Kazache-krestianskoe khoziaistvo epokhi NEPa: problemy modernizatsii agrarnykh otnoshenii na Iuge Rossii* [Cossack-Peasant Economy of the NEP Era: Problems of Modernization of Agrarian Relations in the South of Russia]. Novocherkassk, Lik Publ., 2012. 266 p.

19. Pisarev I.Yu. *Narodonaselenie SSSR: sots.-ekon. ocherk* [The Population of the USSR. A Socio-Economic Essay]. Moscow, Izd-vo sots.-ekon. lit., 1962. 188 p.

20. Ponomarev A.A. Territoriia i naselenie Yugo-Vostoka [Territory and Population of the South-East]. *Yugo-Vostok: sprav. po Yugo-Vostoku Rossii* [South-East: Information on the South-East of Russia]. Rostov-on-Don, Sov. Yug Publ., 1924, pp. 349-372.

21. *Poselennye itogi perepisi 1926 goda po Severo-Kavkazskomu krayu* [Settlement Results of the 1926 Census in the North Caucasus Region]. Rostov-on-Don, Sev.-Kavk. kraev. stat. upr., otd. perepisi, 1929. 547 p.

22. Postanovlenie TsK VKP(b) i SNK SSSR «O khlebozagotovkakh v Ukraine, na Severnom Kavkaze i v Zapadnoi oblasti». 14 dekabria 1932 g. [Resolution of the Central Committee of the VKP(b) and the Council of Peoples Commissars of the USSR "On Grain Procurements in Ukraine, the North Caucasus and the Western Region" on December 14, 1932]. *Rossijskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoj istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 17, inv. 3, d. 2025, l. 42-42 r.

23. Protokol № 1 rasshirennogo soveschaniya Chernomorskoj okruzhnoj grecheskoj sektsii pri Agitpropotdele Chernomorskogo okruzhkoma VKP(b) ot 18 maya 1927 g. [Protocol No. 1 of the Expanded Meeting of the Black Sea District Greek Section at the Propaganda Department of the Black Sea District Committee of the CPSU(b) Dated May 18, 1927]. *TsDNIKK* [Center for Documentation of the Modern History of the Krasnodar Territory], f. 9, inv. 1, d. 817, l. 13-31.

24. Rakachev V.N. *Naselenie Kubani i Stavropolia v 1930–1950-e gg.: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The Population of Kuban and Stavropol Regions in the 1930–1950s: A Historical and Demographic Study]. Krasnodar, Kuban. gos. un-t, 2017. 350 p.

25. Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V. *Narodonaselenie Kubani v XX veke: istoriko-demograficheskoe issledovanie. V 4 t. T. 1. 1900–1920-e gg*. [The Population of Kuban in the 20th Century: A Historical and Demographic Study. In 4 Vols. Vol. 1. 1900–1920-s]. Krasnodar, Kuban. gos. un-t, 2005. 199 p.

26. Ratushnyak V.N. *Istoriia kubanskogo kazachestva* [The History of the Kuban Cossacks]. Krasnodar, Traditsiya Publ., 2013. 416 p.

27. Salfetnikov D.A. *Razvitie promyshlennosti Kubani v gody pervykh piatiletok (1928–1937)* [Development of the Kuban Industry During the First Five-Year Plans (1928–1937)]. Krasnodar, Kuban. gos. agrar. un-t, 2013. 193 p.

28. Skorik A.P., Fedina I.M. *Kubanskie kureni i stanitsy: povsednevnyi poselencheskij uklad kubanskikh kazakov i istoricheskie formy poselenii na Kubani v kontse XVIII – pervoj treti XX vekov* [Kuban Kurens and Villages: The Everyday Settlement Life of the Kuban Cossacks and the Historical Forms of Settlements in the Kuban at the End of the 18th First – Third of the 20th Centuries]. Novocherkassk, Lik Publ., 2022. 1335 p.

29. Smirnskij V.I. *Naselenie i khoziaistvo Kubanskogo okruga. K nachalu 1924–1925 goda (obshchiy ocherk)* [Population and Economy of the Kuban District. By the Beginning of 1924–1925 (General Outline)]. Krasnodar, Kuban. okr. ispoln. kom., 1924. 46, VI p.

30. Orlov V.S., Ponomarev A.A., ed. *Statisticheskiy spravochnik Yugo-Vostoka Rossii. Vyp. 2* [Statistical Handbook of the South-East of Russia. Iss. 2]. Rostov-on-Don, Iugo-Vost. pl. kom. pri Krajekonomsovete Iugo-Vostoka Rossii, 1923. 312 p.

31. Subbotin O.S. Razvitie sistem rasseleniia i samobytnye cherty v planirovke naselennykh mest Kubani [The Development of Settlement Systems and Distinctive Features in the Planning of Settlements in the Kuban]. *Zhilishchnoe stroitelstvo*, 2014, no. 11, pp. 16-22.

32. *Skhematicheskaia karta Kubansko-Chernomorskoi oblasti* [Schematic Map of the Kuban-Black Sea Region]. Krasnodar, 1-a litogr. Krasnodara, 1923. 1 p.

33. Kasianov V.V., ed. *Khrestomatiya po istorii Kubani* [A Textbook on the History of the Kuban]. Krasnodar, Periodika Kubani Publ., 2015. 400 p.

34. Tsutsiev A.A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of the Ethnopolitical History of the Caucasus (1774–2004)]. Moscow, Evropa Publ., 2006. 128 p.

35. Schetnev V.E. Oktiabrskaya revoliutsiya i dinamika sotsialno-ekonomicheskoj struktury kubanskoj stanitsy [The October Revolution and the Dynamics of the Socio-Economic Structure of the Kuban Village]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy: dokl. i soobshch. Deviatoi ses. Mezhdunar. simp.* [Yearbook of the Agrarian History of Eastern Europe: Reports and Communications of the Ninth Session of the International Symposium]. Tallin, AN ESSR, 1971, pp. 522-531.

36. Baker A.R.H. *Geography and History: Bridging the Divide*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 281 p.

37. Becker Ch., Mendelsohn J., Benderskaya K. *Russian Urbanization in the Soviet and Post-Soviet Eras.* New York, International Institute for Environment and Development United Nations Population Fund, 2012. 134 p.

38. Bruisch K., Gestwa K. Expertise and the Quest for Rural Modernization in the Russian Empire and the Soviet Union. *Cahiers du Monde Russe*, 2016, no. 57/1, pp. 7-30. DOI : https://doi.org/10.4000/monderusse.8324

39. Christaller W. *Le localita centrali della Germania meridionale: unindagine economico-geografica sulla regolarita della distribuzione e dello sviluppo degli insediamenti con funzioni urbane.* Milano, F. Angeli, 1980. 342 p.

40. Domosh M., Heffernan M., Withers Ch. *The Sage Handbook of Historical Geography.* London, Sage Publications, 2021. 1168 p.

41. Graham B., Nash C. *Modern Historical Geographies.* Harlow etc., Pearson/Longman, 2006. XIV, 279 p.

42. Holdsworth D.W. Historical Geography: New Ways of Imaging and Seeing the Past. *Progress in Human Geography*, 2003, no. 27 (4), pp. 486-493. DOI: 10.1191/0309132503ph440pr

43. Izhar Hassan M. *Population Geography: A Systematic Exposition*. New Dehli, Routledge India, 2020. 368 p.

44. Kumo K., Morinaga T., Shida Y. *Long-Term population statistics for Russia 1867–2002.* Tokyo, Russian Research Center; The Institute of Economic Research Hitotsubashi University Kunitachi, 2007. 39 p.

45. Losch A. *The Economics of Location.* New Haven, Yale University Press, 1954. 520 p.

46. Afontsev S., Kessler G., Markevich A., Tyazhelnikova V., Valetov T. *Urban Households in Russia and the Soviet Union, 1900–2000: Size, Structure and Composition*. Amsterdam, Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, 2005. 90 p.

Information About the Authors

Andrey V. Baranov, Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, baranovandrew@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7109-3062

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, culture@kubsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9844-1802

Информация об авторах

Андрей Владимирович Баранов, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, baranovandrew@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7109-3062

Валерий Васильевич Касьянов, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, culture@kubsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9844-1802

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.10

UDC 94(470.46):347.727.4
LBC 63.3(Рос-4Аст)613-2

Submitted: 11.04.2025
Accepted: 10.06.2025

DIFFERENTIAL ASSESSMENT OF WAGES FOR MEMBERS OF DISABLED PEOPLE'S ARTELS DURING THE NEW ECONOMIC POLICY PERIOD (BASED ON MATERIALS FROM ASTRAKHAN PROVINCE)

Ekaterina P. Popova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. In the article the differential assessment of the dynamics of the average earnings of the members of the disabled people's artels of the Astrakhan province in 1923–1928 is carried out. *Methods and materials*. The research is based on both special methods of historical science and non-traditional methods – mathematical statistics. The study involved a wide range of historical sources stored in the State Archive of the Astrakhan Oblast, many of which are being introduced into the scientific turnover for the first time, as well as materials of periodicals and statistical reference books. *Analysis.* The average level of earnings of members of disabled people's artels was calculated both for the whole period of the study and separately for each year with the identification of the nature and causes of changes. A comparative analysis of the average earnings of a worker in Astrakhan province with the average earnings of members of disabled cooperatives, as well as with the pension received by the disabled during the study period, was carried out. *Results.* It has been established that the total average earnings of members of disabled people's artels in 1923–1928 could range from 52 rubles to 55 rubles 48 kopecks. Depending on the year, it could vary from 20 rubles 85 kopecks to 79 rubles 99 kopecks. It was found out that the average earnings approached the necessary standard only by 1928; nevertheless, it was higher than the pension allowance that was paid to the disabled in the corresponding period. Despite variability, earnings consistently exceeded pension allowances, highlighting their importance for cooperative participation.

Key words: quantitative history, mathematical methods, wages, disabled people's artels, Astrakhan province.

Citation. Popova E.P. Differential Assessment of Wages for Members of Disabled People's Artels During the New Economic Policy Period (Based on Materials from Astrakhan Province). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 124-133. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.10

УДК 94(470.46):347.727.4
ББК 63.3(Рос-4Аст)613-2

Дата поступления статьи: 11.04.2025
Дата принятия статьи: 10.06.2025

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ЧЛЕНОВ ИНВАЛИДНЫХ АРТЕЛЕЙ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Екатерина Петровна Попова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Попова Е.П., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье проведена дифференциальная оценка динамики среднего заработка членов инвалидных артелей Астраханской губернии в 1923–1928 годах. *Методы и материалы.* Исследование опирается как на специальные методы исторической науки, так и на методы математической статистики. Для изучения был привлечен широкий круг исторических источников, хранящихся в Государственном архиве Астраханской области, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, а также материалы периодической печати и статистические справочники. *Анализ.* Произведены расчеты среднего уровня заработка

членов инвалидных артелей как за весь период изучения, так и отдельно по каждому году с выявлением характера и причин изменений. Проведен сравнительный анализ нормы среднего заработка одного рабочего Астраханской губернии со средним заработком членов инвалидных кооперативов, а также с пенсией, получаемой инвалидами в указанный промежуток исследования. *Результаты.* Установлено, что общий средний заработок членов инвалидных артелей в 1923–1928 г. мог составлять от 52 руб. до 55 руб. 48 копеек. В зависимости от года он мог варьироваться от 20 руб. 85 коп. до 79 руб. 99 копеек. Выяснено, что средний заработок приблизился к необходимой норме лишь к 1928 г., тем не менее он был выше того пенсионного довольствия, которое выплачивалось инвалидам в соответствующий период. Проанализировав все полученные данные, можно заключить, что уровень заработка членов инвалидных артелей был ключевым фактором при решении организовать артель или вступить в нее.

Ключевые слова: количественная история, математические методы, заработная плата, инвалидные артели, Астраханская губерния.

Цитирование. Попова Е. П. Дифференциальная оценка заработной платы членов инвалидных артелей в период новой экономической политики (на материалах Астраханской губернии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 124–133. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.10

Введение. Важным аспектом социальной политики советского государства в период 1923–1928 гг. являлось обеспечение трудоустройства лиц с ограниченными возможностями, в частности инвалидов, которые после нескольких войн столкнулись с высоким уровнем безработицы и социальной изоляции. Астраханская губерния оказалась в числе тех, где данная инициатива была воспринята особенно положительно: в первый год после начала формирования объединений инвалидов количество кооперативов увеличилось с 6 до 22 [44, л. 32]. Это свидетельствует о растущем интересе к созданию условий для интеграции инвалидов в экономическую жизнь. Изучение уровня материального обеспечения членов инвалидных артелей является прямым показателем эффективности государственной социальной политики указанного периода, направленной на вовлечение в трудовую деятельность и социальную защиту экономически уязвимых категорий граждан.

Цель данной работы заключается в проведении полной дифференциальной оценки уровня среднего заработка членов артелей инвалидов в период новой экономической политики на территории Астраханской губернии.

Методы и материалы. Исследование основывается на неопубликованных документах Государственного архива Астраханской области (далее – ГААО), а также привлечены периодические издания и статистические справочники, охватывающие изучаемый период. В процессе анализа данных были использованы методы математической статистики для расчета сумм заработка и группировки материалов (среднее, дисперсия, среднее квадратическое отклонение, коэффициент вариации, средняя ошибка выборки, предельная ошибка выборки, доверительный интервал).

Одновременно с этим применялись исторические методы, такие как хронологический и сравнительно-исторический, для изучения динамики изменений заработной платы членов инвалидных артелей в 1923–1928 годах.

Историография. Проблематика материального обеспечения членов инвалидных артелей нашла отражение во многих исследованиях, в том числе Д.С. Кошкина [17], Э. Гениша [11], Т.В. Глазуновой [12] и других авторов. Тем не менее в указанных работах вопросы, связанные с заработной платой членов артелей, освещены недостаточно полно либо вовсе не рассматриваются.

Интерес к применению математических методов в исторической науке возник еще в 1960-х гг., однако активные исследования начались только в 1980–1990-х гг. с внедрением электронных вычислительных машин. На этом этапе значительный вклад внесли И.Д. Ковальченко [14; 15] и другие ученые, такие как К.Б. Литвак [18] и Б.Н. Миронов [42], применявшие количественные методы для изучения исторических событий. Математические методы в исторических исследованиях являются эффективным инструментом для анализа «больших данных», проверки гипотез, моделирования альтернативных сценариев, междисциплинарного взаимодействия и решения

других не менее важных задач. Однако их применение не должно вытеснять или полностью заменять традиционные подходы, а использоваться как дополнение, повышая достоверность научных выводов.

Тем не менее в настоящее время наблюдается дефицит работ, использующих математическую статистику, если не считать учебных пособий [55] и методических указаний [43]. В отличие от этого, зарубежные исследователи, включая П.С. Турчина и С.А. Нефедова [56], активно применяют количественные методы.

Анализ. Прежде всего, для получения достоверных данных о среднем заработке членов инвалидных артелей Астраханской губернии необходимо было определить хронологические рамки исследования. Нижней границей исследования является 1923 г. – год создания инвалидных артелей в Астраханской губернии [45, л. 1], верхней границей – 1928 г., год завершения НЭПа.

В исследуемый период объединения инвалидов играли значимую роль в экономическом развитии региона, демонстрируя активность в ключевых отраслях. Наибольшее распространение получили артели в рыбной промышленности – базовой сфере региональной экономики. Среди них выделялись «Замьяновская» [52], «Инрыбак» [5], «Луч Кооперации» [9; 25], «Красный рыбак» [3], «Труд» [33], «Схип» [22], «Красный батрак» [20], «Оборот» [38], «Производитель» [4], «Рыбпромтранс» [31], «Личный труд» [49], «Объединение» [29], «Рыбопроизводство» [21], «Самопомощь» [32] и «Инвалид» [28]. Последняя, в частности, осуществляла поставки рыбной продукции для государственных нужд, что подчеркивает ее стратегическую важность.

Параллельно инвалидные кооперативы развивались и в других секторах экономики, формируя многопрофильную систему:

1. Торгово-производственная сфера включала объединения «Воля» [41], «1 мая» [26], «Инвалид-труд» [27], «Коминтерн» [2; 47], «Новость» [6], «Юлдуз» [37], «Красный инвалид» [39] и др.

2. Хлебопекарная отрасль была представлена артелями «Красный глухонемой» [24], «Хлебпроизводственник» [19], «Нарпит» [8], «Работник» [1], «Хлебопек» [35] и др.

3. Булочно-кондитерское производство развивалось благодаря артелям «Хозяйственник» [36], «Труженник» [34] и др.

4. Ремесленные мастерские при Астраханском губернском производственно-кооперативном объединении инвалидов войны и труда (далее – ГИКО) [50] охватывали сапожное, столярное, слесарное, шапочно-фуражное и другие направления. В данной отрасли также трудились члены артелей «Проводник» [30], «Согласие» [7], «Восток» [53].

5. Специализированные направления: заготовка фуража – «Богатырь» [23]; транспортные услуги – «Экспорт» [40]; эксплуатация бань – «Интернациональная» [48].

Деятельность представленных инвалидных артелей не только охватывала доминирующую рыбную отрасль, но и способствовала диверсификации хозяйства, обеспечивая занятость, удовлетворение базовых потребностей населения и развитие инфраструктуры. Это позволяет утверждать, что кооперативы инвалидов стали важным элементом социально-экономической системы региона.

Из всего массива документов, хранящихся в ГААО, были отобраны: книги со счетами членов артелей, ведомости на выдачу заработной платы, а также бухгалтерские отчетные документы. При внешней оценке источников оказалось, что все документы инвалидных артелей после ликвидации сдавались в Астраханское губернское архивное бюро, где в дальнейшем использовались только работниками архива для проверки наличия, уточнения заголовков и т. д. Большая часть этих материалов не была вовлечена в научный оборот историками, сохраняя статус неопубликованных источников.

В результате внутренней критики источников установлено:

1. Книги счетов оформлены преимущественно в едином стиле, характерном для финансовых документов того периода. Наличие пометок о выплатах и расчетах свидетельствует, что документы создавались непосредственно в ходе деятельности артелей, а не реконструировались постфактум.

2. Ведомости на выдачу заработной платы содержат подписи членов артелей (для анализа использовались только строки с подписями), а также визы должностных лиц

и печати организаций, что подтверждает их подлинность.

3. Сводные таблицы заработной платы аналогично заверены подписями ответственных лиц, обеспечивающими достоверность данных.

4. Для повышения точности расчетов проведена фильтрация списков членов артелей, так как часть документов включала сведения о вольнонаемных работниках и сторонних лицах.

Таким образом, установлено, что все использованные документы являются подлинными и репрезентативными для исследования. Условия их сбора и хранения в ГААО соответствуют требованиям архивного дела, что позволяет считать полученные данные достоверными.

В результате изучения архивных источников была обнаружена 2 491 карточка с указанием заработка членов артели. Полученные данные нами систематизированы в программе Microsoft Excel. Их структура включает следующие категории: именной указатель, сведения о заработке, месяц и год выплаты. В расчетах учитывался не только основной оклад, но и дополнительные выплаты: компенсации за переработки, отпускные, вознаграждения за выполнение вспомогательных работ, премии за ревизию, доля прибыли, выходные пособия и другие виды доходов, которые члены инвалидных артелей получали на руки и они были зафиксированы в документах.

Несмотря на возможность формирования выборки было принято решение использовать полный массив данных. Это связано с проблемой «естественных выборок» в исторических исследованиях: часть информации со временем теряется из-за различных факторов, что ведет к искажению результатов. Полное применение доступных данных позволяет минимизировать эту погрешность.

Первым условием для использования «естественной выборки» является получение достаточно большого объема данных, что в нашем случае выполнено. Второе условие – равномерность охвата частичными данными генеральной совокупности. Оно проверяется как с точки зрения географической принадлежности полученных данных, так и временного периода [51, с. 73]. Проанализировав генеральную совокупность, можно заключить следующее: данные содержат информацию о многих территориальных единицах Астраханской губернии (показатели охватывают как артели города Астрахани, так и артели сельских поселений губернии). Было установлено, что единицы совокупности соответствуют всему временному промежутку, выбранному для исследования, а именно 1923 г. – 71 шт., 1924 г. – 604 шт., 1925 г. – 487 шт., 1926 г. – 216 шт., 1927 г. – 133 шт., 1928 г. – 980 штук.

Для проверки случайности выборки использовался метод критерия знаков. Его суть заключается в сравнении значения признака текущей единицы совокупности с предыдущей. Положительная разница фиксируется знаком «+», отрицательная – «–» [55, с. 72]. Полученные автором результаты демонстрируют близкие значения: 908 «+» и 824 «–». Незначительный разрыв между ними подтверждает случайный характер выборки, что позволяет считать ее репрезентативной.

После подтверждения достоверности данных с использованием стандартных функций Microsoft Excel был определен средний заработок членов инвалидных артелей Астраханской губернии в период с 1923 по 1928 год. Рассчитанное значение составило 53 руб. 74 коп. в месяц. В целях повышения точности результата был проведен расчет среднего квадратического отклонения [55, с. 52] от теоретически возможного «идеального» заработка, который был бы получен при наличии полных данных по всем инвалидным кооперативам губернии (1):

$$\sigma = \sqrt{\frac{\Sigma (x - \bar{x})^2}{N}}, \quad (1)$$

где x – значение в наборе данных (в данном случае величина заработка за определенный месяц); $\bar{x}$ – среднее значение всей выборки (53 р. 74 к.); N – общее количество значений в совокупности (2 491 шт.).

После проведенных вычислений значение среднего квадратического отклонения в данном исследовании составило 44 руб. 29 копеек. Разница между средним заработком (53 руб. 74 коп.) и стандартным отклонением достигает почти 10 руб., что указывает на существенный разброс данных. Для уточнения результатов и оценки относительной изменчи-

вости заработков необходимо рассчитать коэффициент вариации (2) [55, с. 53]:

$$CV = \frac{\sigma}{\bar{x}} * 100\%. \quad (2)$$

В данном исследовании показатель коэффициента вариации составил 82,4 %, что свидетельствует о существенной вариации признаков внутри совокупности (значение выше порогового уровня в 35 %, принятого для оценки однородности совокупности).

В связи с этим для повышения достоверности результатов были проведены дополнительные расчеты: средняя [43, с. 11] (3) и предельная ошибки выборки [43, с. 12] (4), а также доверительный интервал. Средняя ошибка выборки составила 89 копеек.

$$\mu_{\bar{x}} = \frac{\sigma}{\sqrt{N}}. \quad (3)$$

Предельная ошибка (Δ) выборки показывает диапазон возможных значений характеристик генеральной совокупности. Она рассчитывается с помощью коэффициента кратности средней ошибки выборки (t). В свою очередь, этот показатель зависит от вероятности P, с которой гарантируется величина предельной ошибки выборки. В исторических исследованиях обычно используется показатель $P = 0{,}95$ и $t = 1{,}96$ (с вероятностью в 95 % предельная ошибка будет в 1,96 раз больше средней) [55, с. 64–65]. Путем вычислений получаем Δ = 1,96 * 0,89 = 1 руб. 74 копеек.

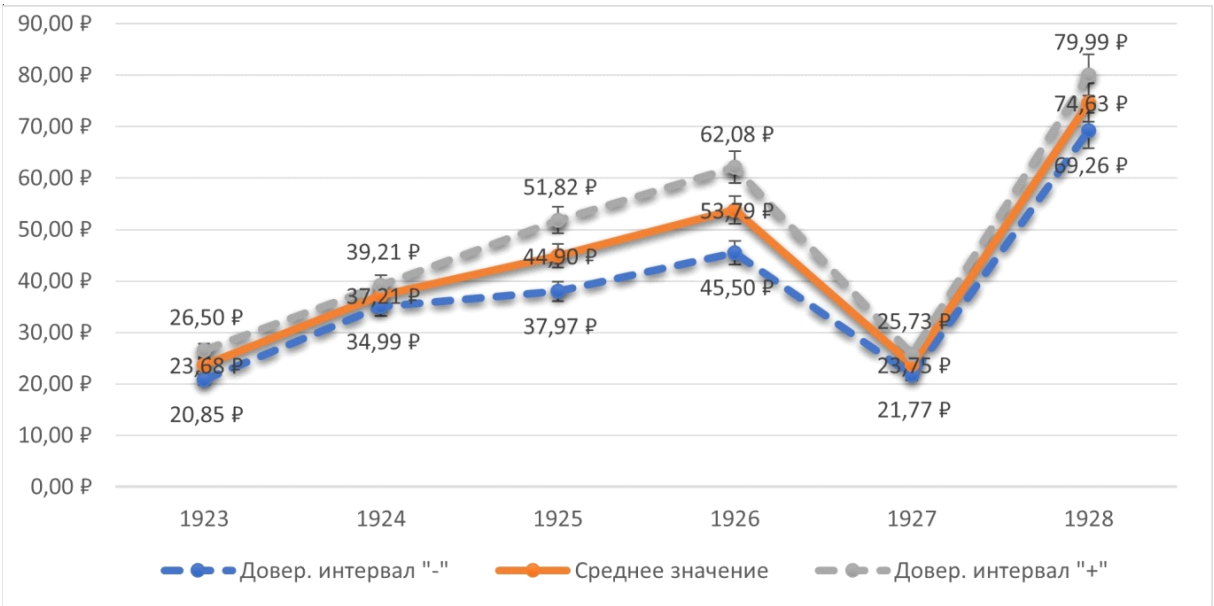
$$\Delta = t * \mu. \quad (4)$$

Следующим этапом стало выявление доверительного интервала, который показывает статистические характеристики генеральной совокупности в пределах заданной вероятности [43, с. 12] (5–6):

$$\bar{x} - \Delta < X_{\text{ген}} < \bar{x} + \Delta; \quad (5)$$

$$52 < 53{,}74 < 55{,}48. \quad (6)$$

Произведем вышеуказанные вычисления по каждому году отдельно для анализа динамики колебаний уровня заработка членов инвалидных артелей. По диаграмме видно, что уровень среднего заработка членов инвалидных артелей Астраханской губернии ежегодно увеличивался вплоть до 1927 г., когда фиксируется резкий спад, вернувший показатель



Сводная диаграмма значений заработка членов инвалидных артелей

Summary diagram of the values of earnings of the members of disabled people's artels

Примечание. Составлено автором на основе ранее полученных данных заработка членов инвалидных артелей Астраханской губернии.

практически к уровню 1923 года. Такая ситуация, вероятно, связана с ликвидацией ГИКО в январе 1927 г. и созданием Бюро Кооперации инвалидов при Губернском союзе (далее – ОБКИ) [51, с. 153].

Реорганизация повлекла проверки и ликвидацию действующих артелей, а новые кооперативы формировались после строгого отбора членов, что, по-видимому, снизило уровень заработка. Однако в 1928 г. ситуация изменилась: заработок вырос до 69 руб. 29 коп. – 79 руб. 99 копеек. ОБКИ перешла к стратегии укрупнения артелей и концентрации на «однородных» направлениях, что подразумевало ограниченное число кооперативов с максимальным числом участников [13, л. 53]. Расчеты подтверждают эффективность данной стратегии.

В соответствии с официальными статистическими данными в регионе норма средней заработной платы для одного работника была установлена в 1924/25 г. в размере – 50 руб. 60 коп., в 1925/26 г. – 55 руб., в 1926/27 г. – 61 руб. 40 коп., в 1927/28 г. – 66 руб. [16, с. 137]. Таким образом, к 1925 г. заработок в артелях приблизился к среднерегиональной норме, а к 1928 г. значительно ее превысил.

Необходимо заметить, что, становясь членом инвалидного кооператива, человек автоматически лишался пенсионного довольствия от государства, что, естественно, могло способствовать ухудшению его материального положения. Стоит добавить, что пенсия полагалась лишь представителям первых трех групп инвалидности. В 1924 г. пособие инвалидам третьей группы составляло – 4 руб. 50 коп. [46, л. 4], в 1925 г. – 7 руб. 65 коп. [10, с. 4], в 1927 г. – 11 руб. 32 коп. [54, л. 15]. Сравнивая размер пособий с заработком членов инвалидных артелей, можно прийти к выводу, что его размер был выше пенсионного довольствия от 2 до 8 раз. Это объясняет рост числа артелей с 1923 г.: экономическая выгода для инвалидов была очевидной.

Результаты. Подводя итог, можно заключить, что в годы НЭПа заработная плата являлась одной из ключевых характеристик, отражающих социальное положение индивидуума в обществе, и инвалиды, вступавшие в кооперативные объединения, не являются исключением. Рассмотрение данного показателя в историческом контексте позволило глубже понять, насколько денежное вознаграждение для членов артелей было важным мотивом для вступления в такие объединения и активной работы в ней.

Проведя необходимые вычисления, с вероятностью в 95 % можно утверждать, что общий средний заработок членов инвалидных артелей на территории Астраханского региона в период с 1923 по 1928 г. мог изменяться в пределах от 52 руб. до 55 руб. 48 копеек. Его увеличение по годам фиксируется равномерно до 1927 г., в 1927 г. произошел резкий спад, который совпал с реорганизацией структуры и деятельности артелей. Тем не менее стоит отметить, что уровень заработка стал соответствовать определенной государством норме уже к 1925 году. Его размер был выше получаемых субсидий (пенсии) в несколько раз, что скорее всего являлось одной из причин вступления в инвалидные кооперативы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомости на выдачу денег членам товарищества «Работник» в счет заработка // Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. Р-906. Оп. 2. Д. 10. 226 л.

2. Ведомости на выдачу жалования членам артели «Коминтерн» // ГААО. Ф. 2112. Оп. 2 л/с. Д. 27. 235 л.

3. Ведомости на выдачу жалования членам артели «Красный рыбак» за 1924 г. // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2 л/с. Д. 24. 13 л.

4. Ведомости на выдачу заработной платы членам инвалидной артели «Производитель» // ГААО. Ф. Р-499. Оп. 2. Д. 33. 75 л.

5. Ведомости по зарплате членам артели и внесению последними паевых взносов за 1925 год // ГААО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 9. 112 л.

6. Ведомость на выдачу жалования членам артели торгово-производственной артели инвалидов «Новость» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 1. Д. 161. 121 л.

7. Ведомость на выдачу заработной платы членам артели инвалидов «Согласие» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 1. Д. 161. 83 л.

8. Ведомость на выдачу заработной платы членам-продавцам артели инвалидов «Нарпит» // ГААО. Ф. Р-1634. Оп. 1. Д. 14. 90 л.

9. Ведомости на выданную заработную плату членам артели «Луч Кооперации» при ГИКО за 1925 год // ГААО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 3. 189 л.

10. Выдача пособий по инвалидности // Коммунист. 4 марта 1925. (№ 52). 6 с.

11. Гениш Э. Социальная реабилитация инвалидов войны и труда в системе кооперативных предприятий в 20–30-е гг. XX века: на материалах областей Верхне-Волжского региона: дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005. 214 с.

12. Глазунова Т. В. К вопросу о положении инвалидов в начале 1920-х гг. (на примере города Омска) // Омские социально-гуманитарные чтения: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2021. С. 119–123.

13. Заявление в бюро инвалидной кооперации от организованной группы инвалидов «Посредник» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 1. Д. 313. 119 л.

14. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в.: (Опыт количественного анализа). М.: Наука, 1974. 413 с.

15. Ковальченко И. Д., Тишков В. А. (отв. ред.) Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века: материалы советско-американских симпозиумов. М.: Наука. 1991. 360 с.

16. Контрольные цифры хозяйства Астраханской губернии на 1927–1928 г. Астрахань: Изд-во Астрах. губплана. 1927. 269 с.

17. Кошкин Д. С. Государственная политика и практика социальной работы с инвалидами в 20–30-е гг. XX в.: на материалах РСФСР: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 179 с.

18. Литвак К. Б. Социально-экономическая структура деревни Черноземного центра России начала XX века: опыт количественного анализа пообщинных сводок земской статистики: дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 229 с.

19. Лицевые счета членов артели «Хлебпроизводственник» // ГААО. Ф. Р-896. Оп. 1. Д. 8. 87 л.

20. Лицевые счета членов артели «Красный батрак» // ГААО. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 1. 22 л.

21. Лицевые счета членов артели «Рыбопроизводство» // ГААО. Ф. Р-371. Оп. 2. Д. 3. 43 л.

22. Лицевые счета членов артели «Схип» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2 л/с. Д. 73. 14 л.

23. Лицевые счета членов артели инвалидов «Богатырь» // ГААО. Ф. Р-760. Оп. 1. Д. 6. 21 л.

24. Лицевые счета членов артели инвалидов «Красный глухонемой» // ГААО. Ф. 899. Оп. 1. Д. 3. 35 л.

25. Лицевые счета членов и рабочих артели «Луч Кооперации» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2 л/с. Д. 48. 47 л.

26. Лицевые счета членов инвалидной артели «1 мая» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2 л/с. Д. 13. 224 л.

27. Лицевые счета членов инвалидной артели «Инвалид-труд» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2. Д. 14. 75 л.

28. Лицевые счета членов инвалидной артели «Инвалид» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2. Д. 15. 57 л.

29. Лицевые счета членов инвалидной артели «Объединение» // ГААО. Ф. Р-982. Оп. 3. Д. 5. 145 л.

30. Лицевые счета членов инвалидной артели «Проводник» // ГААО. Ф. Р-1635. Оп. 1. Д. 20. 50 л.

31. Лицевые счета членов инвалидной артели «Рыбпромтранс» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2 л/с. Д. 65. 45 л.

32. Лицевые счета членов инвалидной артели «Самопомощь»// ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2 л/с. Д. 72. 41 л.

33. Лицевые счета членов инвалидной артели «Труд» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2 л/с. Д. 45. 45 л.

34. Лицевые счета членов инвалидной артели «Труженник» // ГААО. Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 28. 28 л.

35. Лицевые счета членов инвалидной артели «Хлебопек» // ГААО. Ф. Р-982. Оп. 3. Д. 6. 298 л.

36. Лицевые счета членов инвалидной артели «Хозяйственник» // ГААО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 8. 94 л.

37. Лицевые счета членов инвалидной артели «Юлдуз» // ГААО. Ф. Р- 2112. Оп. 2 л/с. Д. 18. 86 л.

38. Лицевые счета членов инвалидной артели и рабслужащих «Оборот» // ГААО. Ф. Р-606. Оп. 1/2. Д. 50. 170 л.

39. Лицевые счета членов инвалидных артелей «Красный инвалид» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2. Д. 17. 65 л.

40. Личные счета членов артели «Экспорт» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2 л/с. Д. 23. 97 л.

41. Личные счета членов инвалидной артели «Воля» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2 л/с. Д. 19. 43 л.

42. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1985. 301 с.

43. Негин А. Е., Миронос А. А. Математические методы в исторических исследованиях: электрон. учеб.-метод. пособие. Н. Новгород: Нижегор. госун-т, 2012. 31 с.

44. Письмо в ГИКО с копией протокола заседания правления ВИКО от 2 июня 1924 года // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 1. Д. 5. 122 л.

45. Протокол № 1 совещания при губернском отделе социального обеспечения // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 1. Д. 8. 13 л.

46. Раздаточная ведомость на выдачу пенсии и пособия инвалидам войны и семей красноармейцев // ГААО. Ф. Р-1216. Оп. 1. Д. 754а. 177 л.

47. Расчетные счета членов артели «Коминтерн» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2 л/с. Д. 22. 45 л.

48. Расчетные счета членов инвалидной артели «Интернациональная» // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 2. Д. 16. 75 л.

49. Расчетные счета членов инвалидной артели «Личный труд» // ГААО. Ф. Р-1326. Оп. 1. Д. 3. 59 л.

50. Сведения о выплате жалования рабочим и служащим ГИКО // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 1. Д. 163. 121 л.

51. Сливка Ю. И. Развитие кооперации в Нижнем Поволжье в 1921–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2004. 199 с.

52. Список членов Замьяновской производственной артели инвалидов с указанием занимаемой должности и жалования в период с 1 июля по 1 октября 1924 года // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 1. Д. 6. 439 л.

53. Счет заработной платы членов бондарной артели инвалидов «Восток» // ГААО. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 14. 53 л.

54. Удостоверение инвалида труда Татаринцева Якова Михайловича // ГААО. Ф. Р-2112. Оп. 1. Д. 313. 119 л.

55. Федорова Н. А. Математические методы в историческом исследовании: курс лекций. Казань: Форт-диалог, 1996. 108 с.

56. Turchin P., Nefedov S. A. Secular Cycles. New Jersey: Princeton University Press, 2009. 360 p.

REFERENCES

1. Vedomosti na vydachu deneg chlenam tovarishchestva «Rabotnik» v schet zarabotka [Statements on the Issuance of Money to Members of the "Worker" Partnership on Account of Earnings]. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti (daleye – GAAO)* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-906, inv. 2, d. 10. 226 l.

2. Vedomosti na vydachu zhalovaniia chlenam arteli «Komintern» [Statements of Payment of Salaries to Members of the Comintern Artel]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2 l/s, d. 27. 235 l.

3. Vedomosti na vydachu zhalovaniia chlenam arteli «Krasnyi rybak» za 1924 g. [Statements on the Payment of Salaries to Members of the Red Fisherman Artel for 1924]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2 l/s, d. 24. 13 l.

4. Vedomosti na vydachu zarabotnoi platy chlenam invalidnoi arteli «Proizvoditel» [Statements on the Payment of Wages to Members of the Disabled Artel "Proizvoditel"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-499, inv. 2, d. 33. 75 l.

5. Vedomosti po zarplate chlenam arteli i vneseniiu poslednimi paevykh vznosov za 1925 god [Statements on the Salaries of Artel Members and the Latter's Contribution of Share Contributions for 1925]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-71, inv. 1, d. 9. 112 l.

6. Vedomost na vydachu zhalovaniia chlenam arteli torgovo-proizvodstvennoi arteli invalidov «Novost» [Statement of Payment of Salaries to Members of the Trade and Production Artel of Disabled People "Novost"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 1, d. 161. 121 l.

7. Vedomost na vydachu zarabotnoi platy chlenam arteli invalidov «Soglasie» [Statement of Payment of Wages to Members of the Disabled People's Cooperative "Soglasie"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 1, d. 161. 83 l.

8. Vedomost na vydachu zarabotnoi platy chlenam-prodavtsam arteli invalidov «Narpit» [Statement of Payment of Wages to Members-Sellers of the Disabled People's Artel "Narpit"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-1634, inv. 1, d. 14. 90 l.

9. Vedomosti na vydannuiu zarabotnuiu platu chlenam arteli «Luch Kooperatsii» pri GIKO za 1925 god [Statements on Wages Paid to Members of the Luch Kooperatsii Artel at GIKO for 1925]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. 70, inv. 1, d. 3. 189 l.

10. Vydacha posobii po invalidnosti [Issuance of Disability Benefits]. *Kommunist*, 1925, March 4 (no. 52). 6 p.

11. Genish E. *Sotsialnaia reabilitatsiia invalidov voiny i truda v sisteme kooperativnykh predpriiatii v 20–30-e gg. XX veka: na materialakh oblastei Verkhne-Volzhskogo regiona: dis. ... kand. ist. nauk* [Social Rehabilitation of War and Labor Invalids in the System of Cooperative Enterprises in the 20–30s of the 20th Century: Based on Materials from the Upper Volga Region. Cand. hist. sci. diss.]. Kostroma, 2005. 214 p.

12. Glazunova T.V. K voprosu o polozhenii invalidov v nachale 1920-kh gg. (na primere goroda Omska) [On the Issue of the Situation of Disabled People in the Early 1920s (Using the City of Omsk as an Example)]. *Omskie sotsialno-gumanitarnye chteniia: materialy XIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Omsk Social and Humanitarian Readings. Proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference]. Omsk, Izd-vo OmGTU, 2021, pp. 119-123.

13. Zaiavlenie v biuro invalidnoi kooperatsii ot organizovannoi gruppy invalidov «Posrednik» [Application to the Bureau of Disability Cooperation from the Organized Group of Disabled People "Mediator"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 1, d. 313. 119 l.

14. Kovalchenko I.D., Milov L.V. *Vserossiiskii agrarnyi rynok. XVIII – nachalo XX v.: (Opyt kolichestvennogo analiza)* [All-Russian Agricultural Market. 18th – Early 20th Century (Experience of Quantitative Analysis)]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 413 p.

15. Kovalchenko I.D., Tishkov V.A., eds. *Agrarnaia evoliutsiia Rossii i SShA v XIX – nachale XX veka: materialy sovetsko-amerikanskikh simpoziumov* [Agrarian Evolution of Russia and the USA in the 19th – Early 20th Centuries. Proceedings of

Soviet-American Symposia]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 360 p.

16. *Kontrolnye tsifry khoziaistva Astrakhanskoi gubernii na 1927–1928 g.* [Control Figures for the Economy of the Astrakhan Province for 1927–1928]. Astrakhan, Izd-vo Astrakh. gubplana. 1927. 269 p.

17. Koshkin D.S. *Gosudarstvennaia politika i praktika sotsialnoi raboty s invalidami v 20–30-e gody XX veka: na materialakh RSFSR: dis. ... kand. ist. nauk* [State Policy and Practice of Social Work with Disabled People in the 20–30s of the 20th Century: Based on Materials from the RSFSR. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2001. 179 p.

18. Litvak K.B. *Sotsialno-ekonomicheskaia struktura derevni Chernozemnogo tsentra Rossii nachala XX veka: opyt kolichestvennogo analiza poobshchinnykh svodok zemskoi statistiki: dis. ... kand. ist. nauk* [Socio-Economic Structure of the Village of the Black Earth Region of Russia at the Beginning of the 20th Century. An Experience of Quantitative Analysis of Community Reports of Zemstvo Statistics. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 1983. 229 p.

19. Litsevye scheta chlenov arteli «Khlebproizvodstvennik» [Personal Accounts of Members of the Khlebproizvodstvennik Artel]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-896, inv. 1, d. 8. 87 l.

20. Litsevye scheta chlenov arteli «Krasnyi batrak» [Personal Accounts of Members of the "Red Farmhand" Artel]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-84, inv. 1, d. 1. 22 l.

21. Litsevye scheta chlenov arteli «Ryboproizvodstvo» [Personal Accounts of Members of the Ryboproizvodstvo Artel]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-371, inv. 2, d. 3. 43 l.

22. Litsevye scheta chlenov arteli «Skhip» [Personal Accounts of Members of the "Skhip" Artel]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2 l/s, d. 73. 14 l.

23. Litsevye scheta chlenov arteli invalidov «Bogatyr» [Personal Accounts of Members of the Disabled People's Artel "Bogatyr"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-760, inv. 1, d. 6. 21 l.

24. Litsevye scheta chlenov arteli invalidov «Krasnyi glukonemoi» [Personal Accounts of Members of the Disabled People's Artel "Red Wood Grouse"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-899, inv. 1, d. 3. 35 l.

25. Litsevye scheta chlenov i rabochikh arteli «Luch Kooperatsii» [Personal Accounts of Members and Workers of the Luch Kooperatsii Artel]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2 l/s, d. 48. 47 l.

26. Litsevye scheta chlenov invalidnoi arteli «1 maia» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel "May 1"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2 l/s, d. 13. 224 l.

27. Litsevye scheta chlenov invalidnoi arteli «Invalid-trud» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel "Disabled Labor"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2, d.14. 75 l.

28. Litsevye scheta chlenov invalidnoi arteli «Invalid» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel "Invalid"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2, d. 15. 57 l.

29. Litsevye scheta chlenov invalidnoi arteli «Obieedinenie» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel "Association"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-982, inv. 3, d. 5. 145 l.

30. Litsevye scheta chlenov invalidnoi arteli «Provodnik» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel "Provodnik"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-1635, inv. 1, d. 20. 50 l.

31. Litsevye scheta chlenov invalidnoi arteli «Rybpromtrans» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel "Rybpromtrans"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2 l/s, d. 65. 45 l.

32. Litsevye scheta chlenov invalidnoi arteli «Samopomoshch» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel "Self-Help"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2 l/s, d. 72. 41 l.

33. Litsevye scheta chlenov invalidnoi arteli «Trud» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel "Trud"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2 l/s, d. 45. 45 l.

34. Litsevye scheta chlenov invalidnoi arteli «Truzhennik» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel "Truzhennik"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-1319, inv. 1, d. 28. 28 l.

35. Litsevye scheta chlenov invalidnoi arteli «Khlebopek» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel "Khlebopek"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-982, inv. 3, d. 6. 298 l.

36. Litsevye scheta chlenov invalidnoi arteli «Khoziaistvennik» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel "Khozyaystvennik"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-903, inv. 1, d. 8. 94 l.

37. Litsevye scheta chlenov invalidnoi arteli «Iulduz» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel "Yulduz"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2 l/s, d. 18. 86 l.

38. Litsevye scheta chlenov invalidnoi arteli i rabsluzhashchikh «Oborot» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel and Workers and Employees "Turnover"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-606, inv. 1/2, d. 50. 170 l.

39. Litsevye scheta chlenov invalidnykh artelei «Krasnyi invalid» [Personal Accounts of Members of the Disabled Cooperatives "Red Disabled"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2, d. 17. 65 l.

40. Lichnye scheta chlenov arteli «Eksport» [Personal Accounts of Members of the "Export" Artel]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2 l/s, d. 23. 97 l.

41. Lichnye scheta chlenov invalidnoi arteli «Volia» [Personal Accounts of Members of the Disabled Artel "Volya"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 19. 43 l.

42. Mironov B.N. *Khlebnye tseny v Rossii za dva stoletiia (XVIII–XIX vv.)* [Bread Prices in Russia Over Two Centuries (The 18th – 19th Centuries)]. Leningrad, Nauka Publ.: Leningr. otd-nie, 1985. 301 p.

43. Negin A.E., Mironos A.A. *Matematicheskiye metody v istoricheskikh issledovaniyakh: elektron. ucheb.-metod. posobiye* [Mathematical Methods in Historical Research: Electronic Teaching Aid]. Nizhny Novgorod, Nizheg. gosun-t, 2012. 31 p.

44. Pismo v GIKO s kopiei protokola zasedaniia pravleniia VIKO ot 2 iiunia 1924 goda [Letter to GIKO with a Copy of the Minutes of the VIKO Board Meeting of June 2, 1924]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 1, d. 5. 122 l.

45. Protokol № 1 soveshchaniia pri gubernskom otdele sotsialnogo obespecheniia [Minutes No. 1 of the Meeting at the Provincial Department of Social Security]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 1, d. 8. 13 l.

46. Razdatochnaia vedomost na vydachu pensii i posobiia invalidam voiny i semei krasnoarmeitsev [Distribution List for the Issuance of Pensions and Benefits to War Invalids and Families of Red Army Soldiers]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-1216, inv. 1, d. 754a. 177 l.

47. Raschetnye scheta chlenov arteli «Komintern» [Settlement Accounts of Members of the Comintern Artel]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2 l/s, d. 22. 45 l.

48. Raschetnye scheta chlenov invalidnoi arteli «Internatsionalnaia» [Settlement Accounts of Members of the Disabled Artel "International"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 2, d. 16. 75 l.

49. Raschetnye scheta chlenov invalidnoi arteli «Lichnyi trud» [Settlement Accounts of Members of the Disabled Artel "Personal Labor"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-1326, inv. 1, d. 3. 59 l.

50. Svedenija o vyplate zhalovanija rabochim i sluzhashhim GIKO [Information on Payment of Salaries to Workers and Employees of GIKO]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 1, d. 163. 121 l.

51. Slivka Iu.I. *Razvitie kooperatsii v Nizhnem Povolzhe v 1921–1941 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Development of Cooperation in the Lower Volga region in 1921–1941. Cand. hist. sci. diss.]. Astrakhan, 2004. 199 p.

52. Spisok chlenov Zamianovskoi proizvodstvennoi arteli invalidov s ukazaniem zanimaemoi dolzhnosti i zhalovaniia v period s 1 iiulia po 1 oktiabria 1924 goda [List of Members of the Zamyanovskaya Production Cooperative of Disabled People, Indicating the Position Held and Salary in the Period from July 1 to October 1, 1924]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 1, d. 6. 439 l.

53. Schet zarabotnoi platy chlenov bondarnoi arteli invalidov «Vostok» [Account of Wages of Members of the Cooperage of Disabled People "Vostok"]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-366, inv. 1, d. 14. 53 l.

54. Udostoverenie invalida truda Tatarintseva Iakova Mikhailovicha [Certificate of Disabled Laborer Tatarintsev Yakov]. *GAAO* [State Archives of the Astrakhan Region], f. R-2112, inv. 1, d. 313. 119 l.

55. Fedorova N.A. *Matematicheskie metody v istoricheskom issledovanii: kurs lektsii* [Mathematical Methods in Historical Research. Lecture Course]. Kazan, Fort-dialog Publ., 1996. 108 p.

56. Turchin P., Nefedov S.A. *Secular Cycles*. New Jersey, Princeton University Press, 2009. 360 p.

Information About the Author

Ekaterina P. Popova, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, katerinaevteeva@gmail.com, https://orcid.org/0009-0007-4835-2717

Информация об авторе

Екатерина Петровна Попова, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, katerinaevteeva@gmail.com, https://orcid.org/0009-0007-4835-2717

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.11

UDC 94(470.45)«1923/1928»:323
LBC 63.3(2Рос-4Вог)613-3

Submitted: 30.11.2024
Accepted: 15.05.2025

THE ACTIVITIES OF THE TSARITSYN (STALINGRAD) HISTORICAL PARTY COMMISSION IN THE EARLY YEARS OF EXISTENCE (1923–1928)

Anton A. Kamyshanov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The rise to power of the Bolsheviks during the October Revolution required a rethinking of the entire course of national history, especially the history of revolutionary movements. The new government needed to reformat all the humanities from the point of view of Marxist-Leninist doctrine. Already at the earliest stage of the formation of Soviet power in the country, special centers in the field of social sciences began to be created, so began the history of the activities of historical party commissions – special organizations that were engaged in collecting, systematizing, studying, and publishing materials on the history of the party of the October Revolution and revolutionary movements. The Tsaritsyn (Stalingrad) historical party commission was formed in 1923. Due to the fact that the legacy of the Tsaritsyn (Stalingrad) historical party commission has been inaccessible to researchers for a long time, there are very few scientific papers devoted to this problem. *Methods and materials.* General scientific methods, as well as historical-genetic and historical-comparative methods, were used in the study of this topic. The article is based on extensive historical sources that are in the collections of the State Archive of the Volgograd Region, the Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region, and the Russian State Archive of Socio-Political History, as well as in the Panorama Museum "Battle of Stalingrad." *Analysis.* The article examines the results of the work of the Tsaritsyn (Stalingrad) historical party commission to collect materials on the history of the revolutionary movement and the Civil War in the period from 1923 to 1928. *Results.* Based on the analysis of the sources of the periodical press, the structure of the Tsaritsyn (Stalingrad) historical party commission was revealed, as well as the directions of its activities; materials on the history of the revolutionary movement were identified and listed, with which the staff of the Tsaritsyn (Stalingrad) historical party commission worked; their value as historical sources was indicated; and the peculiarity of the activity of the Tsaritsyn (Stalingrad) historical party commission was clarified under different managers.

Key words: Tsaritsyn, Stalingrad, historical party commission, Civil War, revolutionary movement, memories, October Revolution, First Russian Revolution.

Citation. Kamyshanov A.A. The Activities of the Tsaritsyn (Stalingrad) Historical Party Commission in the Early Years of Existence (1923–1928). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 134-145. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.11

УДК 94(470.45)«1923/1928»:323
ББК 63.3(2Рос-4Вог)613-3

Дата поступления статьи: 30.11.2024
Дата принятия статьи: 15.05.2025

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦАРИЦЫНСКОГО (СТАЛИНГРАДСКОГО) ИСТПАРТА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ (1923–1928 гг.)

Антон Александрович Камышанов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Приход к власти большевиков в ходе Октябрьской революции требовал переосмысления всего хода отечественной истории, в особенности истории революционных движений. Новой власти необходимо было пересмотреть все гуманитарные науки с точки зрения марксистско-ленинского учения. Уже на самом раннем этапе становления советской власти в стране стали создаваться специальные

© Камышанов А.А., 2025

центры в области общественных наук. Так началась история деятельности историко-партийных комиссий, или истпартов, – специальных организаций, которые занимались сбором, систематизацией, изучением и публикацией материалов по истории партии, Октябрьской революции и революционных движений. Царицынская (Сталинградская) историко-партийная комиссия была образована в 1923 году. Ввиду того, что наследие Царицынского (Сталинградского) истпарта было долгое время недоступным для исследователей, научных работ, посвященных данной проблеме, очень мало. *Методы и материалы.* При исследовании данной темы использовались общенаучные методы, а также историко-генетический и историко-сравнительный методы. Статья написана на основе обширных исторических источников, которые находятся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Волгоградской области (ГАВО), Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО), а также музея-панорамы «Сталинградская битва». *Анализ.* В статье рассмотрены результаты работы Царицынской (Сталинградской) историко-партийной комиссии (истпарта) по сбору материалов об истории революционного движения и Гражданской войны в период с 1923 по 1928 год. *Результаты.* На основе анализа источников периодической печати была определена структура Царицынского (Сталинградского) истпарта, а также направления его деятельности, выявлены и перечислены материалы по истории революционного движения, с которыми работали сотрудники Царицынской (Сталинградской) историко-партийной комиссии, обозначена их ценность как исторических источников, а также выяснены особенности деятельности Царицынского (Сталинградского) истпарта при разных руководителях.

Ключевые слова: Царицын, Сталинград, истпарт, Гражданская война, революционное движение, воспоминания, Октябрьская революция, Первая русская революция.

Цитирование. Камышанов А. А. Деятельность Царицынского (Сталинградского) истпарта в первые годы существования (1923–1928 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 134–145. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.11

Введение. Приход к власти большевиков в ходе Октябрьской революции требовал переосмысления всего хода отечественной истории, в особенности истории революционных движений. Новой власти необходимо было пересмотреть все гуманитарные науки с точки зрения марксистско-ленинского учения. Сразу после победы в Гражданской войне в стране стали создаваться специальные центры в области общественных наук, среди них: Социалистическая академия, Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (1921), Институт Красной профессуры (1921), Институт В.И. Ленина (1923).

30 августа 1920 г. заместитель наркома просвещения РСФСР Михаил Покровский в записке к Политбюро ЦК партии предложил объединить Комиссию по изучению Октябрьской революции с уже учрежденной на тот момент Комиссией по изучению истории партии [7]. 21 сентября 1920 г. постановлением СНК РСФСР при Наркомпросе была учреждена Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Российской коммунистической партии. Комиссии предоставлялось право в целях сбора источников организовать местные бюро, а также посылать своих уполномоченных в губернии и области РСФСР, а также в советские республики [23].

Изучение истпартов как отдельного явления в отечественной науке началось еще в советскую эпоху. Одним из первых исследователей историко-партийных комиссии была уральский историк И.И. Кузнецова. В своей диссертации она раскрыла специфику работы истпарта на территории Пермской губернии и Уральской области [13]. В 1984 г. вышло исследование кандидата исторических наук О.Ю. Шамаевой, в котором были проанализированы результаты деятельности Московского истпарта по формированию источниковой базы историко-партийной науки [31].

Большая часть исторических работ, посвященных деятельности историко-партийных комиссий, появилась в современной России. Например, ученый из Тверского государственного университета Е.А. Селунская исследует деятельность Тверского губернского истпарта в 1922–1929 гг. [27]. Другой историк, В.С. Клопихина, в своей кандидатской диссертации рассматривала историю развития нескольких историко-партийных комиссий на Северном Кавказе [11].

Хочется отметить кандидатскую диссертацию самарской исследовательницы И.В. Митрофановой, посвященную деятель-

ности историко-партийных комиссий в Среднем Поволжье. Достоинство этой работы состоит в том, что в ней подробно рассмотрена эволюция структуры истпартов в разных городах Среднего Поволжья [14]. Историк установила, что комиссии в Среднем Поволжье были разделены на три категории: к первой категории отнесены крупные республиканские, краевые и областные отделы; ко второй – отделы крупных пролетарских и национальных центров; к третьей – отделы остальных областей [14, с. 20].

В Царицыне (ныне г. Волгоград) историко-партийная комиссия была образована в 1923 году. После победы большевиков историческое значение города изменилось: Царицын стал очень важным для формирования нового идеологического дискурса, поскольку оборона Царицына являлась одним из ключевых и знаковых эпизодов Гражданской войны. Царицынский (Сталинградский) истпарт за годы существования проделал колоссальную работу по сбору и изучению материалов об истории революционного движения в Нижнем Поволжье. Однако в начале 1930-х гг. советские истпарты подверглись сильному идеологическому воздействию, а к концу десятилетия были и вовсе распущены. Историко-партийная комиссия в Сталинграде пострадала особенно сильно: многие ее сотрудники репрессированы, а собранные материалы и написанные ими сочинения забыты.

Ввиду того обстоятельства, что наследие Царицынского (Сталинградского) истпарта долгое время оставалось недоступным для исследователей, научных работ, посвященных непосредственно Царицынской (Сталинградской) историко-партийной комиссии, очень мало.

Одним из первых, кто попытался проанализировать структуру и направления деятельности Царицынского истпарта, был волгоградский историк А.Л. Клейтман. В статье «Особенности развития сталинградского краеведения в 1920–1930-х годах» историк вкратце раскрыл структуру Царицынского истпарта в ранние годы его существования, а также выделил основные направления его деятельности [10].

Среди исследований, посвященных ранней деятельности Царицынского истпарта, следует выделить кандидатскую диссертацию волгоградского историка М.В. Кирсанова «Царицынское (Сталинградское) краеведение в 1920–1930-х годах», в которой был освещен процесс развития краеведения в Царицыне, а также раскрыта структура и специфика работы царицынских краеведческих организаций [9]. М.В. Кирсанов в рамках своего исследования также уделил внимание Царицынскому истпарту, в общих чертах рассмотрев основные направления его деятельности и отметив вклад первого руководителя Царицынского истпарта Якова Холщевникова в развитие местного краеведения.

Главным объектом как статьи А.Л. Клейтмана, так и диссертационного исследования М.В. Кирсанова было царицынское краеведение в целом, деятельность же истпарта как отдельной организации в вышеназванных работах была представлена очень кратко.

За последнее время вышли исследования, в которых проблема Сталинградского истпарта раскрывается на более глубоком уровне. В первую очередь стоит выделить научные статьи волгоградских историков И.О. Тюменцева, О.В. Рвачевой и И.С. Петровой, посвященные научному наследию Сталинградской историко-партийной комиссии в 1930-е годы. Научная статья И.О. Тюменцева «Герои революции и обороны Царицына в 1917–1918 гг. по версии Сталинградского истпарта» раскрывает подробности работы сотрудников Сталинградского отделения Нижневолжского краевого истпарта по увековечиванию памяти участников обороны Царицына 1918–1920 гг. [29]. Совместная научная статья И.С. Петровой и О.В. Рвачевой «Воспоминания А.К. Выдрина как источник по истории Гражданской войны» посвящена анализу деятельности Сталинградского истпарта по сбору воспоминаний участников обороны Царицына [22]. В статье было подчеркнуто значение воспоминаний царицынского большевика А.К. Выдрина как важного исторического источника для изучения Октябрьской революции и Гражданской войны на территории Царицына.

Таким образом, ввиду того, что деятельность Царицынского (Сталинградского) истпарта ранее не была подробна изучена историками, следует восполнить этот пробел. Имеется реальная возможность систематизировать и изучить материалы Царицынского

(Сталинградского) истпарта, тем самым восстановить утраченный пласт региональной истории Нижнего Поволжья и существенно уточнить сложившиеся представления об изучении русского революционного движения.

Хронологические рамки исследования в статье охватывают период с 1923 по 1928 г. и объясняются тем, что Царицынский (Сталинградский) истпарт на протяжении истории своего существования часто переезжал в связи с территориальными переменами в Нижнем Поволжье. На начальном этапе центр истпарта находился в Царицыне (Сталинграде), затем, когда в 1928 г. был образован Нижневолжский край, историко-партийная комиссия переехала из Сталинграда в новый административный центр – Саратов, а в 1930-е гг. после образования Сталинградского края истпарт снова перебрался в Сталинград. Период с 1923 по 1928 г. – это начальный этап деятельности Царицынского (Сталинградского) истпарта, в ходе которого были заданы основные направления по изучению сюжетов истории революционного движения в Нижнем Поволжье, Первой русской революции и Гражданской войны в Царицыне. Кроме того, именно в этот период историко-партийная комиссия еще несильно зависела от идеологического давления, как это было уже в дальнейшие периоды своего функционирования, в начальные годы правления И.В. Сталина. Именно этим первый этап деятельности Царицынского (Сталинградского) истпарта и представляет интерес для исследователей.

Методы и материалы. Статья написана на основе материалов по истории Октябрьской революции и Гражданской войны, а также источников периодической печати, которые издавались Царицынской (Сталинградской) историко-партийной комиссией. Материалы по истории Октябрьской революции и Гражданской войны хранятся в фондах Р-346 (Сталинградская комиссия по сбору и обработке документальных материалов для написания истории Октябрьской революции и Гражданской войны) и Р-6527 (ГУК «Государственный музей-панорама “Сталинградская битва”») Государственного архива Волгоградской области (далее – ГАВО). Немногочисленные делопроизводственные документы Царицынского (Сталинградского) истпарта находятся в фонде № 70 Российского государственного архива социально-политической истории. Кроме того, использовались некоторые исторические материалы из фондов Центра документации новейшей истории Волгоградской области и музея-панорамы «Сталинградская битва». С помощью историко-генетического метода была реконструирована история создания Царицынского (Сталинградского) истпарта и проанализированы особенности его деятельности в 1923–1928 годах. Посредством историко-сравнительного метода было проведено сравнение результатов деятельности Царицынской (Сталинградской) историко-партийной комиссии при разных руководителях – Я.Г. Холщевникове и Г.Т. Гаврилове.

Анализ. Царицынская (Сталинградская) историко-партийная комиссия была образована в 1923 году. В первые годы существования ее возглавляли два известных краеведа – Яков Геннадьевич Холщевников (1923–1925) и Георгий Тимофеевич Гаврилов (1925–1928).

О личности и биографии Я.Г. Холщевникова имеется очень мало сведений. Родился в Ярославле в 1881 г. в семье служащего, предположительно, происходил из купеческого рода Холщевниковых. В Царицын перебрался еще до Октябрьской революции. Будучи сотрудником газеты «Волго-Донской край», Я.Г. Холщевников совместно с другими корреспондентами составлял письмо в Литературный фонд в связи с продажей Дворянским банком имения Спасское-Лутовиново, в котором проходила жизнь Ивана Тургенева. Яков Холщевников выступал за сохранения наследия великого русского писателя и передачу его родового имения в собственность государства [8]. В течение 1920–1930-х гг. Я.Г. Холщевниковым было издано несколько статей и работ, посвященных как истории Царицына и Нижнего Поволжья, так и деятельности общества краеведения. В 1930 г. под его редакцией вышел «Путеводитель по Сталинградскому округу и городу Сталинграду» [25]. При написании «Путеводителя» Я.Г. Холщевников ориентировался на массового читателя и, соответственно, стремился дать элементарные сведения о далеком прошлом края, истории Сталинграда с момента его основания и примечательных местах для туристов.

В начале 30-х гг. XX в. он работал счетоводом в Сталинградского бюро краеведения. Был арестован по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде (п. 10 и 11 ст. 58 УК РСФСР). На основании данного обвинения был приговорен к четырем годам лишения свободы.

О структуре Царицынской историко-партийной комиссии на начальном этапе существования известно очень мало, так как делопроизводственные источники Царицынского испарта начала 1920-х гг. не сохранились. По данным следствия, они утонули вместе с баржей во время перемещения из Царицына в Саратов [19]. Однако некоторые сведения о том, как именно функционировала Царицынская историко-партийная комиссия, можно узнать из публицистического источника – историко-революционного сборника «Наш край», выходившего под редакцией Я.Г. Холщевникова [15]. Статья «От истпарта», опубликованная в нем, содержит некоторые сведения о структуре истпарта. Так, в период с 1922 по 1925 г. отделение называлось Царицынским губернским истпартом, в подчинении у которого были уездные и окружные уполномоченные. Губернское отделение и уполномоченные на местах выполняли разные функции: уездные и окружные отделения истпарта занимались сбором исторических материалов, а также литературной деятельностью [15, с. 6]; губернский истпарт активно работал с очевидцами событий, «трудящимися массами», которые делились своими воспоминаниями о революционных событиях [15, с. 6]. Царицынский губернский истпарт принимал в дар различные исторические документы и архивы. В статье «От истпарта» Я.Г. Холщевниковым обозначена главная цель работы комиссии: «Истпарт считает, что изучение нашего края в этой плоскости является насущным и необходимым делом, т.к. без знания такового мы будем и далее обречены ходить впотьмах, не имея понятия о том, по какой земле мы ходим» [15, с. 5]. Первый выпуск историко-партийного сборника «Наш край» увидел свет в сентябре 1924 г. и состоял из 15 статей. В выпуске был дан очерк истории края и города Царицына с 1589 г. и до времен Пугачева. Остальная часть сборника посвящена развитию революционного движения в Царицынской губернии. В будущих выпусках сотрудники истпарта планировали продолжить освещать историю развития Царицына, особенно детально истпарт хотел уделить внимание истории пребывания Н.П. Врангеля в Царицыне в 1919 г. [15, с. 6].

Научные интересы Царицынского (Сталинградского) истпарта во многом были связаны с формированием памяти о знаковых эпизодах истории революционного движения. В начале 1920-х гг. перед партией стояла задача отметить 10-летний юбилей Первой русской революции. В этой связи историко-партийная комиссия начала собирать исторические материалы, посвященные революционным событиями 1905–1907 годов.

Наиболее важное достижение Царицынского (Сталинградского) истпарта – это составление Г.Т. Гавриловым хроники событий в Царицынской губернии, благодаря которой выяснено, как проходили революционные события в Царицыне и его окрестностях. Также была представлена хроника общественно-политических событий в 1894–1905 гг. на территории Саратовской губернии, куда входил Царицын [30].

Для того чтобы подготовить материалы по Первой русской революции, сотрудники истпарта активно работали с непосредственными участниками революционных событий. В результате своей деятельности Царицынский истпарт собрал целый комплекс источников личного происхождения, которые условно можно разделить на три категории: биографии, воспоминания, некрологи.

Царицынским истпартом были составлены биографии местных участников Первой русской революции. Так, сотрудник под псевдонимом «С. Ленский» собрал множество биографических сведений об участниках революционных событий 1905–1907 годов. В качестве примера можно привести биографию И.С. Семенова – революционера, который подпольно агитировал рабочих мукомольной мельницы № 1 в 1907 г. и создал вокруг себя группу рабочих под флагом социал-демократической рабочей партии [2].

Важно почеркнуть, что С. Ленский, Я. Холщевников, Ф. Чекасинов и другие сотрудники истпарта формировали источники личного происхождения на основе бесед и ин-

тервью с непосредственными участниками революционных событий. Так, в фонде Р-346 ГАВО сохранилась беседа Холщевникова с революционером Соломоновым, посвященная истории создания рабочих революционных групп [20].

Представляют интерес воспоминания вождей революционного Царицына, прежде всего Акима Кузьмича Выдрина – «Мои воспоминания из жизни 1905 и 1906 года в Царицыне, Саратове и Самаре» [3]. Он родился в бедной крестьянской семье в с. Прямая Балка в 1884 году. В 1905 г. призван в армию, 8 ноября вместе с другими новобранцами приехал в Царицын, позже назначен в 215-й Бузулукский полк в Самару, а затем временно был направлен в 228-й Хвалынский полк в Саратов. В 1906 г. вернулся в Царицын. В воспоминаниях Выдрин описывает революционные настроения жителей Царицына, а также свою военную биографию.

Работники истпарта активно собирали партийные газеты, в которых были опубликованы мемуары революционеров. В качестве примера можно привести воспоминания крестьянина Емельянова, которые были напечатаны в газете «Крестьянская правда» в выпуске от 12 декабря 1925 г. [26]. Воспоминания представляют собой очерк истории революционной организации крестьян с. Быково в ходе революции 1905 года. Емельянов подробно описывает деятельность крестьянской революционной организации. Другая примечательная статья «Казаки на переломе. Царя по матушке» из газеты «Крестьянская правда» содержит воспоминания автора под псевдонимом «Н.Г». Это научно-исследовательская статья про вклад казачества в революцию 1905 г. [17].

Некрологи как жанр газетной журналистики являются многочисленным пластом исторических материалов по истории революционных движений. В советском дискурсе тексты варьировались от скупых извещений о смерти до многодневных и многополосных некрологов-ансамблей. Составлением некрологов начал заниматься еще Центральный истпарт, под редакцией которого в 1924 г. вышел сборник «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг.» [21]. Составление сотрудниками Царицынского (Сталинградского) истпарта некрологов было частью той объемной работы, которую начала Центральная историко-партийная комиссия в Москве.

Данной деятельностью занимался и Федор Чекасинов, который был участником обороны Царицына, являлся членом Штаба Красной гвардии и организаторов боевых дружин. После Гражданской войны он стал сотрудником истпарта и даже принял участие в составлении сборника «Наш край», где опубликовал свои собственные воспоминания о событиях в Царицыне – «Французский завод в 1905–1906 гг.» [15, с. 28–34].

Федор Чекасинов проделал большую работу и составил целую серию некрологов, посвященную героям 1905 года. В качестве примера можно привести некролог гимназистке Ольге Голубевой, которая стреляла в полицмейстера и была убита казаками в ходе протеста солдат-ополченцев на Базарной площади. Голубева скончалась в больнице после смертельного ранения. Также в некрологе коротко раскрыта роль Минина в организации революционной агитации в Царицыне [18].

4 февраля 1925 г. состоялось заседание коллегии агитпропотдела, на котором деятельность историко-партийной комиссии под руководством Я.Г. Холщевникова подвергалась критике за «уклон, имеющийся в работе истпарта в сторону сбора и обработки материалов чисто краеведческого характера, не имеющего никакого отношения к выяснению развития революционного движения в Царицыне» [24]. К тому же руководство было недовольно тем, что Яков Холщевников за средства Царицынского истпарта публиковал в сборнике «Наш край» собственные статьи под разными псевдонимами. Вследствие этих обстоятельств историко-революционный сборник «Наш край» перестал выпускаться, а Я.Г. Холщевникова сместили с руководства Сталинградским истпартом.

В 1925 г. главой Сталинградской историко-партийной комиссии стал Георгий Тимофеевич Гаврилов. При новом руководителе исследовательские интересы Сталинградского истпарта несколько изменились. Если при Я.Г. Холщевникове главной целью истпарта было краеведческое просвещение, то при Г.Т. Гаврилове основной упор делался на изу-

чение истории революций и партийных организаций, в особенности комсомола.

За период с 1925 по 1928 г. Сталинградский истпарт выпустил сборники «1905 год в Сталинградской губернии» [1] и «Наше прошлое. Из истории Сталинградской организации ВЛКСМ» [16].

Сборник «1905 год в Сталинградской губернии» вышел в декабре 1925 г. под редакцией Г.Т. Гаврилова, Н.Н. Соколова и М.М. Щербакова в честь 20-летнего юбилея Первой русской революции. Сталинградский истпарт ставил своей задачей дать краткий, но по возможности исчерпывающий очерк революционного движения в Сталинградской губернии по 1905 г. включительно. Сборник был составлен на основе дел жандармского управления и нескольких воспоминаний участников движения, которые находились в распоряжении истпарта [1, с. 4].

Историко-революционный сборник «1905 год в Сталинградской губернии» состоит из следующих разделов: «Статьи», «Воспоминания», «Хроника» и «Приложение».

Первый раздел включает несколько статей и открывается работой «Сталинградская губерния в начале XX века», представляющей собой очерк об экономических и социальных отношениях Царицынского уезда Саратовской губернии. Н.Н. Соколов, автор очерка, подробно описывает состав населения, экономическую направленность районов и историю образования Сталинградской губернии [1, с. 5–12]. В следующей статье тоже, предположительно, за авторством Н.Н. Соколова (на это намекают инициалы Н.Н.) рассказывается об истории становления рабочих забастовок в Царицыне в годы Первой русской революции. Третья статья «Возникновение и деятельность социал-демократической организации в Сталинграде», автором которой значится Георгий Сталинградский, посвящена основным вехам истории сталинградского социалистического движения – от создания социал-демократических кружков в 1900 г. до деятельности царицынской группы РСДРП в 1906 г. [1, с. 12–27]. Следующая статья за коллективным авторством Г.Т. Гаврилова, Е. Киселева и Я. Писковенко представляет собой краткий очерк истории революционного движения крестьянства и казачества в нескольких регионах Сталинградской губернии [1, с. 28–43]. Статья В. Кузьмина посвящена пропагандистской работе социалистических кружков в армии и восстанию Бобруйского полка. Заключительная статья в данном разделе написана автором с псевдонимом «П.Г.» и рассказывает об истории профессионального движения в Сталинградской губернии до 1905 г. [1, с. 44–82].

Второй раздел сборника начинается с воспоминаний И. Лермана, одного из организаторов царицынской группы РСДРП в 1905 г., о деятельности социал-демократической организации в Сталинграде во время Первой русской революции [1, с. 92–104]. Далее опубликованы воспоминания очевидца о формировании ученического движения в Царицыне, а именно об участии гимназистов в революции 1905–1907 гг. [1, с. 104–109]. Остальные воспоминания посвящены революционной деятельности рабочих железных дорог – «На станции Котельниково», «На станции Сарепта», «На станции Царицын» [1, с. 109–114].

Третий раздел сборника – это хроника, в которой перечислены события, произошедшие в Сталинградской губернии с 1894 по 1905 год. Она была составлена Г.Т. Гавриловым на основе воспоминаний очевидцев событий и делопроизводственных документов [1, с. 117–135].

Сборник представляет собой комплексный источник по событиям Первой русской революции, который освещает разнообразные эпизоды революционной истории на территории Царицына и Нижнего Поволжья. Тем не менее работники истпарта отмечают, что их главная цель – дать исчерпывающий очерк революционного движения – не была полностью достигнута в сборнике вследствие недостатка материалов, относящихся к этому движению. По имеющимся материалам, как указывают редакторы сборника, не совсем удалось выпукло и детально осветить революционное прошлое Сталинградской губернии, особенно за 1905 г. [1, с. 4].

Следующий сборник «Наше прошлое. Из истории Сталинградской организации ВЛКСМ», изданный в 1928 г. истпартом под руководством Г.Т. Гаврилова, был приурочен к юбилею комсомольской организации. Он состоит из нескольких разделов – вводная статья «От составителей», «Статьи и воспоминания» и «Приложения». Непосредственное

же участие в составлении и редактировании сборника принимали следующие сотрудники истпарта – Г.Т. Гаврилов, Н.А. Синеоков, Н.Н. Соколов, М. Таубер, Л.Б. Явиц [16, с. 5]. При написании статей в качестве материала использовались газеты и журналы, а именно: печатные органы сталинградских правительственных учреждений – газета «Борьба» (печатный орган Совета рабочих и солдатских депутатов), «Красные вести» (печатный орган Сталинградского Укома ВКП(б)) и «Партспутник» (газета Совета рабочих и солдатских депутатов); печатные партийные органы регионального значения – «Коммунар» (печатный орган Николаевского Укома ВКП(б)), «Красная Ахтуба» (печатный орган Ленинского Укома ВКП(б)); газеты оппозиционных партий – «Волго-Донской край» (газета либерально-демократической интеллигенции) и «Рабочая мысль» (печатный орган меньшевиков) [16, с. 6]; молодежные газеты – «Жизнь наша», «Пролетарская молодежь», «Юность вперед». Составители также обращались к делопроизводственным документам, которые хранились в Сталинградском отделе истпарта, в архивах Сталинградского губкома ВКП(б) и Сталинградской губернской комиссии по истории молодежных организаций [16, с. 7].

Сборник включает два основных разделов – «Статьи и воспоминания» и «Памяти павших», а также приложения, именной указатель и указатель местностей.

Раздел «Статьи и воспоминания» содержит шесть статей и воспоминания. Все статьи посвящены истории зарождения юношеских движений как в Царицыне, так и на местах. Сборник начинается со статьи Н.Н. Соколова «Из истории Сталинградского комсомола», где рассказывается об истории возникновения и развития молодежных организаций, раскрывается вклад комсомольцев в оборону Царицына [16, с. 9–32]. Следующая статья, написанная Н. Сидоровым, посвящена возникновению и развитию юношеского движения в Зацарицынском районе [16, с. 37–43]. Статья Л. Явица содержит информацию о юношеском движении во Втором Донском округе [16, с. 44–52], а статья В. Черняка – об истории комсомола в Ленинском уезде [16, с. 53–61]. У Н.А. Синеокова две статьи – «От клуба к комсомолу» [16, с. 33–36] и «Борьба с бандитизмом и комсомол» [16, с. 68–76]. В воспоминаниях за авторством В. Глубжина «От Оргбюро к Губкому» рассказывается история сталинградского комсомола глазами одного из его организаторов [16, с. 62–67]. В разделе «Памяти павших» приводятся некрологи погибшим молодым революционерам. После идет хроника, в которой представлен ход событий с марта по декабрь 1917 г. [16, с. 89–124].

Исследование Сталинградским истпартом комсомольских организаций не ограничивалось вышеупомянутым сборником. В фонде Р-346 ГАВО также сохранилось несколько томов с обширными материалами по истории комсомола, которые не были опубликованы: «Документы об организации Коммунистического союза молодежи в Царицынской губернии. Том I» [4], «Документы об организации Коммунистического союза молодежи в Царицынской губернии. Том II. Часть I» [5] и «Документы об организации Коммунистического союза молодежи в Царицынской губернии. Том III. Часть II» [6].

Царицынский (Сталинградский) истпарт в 1923–1928 гг. активно собирал самые разнообразные материалы по теме Гражданской войны и Октябрьской революции. Так, в распоряжении историко-партийной комиссии находилось большое собрание периодической печати, в частности газеты «Астраханский вестник», «Борьба», «Волго-Донской край», «Рабочая мысль» и множество других партийных печатных изданий предреволюционной и революционной эпохи [28, л. 131–132 об.]. Кроме того, истпарт хранил у себя многочисленные документы времен Октябрьской революции в Царицыне, а именно: прокламации, списки кандидатов Учредительного собрания, уставы Царицынского совета рабочих и солдатских депутатов, Царицынской рабочей Красной гвардии [28, л. 133–133 об.].

К сожалению, далеко не все материалы, с которыми работала Царицынская (Сталинградская) историко-партийная комиссия, сохранились до наших дней. Пострадал обширный пласт делопроизводственных партийных документов дореволюционного периода, а также материалы подпольных комитетов и штаба обороны Царицына [19, л. 8]. В 1937 г. в Сталинградском партархиве при формировании новых фондов была обнаружена пропажа ценных материалов. В 1938 г. было проведе-

но следствие, в ходе которого опрашивали как сотрудников историко-партийной комиссии, так и участников революционных событий в Царицыне, которые имели доступ к утерянной документации [19, л. 6]. Согласно показаниям Г.Т. Гаврилова и И.М. Полякова, многочисленные партийные документы за август 1917 г. были уничтожены, а материалы за 1918–1919 гг. были эвакуированы из Царицына в Саратов [19, л. 7]. В целях установления причин гибели ценнейших исторических документов Гаврилов рекомендовал написать письмо в Серпухов, где проживала на тот момент Бронислава Абрамовна Клионская, которая в годы Октябрьской революции в Царицыне была секретарем городского партийного комитета и занималась делопроизводством. Как отмечает в своих воспоминаниях Б.А. Клионская, протоколы заседаний царицынских коммунистов были уничтожены в связи с ожиданием нападения карательной экспедиции полковника А.В. Корвина-Круковского, которая летом 1917 г. была послана Временным правительством в Царицын для ареста большевиков [12].

Результаты. Исходя из приведенных выше данных, можно сделать некоторые выводы. Под руководством Я.Г. Холщевникова главная цель Царицынской (Сталинградской) историко-партийной комиссии заключалась в краеведческом просвещении и изучении истории Царицына. При Г.Т. Гаврилове был сделан упор на непосредственное изучение эпизодов истории партии и партийных организаций на территории Нижнего Поволжья.

Сотрудникам истпарта уже в первые годы своего существования удалось собрать обширный массив разнообразных исторических источников по краеведению, истории Первой русской революции и партийных организаций. Вышеназванные сборники, изданные Царицынским (Сталинградским) истпартом, а также собранные источники личного происхождения (воспоминания, некрологи и биографии) показывают, насколько продуктивно продвигалась работа историко-партийной комиссии.

Корпус исторических источников, сформированный и введенный в научный оборот сотрудниками Царицынского (Сталинградского) истпарта в период с 1923 по 1928 г., представляет собой уникальный комплекс данных, имеющих ценность для изучения истории регионального краеведения, событий Первой русской революции, формирования и деятельности местных партийных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1905 год в Сталинградской губернии: историко-революционные сборник / под ред. Г. Т. Гаврилова, Н. Н. Соколова и М. М. Щербакова. Сталинград: [б. и.], 1925. 177 с.
2. Биография И.С. Семенова // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 33.
3. Выдрин А. К. Мои воспоминания из жизни 1905 и 1906 года в Царицыне, Саратове и Самаре // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 15–16.
4. Документы об организации Коммунистического союза молодежи в Царицынской губернии. Том I // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 197.
5. Документы об организации Коммунистического союза молодежи в Царицынской губернии. Том II. Часть I // ГАВО. Ф. Р-346, Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 125.
6. Документы об организации Коммунистического союза молодежи в Царицынской губернии. Том III. Часть II // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 121А. Л. 118.
7. Записка М.Н. Покровского в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением об объединении Комиссии по изучению Октябрьской революции и Комиссию по изучению истории партии // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Ед. хр. 90. Л. 19.
8. Из истории тургеневского имения Спасское-Лутовиново (1914–1915): по архивным материалам // Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева. URL: https://turgenevmus.ru/iz-istorii-turgenevskogo-imeniya-spasskoe-lutovinovo-1914-1915-po-arhivnym-materialam/
9. Кирсанов М. В. Царицынское (сталинградское) краеведение в 1920–1930-х годах: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2011. 270 с.
10. Клейтман А. Л. Особенности развития сталинградского краеведения в 1920–1930-х годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 2 (14). С. 6–11.
11. Клопихина В. С. Деятельность истпартов на Северном Кавказе: 1920–1939 годы: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 264 с.
12. Комментарии Брониславы Абрамовны Клионской к протоколам общих собраний комму-

нистов, заседаний центрального (общегородского) комитета РКП(б) города Царицына // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 1. Л. 110–123.

13. Кузнецова И. И. Деятельность истпартов Урала в 1921–1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1975. 16 с.

14. Митрофанова И. В. Деятельность истпартов и партийных архивов в Среднем Поволжье: 1920–1930-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2015. 25 с.

15. Наш край : историко-революционный сборник Царицынского истпарта. Вып. 1. Царицын: [б. и.], 1924. 84 с.

16. Наше прошлое. Из истории Сталинградской организации ВЛКСМ: сб. ст. и док. Сталинград: Губерн. ком. ВКП(б), 1928. 160 с.

17. Не поверили генералу. 1905 год в слободе Сидоры // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 21. Опубл.: Крестьянская правда. 1925. 12 дек. (№ 94 (191)).

18. Некрологи Ф. Чекасинова героям 1905 г. Ольга Голубева // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 1–3.

19. Объяснения Гаврилова Г.Т. и Полякова И.М. о гибели архивных партдокументов // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 6–8.

20. Опрос Холщевниковым и Чекасиновым Соломонова // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 59–78.

21. Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг. 2-е изд., испр. и доп. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1924. 779 с.

22. Петрова И. С., Рвачева О. В. Воспоминания А.К. Выдрина как источник по истории Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 4. С. 214–223. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.17

23. Постановление Совета народных комиссаров РСФСР об учреждении при Наркомпросе РСФСР Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии. 21 сентября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 15478. Л. 1.

24. Протокол заседания бюро истпартотдела и список членов и кандидатов нового бюро истпарта // ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 22д.–22ж.

25. Путеводитель по Сталинградскому округу и городу Сталинграду на 1930-й год / сост. Я. Г. Холщевников. Сталинград: [б. и.], 1930. 158 с.

26. Революция 1905–1907 г. в нашем крае: Заволжские подпольщики. Воспоминания крестьянина Емельянова // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 40–41.

27. Селунская Е. А. Деятельность Тверского губернского истпарта в 1922–1929 гг.: история и источники изучения : дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2010. 256 с.

28. Статьи, краткая хронология событий 1905 года и описи дел местных истпартов. От Т до Я // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Ед. хр. 47. Л. 133–133 об.

29. Тюменцев И. О. Герои революции и обороны Царицына в 1917–1918 гг. по версии Сталинградского истпарта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 2. С. 172–190. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.15

30. Хроника событий. Хроника общественно-политических событий в Саратовской губернии в 1894–1905 гг. // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 2. 53 л.

31. Шамаева О. Ю. Создание и деятельность Московского истпарта (1921–1934 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 23 с.

REFERENCES

1. Gavrilov G.T., Sokolov N.N., Shcherbakov M.M., eds. *1905 god v Stalingradskoi gubernii: istoriko-revoliutsionnye sbornik* [1905 in the Stalingrad Province: A Historical and Revolutionary Collection]. Stalingrad, s.n.,1925. 177 p.

2. Biografiia I.S. Semenova [Biography of I.S. Semenov]. *Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (daleye – GAVO)* [The State Archive of the Volgograd Region], f. R-346, inv.1, dep. item 28. 33 l.

3. Vydrin A.K. Moi vospominaniia iz zhizni 1905 i 1906 goda v Tsaritsyne, Saratove i Samare [1905 and 1906 My Memories from the Life of 1905 and 1906 in Tsaritsyn, Saratov and Samara]. *GAVO* [The State Archive of the Volgograd Region], f. R-346. inv.1, dep. item 30, l. 15-16.

4. Dokumenty ob organizatsii Kommunisticheskogo soiuza molodezhi v Tsaritsynskoi gubernii. Tom I [Documents on the Organization of the Communist Youth Union in Tsaritsyn Province. Volume 1]. *GAVO* [The State Archive of the Volgograd Region], f. R-346, inv. 1, dep. item 120. 197 l.

5. Dokumenty ob organizatsii Kommunisticheskogo soiuza molodezhi v Tsaritsynskoi gubernii. Tom II. Chast I [Documents on the Organization of the Communist Youth Union in Tsaritsyn Province. Volume 2. Part I]. *GAVO* [The State Archive of the Volgograd region], f. R-346, inv. 1, dep. item 121, l. 125.

6. Dokumenty ob organizatsii Kommunisticheskogo soiuza molodezhi v Tsaritsynskoi gubernii. Tom III. Chast II [Documents on the Organization of the Communist Youth Union in Tsaritsyn Province. Volume 3. Part 2]. *GAVO* [The State Archive of the

Volgograd region], f. R-346, inv. 1, dep. item 121 A, l. 118.

7. Zapiska M.N. Pokrovskogo v Politbiuro TsK RKP (b) s predlozheniem ob obieedinenii Komissii po izucheniiu Oktiabrskoi revoliutsii i Komissiiu po izucheniiu istorii partii [A Note by M.N. Pokrovsky to the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (b) with a Proposal to Unite the Commission for the Study of the October Revolution and the Commission for the Study of the History of the Party]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii (daleye – RGASPI)* [The Russian State Archive of Socio-Political History], f. 17, inv. 163, d. 90, l. 19.

8. Iz istorii turgenevskogo imeniia Spasskoe-Lutovinovo (1914–1915): po arkhivnym materialam [From the History of the Turgenev Estate Spasskoye-Lutovinovo (1914–1915): According to Archival Materials]. *Orlovskiy obyedinennyy gosudarstvennyy literaturnyy muzey I.S. Turgeneva* [Oryol United State Literary Museum of I.S. Turgenev]. URL: https://turgenevmus.ru/iz-istorii-turgenevskogo-imeniya-spasskoe-lutovinovo-1914-1915-po-arhivnym-materialam/

9. Kirsanov M. V. *Tsaritsynskoe (stalingradskoe) kraevedenie v 1920–1930-kh godakh: dis. ... kand. ist. nauk* [Tsaritsyn (Stalingrad) Local History in the 1920s–1930s. Cand. hist. sci. diss.]. Volgograd, 2011. 270 p.

10. Kleitman A.L. Osobennosti razvitiia stalingradskogo kraevedeniia v 1920–1930-kh godakh [Features of the Development of Stalingrad Regional Studies in the 1920–1930s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2008, no. 2 (14), pp. 6-11.

11. Klopikhina V.S. *Deiatelnost istpartov na Severnom Kavkaze: 1920–1939 gody: dis. ... kand. ist. nauk* [The Activities of the Historical Party Commissions in the North Caucasus: 1920–1939. Cand. hist. sci. diss.]. Stavropol, 2011. 264 p.

12. Kommentarii Bronislavy Abramovny Klionskoi k protokolam obshchikh sobranii kommunistov, zasedanii tsentralnogo (obshchegorodskogo) komiteta RKP (b) goroda Tsaritsyna [Comments by Bronislava Clientskaya on the Minutes of the General Meetings of Communists, Meetings of the Central (Citywide) Committee of the RCP (b) of the City of Tsaritsyn]. *GAVO* [The State Archive of the Volgograd Region], f. R-346, inv. 1, d. 1, l. 110-123.

13. Kuznetsova I.I. *Deiatelnost istpartov Urala v 1921–1929 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Activity of the Historical Party Commissions of the Urals in 1921–1929. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Perm, 1975. 16 p.

14. Mitrofanova I.V. *Deiatelnost istpartov i partiinykh arkhivov v Srednem Povolzhye: 1920–1930-e gody: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Activities of the Historical Party Commissions and Party Archives in the Middle Volga Region: 1920–1930s. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Izhevsk, 2015. 25 p.

15. *Nash krai: istoriko-revoliutsionnyi sbornik tsaritsynskogo istparta. Vyp. 1* [Our Region. A Historical and Revolutionary Collection of the Tsaritsyn Historical Art. Iss. 1]. Tsaritsyn, s.n., 1924. 84 p.

16. *Nashe proshloe. Iz istorii Stalingradskoi organizatsii VLKSM: sb. st. i dok.* [Our Past. From the History of the Stalingrad Komsomol Organization. A Collection of Articles and Documents]. Stalingrad, Gubern. kom. VKP(b), 1928. 160 p.

17. Ne poverili generalu. 1905 god v slobode Sidory [They Did Not Believe the General. 1905 in the Settlement of Sidora]. *GAVO* [The State Archive of the Volgograd Region], f. R-346, inv. 1, dep. item 26, l. 21. Publ.: Krestyanskaya Pravda, 1925, Dec. 12 (no. 94 (191)).

18. Nekrologi F. Chekasinova geroiam 1905 g. Olga Golubeva [Obituaries of F. Chekasinov to the Heroes of 1905 Olga Golubeva]. *GAVO* [The State Archive of the Volgograd Region], f. R-346, inv. 1, dep. item 26, l. 1-3.

19. Obyasneniia Gavrilova G.T. i Poliakova I.M. o gibeli arkhivnykh partdokumentov [Explanations by Gavrilov G.T. and Polyakov I.M. About the Death of Archival Party Documents]. *Tsentr dokumentatsii Noveishei istorii (daleye – TsDNIVO)* [Center for Documentation of Modern History], f. 172, inv. 1, dep. item. 18, l. 6-8.

20. Opros Kholshchevnikovym i Chekasinovym Solomonova [Survey by Kholshchevnikov and Chekasinov of Solomonov]. *GAVO* [The State Archive of the Volgograd Region], f. R-346, inv. 1, dep. item 27, l. 59-78.

21. Pamiatnik bortsam proletarskoi revoliutsii, pogibshim v 1917–1921 gg. [Monument to the Fighters of the Proletarian Revolution Who Died in 1917–1921]. Moscow, Petrograd, Gos. izd-vo, 1924. 779 p.

22. Petrova I.S., Rvacheva O.V. Vospominaniya A.K. Vydrina kak istochnik po istorii Grazhdanskoy voyny [A.K. Vydrin's Memoirs as a Source on the History of the Civil War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 214-223. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.17

23. Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov RSFSR ob uchrezhdenii pri Narkomprose RSFSR Komissii dlia sobiraniia i izucheniia materialov po istorii Oktiabrskoi revoliutsii i istorii Rossiiskoi kommunisticheskoi partii. 21 sentiabria 1920 g. [Resolution of the Council of

People's Commissars of the RSFSR on the Establishment of a Commission Under the People's Commissariat of the RSFSR to Collect and Study Materials on the History of the October Revolution and the History of the Russian Communist Party. September 21, 1920]. *RGASPI* [The Russian State Archive of Socio-Political History], f. 2, inv. 1, dep. item 15478, l. 1.

24. Protokol zasedaniia biuro istpartotdela i spisok chlenov i kandidatov novogo biuro istparta [Minutes of the Meeting of the Bureau of the Historical Party Commission Department and the List of Members and Candidates of the New Bureau of the Historical Party Commission]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 1, inv. 1, dep. item 136, l. 22d-22zh.

25. Kholshchevnikov Ya.G., ed. *Putevoditel po Stalingradskomu okrugu i gorodu Stalingradu na 1930-i god* [A Guide to the Stalingrad District and the City of Stalingrad in 1930]. Stalingrad, s.n., 1930. 158 p.

26. Revoliutsiia 1905–1907 g. v nashem krae: Zavolzhskie podpolshchiki. Vospominaniia krestianina Emelianova [The Revolution of 1905–1907 in Our Region: The Volga Underground Workers. Memoirs of the Peasant Yemelyanov]. *GAVO* [The State Archive of the Volgograd Region], f. R-346, inv. 1, dep. item 28, l. 40-41.

27. Selunskaia E.A. *Deiatelnost Tverskogo gubernskogo istparta v 1922–1929 gg.: istoriia i istochniki izucheniia: dis. ... kand. ist. nauk* [The Activity of the Tver Provincial Art Institute in 1922–1929: History and Sources of Study. Cand. hist. sci. diss.]. Tver, 2010. 256 p.

28. Statyi, kratkaia khronologiia sobytii 1905 goda i opisi del mestnykh istpartov. Ot T do Ia. [Articles, a Brief Chronology of the Events of 1905 and an Inventory of the Affairs of Local Historical Party Commissions. From T to Ya]. *RGASPI* [The Russian State Archive of Socio-Political History], f. 70, inv. 4, dep. item 47, l. 132-133r.

29. Tyumentsev I.O. Geroi revolyutsii i oborony Tsaritsyna v 1917–1918 gg. po versii Stalingradskogo istparta [Heroes of the Revolution and Defense of Tsaritsyn in 1917–1918 According to the Stalingrad Istpart]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 172-190. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.15

30. Khronika sobytii. Khronika obshchestvenno-politicheskikh sobytii v Saratovskoi gubernii v 1894–1905 gg. [Chronicle of Events. Chronicle of Socio-Political Events in Saratov Province in 1894–1905]. *GAVO* [The State Archive of the Volgograd Region], f. R-346, inv. 1, dep. item 2. 53 l.

31. Shamaeva O.I. *Sozdanie i deiatelnost Moskovskogo istparta (1921–1934 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Creation and Activity of the Moscow Historical Party Commission (1921–1934). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 1984. 23 p.

Information About the Author

Anton A. Kamyshanov, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kamyshanov.tosha@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-5823-7552

Информация об авторе

Антон Александрович Камышанов, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kamyshanov.tosha@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-5823-7552

www.volsu.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.12

UDC 930.85
LBC 63.3(2)

Submitted: 25.08.2024
Accepted: 12.06.2025

THE "RUSSIAN IDEA" AS A SUBJECT OF MODERN RUSSIAN STUDIES

Svetlana B. Tokareva
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The subject field of modern Russian studies as an interdisciplinary direction includes a complex of knowledge about Russia "in its historical existence." In the structure of Russian studies, four main thematic blocks are distinguished: a complex of socio-political problems, cultural topics, problems of national psychology, and historical Russian studies. Within the framework of the latter, a reconstruction of the historically changeable meanings of the "Russian idea" is carried out in order to clarify its role in the formation of the subjectivity of the Russian people. *Methods and materials*. An ideographic research method was used, aimed at analyzing individual events of the past through identifying the specific historical views of representatives of Russian and foreign Russian studies and correlating them with value preferences, including those conditioned by their involvement in the confrontation of civilizational projects. *Analysis*. In Russian studies, the concept of the "Russian idea" is understood as the development of several philosophical concepts rooted in the emergence of new genres of historical literature in 17th-century Russia – namely, historical journalism and the historical novel. These genres facilitated the transition from medieval historicism to realistic literary fiction. The emergence of the "average" Russian person in literary works as an exponent of the national character and a bearer of the Russian mentality created the ground for the formulation of conceptual models of the "Russian idea" in the works of F.M. Dostoevsky, V.S. Solovyov, and N.F. Fedorov in the 19th century. Since then, the "Russian idea" has become an integral part of the "Western myth of Russia." At the same time, representatives of foreign Russian studies consider the "Russian idea" in isolation from the philosophical soil that gave rise to it, seeing it as a "product" of the Russian national character and linking it with everyday life, ethnic characteristics, and the peculiarities of the Russian mentality. *Results*. Due to the fact that the Russian mentality was formed under the conditions of a series of spiritual schisms – the schism with the West, the schism of the Slavs, and the schism of the universal Church – it bears the imprint of the experience of overcoming them and the desire to assert its own civilizational project on the basis of solidarity. Thanks to the dialectical combination of the protective and projective aspects in the "Russian idea," its conceptual understanding in modern Russian studies underpins the collective image of the bearers of the Russian mentality as a collective subject, which, exceeding the ethnic community in scope, retains the ability to implement its civilizational project in different eras, under different regimes of government and types of socio-political structure. *Funding*. The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01661, "Russian mentality as a modal integrity."

Key words: "Russian idea", Russian mentality, foreign Russian studies, Russian national history, stereotypes about Russia, reception of the "Russian idea".

Citation. Tokareva S.B. The "Russian Idea" as a Subject of Modern Russian Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 146-156. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.12

© Токарева С.Б., 2025

УДК 930.85
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 25.08.2024
Дата принятия статьи: 12.06.2025

«РУССКАЯ ИДЕЯ» КАК ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЕВЕДЕНИЯ

Светлана Борисовна Токарева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Предметное поле современного россиеведения как междисциплинарного направления включает комплекс знаний о России «в ее историческом бытовании». В структуре россиеведения выделяются четыре основных тематических блока: комплекс социально-политических проблем, культурологическая тематика, проблемы национальной психологии и историческое россиеведение. В рамках последнего осуществляется реконструкция исторически изменчивых смыслов «русской идеи» с целью прояснения ее роли в формировании субъектности русского народа. *Методы и материалы.* Использован идеографический метод исследования, нацеленный на анализ индивидуальных событий прошлого через выявление конкретно-исторических взглядов представителей российского и зарубежного россиеведения и соотнесение их с ценностными предпочтениями, в том числе обусловленными их вовлеченностью в противостояние цивилизационных проектов. *Анализ.* В отечественном россиеведении концепция «русской идеи» рассматривается как развертывание ряда философем, интеллектуальной почвой для образования которых стало утверждение в русской литературе XVII в. нового понимания места человека в истории, что привело в дальнейшем к выделению исторической публицистики и исторического романа в качестве самостоятельных жанров, ознаменовавших переход от средневекового историзма к реалистическому литературному способу повествования. Появление в литературных произведениях «среднего» русского человека как выразителя национального характера и носителя русского менталитета создало почву для формулирования в XIX в. в произведениях Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова концептуальных моделей «русской идеи». С этого времени «русская идея» становится неотъемлемой частью «западного мифа о России». При этом представители зарубежного россиеведения рассматривают «русскую идею» в отрыве от породившей ее философской почвы, видя в ней «продукт» русского национального характера и увязывая ее с бытом, этническими характеристиками и особенностями русского менталитета. *Результаты.* В силу того, что русский менталитет складывался в условиях череды духовных расколов – раскола с Западом, раскола славянства, раскола Вселенской церкви – он несет на себе отпечаток опыта их преодоления и стремление к утверждению собственного цивилизационного проекта на основах солидарности. Благодаря диалектическому сочетанию в «русской идее» охранительного и проективного аспектов ее концептуальное осмысление в современном россиеведении фундирует совокупный образ носителей русского менталитета как коллективного субъекта, который, превышая по охвату этническое сообщество, сохраняет способность к реализации своего цивилизационного проекта в различные эпохи, при различных режимах правления и типах социально-политического устройства. *Финансирование*. Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01661 «Русский менталитет как модальная целостность».

Ключевые слова: «русская идея», русский менталитет, зарубежное россиеведение, российское отечествоведение, стереотипы о России, рецепция «русской идеи».

Цитирование. Токарева С. Б. «Русская идея» как предмет современного россиеведения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 146–156. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.12

Введение. В широком смысле россиеведение – собирательный термин, используемый в социально-гуманитарном знании для обозначения комплекса знаний о России «в ее историческом бытовании» [11, с. 39], объединяющего тексты самых разных жанров – от строго академических исследований до публицистики и эссе. В предметном поле современного россиеведения как междисциплинарного направления принято выделять четыре основных тематических блока. Первый представлен широкой палитрой *социально-политических тем*, включающих проблемы российского этнического многообразия, становления и будущего русской (российской) цивилизации, историю российской общественной мысли, особенности политических систем и идеологий в России, роль России в международном сообществе и т. д. [16, с. 128]. Тематика *историко-культурологических про-*

блем ориентирована на изучение специфики социокультурной динамики, определение места в истории русской культуры православия и самодержавия, рассмотрения русского культурного ренессанса XIX – начала XX в. и т. д. [18, с. 25]. Третий блок включает проблемы *национальной психологии,* выражаемой через концепты «национальный характер», «русский менталитет», а также анализ стереотипов восприятия, участвующих в формировании образа России [22]. Четвертый блок – это *историческое россиеведение*, разделяемое на зарубежное россиеведение и российское отечествоведение [11; 14].

«Русская идея» составляет одну из важнейших тем исторического россиеведения. При этом в качестве предмета изучения она всегда дана субъекту исследования в определенной методологической и мировоззренческой оптике, выбор которой влияет на результаты ее описания и концептуализации.

Анализ истоков «русской идеи» осуществляется как с целью реконструкции ее исторически изменчивых смыслов, так и в связи с необходимостью прояснения ее роли в формировании субъектности русского народа. Резко возросший в начале XXI в. интерес к «русской идее» стал зримым проявлением невероятного спроса на ревизию истории, возникшего в России в связи с кризисом идентичности в постперестроечный период. Кризис идентичности наносит удар прежде всего по субъектности социальных общностей, по их способности к проективному видению своего будущего. В этих условиях сообщества обращаются к прошлому в поисках своей легитимности, уверенности в «праве на существование». «В переломные моменты истории России, когда общество резко дифференцируется в оценке состояния и путей дальнейшего развития страны, исторические знания, представления и стереотипы приобретают особое значение. Все... начинают апеллировать к историческому опыту, представляющему собой коллективную память человечества, однако в большинстве своем “отнюдь истинствовати не могут”, скованные собственным эгоизмом, заблуждениями и незнанием» [7, с. 13].

Актуальность обращения отечественного и западного россиеведения к изучению истоков «русской идеи» обусловлена комплексом задач, связанных с выявлением субъектности русского менталитета, развенчанием сопряженных с ним стереотипов и определением роли «русской идеи» в качестве идейной и теоретической основы цивилизационных проектов будущего России.

Методы и материалы. Россиеведение как отрасль исторической науки в силу присущего ему междисциплинарного характера активно использует методы смежных социально-гуманитарных наук – культурной антропологии, социальной психологии, политологии, социологии [23]. Одновременно расширяется жанровый диапазон исследований: россиеведческая тематика все чаще выходит за рамки академической традиции в сферу публицистики, трэвел-журналистики, эссеистики. Также в россиеведении востребованы методологические новации, выработка которых связана с новыми течениями в исторической науке – социальной историей, микро- и психоисторией, историей ментальностей, исторической антропологией, теорией культурного трансфера и т. п., которые существенно потеснили позитивистскую историю [13; 29].

В наибольшей степени отвечает задаче исследования «русской идеи» как компонента интеллектуальной истории идеографический метод, нацеленный на анализ индивидуальных событий прошлого через выявление конкретно-исторических взглядов представителей российского и зарубежного россиеведения и соотнесение их с ценностными предпочтениями, в том числе обусловленными вовлеченностью интеллектуалов в противостояние цивилизационных проектов.

Разумеется, сохраняется востребованность позитивистского подхода, нацеленного на введение в оборот новых документов и фактов, реконструируемых в качестве моментов реального исторического процесса [1, с. 89; 15, с. 3]. При этом для россиеведения, которое является полем идеологической борьбы, весьма характерно «экзистенциально заинтересованное вопрошание», что обусловливает использование методологии, представляющей альтернативу так называемому объективному взгляду на историю, согласно которому прошлое, отделенное от нас временем, доступно нам в форме артефактов и документов.

Важную методологическую роль в теоретической рецепции «русской идеи» играет введенное Х.-Г. Гадамером понятие «действенная история» [10], а также раскрытая в трудах Г. Блюменберга мысль о современности как реципиенте, восприемнице предшествующих эпох, продолжающих в ней свое действие [3]. Это не только дает современным историкам, философам, политологам право, но и вменяет им в обязанность осуществлять рецепцию идей прошлого с позиций современности, где прошлое служит «оправданием» последней.

Большое влияние на зарубежные исследования России оказал постмодернизм. Так, анализ англоязычных национальных историй России, проведенный Мелиссой-Эллин Доулинг, показал наличие скрытых идеологических основ текстов и представлений о России на Западе. Она продемонстрировала использование историками литературных приемов, позволяющих создавать цельное изображение России как пограничной, «другой» нации путем искусственного «затирания» противоречий в повествованиях. Это свидетельствует о власти историков над нарративами, позволяющей им «создавать или разрушать» нации [34].

Анализ. «Русская идея» в современном зарубежном россиеведении и российском отечествоведении осмысливалась в различных мировоззренческих и методологических ракурсах [19]. Логика отечественного россиеведения исходит из того, что концепция «русской идеи» не является научной теорией, но представляет собой развертывание ряда философем, сложившихся с опорой не столько на научно-исторические тексты, сколько на историко-публицистическую, художественную и конфессиональную литературу [1]. Так, С.Н. Кочеров определяет место «русской идеи» «между мифологемой и философемой»: «Русская идея не порождена чисто познавательным интересом к истории и культуре России, когда исследователь не ставит перед собой никакой другой цели, кроме получения истинного знания. Она проявляется в процессе осмысления мировоззренческого отношения субъекта к объекту, где субъектом является мыслящая личность, а объектом – сама Россия во всем богатстве ее жизненных явлений и образов. <...> ...Аргументом в пользу русской идеи как философемы является ее статус национальной идеи, проблематика которой... входит в предметную область целого ряда философских наук. <...> Однако... русская идея может открываться через образ, символ, аллегорию как формы художественного, мистического, религиозного ее постижения, отличного от рационального знания. В таком случае она представляет собой мифологему, а не философему» [20, с. 21, 28]. Таким образом, поиск истоков «русской идеи» ставит перед отечественными россиеведами комплекс задач, связанных с изучением развития в России *исторической книжности* – литературной, переводческой и жанровосозидающей деятельности допетровской эпохи. Особый интерес в этом отношении представляет последняя четверть XVII в., когда сложились жанры научной, историко-публицистической, художественной и богословской книги, ставшие в XIX в. основой рассуждений о путях развития России [7, с. 28].

В этот период параллельно происходят два значимых процесса: во-первых, переход от летописания к исследованию, приведший к формированию исторической науки (хотя относительно датировки этого процесса между историками существуют принципиальные разногласия [2]); во-вторых, бесспорно датируемый XVII в. переход в исторических книгах от средневекового историзма к реалистическому литературному вымыслу [6, с. 11], породивший те жанры, в лоне которых «русская идея» и была впоследствии сформулирована.

Для насыщенной идеологемами концепции «русской идеи» второй процесс оказался более чем значимым: в результате отказа от характерного для русской литературы XI–XVI вв. стремления к фактичности, выраженного в обязательности ссылок на свидетельства современников и использовании в качестве действующих лиц статусных исторических персонажей, изменилась сама нормативная система художественного обобщения [24, с. 202–205]. Этот процесс Д.С. Лихачев определяет как «парадоксальный»: на место абстрагирующего «историзма», когда конкретные, реально существовавшие личности и их биографии служили воплощением идеалов и с этой целью описывались в литературе «вне психологии, вне быта и, в известной мере, вне

национальной бытовой атмосферы» [24, с. 214] пришел реалистический вымысел, в котором никогда не существовавшие и безымянные герои описывались в единстве, в погруженности в реальную жизнь своего времени. Этот новый литературный герой – «безвестный, ничем в исторической жизни страны не примечательный, привлекающий внимание только тем, что читатель мог узнавать в нем многих – в том числе и самого себя, – интересный, иными словами, своей характерностью для эпохи» [24, с. 204] – вовсе не был «идеалом эпохи». В литературных произведениях появился «средний» русский человек как выразитель национального характера и носитель русского менталитета. Этим объясняется особенность литературных произведений XVII в., «до краев» наполненных бытовыми подробностями: «Характер человека раскрывается при помощи этих бытовых деталей, различных конкретных упоминаний и живого просторечного языка» [24, с. 214]. Появление в литературе безымянных личностей позволило писателям прототипически отображать характерные для русской истории типажи, в число которых в XIX в. вошел значимый для концепции «русской идеи» «праведник». Праведники-одиночки, не составляя группу в социологическом понимании, предстают в литературе XIX в. как воплощенный в художественном образе тип, выступающий результатом особого вида обобщения – соединения в одном герое типических черт, которые художник подсматривает и выделяет у конкретных людей, и черт, соответствующих идеалу святости или нравственного совершенства [30, с. 62]. Именно безымянность героя «облегчала путь... к созданию типических, вовсе не идеализированных образов» [24, с. 206], давая «обобщение невиданного размаха», вплоть до «человека вообще». Все, относящееся к русскости, оказалось здесь «обобщено и суммировано до крайних пределов» русской действительности, выраженных через судьбу русского человека, его характер и психологические особенности. Показательно, что этот «новый тип литературного обобщения понадобился только тогда, когда... понемногу, в результате земских соборов, народных ополчений, восстаний и протестов начала осознаваться роль всего народа, всей нарождающейся нации в историческом процессе...» [24, с. 213]. Только при условии появления такого «среднего русского»[3], «русского вообще» могла сформироваться русская национальная идея.

Важной проблемой отечественного россиеведения является объяснение заключающегося в «русской идее» диалектического сочетания проективного и охранительного аспектов. Истоки его обнаруживаются также в XVII в., в эпоху царствования Федора Алексеевича, когда закрепляется идеологическое противоборство Российского православного самодержавного царства с конструктивной повесткой внутреннего реформирования и внешней экспансии [5] и консервативной повестки охранения «Святой Руси» как не нуждающегося ни в каком развитии оплота «исконного благочестия» [4]. Доминированию образа Святой Руси в русском самосознании способствовало начавшееся в XVII в. развитие фольклорных жанров, тогда как задача демонстрации приверженности российского народа идее государственности решалась преимущественно средствами публицистики и историографии. Изначально локальный характер святорусской идеи, не позволявший ей претендовать на роль сакрального центра, объединяющего весь православный мир, был преодолен в эпоху царствования Федора Алексеевича, когда утвердился приоритет сакральных основ царской власти над родовыми [4, с. 38–39]. Тем самым была заложена проективная трактовка «русской идеи», воспринятая российским отечествоведением в качестве базовой исследовательской оптики.

На Западе в «русской идее» видят почти исключительно продукт русского национального характера, порой напрямую увязывая ее с бытом, этническими характеристиками и особенностями русского менталитета. В этом отношении «русская идея» составляет неотъемлемую часть «западного мифа о России», изначально сформировавшегося на основе «литературы путешественников» [21; 35; 36; 40]. Труды представителей этого жанра, с одной стороны, заложили основы описания России как страны, в корне отличающейся от Запада, с другой – превратились в источник стереотипов о русском менталитете[4]. Е.В. Лаптева объединила эти устойчивые стереотипы в две группы [22]. Во-первых, это

«стереотипы чуждости», подчеркивающие отличие российского общества и культуры от западных. Среди них особенно выделяются стереотип тяги к страданию и покорности, пессимизм и фатализм [25; 26], а также противоречивость русского менталитета и культуры («метание между крайностями») [35]. Во-вторых, это «стереотипы враждебности», к которым относятся стереотипы об отсталости, жестокости, агрессивности, лживости, скрытности русского общества, обусловленные якобы характерной для него ксенофобией [2; 38; 39]. Подобные стереотипы играют роль установок, задающих весьма тенденциозные оценки: традиционализм трактуется как нежелание изменяться, мессианство осуждается как необоснованная претензия на лидерство, верность православию и русской православной церкви – как фактор культурной изоляции России. Комментируя подобные оценки, американский историк Мартин Малиа отмечает, что устойчивое восприятие России как антипода западного мира связано не с рациональной реакцией на конфликт интересов, а с иррациональным проявлением противоречий и фобий самой западной цивилизации [37, p. 7, 9].

Стремление вывести «русскую идею» из особенностей национальной психологии увязано (а чаще имеет сознательной целью) с попытками разорвать генетическую связь между «русской идеей» и породившей ее философской почвой. Так, А. Валицкий утверждает, что «русская мысль является частью европейской мысли»: «Согласно моей точке зрения, изложенной в ряде книг, нет какой-то особой уникальности русской мысли. Объясняя русские культурные течения в компаративистском плане, я показывал, что, хотя они оригинальны и интересны, все-таки их, по-моему, нельзя считать самобытными и исключительными в абсолютном смысле» [28, с. 283]. В «русской идее» он видит коренящуюся в русском национальном характере претензию на национальное превосходство, которое лишь для вида «закутано» в мессианский призыв к объединению разобщенного, разделенного на противостоящие друг другу культуры и народы человечество. Из этого А. Валицкий делает вывод о том, что термин «русская идея» лишен позитивного смысла, а стремление «замыкаться в рамках какой-то русской идеи» является вредоносным [9, с. 72].

Существенным фактором, повлиявшим на тематику и подходы в современном россиеведении, стало изменение в конце XX – начале XXI в. характера глобализации. К середине XX в. в социальной теории утвердилась точка зрения, согласно которой обеспечить общественную солидарность и единство представителей разных культур и конфессий можно только на основе абстрактно-формальных ценностей мультикультурализма, «очищенных» от морального, национального и религиозного наполнения. Наиболее радикальной критике все формы социального единства подверглись со стороны представителей социального конструктивизма, отказывающих этносам и нациям в статусе коллективных субъектов. Так, Роджерс Брубейкер в работе с показательным названием «Этничность без групп» призывает мыслить этносы, расы или нации «в событийных терминах», видеть в них «не субстанциальные группы или сущности», а «культурные идиомы», «политические проекты», «случайные события» и т. п. [8, с. 29]. Аналогично, индийско-американский философ Хоми К. Бхабха утверждает, что нация – это всего лишь воображаемая общность, «метафора национальной жизни»: «Мы можем начать с того, что подвергнем сомнению эту прогрессивную метафору современной социальной сплоченности – “многие как одно целое”, – которую разделяют органические теории холизма культуры и сообщества, а также теоретики, рассматривающие гендер, класс или расу как социальные совокупности, выражающие единый коллективный опыт» [33, с. 212].

Но если во второй половине XX в. еще сохранялись иллюзии относительно того, что цивилизационные достижения станут общим инструментом для движения к заявленным интегративным целям глобализационных процессов – преодолению барьеров между народами, порожденных разностью культур, языков и менталитетов, решению глобальных проблем современности и т. д., вследствие чего будут постепенно стираться политические и идеологические разногласия, то начало XXI в. выявило новую социально-политическую ситуацию. Глобализация привела к созданию союзов и блоков, организуемых по принципу

цивилизационной близости и сходства (реального или принимаемого в качестве цели). Внутри этих образований субъектность входящих в них стран постоянно ограничивалась, снижалась, в то время как цивилизационные различия между блоками росли и переходили в конфронтации. Возникла парадоксальная ситуация, когда в рамках союзов и коалиций высокоразвитые и высокоресурсные государства принимали солидарные решения в ущерб собственным интересам, фактически отказываясь от субъектности, в то время как неустойчивые сообщества брали на себя роль действующих субъектов.

Эта ситуация цивилизационного противостояния актуализировала тему прояснения цивилизационной специфики и тему цивилизационных проектов будущего. Как в России, так и в зарубежном россиеведении это привело к возрождению интереса к «русской идее». Ее современная рецепция нацелена на решение специфической задачи, обусловленной, прежде всего, конфронтацией цивилизаций в мировой политике [32]. Определяя диалектичность положения России в мире через метафоры «крепость» и «мост», А.П. Цыганков, полагает, что перспективы России в будущем мироустройстве определяются, с одной стороны, тем, что она «бросила вызов западной либеральной идеологии и извлекла выгоду из исторически сложившихся семейных ценностей, национального суверенитета, сильного государства и великой державы» [41], а с другой – исторически длительной традицией межкультурного общения, под влиянием которой Россия никогда не шла по пути этнического национализма, сочетая «осознание собственной цивилизационной идентичности и... открытость другим цивилизациям» [31, с. 165]. Следовательно, вопрос заключается не в том, какими культурными или ментальными особенностями отличаются носители «русскости», а в том, что лежит в основании русского менталитета в качестве носителя субъектности, что позволяет ему, превышая по охвату этническое сообщество, оставаться основой российской цивилизации, сохраняющей способность быть политическим субъектом в различные эпохи, при различных режимах правления и типах социально-политического устройства.

Результаты. В условиях осмысления образа будущего России теоретическая рецепция «русской идеи» должна включать в себя определение истоков и следствий для Руси / России раскола с Западом; истоков и последствий раскола славянства; истоков и последствий раскола Вселенской церкви. Русский менталитет складывался в условиях череды духовных расколов общества, он несет на себе отпечаток этого опыта и неизбывное стремление к его преодолению и построению русской цивилизации на основах солидарности. В этом смысле линия современного россиеведения, связанная с трансфером «русской идеи» в область политического дискурса, где она «нагружается» интерпретациями, превращающими ее в набор конкурирующих идеологем, обусловливающих черты характера носителей «русскости», должна быть признана периферической, дополнительной по отношению к центральной проблеме – поиску духовных оснований для построения образа цивилизационного будущего России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Показательно, что А.В. Гулыга связывает появление и развитие «русской идеи» почти исключительно с философским творчеством: «Главные носители русской идеи – Достоевский, Соловьев, Федоров. Их предшественники – Карамзин, Хомяков. Их последователи – Розанов, Бердяев, Булгаков, Франк, Лосский, Карсавин, Ильин, Вышеславцев, Флоренский, Лосев» [12, с. 14].

[2] Согласно распространенной в научной и учебной исторической литературе точке зрения, в России накопление знаний о прошлом принимает вид «конкретного исторического изучения» только в XVIII в., в эпоху петровских преобразований – то есть на век позже, чем в Европе, когда «русские люди начали свое знакомство с западно-исторической наукой» [27, с. 61–62], а в России появляется переводная историческая литература [27, с. 64]. Альтернативную точку зрения высказывает А.П. Богданов, доказывающий в противовес «привычному миражу великопетровской мифологемы», что заказ на создание подлинно научного обобщающего труда по российской истории был сформулирован в допетровскую эпоху царем Федором Алексеевичем Романовым и осуществлен выдающимися представителями русской книжности XVII в. – И. Римским-Корсаковым, С. Медведевым и А. Лызловым, научность трудов которых уже вполне «со-

ответствовала стандарту западноевропейских университетов периода научной революции XVII в.» [7, с. 12].

[3] Термин «средний человек» был введен бельгийским социологом Адольфом Кетле, автором книги «Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей» (1835), в качестве аналога социальных закономерностей.

[4] Несмотря на то что со времени путешествия А. де Кюстина по России прошло уже почти два века, интерес к его труду не ослабевает. О том, почему эта книга оказалась «весьма упорной долгожительницей», размышляет Дж. Ф. Кеннан в своей книге «Маркиз де Кюстин и его “Россия в 1839 году”» [17, с. 5–8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библер В. С. Исторический факт как фрагмент действительности // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 89–101.
2. Биллингтон Дж. Х. Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001. 879 с.
3. Блюменберг Г. Из книги «Легитимность нового времени» // Новое литературное обозрение. 2007. № 5. С. 10–25.
4. Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2001. 492 с.
5. Богданов А. П. Конец «Третьего Рима» и утверждение имперского самосознания в последние годы Московского царства // Человек между царством и империей: культурно-исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив: сб. материалов Междунар. конф. М.: Ин-т человека РАН, 2003. С. 47–59.
6. Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века: очерки исторической мысли «переходного времени». М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 218 с.
7. Богданов А. П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII в. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 642 с. DOI: 10.23681/573484
8. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 408 с.
9. Валицкий А. По поводу «русской идеи» в русской философии // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 68–72.
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
11. Глебова И. И. О россиеведении в России и центре россиеведения ИНИОН РАН // Россия и современный мир. 2019. № 2 (103). С. 37–52. DOI: 10.31249/rsm/2019.02.03
12. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо, 2003. 448 с.
13. Дмитриева Е. Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302–313.
14. Зарубежное россиеведение / под ред. А. Б. Безбородова. М.: Проспект, 2013. 576 с.
15. Ильичёв А. А. Позитивистские стратегии реконструкции исторических фактов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2011. № 4. С. 3–7.
16. Ишутина Ю. А. Об основных направлениях развития россиеведения (по материалам Третьей международной научной конференции «Россиеведение как новое направление междисциплинарных исследований», г. Нанкин, КНР) // Известия Восточного института. 2017. № 3 (35). С. 128–131. DOI: 10.24866/2542-1611/2017-3/128-131
17. Кеннан Дж. Ф. Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году». М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
18. Кондаков И. В. Культурология: история культуры России: курс лекций. М.: ИКФ Омега-Л: Высш. шк., 2003. 616 с.
19. Кочеров С. Н. Русская идея: сущность и смысл. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2003. 186 с.
20. Кочеров С. Н., Парилов О. В. Философия русской идеи: монография. М.: Изд. дом «Русская Философия», 2022. 300 с.
21. Кюстин А. де. Россия в 1839 году. СПб.: Крига, 2008. 704 с.
22. Лаптева Е. В. Россиеведение: стереотипы и мифы // Высшее образование в России. 2003. № 4. С. 126–132.
23. Лаптева Е. В. Американское россиеведение 1970–2000 гг.: характерные черты социокультурных исследований: дис. ... д-ра ист. наук. 2005. 442 с.
24. Лихачев Д. С. От исторического имени литературного героя к вымышленному // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. XV, вып. 3 (май – июнь). С. 201–214.
25. Ранкур-Лаферрьер Д. Рабская душа России: Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания. М.: Арт-бизнес-центр, 1996. 302 с.
26. Ранкур-Лаферрьер Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика: В поисках национальной идентичности. М.: Ладомир, 2003. 286 с.
27. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 938 с.
28. Русская мысль является частью европейской мысли: (Интервью с Анджеем Валицким) // Русская философия за рубежом: история и современность: коллектив. моногр. М.: КНОРУС, 2017. С. 283–289.

29. Свак Д. Российская историческая наука – русофобия – россиеведение // Труды по россиеведению. 2010. № 1. С. 251–257.

30. Токарева С. Б. Энергийные мотивы в трансляции духовной традиции // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 3. С. 60–67. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.6

31. Цыганков А. П. Незаменимая Россия: крепости и мосты «Русской идеи» // Россия в глобальной политике. 2023. № 5 (123). С. 156–165. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-156-165

32. Цыганков А. П., Цыганков П. А. Глобальность и самобытность. Русская идея и международная теория в XXI веке. М.: Проспект, 2024. 280 с.

33. Bhabha H. K. DissemiNation: Time, Narrative, and the Margins of the Modern Nation // Nation and Narration. L.: Routledge, 1990. P. 211–218.

34. Dowling M.-E. Writing Russia. The Discursive Construction of An Other Nation. N. Y.: Taylor & Francis, Routledge, 2021. 200 p.

35. Hingley R. The Russian Mind. N. Y.: Scribner, 1977. 328 p.

36. Hingley R. Russia: A Concise History. L.: Thames & Hudson, 1991. 224 p.

37. Malia M. Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Massachusetts: Cambridge, 1999. XVI. 514 p.

38. McDaniel T. The Agony of the Russian Idea. Princeton: Princeton University Press, 1998. 212 p.

39. Oskanian K. Russian Exceptionalism Between East and West. N. Y.: Springer International Publ., 2021. 285 p.

40. Peris D. Custiniana: The Many Histories of a Single Trip to Russia 180 Years Ago, and Why It Matters Today // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2021. Vol. 22, № 2. P. 345–366. DOI: 10.1353/kri.2021.0017

41. Tsygankov A. P. The "Russian Idea" in International Relations. L.: Routledge, 2023. 190 p.

REFERENCES

1. Bibler V.S. Istoricheskij fakt kak fragment dejstvitelnosti [Historical Fact as a Fragment of Reality]. *Istochnikovedenie. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy* [Source Studies. Theoretical and Methodological Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 89-101.

2. Billington Dzh.H. *Ikona i topor: Opyt istolkovaniya istorii russkoj kultury* [Icon and Axe: An Experience of Interpreting the History of Russian Culture]. Moscow, Rudomino Publ., 2001. 879 p.

3. Blyumenberg G. Iz knigi «Legitimnost novogo vremeni» [From the Book "Legitimacy of Modern Times"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2007, no. 5, pp. 10-25.

4. Bogdanov A.P. *Moskovskaya publicistika poslednej chetverti XVII veka* [Moscow Journalism of the Last Quarter of the 17th Century]. Moscow, In-t ros. istorii RAN, 2001. 492 p.

5. Bogdanov A.P. Konec «Tretyego Rima» i utverzhdenie imperskogo samosoznaniya v poslednie gody Moskovskogo carstva [End of the "Third Rome" and the Establishment of Imperial Identity in the Last Years of the Muscovite Empire]. *Chelovek mezhdu carstvom i imperiej: kulturno-istoricheskie realii, idejnye stolknoveniya, rozhdenie perspektiv: sb. materialov Mezhdunar. konf.* [Man Between the Kingdom and the Empire: Cultural and Historical Realities, Ideological Clashes, the Birth of Prospects: Collection of Materials of the International Conf.]. Moscow, In-t cheloveka RAN, 2003, pp. 47-59.

6. Bogdanov A.P. *Letopisec i istorik konca XVII veka: ocherki istoricheskoj mysli «perekhodnogo vremeni»* [Chronicler and Historian of the Late 17th Century: Essays on the Historical Thought of the "Transitional Period"]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2019. 218 p.

7. Bogdanov A.P. *Ot letopisaniya k issledovaniyu: Russkie istoriki poslednej chetverti XVII v.* [From Chronicle to Research: Russian Historians of the Last Quarter of the 17th Century]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2020. 642 p. DOI: 10.23681/573484

8. Brubejker R. *Etnichnost bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Moscow, Izd. dom VShE, 2012. 408 p.

9. Valickij A. Po povodu «russkoj idei» v russkoj filosofii ["Russian Idea" in Russian Philosophy]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 1, pp. 68-72.

10. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p.

11. Glebova I.I. O rossievedenii v Rossii i centre rossievedeniya INION RAN [About Russian Studies in Russia and the Center for Russian Studies of the INION RAS]. *Rossiya i sovremennyj mir*, 2019, no. 2 (103), pp. 37-52. DOI: 10.31249/rsm/2019.02.03

12. Gulyga A.V. *Russkaya ideya i ee tvorcy* [Russian Idea and Its Creators]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 448 p.

13. Dmitrieva E.E. Teoriya kulturnogo transfera i komparativnyj metod v gumanitarnyh issledovaniyah: oppoziciya ili preemstvennost? [Theory of Cultural Transfer and the Comparative Method in Humanitarian Studies: Opposition or Continuity?]. *Voprosy literatury*, 2011, no. 4, pp. 302-313.

14. Bezborodov A.B., ed. *Zarubezhnoe rossievedenie* [Foreign Russian Studies]. Moscow, Prospekt Publ., 2013. 576 p.

15. Ilyichyov A.A. Pozitivistskie strategii rekonstrukcii istoricheskih faktov [Positivist Strategies for Reconstructing Historical Facts]. *Izvestiya Saratovskogo*

universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika, 2011, no. 4, pp. 3-7.

16. Ishutina Yu.A. Ob osnovnyh napravleniyah razvitiya rossievedeniya (po materialam Tret'ej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rossievedenie kak novoe napravlenie mezhdisciplinarnyh issledovanij», g. Nankin, KNR) [About the Main Directions of Development of Russian Studies (Based on the Materials of the Third International Scientific Conference "Russian Studies as a New Direction of Interdisciplinary Research", Nanjing, China)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2017, no. 3 (35), pp. 128-131. DOI: 10.24866/2542-1611/2017-3/128-131

17. Kennan Dzh. F. *Markiz de Kyustin i ego «Rossiya v 1839 godu»* [Marquis de Custine and His "Russia in 1839"]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 240 p.

18. Kondakov I.V. *Kulturologiya: istoriya kultury Rossii: kurs lekcij* [Cultural Studies: the History of Russian Culture: Course of Lectures]. Moscow, IKF Omega-L, Vyssh. shk. Publ., 2003. 616 p.

19. Kocherov S.N. *Russkaya ideya: sushchnost i smysl* [Russian Idea: Essence and Meaning]. Nizhniy Novgorod, Izd-vo NGPU, 2003. 186 p.

20. Kocherov S.N., Parilov O.V. *Filosofiya russkoj idei: monografiya* [Philosophy of the Russian Idea. Monograph]. Moscow, Izd. dom «Russkaya Filosofiya», 2022. 300 p.

21. Kyustin A. de. *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839]. Saint Petersburg, Kriga Publ., 2008. 704 p.

22. Lapteva E.V. Rossievedenie: stereotipy i mify [Russian Studies: Stereotypes and Myths]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2003, no. 4, pp. 126-132.

23. Lapteva E.V. *Amerikanskoe rossievedenie 1970–2000 gg.: harakternye cherty sociokulturnyh issledovanij: dis. ... d-ra ist. nauk* [American Russian Studies 1970–2000: Characteristic Features of Socio-Cultural Research. Dr. hist. sci. diss.]. 2005. 442 p.

24. Lihachev D.S. Ot istoricheskogo imeni literaturnogo geroya k vymyshlennomu [From the Historical Name of a Literary Hero to a Fictional One]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*, 1956, vol. XV, iss. 3 (May – June), pp. 201-214.

25. Rankur-Laferryer D. *Rabskaya dusha Rossii: Problemy nravstvennogo mazohizma i kult stradaniya* [Slave Soul of Russia: Problems of Moral Masochism and the Cult of Suffering]. Moscow, Art-biznes-centr, 1996. 302 p.

26. Rankur-Laferryer D. *Rossiya i russkie glazami amerikanskogo psihoanalitika: V poiskah nacionalnoj identichnosti* [Russia and Russians Through the Eyes of an American Psychoanalyst: In Search of National Identity]. Moscow, Ladomir Publ., 2003. 286 p.

27. Rubinshtejn N.L. *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2008. 938 p.

28. Russkaya mysl yavlyaetsya chastyu evropejskoj mysli: (Intervyu s Andzheem Valickim) [Russian Thought Is a Part of European Thought: (Interview with Andrzej Walicki)]. *Russkaya filosofiya za rubezhom: istoriya i sovremennost: kollektiv. monogr.* [Russian Philosophy Abroad: History and Modernity: Collective Monograph]. Moscow, KNORUS Publ., 2017, pp. 283-289.

29. Svak D. Rossijskaya istoricheskaya nauka – rusofobiya – rossievedenie [Russian Historical Science – Russophobia – Russian Studies]. *Trudy po rossievedeniyu*, 2010, no. 1, pp. 251-257.

30. Tokareva S.B. Energijnye motivy v translyacii duhovnoj tradicii [Energetic Motives in the Transmission of Spiritual Tradition]. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 60-67. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.6

31. Cygankov A.P. Nezamenimaya Rossiya: kreposti i mosty «Russkoj idei» [Irreplaceable Russia: Fortresses and Bridges of the "Russian Idea"]. *Rossiya v globalnoj politike*, 2023, no. 5 (123), pp. 156-165. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-156-165

32. Cygankov A.P., Cygankov P.A. *Globalnost i samobytnost. Russkaya ideya i mezhdunarodnaya teoriya v XXI veke* [Globality and Identity. Russian Idea and International Theory in the 21st Century]. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 280 p.

33. Bhabha H.K. DissemiNation: Time, Narrative, and the Margins of the Modern Nation. Bhabha H.K., ed. *Nation and Narration.* London, Routledge, 1990, pp. 211-218.

34. Dowling M.-E. *Writing Russia. The Discursive Construction of an Other Nation*. New York, Taylor & Francis, Routledge, 2021. 200 p.

35. Hingley R. *The Russian Mind*. New York, Scribner, 1977. 328 p.

36. Hingley R. *Russia: A Concise History*. London, Thames & Hudson, 1991. 224 p.

37. Malia M. *Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Massachusetts, Cambridge, 1999, XVI. 514 p.

38. McDaniel T. *The Agony of the Russian Idea*. Princeton, Princeton University Press, 1998. 212 p.

39. Oskanian K. *Russian Exceptionalism Between East and West*. New York, Springer International Publ., 2021. 285 p.

40. Peris D. Custiniana: The Many Histories of a Single Trip to Russia 180 Years Ago, and Why It Matters Today. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2021, vol. 22, no. 2, pp. 345-366. DOI: 10.1353/kri.2021.0017

41. Tsygankov A.P. *The "Russian Idea" in International Relations*. London, Routledge, 2023. 190 p.

Information About the Author

Svetlana B. Tokareva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, svet-tok2008@yandex.ru, tokareva@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4274-6444

Информация об авторе

Светлана Борисовна Токарева, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, svet-tok2008@yandex.ru, tokareva@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4274-6444

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.13

UDC 94(73).02
LBC 63.3(7Coe)51

Submitted: 06.05.2024
Accepted: 04.12.2024

COMMEMORATION AND THE WAR ON MONUMENTS ON THE EVE AND DURING THE AMERICAN WAR OF INDEPENDENCE

Maria A. Filimonova

Kursk State University, Kursk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article touches upon the problems of memorial culture in early America, during the period when the foundations of American identity were being laid. This topic has not been studied in either Russian or American historiography. Meanwhile, it is closely related to the problems of the "memory wars" in the modern United States. *Methods and materials.* The source base of the article consists of the materials of the 18th-century press, records of the Old Colony Club in Massachusetts, and documents of personal origin. The methodology of memory studies is the theoretical basis of the research. *Analysis.* Two main types of memorialization are considered: the one linking historical legends to natural sites (Plymouth Rock in Massachusetts, Charter Oak in Connecticut) and the one creating monuments to political figures (William Pitt the Elder, King George III). Both fit into the context of the emergence of American national identity. Attention is paid to the "wars on monuments" in New York in 1776. *Results.* Commemorative practices in America before the Declaration of Independence are closely related to the ideological atmosphere of that period. Some of the "places of memory" of 1765–1775 refer to the mythologized past of the founding of the colonies; others are designed to represent imperial loyalty and, at the same time, the success of Americans in the struggle for their rights. In 1776, the ideological space was reformatted. The revolutionaries rejected the former monarchical symbols; the British, in turn, tried to destroy the symbols of the revolutionary movement.

Key words: history of the USA, commemoration, "places of memory", wars on monuments, Plymouth Rock, monuments of New York, monuments of Charleston.

Citation. Filimonova M.A. Commemoration and the War on Monuments on the Eve and During the American War of Independence. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 157-166. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.13

УДК 94(73).02
ББК 63.3(7Coe)51

Дата поступления статьи: 06.05.2024
Дата принятия статьи: 04.12.2024

КОММЕМОРАЦИЯ И ВОЙНА С ПАМЯТНИКАМИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США

Мария Александровна Филимонова

Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В данной статье затрагиваются проблемы мемориальной культуры в ранней Америке, в период, когда закладывались основы американской идентичности. Данная тема не изучалась ни в отечественной, ни в американской историографии. Между тем она тесно связана с проблематикой «войн памяти» в современных США. *Методы и материалы.* Источниковой базой статьи стали материалы прессы XVIII в., записи «Клуба старой колонии» в Массачусетсе, документы личного происхождения. Теоретическая основа исследования – методология memory studies. *Анализ.* Рассматриваются два основных типа мемориализации: привязывание исторических легенд к природным объектам (Плимутская скала в Массачусетсе, Дуб Хартии в Коннектикуте) и установка памятников политическим деятелям (Уильяму Питту-старшему, королю Георгу III). Оба вписываются в контекст зарождения американского национального самосознания. Уделяется внимание «войнам с памятниками» в Нью-Йорке в 1776 году. *Результаты.* Коммеморативные

© Филимонова М.А., 2025

практики в Америке перед провозглашением независимости тесно связаны с идеологической атмосферой этого периода. Одни из «мест памяти» 1765–1775 гг. отсылают к мифологизированному прошлому основания колоний, другие призваны репрезентировать имперскую лояльность и одновременно успехи американцев в борьбе за свои права. В 1776 г. происходит переформатирование идеологического пространства. Революционеры отторгают прежние монархические символы, англичане, в свою очередь, стараются уничтожить символы революционного движения.

Ключевые слова: история США, коммеморация, «места памяти», войны с памятниками, Плимутская скала, памятники Нью-Йорка, памятники Чарльстона.

Цитирование. Филимонова М. А. Коммеморация и война с памятниками накануне и во время Войны за независимость США // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 157–166. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.13

Введение. Исследователи историографии memory studies говорят о «третьей волне» этого историографического направления, которая сейчас переживает расцвет. Это связано как с активизацией исторической политики в современных государствах, в том числе в США, так и с той важностью, которую приобрела историческая память в современном мире.

Тема memory studies в применении к событиям новой истории, включая Американскую революцию XVIII в., представляется актуальной также в научном отношении. Изучение исторической политики американских вигов (самоназвание революционеров накануне и во время Войны за независимость США) позволяет раскрыть некоторые аспекты формирования национальной идентичности в США.

Мемориальная культура накануне и во время Войны за независимость США не была предметом исследования ни в американской, ни в отечественной историографии. Отсюда цель данной статьи – проанализировать коммеморативные практики в Америке в 1765–1776 гг., в период активного протестного движения и его перерастания в Американскую революцию.

Задачи исследования: рассмотреть «места памяти» природного происхождения (Плимутская скала, Дуб Хартии) и их роль в становлении региональной идентичности; проанализировать календарные ритуалы, связанные с памятью об основателях Нового Плимута («отцах-пилигримах»); изучить формы и функции монументальной пропаганды рассматриваемого периода и ее роль в саморепрезентации американцев; исследовать «войну с памятниками» в Нью-Йорке в 1776 году.

Методы и материалы. В статье использованы методологические подходы memory studies, что обусловлено спецификой объекта изучения. В данном случае не был применим распространенный государствоцентричный подход, в рамках которого государство рассматривается как обладающее монополией на формирование политики памяти. Этому препятствуют особенности коммеморативных практик ранней Америки. В предреволюционной и революционной ситуации, в условиях возросшей активности широких масс населения группы активистов формировали собственные концепции коммеморации. Отсюда необходимость прибегнуть в исследовании к социально-акторному подходу, который предполагает множественность субъектов, поразному интерпретирующих прошлое и создающих собственные «места памяти».

Еще основатель школы «Анналов» Люсьен Февр пришел к выводу, что «человек не помнит прошлого – он постоянно воссоздает его» [13, с. 21]. С тех пор механизмы формирования и трансляции исторической памяти не раз привлекали внимание исследователей, как и изучение исторической политики, «политики памяти».

Я. Ассман различал коллективную память, отраженную в ритуалах и памятниках, и коммуникативную память, функционирующую в живом общении индивидов. А. Ассман добавила к этому понятие «политической памяти», которая конструируется в определенных политических целях [18]. Л.П. Репина, в свою очередь, пишет об «официальной» памяти, которая становится объектом манипуляции со стороны властей [11, с. 87]. Историческая память определяется ею как совокуп-

ность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом [10, с. 12, 23].

Французский исследователь Пьер Нора создал ставшую классической концепцию «мест памяти», в качестве которых могут выступать определенные объекты, жесты, образы, а также ритуалы, годовщины, праздники [9].

Также теоретической основой данного исследования стала теория коммеморации. А. Мегилл определяет коммеморацию как феномен, возникающий из желания общества подтверждать чувство собственного единства и общности через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий [7, с. 16]. Большую роль в создании коммеморации играют ритуалы, праздники. Еще Э. Дюркгейм писал о коллективных коммеморативных (репрезентативных) ритуалах, благодаря которым группа сохраняет свою солидарность [4, с. 612–621]. Я. Ассман подчеркивает, что в праздничном, «чудесном» времени горизонт расширяется до времени творения [2, с. 60]. Это наблюдение хорошо описывает некоторые культурные феномены ранней Америки, в частности ритуалы «Клуба старой колонии».

Необходимо отметить при этом, что историческая политика, политика памяти как понятие шире, чем только коммеморация. Например, А.И. Миллер и Г. Касьянов включают в понятие политики памяти как собственно коммеморацию, так и регулирование исторических исследований через ограничение доступа к архивам, поощрение определенной тематики для изучения и аналогичные практики [8, с. 13–15]. Последние были невозможны в США XVIII в., где государство находилось в процессе становления. А вот коммеморативная политика существовала.

Проблемам исторической и мемориальной политики посвящена монография И.И. Кириллы * «Битва за прошлое». Исследователь рассматривает возможность использования прошлого как орудия перехвата политической повестки [5, с. 76–80, 82–85]. Концепция И.И. Кириллы подтверждается на материале Америки XVIII века.

Источниковую базу исследования составили различные типы документов. Одним из важнейших послужила американская и английская пресса изучаемого периода, в частности такие издания, как «South Carolina Gazette» (Чарльстон), «Maryland Gazette» (Аннаполис), «Dunlap and Claypoole's American Daily Advertiser» (Филадельфия) и др. Весьма информативными оказались записи «Клуба старой колонии» (Records of the Old Colony Club), содержащие сведения о культе «отцов-пилигримов» в 1770-х годах. Использованы также документы личного происхождения, такие как дневники, мемуары, эпистолярика.

Мемориальная культура ранней Америки почти не привлекала внимания исследователей. В 1998 г. вышла монография Дж. Сили, посвященная Плимутской скале [34]. Автор исследования проследил превращение места высадки «отцов-пилигримов» из символа свободы в символ белой исключительности. Есть также интересная статья Марка Сарджента о ранней истории Плимутской скалы [33].

Интереснейшая тема памятников Уильяму Питту-старшему в Нью-Йорке и Чарльстоне не была предметом специального исследования, равно как и коннектикутская легенда о Дубе Хартии.

Анализ. Американская революция стала важнейшей вехой в становлении национальной идентичности американцев. Не случайно политическая группировка, благодаря которой была создана современная Конституция США, называла себя «националистами».

Для просветителей национальная идентичность не есть нечто, существующее от природы. Американские революционеры склонны были разделить эту точку зрения. В их представлении создание американской нации лишь началось и было длительным процессом, требующим сознательных и целенаправленных усилий. Пропагандист Т. Пейн заявлял: «Единство Америки – краеугольный камень ее независимости». Политик и дипломат Г. Моррис надеялся, что следующее поколение уже будет «расой американцев». Ту же надежду питал и выдающийся лексикограф Н. Уэбстер [23, p. 76; 26, vol. 2, p. 142; 29, p. 204].

Подобно другим социальным группам, находящимся на стадии формирования собственной идентичности, американские революционеры-виги нуждались в «местах памяти».

Разумеется, американцы колониального периода прибегали к апроприации британских «мест памяти», что подтверждается личны-

* Включен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации.

ми историями «отцов-основателей» США. Так, пенсильванец Дж. Дикинсон, автор первой Конституции США («Статей Конфедерации»), будучи в Лондоне, «со страхом и почтением» созерцал Палату общин, где Дж. Гэмпден «противостоял посягательствам власти» [16, p. 257]. Пенсильванский врач и просветитель Б. Раш в той же Палате общин просил указать ему место, где стоял У. Питт-старший, произнося свою речь против Акта о гербовом сборе. Раш сознавался: «Я был готов расцеловать самые стены, которые отозвались эхом на его голос в тот знаменательный день» [31, p. 68–69]. Но одновременно формировались и представления о собственно американской истории, отличной от общебританской.

Традиционные для Европы памятники из камня и бронзы появились в будущих США лишь в конце колониального периода. Использование статуй в коммеморативных практиках затруднялось отсутствием в колониях квалифицированных скульпторов и необходимых материалов. Соответственно, первые объекты коммеморации в Северной Америке были природного происхождения.

Наиболее известный из них сохранился до наших дней. Это так называемая Плимутская скала в современном Массачусетсе. По преданию, именно на этот гранитный валун ступили в 1620 г. пассажиры судна «Мэйфлауэр», известные в американской истории как «отцы-пилигримы».

Аутентичность Плимутской скалы представляется сомнительной. Большинство современных исследователей считают, что ее история скорее легендарная (см., например: [20, p. 176; 32, p. 29–30]).

Во второй половине 1760-х гг. вокруг «отцов-пилигримов» сложился особый нарратив героики и свободолюбия. Они, таким образом, выступали для американских революционеров-вигов конституирующим Другим, в сравнении с которым они выстраивали собственный образ как наследников и продолжателей их борьбы за свободу.

В новом идеологическом контексте оказалась востребованной ассоциировавшаяся с Плимутской скалой «антеическая магия» (термин А. Ассман [1, с. 243]) – особое впечатление от аутентичности, приписываемой месту, где происходили знаковые события. Хирург Дж. Тэтчер, участник Войны за независимость США, остался под глубоким впечатлением от созерцания Плимутской скалы. В своем дневнике он писал: «Кажется, что (на Плимутской скале. – *М. Ф.*) мы беседуем с небесными духами и получаем наставления от тех, кто покоится в своих могилах» [35, p. 27]. Много позже те же ощущения пережил и известный французский политик А. де Токвиль [12, с. 47, сн. 8].

Действительно, Плимутская скала превратилась в важнейший культурный и политический символ. В 1774 г. городское собрание Плимута постановило посвятить ее «храму свободы» [32, p. 32]. В соответствии с постановлением Плимутскую скалу попытались переместить в центр города [34, p. 23]. И все же сдвинуть огромный валун не удалось: он раскололся [36, p. 202]. Плимутцы удовлетворились тем, что забрали с первоначального места верхнюю часть скалы. На ней, как на пьедестале, установили столп свободы [32, p. 32].

Одновременно с культом Плимутской скалы складывался комплекс ритуализованных действий, отмечавший день высадки «отцов-пилигримов» (22 декабря).

В 1769 г. семеро потомков пассажиров «Мэйфлауэр» основали «Клуб старой колонии». В честь годовщины высадки «пилигримов» клуб ежегодно устраивал торжественный обед. Участники должны были одеться максимально просто, в подражание суровым пуританам. На стол подавали лишь те блюда, которые могли быть в меню основателей Нового Плимута [30, p. 400]. Особенно востребованными в этот день были блюда из моллюсков, которые в обыденном сознании XVIII в. ассоциировались с аскетической жизнью «пилигримов» (см., например: [17, vol. 3, p. 113]).

Это был тот тип коммеморации, который Алейда Ассман называла «периодическим воспоминанием». С ее точки зрения, функция таких годовщин троякая: она создает возможность партиципации; она позволяет осуществить «Мы-инсценирование» и подкрепить групповую идентичность; она дает импульс дальнейшей рефлексии [1, с. 252–255]. Все три проявляются в случае с «Клубом старой колонии».

Следует оговорить, что «Клуб старой колонии» не был на самом деле революционным. Более половины его членов в дальней-

шем стали лоялистами (сторонниками подчинения Британской короне) [30, p. 441; 33, p. 254]. Тем не менее американские виги приняли годовщину с энтузиазмом [17, vol. 2, p. 394–395].

После Войны за независимость, в 1790-х гг. правившая в США партия федералистов апроприировала плимутскую историю. 22 декабря 1798 г. бостонские федералисты устроили «пиршество раковин» (Feast of Shells) [20, p. 179–183; 34, p. 43]. Название отсылало одновременно к тем легендарным моллюскам, которыми питались «пилигримы», и к фейклорной кельтской древности, сконструированной шотландцем Дж. Макферсоном. В его «Поэмах Оссиана» встречаются упоминания о «пире раковин» [6, с. 285]. Реальные современники Оссиана (Ойсина), жившего в III в., не пили вино из морских раковин, но в XVIII в. многие считали произведения Макферсона аутентичным гэльским эпосом. Бостонское «пиршество раковин», таким образом, было сложной аллюзией. Оно отражало претензии его организаторов на региональную новоанглийскую самобытность и на более глубокие европейские корни.

В каком-то смысле аналогичным «местом памяти» был коннектикутский Дуб Хартии. Подобно Плимутской скале, он служил топосом исторического мифа, утверждавшего региональную идентичность.

Легендарная история Дуба Хартии относится к 1687 г., когда король Яков II решил взять Новую Англию под контроль. Самоуправление новоанглийских колоний ликвидировалось. В числе прочих отмене подлежала хартия Коннектикута, обеспечивавшая значительный объем прав колонистов. Ставленник Якова II, Э. Андрос, потребовал отдать ему документ. Ассамблея Коннектикута отказалась это сделать. По легенде, во время их спора вдруг погасли все свечи, и в последовавшем замешательстве хартия исчезла. Она была скрыта в дупле большого белого дуба, где ее было не найти ни королю, ни Андросу.

Трудно сказать, когда сложилась легенда о Дубе Хартии. Бесспорно лишь то, что во время революции белый дуб стал символом штата Коннектикут.

Культ Дуба Хартии достиг апогея в XIX века. Пресса Коннектикута воспевала его как «Мекку патриотических паломников» [24]. Однако до наших дней он не сохранился. В 1856 г. знаменитый дуб погиб во время бури. Его проводили, как национального героя, под звуки военного оркестра и звон всех городских колоколов [21, p. 211–212].

На примере Дуба Хартии хорошо видно то, что Пьер Нора называл коммерческим измерением прошлого. Упавшие ветви, желуди, а затем и сам дуб стали неисчерпаемым источником сувениров.

Первый образец монументальной скульптуры, воздвигнутый по инициативе колонии Массачусетс, находится не в Америке, а в Великобритании, в Вестминстерском аббатстве. Его назначением было служить общеимперским «местом памяти». Он посвящен памяти виконта Джорджа Хоу, воевавшего в Америке во время Семилетней войны и погибшего в стычке с французами.

В 1765–1766 гг., в контексте кризиса, связанного с гербовым сбором, у американцев появился новый объект культа. Колонисты высоко оценили выступления Уильяма Питта-старшего в защиту прав колоний. Уже в 1766 г. колониальные газеты писали, будто в каждой колонии Северной Америки должны быть воздвигнуты статуи в его честь [37]. Реализовать соответствующий замысел удалось только в двух американских городах: Чарльстоне и Нью-Йорке.

Южнокаролинская ассамблея в 1766 г. приняла решение поставить статую Питта в центре Чарльстона. Скульптура была заказана англичанину Дж. Уилтону. Еще до прибытия статуи в Чарльстон южнокаролинские газеты высоко ее оценивали. Уточнялись два момента: что за статую уплачено 1 000 ф. ст. из колониальной казны и что нью-йоркский Питт «заметно уступает нашему в размере» [44].

Питт был изображен в тоге, в позе римского оратора, но в пудреном парике XVIII в. – характерный для той эпохи антикизированный образ. Надпись на памятнике констатировала благодарность южнокаролинцев великому коммонеру: «Время не раньше уничтожит этот знак их почтения, чем сотрет из их памяти заслуженную признательность к его патриотической добродетели» [43].

Когда статуя была выгружена с корабля и закреплена на телеге, чарльстонцы потащи-

ли телегу к арсеналу, где она должна была храниться, пока не готов пьедестал. Горожане готовы были нести статую на руках [45].

Статуя Питта стала центром притяжения для горожан и местом проведения политических церемоний. Так, в 1774 г. у ног Питта была устроена сцена с изображениями папы римского и дьявола; там подвижные фигуры кланялись униженным лоялистам [19].

Во многом сходной была история создания нью-йоркского памятника Питту-старшему, но здесь были и уникальные особенности. Инициатива исходила от горожан. В июне 1766 г. фримены (свободные горожане) и фригольдеры (свободные землевладельцы) Нью-Йорка приняли резолюцию о создании бронзовой статуи Питта [41]. Колониальная ассамблея поддержала это решение, но с некоторыми поправками: было решено прежде всего воздвигнуть конную статую короля. И лишь затем говорилось о том, что следует создать памятник Питту в благодарность за его вклад в отмену гербового сбора [41].

Кроме Нью-Йорка, по некоторым данным, памятник Георгу III намеревались воздвигнуть в Виргинии [38], но этот замысел не реализовался.

Оба нью-йоркских памятника были выполнены тем же Уилтоном. Статуя короля была представлена по образцу конной статуи Марка Аврелия в Риме. Газеты отмечали: «Эта прекрасная статуя сделана из металла и богато позолочена» [40].

Памятник Питту во многом напоминал южнокаролинский: он также был мраморным и также отсылал к идеализированной античности. Мраморный (а не бронзовый, как предполагалось) Питт стоял в позе оратора, протянув вперед левую руку. В правой руке он держал Великую хартию вольностей. Табличка объясняла, что статуя воздвигнута как свидетельство благодарности колонии Нью-Йорк за позицию Питта в кризисе гербового сбора [42].

В августе 1770 г. конная статуя короля была установлена на Боулинг-Грин. Городская элита и офицеры гарнизона присутствовали на устроенном губернатором по этому случаю ужине. Пили за здоровье королевской семьи, были орудийный салют и оркестр [40].

Если церемония открытия статуи монарха была элитарной, то установка памятника Питту привлекла рядовых ньюйоркцев. «Pennsylvania Gazette» писала: «Статуя достопочтенного Уильяма Питта, графа Чэтема, установлена на приготовленный для нее пьедестал на Уолл-стрит под одобрительные возгласы большого числа горожан» [42].

Во время Войны за независимость оба нью-йоркских памятника стали жертвами политического иконоклазма, причем с противоположных сторон. «Война с памятниками» в то время не была чем-то новым для Нью-Йорка. На протяжении нескольких лет в городе продолжался конфликт вокруг столпа свободы, служившего своего рода стихийным мемориалом в честь отмены гербового сбора. Английские солдаты несколько раз разрушали столп свободы, американские виги его восстанавливали [14].

В 1776 г. иконоклазму подверглась статуя Георга III. После провозглашения независимости толпа явилась в Боулинг-Грин с веревками, чтобы низвергнуть позолоченного «тирана». Барабаны выбивали ритм «Марша мошенника», обычно исполнявшегося при наказании лоялистов. Кто-то из присутствовавших цитировал слова Мильтона о Люцифере: «Ты ль предо мною? О, как низко пал!» [28] Часть обломков лоялисты укрыли в качестве реликвий; отрубленная голова статуи была отослана в Англию лорду Тауншенду, которого считали ответственным за враждебные колониям законодательные инициативы. Большая же часть материала была перелита на пули для Континентальной армии, которой командовал Дж. Вашингтон. По подсчетам современников, вышло 42 088 пуль [25, p. 52–54].

Комментарий популярной газеты «Dunlap and Claypoole's American Daily Advertiser» был одобрительным по отношению к иконокластическому акту: «Конная статуя Георга III, которую торийская спесь и торийский каприз (тори – другое название лоялистов в период Войны за независимость. – *М. Ф.*) воздвигли в 1770 году, была сброшена в грязь сынами свободы – достойная судьба для неблагодарного тирана!» [22].

Видимо, осенью того же года, когда Нью-Йорк был оккупирован англичанами, они отомстили за разрушенную статую короля. Английские солдаты обезглавили статую Питта и отрубили ему руки в отместку за защиту

колонистов. Скульптура с отрубленной головой и руками ныне хранится в Нью-Йоркском историческом обществе. В 2022 г. она была центром тематической выставки как свидетельство глубоких корней современных «войн памяти» [47].

Чарльстонская статуя Питта, видимо, не подвергалась намеренному разрушению, но дошла до наших дней в вандализированном виде – память об английской бомбардировке Чарльстона в 1780 году.

Современники по-разному реагировали на происходившую «войну с памятниками». Свержение с пьедестала и обезглавливание памятника Георгу III, как уже упоминалось, встретило полное одобрение американских вигов. Вандализация памятника Питту в Нью-Йорке прошла незамеченной. Американские газеты не осветили этот сюжет, возможно, в силу недостатка информации. С осени 1776 г. и до окончания войны Нью-Йорк находился под английской оккупацией, и связи между городом и остальной территорией США были прерваны.

После окончания Войны за независимость разрушение обоих памятников воспринималось уже иначе. В одной из первых американских комедий («Контраст» Р. Тайлера, 1787 г.) простодушный герой реагировал на символическое «цареубийство» в Нью-Йорке как на нечто ушедшее в прошлое. Он передавал свои впечатления от города: «Пошел я поглазеть на двух мраморных людей... Пришел я туда, а у одного (то есть у статуи Питта. – *М. Ф.*) не было головы, а другого (то есть статуи Георга III. – *М. Ф.*) вовсе не было. Говорили, будто свинцовый человек (то есть Георг III. – *М. Ф.*) был проклятым тори и будто он разозлился да уехал во время смуты» [46, p. 56]. Здесь в рамках метафоры памятник Георгу III уподоблялся реальным тори, во множестве своем эмигрировавшим из США.

Иной была реакция одной из первых американских феминисток Джудит Сарджент. Она приписывала действия и американцев, и англичан по разрушению статуй «готской злобе» [39, vol. 19, p. 1627]. Видимо, это аллюзия к разграблению Рима вестготами в 410 году.

Результаты. Современные исследователи исторической памяти подчеркивают ее тесную связь с коллективной идентичностью. «Места памяти» кануна Войны за независимость США тесно связаны с поисками собственно американской саморепрезентации, пока еще в рамках империи.

Воздвижение памятников – один из традиционных мемориализирующих актов в европейской культуре. Однако в колониальной Америке соответствующая практика появилась довольно поздно. Интересно также, что все памятники, которые были воздвигнуты по инициативе американцев в 1763–1775 гг., относились к актуальным для них и современных им событиям. Здесь наблюдается совершенно иная традиция, нежели в случае с природными объектами, превращенными в «места памяти»: и Плимутская скала, и Дуб Хартии отсылали к событиям мифологизированного прошлого. Если воспользоваться классификацией М.Л. Шуб, то вторые можно отнести к символам наследия, а первые – к символам героя [15, с. 167].

Памятник Георгу III призван был транслировать месседж лояльности империи. Статуи Питта в Нью-Йорке и Чарльстоне были репрезентацией победоносной борьбы за свои права. В период Войны за независимость возникали проекты глорификации ее героев. Стоит упомянуть постановление Конгресса об установке конного памятника Дж. Вашингтону, принятое в 1783 г. [27, vol. 24, p. 494]. Однако это решение оставалось на бумаге до 1860 г. из-за нехватки финансирования.

Часть коммеморативных практик колониальной Америки не отражала уже существовавшую идентичность, а способствовала формированию новой. В новом идеологическом контексте история «сбереженной свободы» Коннектикута, история преодоления трудностей во имя свободы «отцов-пилигримов» были крайне востребованы. Важно, что именно в это время шло активное формирование новой американской национальной идентичности, когда сами американцы искали для себя ответ на вопрос писателя М.Г.Ж. Кревкера: «Кто же тогда есть американец, сей новый человек?» [3, с. 560]. Ответ формулировался через идеологию, общий опыт антиколониальной борьбы и истолкованную в том же ключе общую историю.

Как это обычно и бывает в периоды революций, развернулась символическая борьба за «места памяти». Иконоклазм был час-

тью символической политики как американцев, так и англичан на протяжении Войны за независимость США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 368 с.
3. Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. Франклин Б. Автобиография. Памфлеты. Кревекер Сент-Джон де. Письма американского фермера. М.: Худож. лит., 1987. 751 с.
4. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Дело: РАНХиГС, 2018. 736 с. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-122-154
5. Курилла И. И. Битва за прошлое: Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022. 232 с.
6. Макферсон Дж. Поэмы Оссиана. СПб.: Пантеон лит., 1890. 372 с.
7. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
8. Миллер А., Касьянов Г. Россия – Украина: как пишется история. М.: РГГУ, 2011. 312 с.
9. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
10. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
11. Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 1. С. 82–99.
12. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
13. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.
14. Филимонова М. А. От «майского дерева» к «древу свободы»: из истории символики американской революции // Новая и Новейшая история. 2020. № 4. С. 179–198. DOI: 10.31857/S013038640010332-3
15. Шуб М. Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // Обсерватория культуры. 2018. Вып. 15 (2). С. 161–169. DOI: https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169
16. A Pennsylvania Farmer at the Court of King George; John Dickinson's London Letters, 1754–1756 // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1962. Vol. 86, no. 3. P. 241–286; no. 4. P. 417–453.
17. Adams S. Writings. In 4 Vols. N. Y. : Octagon Books, 1968. Vol. 1. 477 p.; Vol. 2. 476 p.; Vol. 3. 454 p.; Vol. 4. 462 p.
18. Assmann A. Re-Framing Memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past // Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe. Amsterdam: Univ. Press, 2010. P. 35–50. DOI: https://doi.org/10.1515/9789048512027-004
19. Bellion W. Pitt on a Pedestal. URL: https://journals.openedition.org/ejas/15410?lang-fr
20. Conforti J. A. Imagining New England: Explorations of Regional Identity from the Pilgrims to the Mid-Twentieth Century. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2001. 400 p.
21. Curtis G. D. Souvenir of the Centennial exhibition: or, Connecticut's Representation at Philadelphia, 1876. Embracing a Condensed History of the Origin and Progress of the Great International Exhibition. Hartford, Conn.: Geo D. Curtis, 1877. 374 p.
22. Dunlap and Claypoole's American Daily Advertiser. 1776. July 15. 4 p.
23. Essays on Education in the Early Republic. Benjamin Rush, Noah Webster, Robert Coram and Others. Cambridge, Mass.: Belknap Press, 1965. 389 p.
24. Hartford Evening Press. 1856. Aug. 21.
25. Hoock H. Empires of the Imagination: Politics, War and the Arts in the British World, 1750–1850. L.: Profile Books, 2010. 544 p.
26. Jay W. Life of John Jay: With Selections from His Correspondence and Miscellaneous Papers. In 2 Vols. N. Y.: Harper, 1833. Vol. 1. 542 p.; Vol. 2. 530 p.
27. Journals of the Continental Congress. 1774–1789. In 34 Vols. Washington: U.S. Govt. print off., 1904–1937.
28. New Hampshire Gazette. 1776. July 20.
29. Paine Th. The Complete Writings. In 2 Vols. Vol. 2. N. Y., 1945. 2152 p.
30. Records of the Old Colony Club, 1769–1773. [Boston], 1887. 444 p.
31. Rush B. Letters. In 2 Vols. Vol. 1. Princeton: Princeton Univ. Press, 1951. 1295 p.
32. Russell W. Sh. Pilgrim Memorials, and Guide to Plymouth With a Lithographic Map, and Eight Copperplate Engravings. Boston: Crosby, Nichols and Co., 1855. 323 p.
33. Sargent M. L. Plymouth Rock and the Great Awakening // Journal of American Studies. 1988. Vol. 22, no. 2. P. 249–255. DOI: https://doi.org/10.1017/S0021875800022015
34. Seelye J. D. Memory's Nation: The Place of Plymouth Rock. Chapel Hill: The Univ. of North Carolina Press, 1998. 699 p.

35. Thacher J. A Military Journal During the American Revolutionary War, from 1775 to 1783. Boston: Richardson & Lord, 1827. 616 p.

36. Thacher J. History of the Town of Plymouth: From its First Settlement in 1620, to the year 1832. Boston: Marsh, Capen & Lyon, 1832. 382 p.

37. The Boston-Gazette, and Country Journal. 1766. April 7.

38. The Boston-Gazette, and Country Journal. 1767. January 5.

39. The Documentary History of the First Federal Congress. In 22 Vols. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1972–2017.

40. The Maryland Gazette. 1770. August 30.

41. The Maryland Gazette. 1766. July 10.

42. The Pennsylvania Gazette. 1770. September 13.

43. The South-Carolina Gazette. 1770. July 5.

44. The South-Carolina Gazette. 1770. May 17.

45. The South-Carolina Gazette; and Country Journal. 1770. May 29.

46. Tyler R. The Contrast. Boston: N. Y.: Houghton Mifflin Co., 1920. 120 p.

47. Monuments: Commemoration and Controversy at New-York. Historical Society Examines How Monuments Shape Public Consciousness and Our Shared History. 2021. Dec. 8. URL: https://www.nyhistory.org/press/monuments-commemoration-and-controversy-new-york-historical-society-examines-how

REFERENCES

1. Assmann A. *Dlinnaia ten proshlogo: Memorialnaia kultura i istoricheskaia politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, NLO Publ., 2014. 328 p.

2. Assmann Ia. *Kulturnaia pamiat. Pismo, pamiat o proshlom i politicheskaia identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Iaz. slav. kultury Publ., 2004. 368 p.

3. *Bredford U. Istoriya poseleniya v Plimute. Franklin B. Avtobiografiya. Pamflety. Kreveker Sent-Dzhon de. Pisma amerikanskogo fermera* [Bradford W. History of the Settlement at Plymouth. Franklin B. Autobiography. Pamphlets. Crevecoeur St. John de. Letters of an American Farmer]. Moscow, Hud. lit. Publ., 1987. 751 p.

4. Durkheim E. *Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaia sistema v Avstralii* [Elementary Forms of Religious Life: Totemic System in Australia]. Moscow, Delo Publ., RANKhiGS Publ., 2018. 736 p. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-122-154

5. Kurilla I.I. *Bitva za proshloe: Kak politika meniaet istoriiu* [Battle for the Past: How Politics Changes History]. Moscow, Alpina Publisher, 2022. 232 p.

6. Makferson Dzh. *Poemy Ossiana* [Poems of Ossian]. Saint Petersburg, Panteon lit. Publ., 1890. 372 p.

7. Megill A. *Istoricheskaia epistemologiia* [Historical Epistemology]. Moscow, Kanon+ Publ., 2007. 480 p.

8. Miller A., Kasjanov G. *Rossija – Ukraina: kak pishetsja istorija* [Russia – Ukraine: How History Is Written]. Moscow, RGGU Publ., 2011. 312 p.

9. Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. Problematika mest pamiati [Problematics to the Lieus de mémoire]. *Frantsiia-pamiat* [France-Memory]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 1999, pp. 17-50.

10. Repina L.P. *Kulturnaja pamjat i problemy istoriopisanija (istoriograficheskie zametki)* [Cultural Memory and Problems of Historiography (Historiographical Notes)]. Moscow, GU VShE, 2003. 44 p.

11. Repina L.P. Sobytija i obrazy proshlogo v istoricheskoj i kulturnoj pamjati [Events and Images of the Past in Historical and Cultural Memory]. *Novoe proshloe / The New Past*, 2016, no. 1, pp. 82-99.

12. Tocqueville A. de. *Demokratiia v Amerike* [Democracy in America]. Moscow, Progress Publ., 1992. 554 p.

13. Febvre L. *Boi za istoriiu* [Fighting for History]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 629 p.

14. Filimonova M.A. Ot «maiskogo dereva» k «drevu svobody»: iz istorii simvoliki amerikanskoi revoliutsii [From May Tree to the Tree of Liberty: From the History of Symbolics of the American Revolution]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2020, no. 4, pp. 179-198. DOI: 10.31857/S013038640010332-3

15. Shub M.L. Fenomen kommemoratsii: opyt kulturologicheskogo analiza praktik publichnogo pominoveniia (na primere naimenovaniia ulits Cheliabinska) [Phenomenon of Commemoration: the Experience of Cultural Analysis of Public Commemoration Practices (Using the Example of Street Names in Chelyabinsk)]. *Observatoriia kultury* [Observatory of Culture], 2018, iss. 15 (2), pp. 161-169. DOI: https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169

16. A Pennsylvania Farmer at the Court of King George; John Dickinson's London Letters, 1754–1756. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 1962, vol. 86, no. 3, pp. 241-286; no. 4, pp. 417-453.

17. Adams S. *Writings. In 4 Vols*. New York, Octagon Books, 1968, vol. 1. 477 p.; vol. 2. 476 p.; vol. 3. 454 p.; vol. 4. 462 p.

18. Assmann A. Re-Framing Memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past. *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe*. Amsterdam, Amsterdam Univ. Press, 2010, pp. 35-50. DOI: https://doi.org/10.1515/9789048512027-004

19. Bellion W. *Pitt on a Pedestal*. URL: https://journals.openedition.org/ejas/15410?lang-fr

20. Conforti J.A. *Imagining New England: Explorations of Regional Identity from the Pilgrims to the Mid-Twentieth Century*. Chapel Hill, The Univ. of North Carolina Press, 2001. 400 p.

21. Curtis G.D. *Souvenir of the Centennial Exhibition: or, Connecticut's Representation at Philadelphia, 1876. Embracing a Condensed History of the Origin and Progress of the Great International Exhibition*. Hartford, Conn., Geo D. Curtis, 1877. 374 p.

22. *Dunlap and Claypoole's American Daily Advertiser*. 1776. July 15. 4 p.

23. Randolph F., ed. *Essays on Education in the Early Republic. Benjamin Rush, Noah Webster, Robert Coram and Others*. Cambridge, Mass., Belknap Press, 1965. 389 p.

24. *Hartford Evening Press*, 1856, Aug. 21.

25. Hoock H. *Empires of the Imagination: Politics, War and the Arts in the British World, 1750–1850*. London, Profile Books, 2010. 544 p.

26. Jay W. *Life of John Jay: With Selections from His Correspondence and Miscellaneous Papers. In 2 Vols.* New York, Harper, 1833, vol. 1. 542 p.; vol. 2. 530 p.

27. *Journals of the Continental Congress. 1774–1789. In 34 Vols*. Washington, U.S. Govt. print off., 1904–1937.

28. *New Hampshire Gazette*, 1776, July 20.

29. Paine Th. *The Complete Writings. In 2 Vols. Vol. 2*. New York, 1945. 2152 p.

30. *Records of the Old Colony Club, 1769–1773*. Boston, 1887. 444 p.

31. Rush B. *Letters. In 2 Vols. Vol. 1*. Princeton, Princeton Univ. Press, 1951. 1295 p.

32. Russell W.Sh. *Pilgrim Memorials, and Guide to Plymouth with a Lithographic Map, and Eight Copperplate Engravings*. Boston, Crosby, Nichols and Co., 1855. 323 p.

33. Sargent M.L. Plymouth Rock and the Great Awakening. *Journal of American Studies*, vol. 22, no. 2, pp. 249-255. DOI: https://doi.org/10.1017/S0021875800022015

34. Seelye J.D. *Memory's Nation: The Place of Plymouth Rock*. Chapel Hill, The Univ. of North Carolina Press, 1998. 699 p.

35. Thacher J. *A Military Journal During the American Revolutionary War, from 1775 to 1783*. Boston, Richardson & Lord, 1827. 616 p.

36. Thacher J. *History of the Town of Plymouth: From Its First Settlement in 1620, to the Year 1832*. Boston, Marsh, Capen & Lyon, 1832. 382 p.

37. *The Boston-Gazette, and Country Journal*, 1766, April 7.

38. *The Boston-Gazette, and Country Journal*, 1767, January 5.

39. *The Documentary History of the First Federal Congress. In 22 Vols*. Baltimore, Johns Hopkins Univ. Press, 1972–2017.

40. *The Maryland Gazette*, 1770, August 30.

41. *The Maryland Gazette*, 1766, July 10.

42. *The Pennsylvania Gazette*, 1770. September 13.

43. *The South-Carolina Gazette*, 1770, July 5.

44. *The South-Carolina Gazette*, 1770, May 17.

45. *The South-Carolina Gazette; and Country Journal*, 1770, May 29.

46. Tyler R. *The Contrast*. Boston, New York, Houghton Mifflin Co., 1920. 120 p.

47. *Monuments: Commemoration and Controversy at New-York. Historical Society Examines How Monuments Shape Public Consciousness and Our Shared History*, 2021, Dec. 8. URL: https://www.nyhistory.org/press/monuments-commemoration-and-controversy-new-york-historical-society-examines-how

Information About the Author

Maria A. Filimonova, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Scientific Research Laboratory "Center for the Study of the USA", Kursk State University, Radishcheva St, 33, 305000 Kursk, Russian Federation, mar-filimonova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7212-2371

Информация об авторе

Мария Александровна Филимонова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, научно-исследовательская лаборатория «Центр изучения США», Курский государственный университет, ул. Радищева, 33, 305000 г. Курск, Российская Федерация, mar-filimonova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7212-2371

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.14

UDC 94(470.6)«1920/1930»:159.953.3
LBC 63.3(2Рос-13)612,1-283.31

Submitted: 28.05.2025
Accepted: 20.07.2025

FORMATION OF THE MEMORY SPACE OF THE PARTICIPATION OF THE DON COSSACKS IN THE CIVIL WAR IN THE 1920–1930s: COMMEMORATIVE PRACTICES, PLOTS, IMAGES

Olga V. Rvacheva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the early Soviet period, a new memory space was created in the regions of southern Russia. Its formation was connected with the Bolshevik policy of memory, and the specifics were determined by the role of the Cossacks in the Civil War. The historiography on this issue is represented by the works of O.V. Rvacheva, A.A. Kamenev, A.V. Baranov, A.N. Eremeeva, O.V. Matveev. The closest to the research topic is B.I. Kolonitsky's project "Processes of Legitimization of Violence: Cultures of Conflict in Russia and the Escalation of the Civil War". *Methods and materials.* The research's source base consisted of newspaper materials from the early Soviet period, literary works, monuments, and toponyms. The research uses historical-chronological and historical-comparative methods. As well as A.I. Miller's concept of memory politics as a system of interactions and communications between various actors regarding the political use of the past. *Analysis.* In the early 1920s, the government pursued a policy of storytelling, which did not involve the creation of a special memorial space for the Cossacks. In the mid-1920s, forms of commemoration of the Civil War with the participation of the Cossacks appeared, and the first plots and images of the memory space were created. The peak of the commemorative practice occurred in the mid-1930s. A central event appeared for the common historical memory of the Cossacks – the deaths of F.G. Podtelkov and M.V. Krivoshlykov – and heroic images of the Red Cossacks were created. *Results.* The main actor of the memory policy in the early Soviet period was the government. With regard to the Cossacks, this policy was instrumental and situational in nature and depended on political objectives. The underdevelopment of the commemorative practice was due to the dominance of the narrative policy and the shortage of positive characters among the Red Cossacks. *Funding.* The article was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-28-20369, "The policy of memory regarding the participation of the Don Cossacks in the Civil War 1918–1920 in Southern Russia in the Soviet and post-Soviet periods: images of the Cossacks, memorial space, and forms of commemoration".

Key words: Russian Civil War, Cossacks, historical memory, images of Cossacks, forms of commemoration.

Citation. Rvacheva O.V. Formation of the Memory Space of the Participation of the Don Cossacks in the Civil War in the 1920–1930s: Commemorative Practices, Plots, Images. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 167-178. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.14

УДК 94(470.6)«1920/1930»:159.953.3
ББК 63.3(2Рос-13)612,1-283.31

Дата поступления статьи: 28.05.2025
Дата принятия статьи: 20.07.2025

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТИ ОБ УЧАСТИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В 1920–1930-х гг.: КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ, СЮЖЕТЫ, ОБРАЗЫ

Ольга Владимировна Рвачева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В раннесоветский период в регионах юга России создавалось новое пространство памяти. Его формирование было связано с большевистской политикой памяти, а специфика определялась ролью казачества в Гражданской войне. Историография по данной проблеме представлена работами

© Рвачева О.В., 2025

О.В. Рвачевой, А.А. Каменцева, А.В. Баранова, А.Н. Еремеевой, О.В. Матвеева. *Методы и материалы.* Источниковую базу исследования составили материалы газет раннесоветского периода, литературные произведения, памятники, топонимы. В качестве методологической основы применяется концепция А.И. Миллера о политике памяти как системе взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического использования прошлого. *Анализ.* В начале 1920-х гг. власть проводила политику расказачивания, которая не предполагала создания особого мемориального пространства в отношении казаков. В середине 1920-х гг. появляются формы коммеморации Гражданской войны с участием казачества, создаются первые сюжеты и образы пространства памяти. Пик коммеморативной практики пришелся на середину 1930-х гг.: произошло центральное событие для общей исторической памяти казачества – гибель Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова и, соответственно, героизация образов красных казаков. *Результаты.* Главным актором политики памяти в раннесоветский период являлась власть. В отношении казачества эта политика носила инструментальный и ситуативный характер и зависела от политических задач. Неразвитость коммеморативной практики была обусловлена господством политики расказачивания и дефицитом положительных героев среди красных казаков. *Финансирование.* Статья выполнена при поддержке РНФ, грант № 25-28-20369 «Политика памяти в отношении участия донского казачества в гражданской войне 1918–1920 гг. на юге России в советский и постсоветский период: образы казачества, мемориальное пространство, формы коммеморации».

Ключевые слова: Гражданская война в России, казачество, историческая память, образы казачества, формы коммеморации.

Цитирование. Рвачева О. В. Формирование пространства памяти об участии донского казачества в Гражданской войне в 1920–1930-х гг.: коммеморативные практики, сюжеты, образы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 167–178. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.14

Введение. Большевистская власть с самого начала активно формировала мемориальную политику, которая должна была способствовать конструированию новых социальных представлений о прошлом. Создавалось пространство памяти, являвшееся совокупностью образов, символов, праздничных дат, мемориальных объектов и пр., которое утверждало определенный образ исторической эпохи в обществе.

Региональная политика памяти должна была учитывать специфику событий и революции, и Гражданской войны на местах. Так, на юге России, на казачьих территориях, конструирование политики памяти обуславливалось следующими моментами: во-первых, казачество массово поддержало белых; во-вторых, проиграв в Гражданской войне, казаки чувствовали себя униженными и негативно относились к новой власти; в-третьих, проведение расказачивания как центральной политики большевиков; в-четвертых, периодическая реализация политики по вовлечению казаков в советское строительство, что предусматривало создание положительных образов казаков. Все это оказывало существенное влияние на коммеморацию событий Гражданской войны на казачьих территориях, в частности на территории донского казачества.

Цель статьи: выяснить, как формировалось пространство исторической памяти об участии донских казаков в Гражданской войне в 1920–1930-х гг., какие существовали практики по конструированию памяти, вокруг каких сюжетов и образов они строились.

Историография. Что касается политики памяти об участии казачества в Гражданской войне, то пока по этой теме не сложилось комплекса исследований. Отдельные статьи затрагивают ситуацию формирования коллективной памяти и пространства памяти в отношении казаков в Гражданской войне в период возрождения казачества в конце XX – начале XXI века. Впервые к данной проблеме обратилась автор статьи при разработке модели памяти современного казачества [22]. Анализировал влияние исторической памяти о Гражданской войне на казачье возрождение также А.А. Каменцев [12]. Отражение событий Гражданской войны в народной памяти кубанского казачества исследовал О.В. Матвеев [14]. Проявления исторической памяти о Гражданской войне у казаков в период НЭПа анализировал А.В. Баранов [3]. О политике мемориализации, прово-

дившейся белыми режимами на юге России в период Гражданской войны, писала А.Н. Еремеева [11]. Важный материал по политике мемориализации событий Гражданской войны на казачьих землях и отражению этих событий в памяти донских казаков содержится в работах С.Д. Багадсарян и А.П. Скорика [2; 26].

На изучение проблемы формирования пространства памяти о казачестве в Гражданской войне оказали влияние исследования, посвященные литературным образам произведений М.А. Шолохова. К таковым относятся труды литературоведа и шолоховеда К.И. Приймы, историка А.В. Венкова.

Методы и материалы. Источниковую базу исследования составили газеты 1920–1930-х гг. – официальные органы печати краевых и областных партийно-советских органов власти, содержащие материал по формированию образов и сюжетов о донских казаках в Гражданской войне. Привлекались делопроизводственные материалы из фондов Центра документации новейшей истории Волгоградской области, Центра документации новейшей истории Ростовской области, Архива Управления ФСБ по Ростовской области. В качестве источников в статье представлены также художественная литература, памятники, топонимы.

Теоретическую основу исследования составили историко-хронологический и историко-сравнительный методы, а также концепция А.И. Миллера о политике памяти как системе взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического использования прошлого.

Анализ. Формирование пространства памяти о Гражданской войне в Северо-Кавказском крае и Царицынской губернии началось в 1920-х годах. Память о ней была очень свежа и болезненна, поэтому коммеморация тех событий вызывала противоречивый отклик у населения. Ярким примером служат братские могилы красноармейцев, красных партизан, погибших в боях с белогвардейцами. Они возникали стихийно и впоследствии в отношении них складывалась мемориальная практика в форме проведения траурных митингов, возложения цветов, сооружения памятников. Нередко у населения данные мемориальные практики вызывали сопротивление, так как в этих могилах были похоронены те, кто воевал против основной части населения станиц и хуторов. Ярким примером негативного отношения казаков к таким формам коммеморации, сохранявшейся и в 1925 г., являются высказывания казаков станицы Наурской Терского округа Северо-Кавказского края о нежелании приходить на могилы героев Гражданской войны, чтобы почтить их память, так как в них похоронены красноармейцы [2, с. 60].

С оговорками в качестве примера мемориальной практики в отношении казачества можно привести памятник Степану Разину скульптора С.Т. Коненкова, установленный в Москве на Красной площади в 1919 году. Его создание являлось одним из примеров реализации ленинского плана монументальной пропаганды. Однако Степан Разин здесь выступал скорее символом борьбы за свободу, а не казачества. Скульптор вспоминал, что за натурой для памятника он обратился в Совет казачьих депутатов, где председатель М.Я. Макаров в ответ на просьбу ответил, что то «память наша – донских казаков» [13].

Присутствие темы казачества в мемориальном пространстве было представлено официальным партийно-советским нарративом, носившим нередко негативный характер. По образному выражению делегата 2-го Донского округа I Донской областной конференции 1920 г., казачество хоть и неспособно было немедленно к активной борьбе, «...но казачество прыткий дикий конь и вожжи опускать не следует» [30, л. 27]. Делегаты конференции обсуждали последствия Гражданской войны для казачества, сохранявшуюся контрреволюционность казаков [30, л. 25, 31 и др.]. Эти же вопросы были в фокусе внимания делегатов II Донской областной партийной конференции, проходившей в том же 1920 г. [31, л. 18, 19, 58 и др.].

Реализация большевиками в первой половине 1920-х гг. жесткой политики расказачивания, направленной на уничтожение социокультурной специфики казаков, привела к тому, что казачество практически не фигурировало в социально-политическом дискурсе, не говоря уже о коммеморации своего участия в Гражданской войне. Данное событие являлось негативным маркером для казачества. В информационных материалах, собираемых к ап-

рельскому Пленуму ЦК ВКП(б) 1925 г., который стал переломным в отношениях казачества и власти, было немало сведений об антибольшевистских настроениях и действиях казачества в период Гражданской войны. Акцент при этом делался на подробностях расправ казаков над красноармейцами и представителями власти, приводились цифры массовых казней, как в случае с описанием восстания казаков станицы Суворовской в 1918 г. и расстрела отряда из Царицына в 500 чел., направленного для подавления восстания [9, л. 10].

Ситуация стала меняться с 1925 г. после начала реализации политики «лицом к казачеству». Ее основные положения были изложены в резолюции Пленума ЦК РКП(б) «О казачестве» и представляли собой систему адаптационно-мобилизационных мер для казаков в советской системе [23, с. 74–75]. Обращалось внимание на то, что казачество сильно пострадало от Гражданской войны и это выступало важным условием оказания помощи казачьим районам. Таким образом, определился переход от отрицательной характеристики участия казачества в Гражданской войне к сочувственно-нейтральной.

Тема Гражданской войны появилась в региональной прессе. Материалы о казачестве носили противоречивый характер. С одной стороны, о нем почти не упоминалось, с другой – показывалась ожесточенность его сопротивления. Так, в газете «Борьба» в январе 1925 г. вышел очерк «Борьба за Царицын», в котором были отражены основные события обороны города от войск П.Н. Краснова, падение в результате наступления А.И. Деникина, освобождение от белых. Среди положительных героев – защитников Царицына упоминались К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, Б.М. Думенко, среди отрицательных – атаман П.Н. Краснов, генералы К.К. Мамонтов, А.И. Деникин. В очерке было представлено противостояние красных и белых, а П.Н. Краснов и К.К. Мамонтов – это, прежде всего, представители белых, а не казаков [4]. Другой очерк, посвященный годовщине расправы белогвардейцев с рабочими в 1918 г. в Калаче-на-Дону, ярко рисует зверства восставших против советской власти: «...ежедневно две группы арестованных: одну в овраг, другую в балку за Дон отправляли на расстрел. Ежедневно до сотни человек арестованных получали от белогвардейских палачей от 10 до 75 розог» [16]. Казаки были представлены в образе «банды», вооруженной берданками, старыми шашками, штыками и вилами, которая двинулась на Калач. Важно, что казаков обманули офицеры, пользуясь их темнотой.

Во второй половине 1920-х гг. мемориальное пространство юга России наполнялось новыми формами коммеморации: активно сооружались обелиски над могилами защитников советской власти, высказывались идеи создания в сельсоветах памятных досок с именами героев войны [2, с. 57–58]. Значимой формой коммеморации стали литературные произведения, прежде всего авторства М.А. Шолохова. В 1925 г. вышел его сборник «Донские рассказы», главной темой которого была Гражданская война на Дону, и она здесь представлялась главным образом как трагедия казачества.

С 1926 по 1932 г. вышли первые три тома романа «Тихий Дон», четвертый был закончен в 1940 году. Еще одним произведением, в котором ярко представлена тема Гражданской войны и казаков, стал роман А.С. Серафимовича (Попова) «Железный поток», опубликованный в 1924 году. Серафимович и Шолохов были уроженцами Донской области, А.С. Серафимович принимал значительное участие в создании романа «Тихий Дон» [6].

Известный советский писатель оказал большое влияние на продвижение романа как в СССР, так и за рубежом. В 1928 г. вышла его статья в г. «Правда» под названием «Тихий Дон» [25], а в 1929 г. эту статью с высокой оценкой романа перепечатал немецкий журнал «Линскурве». Отрывок из него в 1930 г. опубликовала французская газета «Юманите». А писатель А. Марсель назвал «Тихий Дон» «Красной Илиадой» (цит. по: [20, с. 99]). В парижской прессе писали: «Шолохов – казак, крепчайше связанный с родной землей», обращали внимание на то, что «в романе живо и ярко встали потомки героических мятежников Степана Разина, Булавина, Пугачева, чьи подвиги до сих пор сохраняют свое значение в истории России...» [20, с. 102]. Отмечалось, что шолоховские «донские казаки впервые предстали перед изумленным

европейским читателем в своей простой земной повседневности, буйной и пленительной» [20, с. 102]. Так как в рассматриваемый период Франция была средоточием русской белой, в том числе казачьей эмиграции, роман «Тихий Дон» становился своеобразным посланием к ней об изменениях в восприятии казачества советской властью. С 1929 по 1934 г. его опубликовали в большинстве европейских стран.

В 1930 г. вышла первая экранизация романа в немом варианте, а в 1933 г. уже была сделана озвученная версия. В немой версии фильм вошел в конкурсную программу I Венецианского международного кинофестиваля 1932 года. Сюжет не затрагивал Гражданскую войну, так как к этому времени были изданы только первая и вторая книги, однако объективно фильм «работал» на продвижение темы казачества как внутри советского общества, так и вовне его.

В 1935 г. на основе романа создана опера «Тихий Дон». Ее активно ставили в 1936 г. на большинстве оперных сцен Советского Союза, в том числе в Москве в Большом театре и в Ленинграде в Малом оперном театре. В 1936 г. во время кампании «за советское казачество» на просмотр оперы привозили делегации казаков с юга России.

Ранее, в 1932 г., вышло еще одно знаковое произведение М.А. Шолохова – «Поднятая целина». Центральная тема романа – коллективизация в донских казачьих районах. Здесь уже четко давалось противопоставление красных и белых казаков и их роли в советской системе. Этот роман также издавали за рубежом в 1930-е гг. [20, с. 38].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. фиксируется еще одна форма коммеморативной практики – топонимическая. Так, в Нижнечирском районе Нижневолжского края в 1930 г. появились коллективные хозяйства с названием «Красный Дон». В Кумылженском районе в 1929 г. были колхозы с названиями «Тихий Дон», «имени Шолохова». Из персоналий казачества при наименовании коллективного хозяйства популярностью пользовалось имя М.Ф. Блинова, активного участника Гражданской войны, одного из создателей красных казачьих кавалерийских частей. Из этих частей впоследствии сформировали дивизию, которой после гибели М.Ф. Блинова было присвоено его имя.

Положительное продвижение темы Гражданской войны в пространстве памяти не исключало конфликтов исторической памяти со стороны разных групп казачьего населения. Припоминание обид, вызванных воспоминанием о насилии, расправах периода Гражданской войны, провоцировало социальное противостояние в казачьих районах [3, с. 121].

В 1936 г. на юге России развернулась масштабная кампания «за советское казачество», направленная на демонстрацию полной трансформации казаков в советских граждан. Формирование нового образа казачества повлекло за собой и расширение мемориального пространства, наполнение его новыми смыслами и сюжетами. Происходило интенсивное обращение к образу красного казачества в Гражданской войне. Так, в программной речи первого секретаря Сталинградского крайкома ВКП(б) И.М. Варейкиса сообщалось: «Мы знаем, какую славную роль сыграло казачество в борьбе против Деникина, Краснова, Колчака, против польских панов в первые годы молодой советской социалистической республики...» [24].

В данном случае говорить о «славной роли» казаков можно было только в отношении советско-польской войны 1919–1921 гг., во время которой белое казачество из разгромленных антибольшевистских армий примкнуло к Красной армии, воевавшей на польском фронте. С учетом того, что основой вооруженных сил генерала А.И. Деникина в его военно-политической структуре «Вооруженные силы Юга России» (ВСЮР) были казаки, генерал П.Н. Краснов являлся атаманом области Войска Донского, а значительную часть сил адмирала А.В. Колчака как Верховного главнокомандующего русской армией составляло оренбургское и уральское казачество, налицо конструирование исторической памяти о казачестве.

Создание образа красного казачества происходило также через сближение его с историческими фигурами, С.М. Буденным и К.Е. Ворошиловым, на страницах прессы. В одной из апрельских передовиц газеты «Сталинградская правда» говорилось об изменениях, которые произошли с казачеством

после революции: «...Под командой нынешних маршалов Советского Союза, железного наркома обороны тов. Ворошилова, и героя красной конницы тов. Буденного революционные казаки били поляков под Киевом, деникинцев, красновцев и калединцев под Ростовом и наступали на горло контрреволюции в своих родных станицах» [29]. В итоге белые казаки – противники советской власти отступали в историческую тень, а на первый план выходили красные.

Самого С.М. Буденного активно позиционировали в этот период как создателя Первой конной армии, в которую входили и соединения красных казаков. Таким образом возникала связка нужных образов: С.М. Буденный, Первая конная, красное казачество. В рамках кампании «за советское казачество» усиленно пропагандировался образ казаков – защитников Отечества, и сближение их с Буденным было частью этой демонстрации. В центральной и краевой прессе регулярно печатались материалы о письмах казаков к С.М. Буденному, освещались встречи казачьих делегаций с маршалом Советского Союза по разным вопросам, публиковались совместные фото таких встреч. Так, например, в газете «Молот» был опубликован материал о приеме делегации донских казаков С.М. Буденным в Москве в марте 1936 года. Делегация приехала по приглашению Дирекции Большого театра на первый просмотр оперы «Тихий Дон». В статье отмечалось, что казаки и маршал встретились как старые друзья, в составе делегации были участники Гражданской войны, бойцы Первой конной армии, громившие белых [10].

Символическая связь имени другого советского маршала и героя Гражданской войны проявлялась в названии военно-патриотической организации молодых казаков – ворошиловские кавалеристы. Застрельщиками в ее создании выступили донские казаки. Популярность данной формы организации казачьей молодежи была очень велика. А в прессе при освещении процесса обучения молодых казаков-кавалеристов нередко подчеркивалась роль старшего поколения казаков – участников Гражданской войны.

Так, в статье о слете молодых казаков в станице Нижнечирской Сталинградского края в марте 1936 г. говорилось о присутствии рядом с молодежью красных казаков-партизан, участников походов Первой конной армии, которые приехали рассказать ей о своих походах и поделиться опытом [27]. Трансляция рассказов красных казаков в прессе являлась важным инструментом конструирования исторической памяти казачества и формирования их нового советского образа. В газете «Сталинградская правда» вышел подобный материал. Донской казак М.Г. Куркин отмечал: «Встречаются еще такие мнения, что раз казак, то обязательно в белых армиях участвовал. Неверно это! Я вот казак и горжусь этим именем. Я – красный казак» [1]. М.Г. Куркин был образцом для демонстрации правильного казачества – боец Первой конной армии Буденного, в советское время – колхозный инспектор по качеству. Он встречался с молодежью, рассказывал о борьбе с офицерами и атаманами на Дону. Главная мысль таких рассказов – казаки тоже воевали за советскую власть: «История гражданской войны знала не только казачью контрреволюцию. Революционные выступления среднего казачества за советскую власть – это одна из страниц недавнего прошлого. Об этих примерах геройской революционной борьбы в рядах буденовской конной армии рассказывают старые казаки Нижнечирского района» [1].

Власть настойчиво проводила политику слияния исторических образов Первой конной и казачества. В одном из материалов, располагавшихся на первых полосах газеты «Молот» в 1936 г. и опубликованных в разгар кампании «за советское казачество», казаки и Первая конная выступали как единое целое: «В огне гражданской войны выковывалась легендарная Первая конная... Первая конная армия родилась у нас в бескрайних степях Сала и Дона. Здесь в Азово-Черноморье она накапливала свои силы, готовясь к великим боям... Тысячи трудовых казаков вступили добровольно в Первую конную...» [8]. Отметим, что до начала кампании «за советское казачество» такого явного объединения казаков и Первой конной армии в единый образ не было. Напротив, в материалах советских газет Первая конная армия бьется с белоказаками, разбивает части белых армий К.К. Мамонтова, А.Г. Шкуро, В.Л. Покровского [17].

Однако благодаря кампании «за советское казачество» образ красных казаков в буденовках прочно войдет в массовое сознание и станет частью советского мифа о казаках.

Гражданская война в середине 1930-х гг. стала важным маркером для конструирования нового исторического образа казачества: «Любители пресловутой казачьей экзотики воспевали когда-то Кузьму Крючкова – карточного героя-враля. Нет, не о крючковых живет слава в памяти и песнях казаков! Красные казаки – защитники советской власти – вот кто пользуется любовью в хате казака-колхозника» [1].

Однако исторический образ белоказаков также периодически транслировался в информационном поле. Так, в газете «Колхозные ребята» в 1936 г. публиковался материал о том, как Красная армия противостояла белоказакам, наступавшим на Царицын [36]. Аналогичные публикации появлялись и на страницах других изданий. В итоге складывалась ситуация конфликта памятей. Одно из проявлений такого конфликта даже попало на страницы газет. Автор статьи, опубликованной в газете «Сталинградская правда» в 1936 г., описывал ситуацию, когда делегаты съезда казачьей молодежи смотрели фильм «Чапаев»: «В момент, когда кто-то из чапаевцев голосом, полным ненависти, крикнул “Казаки!”, зал затих. Воцарилась тишина, настороженная и подавленная, словно каждому из зрителей сказали какую-то неприятность...» [32]. Далее автор показал, как молодые казаки рукоплещут Чапаеву, разбившему белых казаков.

Несмотря на активное продвижение исторического образа красных казаков в прессе, монументальной практики в этот период не сложилось. Из таковой отметим сооружение в г. Михайловке Сталинградского края 1936 г. монумента на братской могиле героям Гражданской войны, который с оборотной стороны имел посвящение герою Гражданской войны красному казаку М.Ф. Блинову.

В середине 1930-х гг. в мемориальном пространстве формируется «место памяти» – гибель руководителей революционного казачества Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова. Оба они, обладая высоким политическим революционным статусом – Ф.Г. Подтелков являлся председателем Донского казачьего военно-революционного комитета (Донревкома), а М.В. Кривошлыков – его секретарем, были захвачены белоказаками во время агитационной поездки по Верхнему Дону и убиты.

Данное событие получило широкое освещение в 1918 г. в белой и красной прессе. Материалы с подробностями суда над подтелковцами и очерковые материалы публиковались в антибольшевистских изданиях: еженедельнике «Донская волна» [6, с. 659] и газете «Приазовский край» [26, с. 300, 306]. В красной прессе подробные материалы о гибели Подтелкова и его отряда выходили в газете «Трудовое казачество» [26, с. 300, 306]. В 1920-х комплекс воспоминаний о Ф.Г. Подтелкове формируется Донистпартом [7; 18].

Такое внимание было не случайным. Действия Ф.Г. Подтелкова, пленение, суд и казнь его и его отряда стали вехой начала Гражданской войны на Дону. Впервые казаки судили казаков и расправились с ними. Символическое значение вся эта ситуация обретала также в связи с тем, что все происходило накануне и во время христианского праздника Пасхи.

Подробно раскрыл сцену гибели отряда Ф.Г. Подтелкова М.А. Шолохов в «Тихом Доне». В отношении казаков, которых обвиняли в антисоветских действиях в 1920–1930-х гг., участие / неучастие в расправе над отрядом Ф.Г. Подтелкова стало важной характеристикой, влияющей на приговор. Так, в качестве отягчающего обстоятельства расправа над Ф.Г. Подтелковым и М.В. Кривошлыковым фигурировала в уголовном деле по обвинению Харлампия Ермакова (прототипа Григория Мелехова) в 1923 году [34]. Уголовное дело еще одного донского казака А.С. Сенина, который был обвинен в 1930 г. в создании казачьей контрреволюционной организации, также содержало сведения об участии последнего в «ликвидации экспедиции красногвардейского отряда Кривошлыкова и Подтелкова» [33]. Таким образом, по совокупности обстоятельств Ф.Г. Подтелков и М.В. Кривошлыков становились красными героями-мучениками.

В 1936 г. в газете «Молот» было опубликовано произведение под названием «Сказ о донских богатырях, трудовых казаках Подтелкове и Кривошлыкове» с изложением в особой форме всех событий борьбы и гибели

отряда и его руководителей. Сказ был составлен в жанре героического эпоса – былины. Он начинался со слов: «Возьму в руки лютню, по серебристым струнам проведу я рукою своею и под звуки ее воскрешу перед вами былину» [5]. Сам Ф.Г. Подтелков представлен в образе русского богатыря, который борется за советскую власть как за высшую правду: «Развернул казак богатырскую грудь сверхгвардейскую, распрямил свои плечи круглые, во косую сажень не вмещенные…» [5]. В предисловии к «Сказу» говорилось, что он был написан еще в 1920 г. донским казаком Михаилом Мошкаревым и распространялся в виде печатной листовки среди трудовых казаков Дона. Сам М. Мошкарев в то время являлся председателем исполкома Совета в станице Вешенской. Редакция «Молота» разыскала автора этой былины, который в 1936 г. работал в библиотеке им. Ленина в Москве. По просьбе редакции М.П. Мошкарев прислал в газету воспоминания о Ф.Г. Подтелкове и М.В. Кривошлыкове [15]. В воспоминаниях был сделан акцент на исключительной популярности Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова среди казачества Дона, на том, что их имена стали знаменем борьбы революционного казачества за советскую власть [15]. Автор отмечал, что толчком к написанию былины послужило посещение хутора Пономарева, где погибли подтелковцы. Статья пронизана пафосом: «Богатыри не перевелись на Дону, Кубани и Тереке. Советские казаки, самоотверженные строители социализма, казацкой шашкой начисто снесут свиное рыло, которое сунется в наш советский огород» [15]. Публикации былины и воспоминаний М.П. Мошкарева в разгар кампании «за советское казачество» отвечали задачам создания героев и формирования точки отсчета для общей исторической памяти советского казачества.

Имена Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова еще несколько раз прозвучали со страниц прессы. Так, с приветственным словом к казачеству обратился отец М.В. Кривошлыкова: «Донцы, кубанцы, терцы! Помните о славном казаке, моем сыне Михаиле! Вместе с Подтелковым он сложил голову за трудовой народ, за советскую власть...» [28]. Это обращение было напечатано рядом с приветственными словами М.А. Шолохова и А.С. Серафимовича в день, когда в Ростове-на-Дону проходило масштабное праздничное мероприятие с участием казачества. В опубликованной в этом же номере газеты «Молот» статье А. Распопина «Найденная доля» имена Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова фактически были поставлены в один ряд с именами С. Разина, К. Булавина и Е. Пугачева, которых автор позиционировал как борцов за свободу беднейшего казачества [21]. В 1937 г. вышло художественное произведение И.П. Горелова «Подтелков и Кривошлыков» с описанием гибели отряда Подтелкова.

Впоследствии в советской литературе сложились образы Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова как народных героев. Из других форм коммеморации назовем образование в 1935 г. Подтелковского района Сталинградского края. В списках Шахтинско-Донецкого округа Северо-Кавказского края еще в 1926 г. существовал Подтелковский сельсовет [19].

И все же значительной коммеморации в отношении Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова не сложилось. Основной причиной являлась краткосрочность кампании «за советское казачество», которая фактически была свернута к концу 1936 года. Кампания выполнила свои задачи – необходимый власти образ советского казачества был сформирован и транслирован как внутри Советского государства, так и вовне его. Советская власть не собиралась в полной мере восстанавливать казачество, незачем было всерьез создавать обширное пространство исторической памяти о нем.

Кроме этого, образ Ф.Г. Подтелкова был противоречив. До того как принять мученическую смерть, он расправился с пленными офицерами из партизанского отряда есаула В.М. Чернецова. Это противоречие отразил в романе М.А. Шолохов в сцене разговора Григория Мелехова с Подтелковым перед казнью: «Под Глубокой бой помнишь? Помнишь, как офицеров стреляли... По твоему приказу стреляли! А? Теперича тебе отрыгивается» [35, с. 666]. Таким образом, образ Подтелкова не был безоговорочно героическим в среде донских казаков.

Результаты. Политика памяти на казачьих территориях в 1920–1930-х гг. разраба-

тывалась с учетом специфической политики в отношении казачества. Расказачивание не предусматривало сохранение казаков как специфической группы внутри советского общества, поэтому создание особого пространства памяти в отношении них не планировалось. Коммеморация участия казаков в Гражданской войне возникала ситуативно, в соответствии с корректировкой курса большевиков. Необходимость вовлечения казаков в советское строительство, трансляция образа советского казачества, активное привлечение последних к военному делу выступали факторами создания пространства памяти и коммеморативных практик. Единственным актором в этом процессе была власть.

Можно выделить два этапа раннесоветского периода в отношении конструирования пространства памяти. Первый этап – с середины 1920-х гг. до начала 1930-х гг. – характеризовался акцентировкой внимания на трагедии казачества в Гражданской войне, продвижением культурной специфики казачества. Ключевой мемориальной формой здесь являлись произведения М.А. Шолохова. Второй этап – середина 1930-х гг. – связан с кампанией «за советское казачество». Его главной особенностью стало усиленное продвижение темы красного казачества и его роли в борьбе с белыми на юге России. Для успешного конструирования нового исторического образа казаков связывали с именами легендарных маршалов – С.М. Буденного и К.Е. Ворошилова, с легендой Гражданской войны – Первой конной армией. Ключевой коммеморативной практикой на этом этапе были публикации в прессе. Важным моментом стало нахождение точки отсчета для формирования коллективной памяти казаков о Гражданской войне и ее центральных героях – Ф.Г. Подтелкове и М.В. Кривошлыкове и в целом гибели отряда красных казаков от рук белых казаков.

В пространстве памяти раннесоветского периода в отношении казачества присутствовали и такие коммеморативные практики, как топонимические названия, памятники. Но они были очень ограничены по распространению.

Слабая развитость коммеморации в отношении казачества определялась антагонизмом казаков в отношении большевистской власти в период Гражданской войны и лимитированным набором героев и героических сюжетов, но главное – сохранявшейся политикой расказачивания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Оседлаем мы донских коней» // Сталинградская правда. 1936. 18 марта (№ 62 (2376)). С. 3.

2. Багдасарян С. Д., Скорик А. П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск: Лик, 2012. 239 с.

3. Баранов А. В. Наследие Гражданской войны во взаимоотношениях казачества и крестьянства Юга России с властью в 1920-х годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 4. С. 116–127. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.11

4. Борьба за Царицын (краткий стратегический очерк борьбы в 1918–1919 г.) // Борьба. 1925. 4 янв. (№ 2101 (3)). С. 3.

5. Былина о Подтелкове и Кривошлыкове // Молот. 1936. 27 окт. (№ 4624).

6. Венков А. В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства: в 2 ч. М. : АИРО-XXI, 2010. 884 с.

7. Вершинин Л. К. О гибели отряда Подтелкова. 1929 г. // Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 199. 8 л.

8. Ворошиловские кавалеристы // Молот. 1936. 23 февр. (№ 4420).

9. Доклад об итогах и формах работы в казачьих округах Сталинградской губернии // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 112а. Л. 1-25.

10. Донские казаки у маршала Советского Союза тов. С. М. Буденного // Молот. 1936. 11 марта (№ 4434).

11. Еремеева А. Н. Практики мемориализации антисоветского движения на Юге России в годы Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 2. С. 171–183. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.13

12. Каменцев А. А. Возрождение казачества и красно-белая память // Россия XXI. 2024. № 3. С. 120–141.

13. Коненков С. Т. Мой век. Воспоминания. Изд. 2-е, доп. М.: Изд-во полит. лит., 1988. 381 с.

14. Матвеев О. В. Кубанское казачество, историко-культурное наследие, судьбы, грани народной памяти. Краснодар: Традиция, 2019. 384 с.

15. Мошкарев М. П. В те дни... // Молот. 1936. 15 марта (№ 4437). С. 3.

16. Памятная ночь. (7 годовщина зверской расправы белогвардейцев с калачевскими рабочими) // Борьба. 1925. 3 мая (№ 120 (2218)). С. 3.

17. Первая конная – всегда на страже // Поволжская правда. 1936. 23 февр. (№ 43 (512)). С. 3.

18. Подтелков Федор (рукопись) // ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 103. 12 л.

19. Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д, 1929. 547 с.

20. Прийма К. И. «Тихий Дон» сражается. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Сов. Россия, 1975. 542 с.

21. Распопин А. Найденная доля // Молот. 1936. 15 марта (№ 4437). С. 1.

22. Рвачева О. В. Возрождение казачества юга России в конце XX – начале XXI века. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. 390 с.

23. Рвачева О. В. Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. 243 с.

24. Речь тов. Варейкиса на заседании пленума Крайисполкома, посвященного чествованию орденоносцев животноводства // Сталинградская правда. 1936. 4 марта (№ 52 (2366)). С. 2.

25. Серафимович А. С. «Тихий Дон» // Правда. 1928. 19 апр. (№ 91 (3923)). С. 6.

26. Скорик А. П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск: Лик, 2015. 1184 с.

27. Слет молодых казаков // Сталинградская правда. 1936. 18 марта (№ 62 (2376)). С. 3.

28. Советским казакам Дона, Кубани и Терека // Молот. 1936. 15 марта (№ 4437). С. 1.

29. Советское казачество // Сталинградская Правда. 1936. 21 апр. (№ 92 (2406)). С. 1.

30. Стенограмма I Донской областной партийной конференции, 2–5 июня 1920 г. // ЦДНИВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 25. Л. 19–34.

31. Стенограмма II Донской областной партийной конференции, 11–15 октября 1920 г. // ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. 181 л.

32. Сыны советского Дона // Сталинградская правда. 1936. 20 марта (№ 65 (2379)).

33. Уголовное дело по обвинению А.С. Сенина // Архив ФСБ по Ростовской области. Д. П 47489. Л. 448.

34. Уголовное дело по обвинению Ермакова Харлампия Васильевича // Архив ФСБ по Ростовской области. Д. П-27966. Л. 64.

35. Шолохов М. А. Тихий Дон: в 4 кн. Кн. 2. М.: Сов. Россия, 1978. 751 с.

36. Эпизоды из боевых биографий пяти маршалов СССР // Колхозные ребята. 1936. 23 февр. (№ 11). С. 3.

REFERENCES

1. “Osedlaem my donskih konej” [We Will Saddle the Don Horses]. *Stalingradskaja Pravda* [The Stalingrad Truth], 1936, Mar. 18, no. 62 (2376), p. 3.

2. Bagdasarjan S.D., Skorik A.P. *Krestjanskaja povsednevnost epohi nepa: dosug i prazdnik v juzhnorossijskoj derevne v 1920-e gody* [Peasant Daily Life of the NEP Era: Leisure and Celebration in a Southern Russian Village in the 1920 Years]. Novocherkassk, Lik Publ., 2012. 239 p.

3. Baranov A.V. Nasledie grazhdanskoj vojny vo vzaimootnoshenijah kazachestva i krestjanstva Juga Rossii s vlastju v 1920-h gg. [The Legacy of the Civil War in the Relations of the Cossacks and the Peasantry of Southern Russia with the Authorities in the 1920s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 116-127. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.11

4. Borba za Caricyn (kratkij strategicheskij ocherk borby v 1918–1919 g.) [The Struggle for Tsaritsyn (A Brief Strategic Outline of the Struggle in 1918–1919)]. *Borba* [Fighting], 1925, Jan. 4 (no. 2101 (3)), p. 3.

5. Bylina o Podtelkove i Krivoshlykove [The Epic of Podtelkov and Krivoshlykov]. *Molot* [Hammer], 1936, Oct. 27 (no. 4624).

6. Venkov A.V. *«Tihij Don»: istochnikovaja baza i problema avtorstva: v 2 ch.* [“Quiet Don”: The Source Base and the Problem of Authorship. In 2 Pts]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2010. 884 p.

7. Vershinin L.K. O gibeli otrjada Podtelkova. 1929 g. [About the Death of Podtelkov’s Squad. 1929]. *Tsentr dokumentatsii noveyshej istorii Rostovskoj oblasti (daleye – TsDNIRO)* [The Center of Documentation of the Modern History of the Rostov Region], f. R-12, inv. 2, d. 199. 81.

8. Voroshilovskie kavaleristy [Voroshilov Cavalrymen]. *Molot* [Hammer], 1936, Feb. 23 (no. 4420).

9. Doklad ob itogah i formah raboty v kazachyih okrugah Stalingradskoj gubernii [Report on the Results and Forms of Work in the Cossack Districts of the Stalingrad Province]. *Tsentr dokumentatsii noveyshej istorii Volgogradskoj oblasti (daleye – TsDNIVO)* [The Center of Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 1, inv. 1, d. 112a, pp. 1-25.

10. Donskie kazaki u marshala Sovetskogo Sojuza tov. S.M. Budennogo [The Don Cossacks at the Marshal of the Soviet Union, Comrade S.M. Budyonny]. *Molot* [Hammer], 1936, Mar. 11 (no. 4434).

11. Eremeeva A.N. Praktiki memorializacii antisovetskogo dvizhenija na Juge Rossii v gody Grazhdanskoj vojny [Practice of Memorialization of

the Anti-Soviet Movement in the South of Russia During the Civil War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 171-183. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.13

12. Kamencev A.A. Vozrozhdenie kazachestva i krasno-belaja pamjat [The Revival of the Cossacks and the Red and White Memory]. *Rossija XXI* [Russia 21st], 2024, no. 3, pp. 120-141.

13. Konenkov S.T. *Moj vek. Vospominanija* [My Century. Memories]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1988, 381 p.

14. Matveev O.V. *Kubanskoe kazachestvo, istoriko-kulturnoe nasledie, sudby, grani narodnoj pamjati* [Kuban Cossacks, Historical and Cultural Heritage, Destinies, Facets of National Memory]. Krasnodar, Tradicija Publ., 2019. 384 p.

15. Moshkarev M.P. V te dni... [In Those Days...]. *Molot* [Hammer], 1936, Mar. 15 (no. 4437), p. 3.

16. Pamjatnaja noch. (7 godovshhina zverskoj raspravy belogvardejcev s kalachevskimi rabochimi) [Memorable Night. (The 7th Anniversary of the Brutal Massacre of the Kalachevo Workers by the White Guards)]. *Borba* [Fighting], 1925, May 3 (no. 120 (2218)), p. 3.

17. Pervaja konnaja – vsegda na strazhe [The First Cavalry Is Always on Guard]. *Povolzhskaja Pravda*, 1936, Febr. 23 (no. 43 (512)), p. 3.

18. Podtelkov Fedor (rukopis) [Fyodor Podtelkov (The Manuscript)]. *TsDNIRO* [The Center of Documentation of the Modern History of the Rostov Region], f. R-12, inv. 3, d. 103. 12 l.

19. *Poselennye itogi perepisi 1926 g. po Severo-Kavkazskomu kraju* [Settlement Results of the 1926 Census in the North Caucasus Region]. Rostov-on-Don, 1929. 547 p.

20. Prijma K.I. *«Tihij Don» srazhaetsja* ["The Quiet Don" Is Fighting]. Moscow, Sov. Rossija, 1975. 542 p.

21. Raspopin A. Najdennaja dolja [The Found Share]. *Molot* [Hammer], 1936, Mar. 15 (no. 4437), p. 1.

22. Rvacheva O.V. *Vozrozhdenie kazachestva juga Rossii v konce XX – nachale XXI veka* [The Revival of the Cossacks in Southern Russia at the End of the 20th – Beginning of the 21st Century]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2021. 390 p.

23. Rvacheva O.V. *Politika partijno-sovetskih organov i socialno-politicheskie nastroenija donskogo kazachestva v period socialisticheskoj modernizacii 1920–1940 gg.* [The Policy of the Party-Soviet Organs and the Socio-Political Sentiments of the Don Cossacks During the Period of Socialist Modernization in 1920–1940]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2021. 243 p.

24. Rech tov. Varejkisa na zasedanii plenuma Krajispolkoma, posvjashhennogo chestvovaniju ordenonoscev zhivotnovodstva [Speech by Comrade Vareikis at a Meeting of the Plenum of the Regional Executive Committee Dedicated to Honoring the Order Bearers of Animal Husbandry]. *Stalingradskaja pravda* [The Stalingrad Truth], 1936, Mar. 4 (no. 52 (2366)), p. 2.

25. Serafimovich A.S. «Tihij Don» [Quiet Don]. *Pravda* [Truth], 1928, Apr. 19 (no. 91 (3923)), p. 6.

26. Skorik A.P. *Miljutinskij kazachij jurt: opyt istoricheskoj rekonstrukcii* [Milyutinsky Cossack Yurt: the Experience of Historical Reconstruction]. Novocherkassk, Lik Publ., 2015. 1184 p.

27. Slet molodyh kazakov [Gathering of Young Cossacks]. *Stalingradskaja pravda* [The Stalingrad Truth], 1936, Mar. 18 (no. 62 (2376)), p. 3.

28. Sovetskim kazakam Dona, Kubani i Tereka [Soviet Cossacks of the Don, Kuban and Terek]. *Molot* [Hammer], 1936, Mar. 15 (no. 4437), p. 1.

29. Sovetskoe kazachestvo [The Soviet Cossacks]. *Stalingradskaja Pravda* [The Stalingrad Truth], 1936, Apr. 21 (no. 92 (2406)), p. 1.

30. Stenogramma I Donskoj oblastnoj partijnoj konferencii, 2–5 ijunja 1920 g. [Transcript of the Don Regional Party Conference on June 2–5, 1920]. *TsDNIVO* [The Center of Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. 9, inv. 1, d. 25, l. 19-34.

31. Stenogramma II Donskoj oblastnoj partijnoj konferencii, 11–15 oktjabrja 1920 g. [Transcript of the II Don Regional Party Conference Dated October 11–15, 1920]. *TsDNIRO* [The Center of Documentation of the Modern History of the Rostov Region], f. 4, inv. 1, d. 8. 181 l.

32. Syny sovetskogo Dona [The Sons of the Soviet Don]. *Stalingradskaja pravda* [The Stalingrad Truth], 1936, Mar. 20 (no. 65 (2379)).

33. Ugolovnoe delo po obvineniju A.S. Senina [The Criminal Case Against A.S. Senin]. *Arhiv FSB po Rostovskoj oblasti* [Archive of the Federal Security Service for the Rostov Region], d. P 47489, l. 448.

34. Ugolovnoe delo po obvineniju Ermakova Harlampija Vasilyevicha [The Criminal Case Against Ermakov Kharlampiy]. *Arhiv FSB po Rostovskoj oblasti* [Archive of the Federal Security Service for the Rostov Region], d. P-27966, l. 64.

35. Sholohov M.A. *Tihij Don. V 4 kn. Kn. 2* [Quiet Don. *In 4 Books. Book 2*]. Moscow, Sovetskaja Rossija, 1978. 751 p.

36. Epizody iz boevyh biografij pjati marshalov SSSR [Episodes from the Combat Biographies of Five Marshals of the USSR]. *Kolhoznye rebjata* [Collective Farm Guys], 1936, Febr. 23 (no. 11), p. 3.

Information About the Author

Olga V. Rvacheva, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, olgarvacheva@mail.ru, ov_rvacheva@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5039-4744

Информация об авторе

Ольга Владимировна Рвачева, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, olgarvacheva@mail.ru, ov_rvacheva@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5039-4744

www.volsu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.15

UDC 327(8=6)
LBC 66.4(70)

Submitted: 08.01.2025
Accepted: 07.07.2025

THE NEW CHALLENGES IN LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN COUNTRIES REGARDING THE IMPLEMENTATION OF THE UN SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Ilya A. Sokov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The article's purpose is to identify new challenges in Latin America and the Caribbean (hereinafter – LAC) countries regarding the implementation of the UN Sustainable Development Goals (hereinafter – SDGs). The scientific novelty consists in highlighting the main trends, factors, and signs in the development of LAC countries in the third decade of the 21st century and ways to overcome new challenges of their sustainable development goals. *Methods and materials*. The messages from news agencies in the USA and Latin American countries were used as materials for the study. *Analysis*. An analysis of the formal approaches of the United Nations to the process of creating sustainable development was carried out on the basis of foreign sources and literature, including the conditions and possibilities for the implementation of SDGs 1, 2, and 8 by the LAC countries; conceptual differences in the approaches of the United Nations and LAC to the implementation of the SDGs in the context of contemporary turbulence in regional and global politics; and the emergence of new conditions for their cooperation with the leading world powers were identified. *Results*. The author's article succeeded in clarifying the possible results from the UN approaches to achieving the Sustainable Development Goals of SDG-2030 in his article. It has been established that LAC countries are unable to fulfill them either on their own or with the help of international organizations. The main goals of SDGs 1, 2, and 8 remain unattainable, both due to the expected decline in economic growth in the period 2026–2029 and the social situation of the population in LAC countries. Past problems of cross-border crime, drug trafficking, extortion, and kidnapping are causing new internal displacement of millions of people. Despite the growing number of prisoners in LAC countries, the problem of crime remains one of the main concerns of Latin American governments. The problem of migration exodus is being resolved very slowly, and its negative impact remains almost at the same level, and in some countries, such as Haiti, Cuba, Colombia, Venezuela, and El Salvador, this problem is growing. In addition, new negative factors have been added, hindering the implementation of the UN SDGs. These are negative environmental and climatic factors in Latin America, the American policy of mass deportations of Latin Americans from the USA, which creates additional pressure among the most vulnerable segments of the population, and the American tariff policy in the Latin American region. At the same time, a "window of opportunity" is opening for LAC countries to enter the world stage to expand their cooperation with countries from other continents in Africa and Eurasia, both directly and within the framework of BRICS and the Chinese Belt and Road Initiative.

Key words: Sustainable Development Goals, Latin America and the Caribbean, BRICS, USA, UN.

Citation. Sokov I.A. The New Challenges in Latin America and the Caribbean Countries Regarding the Implementation of the UN Sustainable Development Goals. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 179-187. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.15

© Sokov I.A., 2025

УДК 327(8=6)
ББК 66.4(70)

Дата поступления статьи: 08.01.2025
Дата принятия статьи: 07.07.2025

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА В ВОПРОСАХ ВЫПОЛНЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН

Илья Анатольевич Соков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Цель статьи заключается в определении новых вызовов в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (далее – ЛАК) в вопросах выполнения целей устойчивого развития (далее – ЦУР) ООН. Научная новизна состоит в выделении основных тенденций, факторов и признаков в развитии стран ЛАК в третьем десятилетии XXI в. и путей преодоления новых проблем своих ЦУР. *Методы и материалы.* В качестве материалов в работе были задействованы сообщения новостных издательств США и стран Латинской Америки. *Анализ.* На основе использования зарубежных источников и литературы был проведен анализ формальных подходов ООН к процессу создания устойчивого развития, в том числе условий и возможности выполнения ЦУР 1, 2, и 8 ООН странами ЛАК, выявлены концептуальные отличия в подходах ООН и ЛАК к реализации ЦУР в условиях современной турбулентности в региональной и мировой политике, а также появления новых условий их взаимодействия с ведущими мировыми державами. *Результаты.* В статье удалось уточнить возможные результаты подходов ООН к ЦУР-2030. Установлено, что страны ЛАК не способны их выполнить ни собственными силами, ни с помощью международных организаций. Главные ЦУР 1, 2 и 8 остаются недостижимыми как по причине ожидаемого снижения темпов экономического роста в период 2026–2029 гг., так и социального положения населения в странах ЛАК. Нерешенные проблемы трансграничной преступности, наркотрафика, вымогательства и похищения людей вызывают новые внутренние перемещения миллионов людей. Несмотря на рост числа заключенных в странах ЛАК, преступность остается одной из главных забот латиноамериканских правительств. Проблема миграционного исхода разрешается очень медленно, и ее отрицательное влияние остается практически на том же уровне, а в некоторых странах, таких как Гаити, Куба, Колумбия, Венесуэла, Сальвадор, – растет. К тому же добавились новые негативные факторы, тормозящие выполнение ЦУР ООН. Это – экологические и климатические условия в Латинской Америке, американская политика массовых депортаций латиноамериканцев из США, создающая дополнительное давление в среде наиболее уязвимых слоев населения, американская тарифная политика в латиноамериканском регионе. Вместе с тем для стран ЛАК открывается «окно возможностей» выхода на мировую арену для расширения своего сотрудничества со странами других континентов в Африке и Евразии как напрямую, так в рамках БРИКС и китайской инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: цели устойчивого развития, Латинская Америка и Карибский бассейн, БРИКС, США, ООН.

Цитирование. Соков И. А. Новые вызовы в странах Латинской Америки и Карибского бассейна в вопросах выполнения целей устойчивого развития ООН // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 179–187. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.15

Introduction. The article's author tries to show the UN's approaches to building sustainable development in Latin America and the Caribbean, and he argues that the UN SDG targets cannot be met by 2030 for a number of objective reasons.

In August 2015, 17 interrelated sustainable development goals were identified and agreed upon at the UN conference. 193 states signed the final document – "Transforming Our World: Sustainable Development Agenda 2030" [32]. At the same time, 169 tasks were identified that should be independently solved by states at the national level in order to fulfill these goals [23].

More than half the term has passed, and already now we can state that these goals, for the most part, will not be fulfilled [4, pp. 475-498]. The question is why? There are several reasons here. Firstly, this is due to the erroneous

premise that states will be able to implement SDGs within their competencies and at their national level. Weak developing countries do not have the financial resources to address SDG 1 (poverty eradication) and SDG 2 (hunger eradication), which, according to the World Bank, required $3.0 trillion in 2016 prices [14].

Secondly, the international community has not developed special investment measures for the poor and poorest countries by international financial organizations, private funds, and businesses to achieve the objectives of the UN SDGs, although many proposals have been put forward [8]. In October 2024, in the United States, at the last summit of donor countries and creditors' finance ministers of the IMF and the World Bank, the debt burden figure of the poorest developing countries to international financial institutions was presented. This figure was $100 trillion, and only a smaller share of these countries has enough funds to service international debt (interest on loans).

Thirdly, attention was not focused on the implementation, at least for SDG 1 and SDG 2. According to the UN report "Report on Sustainable Development Goals 2024," by the end of 2024, 1.4 billion children in the world are in extreme poverty; "in 75 most vulnerable countries every fourth person lives on less than $2.15 per day. One in three in these countries is now poorer on average than before the pandemic" [31].

Fourth, not only did the UN conference in 2015 accept the goals unsecured by financial calculations, but after almost half the SDGs, each chapter of the 2024 Report justifies the past COVID-19 pandemic as the main reason that did not allow achieving the goals.

Fifth, the UN Report did not say a word about sabotaging the implementation of the SDGs by the United States and its satellites, which imposed economic and financial sanctions against developing countries during the period 2015–2024.

Sixth, with the arrival of the newly elected president of the United States, D. Trump, hopes for the implementation of the SDGs are "melting away before our eyes," because, having not yet taken office, he publicly announced not only the introduction of trade duties for developing countries.

Methods and materials. The presented study used the scientific principle of objectivity, the scientific systematic historical approach, and a special political and cultural research method, which made it possible to identify existing trends and signs of evolutionary changes in the socio-political and cultural development of this world region in the issues of sustainable development of the LAC countries, as well as to find out the main factors contributing to (or hindering) the implementation of the UN SDGs.

The use of a systemic historical approach made it possible to argue that LAC countries in contemporary life, as in historical retrospect by the United States and its satellites, are still considered the "backyard of America," and therefore the methods of interaction with them remain the same (vassal).

The use of a special political and cultural research method made it possible to establish the national elites' inability of the LAC countries to achieve the UN sustainable development goals and independent and confident socio-cultural development in the near future, taking into account national specifics and cultural identity.

In addition, the lack of unity of the regional community [33, pp. 31-65], a "pendulum" change in political regimes [7], and the continued confidence of individual countries in the help of a rich northern neighbor (the USA) make difficult the transition to equal international relations and sustainable development of the region [5].

Meanwhile, it must be admitted that a "window of opportunity" has been opened for the LAC countries both for wider international interaction at the BRICS platform and for the use of alternative relations with the PRC by participating in its "Belt and Road" initiative.

There are messages, opinions, editorial and expert assessments from central news agencies, and research articles from scientific journals from the USA and Latin American countries were used as materials in the scientific paper.

Analysis. *Old challenges and new opportunities for LAC countries to implement the SDGs.* LAC countries, overcoming past landmarks in the United States, successfully enter the world stage. Brazil became the founder of BRICS in 2009. Currently Venezuela, Honduras, Nicaragua, and Colombia are striving for this international organization, while Cuba and Bolivia are accepted into its composition in 2024 [31]. In addition, it is possible that Argentina's entry into

the BRICS, which was denounced by President Javier Milei, will remain on the agenda of this country.

What are the perspectives for regional development in LAC? Having a labor force of more than 300 million people. The region's countries may show more significant growth than the leading countries of the European Union. Thus, according to the IMF, for the next five years (2024–2029), the growth of the leading EU economy – Germany – is expected to be 1.7%, while the growth of the leading LAC economies – Brazil – is 2%, and Mexico is 1.7% [15]. And yet, this LAC economic growth is insufficient to meet the sustainable development goals. One of the drivers of regional development is nearshoring, which includes the spread of business in its various forms – foreign trade, cross-border investments, technology transfer, outsourcing, value chain formation, etc. – mainly to neighboring and nearby countries [22].

The strategy of "nearshoring" allows strengthening intra-regional cooperation as much as possible and making it a generator of accelerated economic growth. Although some countries in the region are still of the opinion that we must wait for help from the United States [17]. Nearshoring gives Latin America, especially Mexico, a chance to become a new manufacturing center by entering the lucrative North American market. This shift is not just about increasing production; we are talking about creating jobs, stimulating the local economy, and deeper integration into global trading networks [20].

As for the fulfillment by the LAC countries of the UN goals – SDG 1, SDG 2, and SDG 8 that determine the possibilities for solving the above problems – the Latin American elites of some countries are waiting for help from the United States [17].

A prominent representative of these elites is Ivan Duque, the former president of Colombia. He advocates a bipartisan and bicameral approach to creating long-term policies that promote regional stability and prosperity. Duque stresses the need for more trade and investment agreements and faster "friend exchanges." He calls for strategic U.S. involvement in infrastructure projects, particularly those related to the energy transition, the development of 5G networks and critical technologies such as AI, cybersecurity, blockchain, and cloud computing.

What can be said about this? Of course, the United States could participate in LAC's economic growth more effectively. But if they didn't do it within the OAS, will they do it within the LAC, which they are not part of?

Opportunities for SDG 1 (poverty eradication) and SDG 2 (hunger eradication). More than 10 trillion US dollars is required to eliminate poverty and hunger in LAC countries. It is clear that neither international financial institutions nor the LAC countries themselves can afford such a volume of finance. Therefore, it should be assumed that the SDG 1 and SDG 2 goals will not be met by 2030. There are at least two paradoxes in the implementation of these Latin American SDGs:

– the first is that the volume of food exports by LAC countries to the world market (wheat, meat, fruits, etc.) practically solves the problem of hunger and 50% solves the problem of poverty in the region;

– the second paradox is that LAC countries have a specific problem called by experts the Double Burden of Malnutrition (DBM) [26].

The coexistence of two approaches to food consumption – malnutrition and overeating within the same populations – creates a new challenge in the implementation of SDGs. Almost 8.5% of households experience this form of DBM in Peru, Brazil, and Mexico. In most cases, overweight adults and stunted children coexist in the same household [21].

The public health of LAC countries should deal with these paradoxes in promoting culture in the field of nutrition and health.

SDG 8 (Economic growth). LAC countries are on track to achieve only 22% of the level of the SDG 8 Sustainable Development Goal, which prompted the Economic Commission for Latin America and the Caribbean (hereinafter – ECLAC) at its meeting in Santiago to call for accelerated policy implementation to meet the 2030 Agenda [9].

These figures were cited by José Manuel Salazar-Xirinachs, ECLAC Executive Secretary. He said, "Unfortunately, it is estimated that only 22% of these goals are either met or on track, leaving more than three-quarters of the goals that deviate from the intended path" [9].

Meanwhile, the ECLAC report looked at concrete progress on five SDGs: Ending Poverty, Zero

Hunger, Tackling Climate Change, "Peace, Justice, and Strong Institutions," and "Partnership to Achieve These Goals." ECLAC predicts the region's GDP growth of 1.9% in 2024 (which is already doubtful), while in 2023 this growth was 1.4% [29].

The message of the latest ECLAC meeting is clear: the region should significantly accelerate its efforts. It is a call for urgent action and a reminder that while the goals are ambitious, they are also critical to the future well-being and sustainability of the region. The time for gradual progress has passed; now comes the moment of transformational change.

This message was realized in the first summit of the World Federation of the Chambers of America, which was attended by more than 800 companies and key world trade leaders to discuss opportunities and digital transformation. The World Federation of Chambers, a non-governmental and apolitical forum of the International Chamber of Commerce (hereinafter – ICC), allows more than 12,000 chambers around the world to exchange information. ICC itself is the world's largest business organization, representing more than 45 million companies in more than 100 countries. Its main goal is to promote international trade and investment.

On May 16–17, 2024, more than 800 national and international companies, at least 40 heads of chambers of commerce, and representatives of such well-known institutions as the Inter-American Development Bank (IDB), the Latin America and Caribbean Development Bank (CAF), and the United Nations gathered at the Bogota Chamber of Commerce and Industry (hereinafter – CCB). Guests of honour included John W.H. Denton, Secretary-General of the ICC; Rifat Hisarcıklıoğlu, President of the World Federation of Chambers; and Ron Busby, president of Black Chambers, Inc. Their participation highlighted the diverse and inclusive nature of the summit aimed at addressing the critical challenges facing global and regional trade today.

Ovidio Claros, president of CCB, in his speech pointed to the dual focus of the summit – academic discourse and practical business results. "We aim not only to bring together 1,500 members representing 12,000 chambers worldwide, but also to facilitate substantial business transactions through our first ever session to establish business connections," Claros explained.

The launch during the Women's Chambers of Commerce Council summit is an initiative highlighting the summit's commitment to inclusivity and empowerment in the business world. It aligns with the broader goals of the World Chambers of Commerce (WCF) to improve the access of the government platform for entrepreneurs to global markets, improve business sustainability and combat climate change, and promote the inclusion and empowerment of women.

It should be recognized, as global dynamics change, LAC becomes a key player in strengthening global supply chains. Overcoming trade tensions, the countries in the region are using their agricultural and manufacturing sectors to secure a greater role in the global market [18].

Of course, innovative people from LAC countries play a major role in achieving sustainable development goals. Annually, the Horse Strategy Consultancy (H.O.R.S.E.) assesses the performance of the region's senior executives based on their public contributions and impact on public issues.

In 2024, the list of 100 most innovative business leaders in LAC was headed by Argentinean Marcos Galperín, founder and CEO of MercadoLibre; David Vélez of Nubank; and Martín Migoya of Globant [16].

SDG 8 includes not only economic growth but also the concept of "decent work." For LAC to talk about decent work for the majority of the working-age population is premature when in the region informal unemployment is more than 50%. Meanwhile, according to a report by the International Labor Organization (ILO), unemployment in the LAC tends to decline: from 52.3% in 2022 to 51.8% in 2023 and to 51.7% in 2024 [27]. In absolute terms, this will mean that from 188.6 million unemployed in 2023, it has grown to 190.8 million people in 2024 and 192.7 million people in 2025 [27]. From the above figures, it follows that demographic shifts should be taken into account as determining factors in the implementation of the sustainable development goals for the LAC region.

The LAC countries are now home to 652 million people, and the labor force is 331 million people, which is 50.8% of the region's population. By 2050, this figure will increase sharply and reach 54.6%, or 402.7 million people. This forecast was formulated by the Economic Commission for Latin America and the Caribbean (CEPAL) [28].

Therefore, targeted strategies at both the regional and national levels are required to increase workforce engagement, reduce poverty, and combat inequality (including gender). The growing labor force, combined with the diversification of its composition, provides an unprecedented opportunity to change the labor market in Latin America and the Caribbean. Policies that address the unique needs and concerns of women and older workers are useful and necessary for the economic viability and social cohesion of the region. Promoting, at the regional level, labor integration and gender equality is not just an option but an imperative for Latin America.

As a result, we can say that for the LAC countries, the conditions and opportunities for sustainable development lie in closer regional economic integration and the expansion of "friendshoring," in solving security problems on an intraregional basis, and in more active interaction on the world stage with leading developing countries.

New challenges facing LAC countries in implementing the UN SDGs. The conviction of non-compliance with the UN SDGs by 2030 by the LAC countries increases given the new negative factors for the implementation of the sustainable development goals, which arose both due to internal changes in these countries and due to external influence on the countries of the region.

The new threats have emerged related to environmental and climate changes, which are additional factors in the implementation of the UN SDGs.

So in Brazil there is a sharp reduction in protected areas, which undermines the conservation of biodiversity and mitigation of climate change. The preservation of these areas is crucial for Brazil in fulfilling its COP 15 commitment to achieve zero deforestation by 2030. Despite the efforts of the current president to restore environmental protection, the Rural Front's control over the National Congress continues to threaten protected areas. Cristalino II State Park, located in the southern Amazon region of Mato Grosso State, is in danger of liquidation due to fraudulent land claims.

Over the past three years, the number of internally displaced persons has increased in LAC countries. The problem stems from both the rise of military and criminal pressure, especially in Colombia [6] and Haiti [13], and the rise of the anthropogenic factor associated with climate change and natural disasters. According to the Global Report on Internal Displacement (hereinafter – GRID) of the Center for Monitoring Internal Displacement (hereinafter – IDMC) in the LAC countries, at the end of 2024 [12], the number of internal displacements of persons doubled in six years [1].

The report emphasizes that Brazil recorded the largest number of internally displaced people – 1.1 million people related to climate factors. Most of these cases are due to floods in Rio Grande do Sul, where unusual precipitation flooded an area approximately the size of the United Kingdom [1].

Internal displacement related to conflict and violence in Latin America has more than doubled to 1.5 million people. More than 60% of these movements originated in Haiti, where gang violence continues to fuel the exodus of people from the capital, Port-au-Prince. According to the GRID IDMC Report for 2024, the increase in criminal violence in Haiti has tripled compared to 2023. Ecuador, for the first time, reported that conflict and violence caused about 101,000 movements in 2024. Quito authorities are fighting the spread of criminal networks that operate near the capital and along the coast, which prompted President Guillermo Lasso to declare the presence of an armed conflict and use the army.

In the most economically prosperous Mexico, almost seven million of its citizens are victims of extortion every year: more than 18,000 a day, 780 an hour, and 13 a minute [11].

In general, across all LAC countries, the narrative is growing pressure on vulnerable populations, whether it's rural families swept away by floods, urban residents caught in the path of a hurricane, or poor neighborhoods gripped by armed gangs.

The fight against crime in the LAC led to unexpected side results. According to "The Lancet Public Health," if the incidence of tuberculosis in the world has decreased by 8.7% over the past five years, the number of cases in Latin America has increased by 19%. Researchers attribute this increase to the region's rapid increase in prison population. In six countries – Brazil, Colombia, Mexico, Argentina, Peru, and El Salvador – the prison population is growing exponentially.

These countries now account for almost 80% of tuberculosis cases in Latin America and more than 82% of prisoners [19].

External factors that exacerbate the struggle of Latin American governments with domestic and transregional crime should include the D. Trump administration's mass deportation policy [25]. According to the decision of the US president, illegal immigrants classified as criminal gangs are sent not only to El Salvador prisons [10] and to prison at the Guantanamo Bay military base, but also they are returned to the countries of origin – Colombia, Venezuela, Brazil, and other countries – which creates additional complexity in the implementation of the SDGs [3]. When Colombian President Gustavo Petro denied U.S. military aircraft carrying deported Colombians, the White House responded with immediate economic retaliation by imposing duties and potential sanctions [5].

All foreigners, including Hispanics living in the United States without permission, are subject to deportation. This applies to both persons who secretly crossed the border and foreigners who entered legally but overstayed the visa or violated its conditions. Also, non-citizens can be deported if they commit a crime or are found to pose a threat to public safety, even if their immigration status is valid.

This is how foreigners in the United States on student visas and even green cards, which give the right to live in the country "constantly," got into Trump's networks. Some of them participated in pro-Palestinian activities. In January 2025, President D. Trump issued an executive order promising to deport foreigners who sympathize with the Palestinian group Hamas, which launched a new war with Israel in October 2023. The United States classifies Hamas as a terrorist organization [2].

Failing to appear at an immigration court hearing could result in the deportation of a large number of illegal border crossings that have been allowed to remain in the USA in recent years, at least temporarily, to qualify for asylum, which proves they have legitimate grounds to fear persecution. D. Trump effectively banned migrants from seeking asylum at the border.

The attitude towards Cuban immigrants has changed in the United States. If earlier they had a special status, and the American immigration authorities looked at their semi-legal position through their fingers, then with the advent of the administration of President D. Trump, the situation fundamentally changed. Now Cuban immigrants who have lived in the United States for decades, as well as those who decide to leave Cuba, are forced to seek their refuge instead of Miami in Curitiba, Brazil's agricultural region [24].

The new and critical factor in the sustainable and stable development of the LAC countries must include the US trade policy of 2025, with imposed trade duties on the part of President D. Trump. The United States imposed new duties – a 10% levy on most Latin American imports that went into effect on April 5, 2025, and even higher rates – 15% for Venezuela and 18% for Nicaragua from April 9, 2025 – causing concern and caution across the region [30].

Especially in Brazil, which delivered about $40 billion to the United States in 2024 as an export – oil, aircraft, and coffee. The tariffs did not affect Mexico until the conclusion of a new trade agreement, the deadline of which expires on July 9, 2025. Therefore, Mexico's reaction was calm and balanced; its business elite know that such a shift in US policy rarely remains within the same borders. Any tension on regional trade could indirectly hit Mexico's export-oriented economy, especially if Latin American partners become less competitive and regional integration efforts begin to fall apart [30].

It should be pointed out that the LAC countries are in no hurry to conclude new trade agreements with the United States with a revision of trade duties, prudently believing that these decisions should be made first by their leading partners.

Meanwhile, the uncertainty that has arisen in world trade due to President D. Trump's actions forces both large and especially small exporters to look for alternative American markets, without waiting for the date of July 9.

Results. As a result of the study, it was possible to clarify the possible outcomes of the UN approaches to the implementation of the SDG 2030. It has been established that LAC countries are unable to fulfill them either on their own or with the help of international organizations. The main goals of SDG 1, 2, and 8 remain unattainable, both due to the expected decline in economic growth during the period 2026–2029 and the social situation of the population in the LAC countries.

Past problems of cross-border crime, drug trafficking, extortion, and kidnapping have caused new internal movements of millions of people. Despite the increase in the number of prisoners in LAC countries, the problem of crime remains one of the main concerns of Latin American governments.

The problem of the migration exodus is resolved very slowly, and its influence remains at almost the same level, and in some countries (Haiti, Cuba, Colombia, Venezuela, El Salvador) it is growing.

In addition, new negative factors have been added that hinder the implementation of the UN SDGs. These are environmental and climate factors in Latin America, the American policy of mass deportations of Hispanics from the United States, creating additional pressure among the most vulnerable segments of the population, and American tariff policy in the Latin American region.

At the same time, a "window of opportunity" opens for the LAC countries to enter the world stage to expand their cooperation with countries of other continents in Africa and Eurasia, both directly and within the BRICS and the Chinese Belt and Road Initiative.

REFERENCES

1. *Americas on the Edge: Climate and Violence Drive Millions from Home*, 2025, May 14. URL: https://latinamericanpost.com/americas/americas-on-the-edge-climate-and-violence-drive-millions-from-home/

2. Caldwell A.A. *Trump Promised Record Deportations. How's That Going?*, 2025, May 20. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-05-20/how-is-trump-s-deportation-campaign-going

3. Cano R.G., Suarez A., Miller Z. *White House Says Colombia Agrees to Take Deported Migrants After Trump Tariff Showdown*, 2025, January 27. URL: https://apnews.com/article/colombia-immigration-deportation-flights-petro-trump-us-67870e41556c5d8791d22ec6767049fd

4. Chaturvedi S., Janus H., Klingebiel S., Xiaoyun L., Souza A., de M. e, Sidiropoulos E., Wehrmann D., eds. *The Palgrave Handbook of Development Cooperation for Achieving the 2030 Agenda. Contested Collaboration*. Springer Nature Switzerland AG, 2021. 733 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-57938-8

5. *Colombia Tariff Clash Highlights Trump's Rapid-Escalation Power Strategy*, 2025, January 28. URL: https://latinamericanpost.com/analysis-en/colombia-tariff-clash-highlights-trumps-rapid-escalation-power-strategy/

6. *Colombia's Catatumbo Crisis: Rebels, Displacement, and a Shattered Peace Attempt*, 2025, January 23. URL: https://latinamericanpost.com/americas/colombias-catatumbo-crisis-rebels-displacement-and-a-shattered-peace-attempt/

7. Dabène O., ed. *Latin America's Pendular Politics. Electoral Cycles and Alternations*. Springer Nature Switzerland AG, 2023. 392 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-26761-1

8. Dalby S., Horton S., Mahon R., Thomaz D., eds. *Achieving the Sustainable Development Goals. Global Governance Challenges*. London, Routledge, 2019. 276 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9780429029622

9. *ECLAC: Latin America Lag in Sustainable Development Goals*, 2024, April 17. URL: https://latinamericanpost.com/economy-en/eclac-latin-america-lag-in-sustainable-development-goals/

10. *El Salvador Megaprison and the Unanswered Questions in Bukele's Crackdown*, 2025, March 20. URL: https://latinamericanpost.com/americas/el-salvador-megaprison-and-the-unanswered-questions-in-bukeles-crackdown/

11. Ferri A.S.C. *Hostages of Extortion in Mexico*, 2025, June 15. URL: https://english.elpais.com/international/2025-06-15/hostages-of-extortion-in-mexico.html

12. *Global Report on Internal Displacement. IDMC 2025*. URL: https://api.internal-displacement.org/sites/default/files/publications/documents/idmc-grid-2025-global-report-on-internal-displacement.pdf

13. *Haiti's Displacement Deepens to Over 1 Million as Gang Violence Escalates*, 2025, January 16. URL: https://latinamericanpost.com/americas/haitis-displacement-deepens-to-over-1-million-as-gang-violence-escalates/

14. Hutton G., Varughese M. *The Costs of Meeting the 2030 Sustainable Development Goal Targets on Drinking Water, Sanitation, and Hygiene*. Washington, DC, World Bank, 2016. URL: http://hdl.handle.net/10986/23681

15. *IMF Raises Latin America and Caribbean Growth Forecast for 2024*, 2024, October 23. URL: https://latinamericanpost.com/economy-en/imf-raises-latin-america-and-caribbean-growth-forecast-for-2024/

16. *Innovative Leaders of Latin America: A Profound Analysis of Change Makers*, 2024, June 28. URL: https://latinamericanpost.com/americas/innovative-leaders-of-latin-america-a-profound-analysis-of-change-makers/

17. *Key Latin America Issues for the Next U.S. President to Address*, 2024, July 20. URL: https://latinamericanpost.com/analysis-en/key-latin-america-issues-for-the-next-u-s-president-to-address

18. *Latin America Bolsters Global Supply Chains*, 2024, March 12. URL: https://latinamericanpost.com/economy-en/latin-america-bolsters-global-supply-chains/

19. *Latin America Faces Tuberculosis Surge Fueled by Mass Incarceration*, 2025, January 2. URL: https://latinamericanpost.com/science-technology/latin-america-faces-tuberculosis-surge-fueled-by-mass-incarceration/

20. *Latin America's Economic Clouds Hide Silver Linings for Growth*, 2024, January 24. URL: https://latinamericanpost.com/analysis-en/latin-americas-economic-clouds-hide-silver-linings-for-growth/

21. *Latin America's Obesity Crisis: Removing Barriers to Exercise for Healthier Lives*, 2025, March 4. URL: https://latinamericanpost.com/life/latin-america-obesity-crisis-make-exercising-easier-to-champion-healthier-futures/

22. Legge S., Lukaszuk P. Regionalization vs. Globalization: What Is the Future Direction of Trade? *WEF*, 2021, July 15. URL: https://www.weforum.org/agenda/2021/07/regionalization-globalization-future-direction-trade/

23. *Resolution Adopted by the General Assembly on 25 September 2015*. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/291/89/pdf/n1529189.pdf

24. Rosati A., Lopes M. *Cubans Shut Out by Trump Are Ditching Miami for Brazil's Deep South*, 2025, June 17. URL: https://www.bloomberg.com/news/features/2025-06-17/trump-deportations-cuban-migrants-ditch-miami-for-curitiba-brazil

25. Schonfeld Z., Beitsch R. *First Judge Approves Trump Invoking Alien Enemies Act to Deport Venezuelans*, 2025, May 13. URL: https://thehill.com/regulation/court-battles/5298369-trump-alien-enemies-act-venezuelans/

26. *Tackling the Double Burden of Malnutrition in Latin America*, 2024, August 24. URL: https://latinamericanpost.com/americas/tackling-the-double-burden-of-malnutrition-in-latin-americ

27. *The ILO Predicts that the Unemployment Rate in Latin America Will Drop by One Tenth in 2024, to 6.1%*, 2024, January 10. URL: https://latinamericanpost.com/economy-en/the-ilo-predicts-that-the-unemployment-rate-in-latin-america-will-drop-by-one-tenth-in-2024-to-6-1/

28. *The Need to Foster Inclusion and Equity in Latin America's Workforce*, 2024, March 14. URL: https://latinamericanpost.com/analysis-en/the-need-to-foster-inclusion-and-equity-in-latin-americas-workforce/

29. *The Sustainable Development Goals Report 2024*. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2024/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2024.pdf

30. *Trump's Tariff Earthquake Rattles Latin America's Trade Balance*, 2025, April 3. URL: https://latinamericanpost.com/analysis-en/trumps-tariff-earthquake-rattles-latin-americas-trade-balance/

31. *U.S. Neglect of Latin America Paves the Way for BRICS Strength*, 2024, July 18. URL: https://latinamericanpost.com/analysis-en/u-s-neglect-of-latin-america-paves-the-way-for-brics-strength/

32. *United Nations Summit on Sustainable Development, 25–27 September 2015*. New York. URL: https://www.un.org/en/conferences/environment/newyork2015

33. Wagne J.A., ed. *Diplomatic Strategies of Rising Nations in the Global South. The Search for Leadership and Influence*. Springer Nature Switzerland AG, 2024. 485 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-52629-9

Information About the Author

Ilya A. Sokov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sokov@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-7146-7340

Информация об авторе

Илья Анатольевич Соков, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sokov@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-7146-7340

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.16

UDC 327.7
LBC 66.4(4/8)

Submitted: 03.04.2025
Accepted: 10.07.2025

THE RELATIONS BETWEEN TURKEY AND CENTRAL ASIA: THE COEXISTENCE OF STRENGTH AND WEAKNESS

Yuyan Zhang

Lanzhou University, Lanzhou, People's Republic of China

Keyi Xiang

Lanzhou University, Lanzhou, People's Republic of China

Abstract. *Introduction.* Turkey has become an integral part of Central Asia's foreign relations. The article examines the characteristics, strengths, and weaknesses of Turkey's relations with Central Asia across three dimensions: historical and cultural ties, bilateral political and economic relations, and multilateral cooperation. *Methods.* The research is based on the use of a mixed-method approach, including a combination of quantitative and qualitative methodologies, integration of history and policy, and a merger of case studies and comparative analysis. *Materials.* The article is based on factual material extracted from the latest statistical data of international organizations and countries under study, the scientific publications of scholars, and media commentaries. Current studies on Turkish-Central Asia relations primarily focus on Pan-Turkism, the foreign policy of Turkey towards Central Asia, and the great power game in Central Asia, with less attention paid to the considerations and choices of the Central Asian countries themselves. *Analysis.* The historical and cultural connections, based on the Turkic factor, can be regarded as an important bond in Turkey's regional relations with Central Asia, laying the foundation for their educational cooperation. Influenced by political mutual trust, presidential transition, trade construction, etc., Turkey's political and economic relations with the Central Asian countries have obvious by-country characteristics. In trade and economic terms, links between Turkey and Central Asian countries have strengthened but remain at a low level. The Organization of Turkic States plays a prominent role in multilateral cooperation, making efforts in partnership building, the implementation of the Middle Corridor, the expansion of the organization, and language Latinization. *Results.* It is concluded that Central Asian countries have differences with Turkey over interests, which leads to the fact that Turkey has unique advantages in developing relations with Central Asian countries but also faces some bottlenecks. *Authors' contribution.* Yuyan Zhang conceptualized the research topic and elaborately designed the overall research framework and methodology. She also wrote the majority of the original draft, covering key sections such as the introduction, literature review, and results. Keyi Xiang collected, systematized, and analyzed statistical data of international organizations and countries under study during the research. *Funding.* The study was carried out within the framework of the National Social Science Foundation of China under Grant No. 23VXJ034 and the project research of the Gansu Provincial Department of Education 2024 Special Research Project on Curriculum and Teaching Materials for Primary and Secondary Schools and Universities under Grant No. GSJC-Z2024013.

Key words: Central Asia, Organization of Turkic States, pan-Turkism, Turkey, Turkic factor.

Citation. Zhang Yu., Xiang K. The Relations Between Turkey and Central Asia: The Coexistence of Strength and Weakness. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 188-198. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.16

УДК 327.7
ББК 66.4(4/8)

Дата поступления статьи: 03.04.2025
Дата принятия статьи: 10.07.2025

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ: СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ПРЕВОСХОДСТВА И СЛАБОСТИ

Юйянь Чжан

Ланьчжоуский университет, г. Ланьчжоу, Китайская Народная Республика

© Zhang Yu., Xiang K., 2025

Кэйи Сян

Ланьчжоуский университет, г. Ланьчжоу, Китайская Народная Республика

Аннотация. *Введение.* Одной из ключевых стран, на которую дипломатически ориентируются страны Центральной Азии, стала Турция. В статье рассматриваются особенности, превосходства и слабости в отношениях Турции с Центральной Азией по трем направлениям: культурно-исторические связи, двусторонние политико-экономические отношения и многостороннее сотрудничество. *Методы.* Исследование основано на использовании комплекса методов, включающего количественные и качественные методы, интеграцию истории и политики, а также объединение тематических исследований и сравнительного анализа. *Материалы.* Статья основана на фактическом материале, извлеченном из новейших статистических данных международных организаций и изучаемых стран, научных публикаций ученых и комментариев СМИ. В имеющихся исследованиях, посвященных турецко-центральноазиатским отношениям, основное внимание уделяется пантюркизму, внешней политике Турции в отношении Центральной Азии и игре великих держав в Центральной Азии, а соображениям и выбору самих центральноазиатских стран уделяется мало внимания. *Анализ*. Культурно-исторические связи, основанные на тюркском факторе, являются важным звеном в региональных отношениях Турции с Центральной Азией и служат основой для их сотрудничества в области образования. Политические и экономические отношения Турции со странами Центральной Азии имеют различные особенности под влиянием политического взаимного доверия, перехода президентской власти, торговых структур и т. д. Несмотря на укрепление экономических и торговых связей между Турцией и странами Центральной Азии, они по-прежнему остаются на относительно низком уровне. Организация тюркских государств играет выдающуюся роль в многостороннем сотрудничестве, а также прилагает много усилий для установления партнерства, реализации Среднего коридора, дальнейшего расширения Организации и латинизации алфавита. *Результаты*. Сделан вывод, что у стран Центральной Азии есть разногласия с Турцией по поводу интересов, что приводит к тому, что Турция имеет уникальные возможности для развития отношений со странами Центральной Азии, но при этом сталкивается с некоторыми узкими местами. *Вклад авторов*. Юйянь Чжан предложила идею и концепцию статьи и тщательно проработала общую структуру и методологию исследования. Она также написала большую часть первоначальной рукописи, охватывающей такие ключевые разделы, как введение, обзор литературы и результаты. Кэйи Сян в ходе исследования собрала, систематизировала и проанализировала статистические данные международных организаций и изучаемых стран. *Финансирование.* Исследование выполнено в рамках проекта Национального фонда социальных наук Китая по гранту № 23VXJ034 и специального исследовательского проекта Департамента образования провинции Ганьсу за 2024 г. по учебным программам и учебным материалам для начальных и средних школ и университетов по гранту № GSJC-Z2024013.

Ключевые слова: Центральная Азия, Организация тюркских государств, пантюркизм, Турция, тюркский фактор.

Цитирование. Чжан Ю., Сян К. Отношения между Турцией и Центральной Азией: сосуществование превосходства и слабости // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, №4. – С. 188–198. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.16

Introduction. Recently, Turkey has intensified its collaboration with other Turkic-speaking countries on various issues in the Eurasian region, demonstrating its presence and role in Central Asia through institution-building, cultural cooperation, energy corridor construction, and economic and trade exchanges. Meanwhile, Central Asian countries have shown more pronounced adjustments in their internal and external policies, with the trend of "De-Russification" gaining momentum, especially under the impact of the Russia-Ukraine conflict. Consequently, Turkey has become an integral part of Central Asia's foreign relations.

This paper aims to examine the characteristics of Turkey's relations with Central Asia from both regional and country-specific perspectives. It explores the strengths and weaknesses of these relationships in terms of historical and cultural ties, economic and trade cooperation, and the status of collaboration within multilateral mechanisms.

Materials. Current studies on Turkish-Central Asia relations primarily focus on three perspectives. The first is Pan-Turkism, which highlights Turkey's promotion of Pan-Turkism in the "Turkic World," including Central Asian Turkic-speaking countries [6; 15; 17; 33].

Chinese scholars value the influence of Turkey's approaches on Xinjiang [16; 42]. Second, the "proactive and assertive" foreign policy stresses that Central Asia is an important experimental field for Turkey's geopolitical goals under the emotion of imperial nostalgia [25; 40; 46; 48]. Third, great power game theory underlies that Turkey draws on building a series of institutions, like the Organization of Turkic States, to form competitive and cooperative relationships with the U.S., Russia, Iran, China [5; 10; 14; 18; 23; 37], and so on.

As the situation in the struggle against separatism in Xinjiang evolves, it is noted that research on Turkish-Central Asia relations in Chinese academia exhibits some staged features. After the independence of the Central Asian states, Chinese scholars principally study the conditions, intentions, and impacts of Turkey's engagement in Central Asia through the utilization of "Pan-Islamism" and "Pan-Turkism." As the struggle against separatism in Xinjiang becomes increasingly severe, some scholars have begun researching how to construct anti-separatism theory to reinforce counter-separatism and counter-infiltration efforts in the ideological field and to deconstruct "Pan-Islamism" and "Pan-Turkism" thoughts, which involve the relations between Turkey and the Central Asian states [22; 52]. Recently, as the world has entered a new period of turbulence and transformation, the United States is continuously trying to contain China by playing the Xinjiang card, so Chinese scholars are increasingly focusing on analyzing Turkey's policy in Central Asia from the perspective of major power rivalry [45; 50].

Scholars' interpretations of the relationship between Turkey and the Central Asian countries make sense, but they are chiefly one-way studies of Turkey's policies towards Central Asia, with less attention paid to the considerations and choices of the Central Asian countries themselves. Thus, it is difficult to analyze their relationship in depth from both a regional perspective and a country-specific perspective.

Methods. The research methodology includes (1) a combination of quantitative and qualitative methodologies. We use the bilateral trade turnover data of Turkey with Central Asian countries combined with some scholars' points of view to do analysis on the country-specific characteristics of Turkish-Central Asian relations; (2) an integration of history and policy. This research traces the history of Turkey's relations with Central Asia, interprets relevant political activities and policy documents, and examines the history and current status of Turkey's relations with Central Asian countries; (3) a merger of case studies and comparative analysis. In the study of Turkey's relations with Central Asian countries within the Organization of Turkic States, we make comparisons of their diachronic policies on the same matters and their synchronic policies on different matters.

Analysis. How to examine the characteristics, strengths, and weaknesses of Turkey's relations with Central Asia? The authors will try to analyze this from three perspectives.

1. Historical cultural connection: the important bonds of Turkish-Central Asia regional relations. The Turkic factor is a historical and cultural root among the six Turkic-speaking countries and Turkic peoples [52]; nonetheless, this paper focuses principally on Turkey's historical and cultural ties with the Central Asian countries in the modern period, without deriving back to its historical roots.

Official contacts between Turkey and Central Asia date back to the early modern era, specifically to the interactions between the Ottoman Empire and the Khanates of Bukhara, Khiva, and Kokand. These Khanates, particularly the Emirate of Bukhara in western Central Asia, held the Ottoman Sultan in high regard and exchanged envoys with the empire.

In the late 19th century, Pan-Turkism prevailed in Russian Turkic Muslims, and especially after its core leadership's transference from Russia to the Ottoman Empire at the beginning of the 20th century, Turkey's cultural influence developed further in Central Asia, and the "Jadid movement" was one of the instrumental approaches. Although the "Jadid movement," a significant component of the Pan-Turkism ideology, was proposed by Ismail Gasprinskiy, a Crimean Tatar from Russia, the main force of Pan-Turkism has shifted from the Russian Empire to the Ottoman Empire when the "Jadid movement" in Central Asia is on the rise, which means Turkey has a greater effect on Central Asia. At first, the Soviet regime accepted the "Jadid movement"; however, they defined this

movement as a "reactionary bourgeois nationalist ideology" [3, pp. 28-29; 29, pp. 362-363] when they sequentially found it related to Turkey. But now, Central Asian countries such as Uzbekistan, Kazakhstan, and Tajikistan are re-evaluating the "Jadid movement," and their assessments are converging, all recognizing that the "Jadid movement" has played a positive role in the rise of nationalism in Central Asia [13].

Following the October Revolution, V.I. Lenin invited Enver Pasha – one of the Young Turks' leaders and a former Ottoman chief of general staff – to Central Asia to seek support from Muslim armed groups such as the Basmachi for the Soviet cause. However, Enver Pasha defected and became a key leader of the anti-Soviet forces in Central Asia. Concurrently, the Soviet regime labeled the Basmachi as "counter-revolutionary, anti-Soviet Muslim bandits" [1, pp.126-127; 38]. After this event, Turkey was isolated from Central Asia in the Soviet period. Nowadays, Central Asian countries' historical academia has reassessed the Basmachi with a consensus forming, particularly following Uzbek President Shavkat Mirziyoyev's posthumous exoneration of 115 Basmachi figures in August 2021 [20]. It is now recognized that "the Basmachi movement was a national liberation movement in Central Asia" [2; 34], and Enver Pasha has been given a positive reevaluation as a significant figure in strengthening the historical ties between Central Asia and Turkey.

Turkey is one of the first countries to recognize the independence and establish the diplomatic relations of the five Central Asian nations after the disintegration of the Soviet Union. Turkey intervenes apace into Central Asia and expands its influence, which has been generalized as "neo-pan-Turkism" by some scholars in Tajikistan, Russia, China [12; 16; 49, pp. 222-224], and elsewhere. Based on historical and cultural ties, Turkey has made significant investments in the educational sector of Central Asia, particularly in higher education. One notable example of this commitment is the joint establishment of the Yassawi Kazakh-Turkish International University (national university, reconstruction of Turkestan State University in 1992), Kyrgyz-Turkish Manas University (national university, established in 1998), and Ala-Too International University (private university, originally built as International Ataturk-Alatoo University in 1996). After the Gulen Movement in Turkey in July 2016, led by Erdogan's opponent Gulen, was purged in Central Asia, Erdogan established the Marif (Knowledge) Foundation of Turkey, which operated schools in Central Asia in place of the Gulen schools, and the Turkmen-Turkish International University (established in 1993), the "Bashkent" Turkish Education Centers, and others, which were formerly supported by the Gulen movement, were also closed.

Significantly, Turkish schools and universities established in Central Asia or in collaboration with Central Asian countries are popular with the local public due to their lower tuition fees, higher education quality, and various opportunities for studying in Turkey. The teaching content of these institutions is imbued with the idea of a unified historical and cultural community within the "Turkic World." For example, Zhanar Temirbekova, who has served as the president of the Yassawi Kazakh-Turkish International University since March 2021, has stated that "our key purpose is to cultivate students for the unity of Turkic world" [51]. Such a phenomenon enhances the Central Asian people's cultural identity with Turkey in turn.

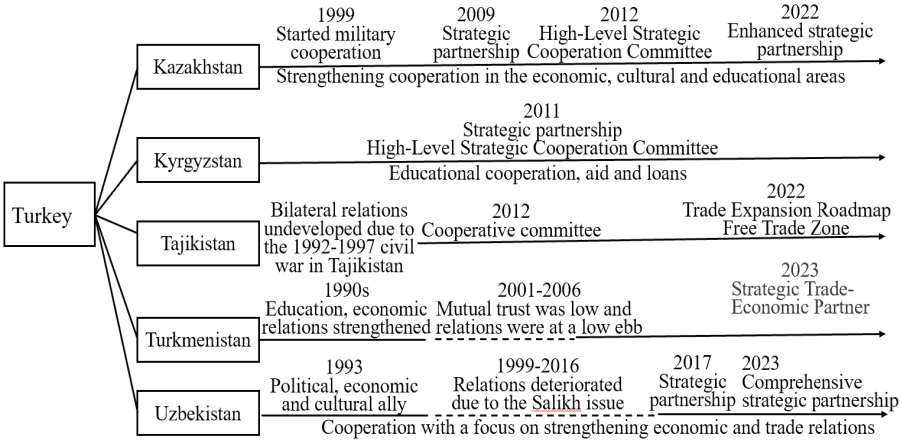
2. Bilateral political and economic relations: the country-specific features of Turkish relations with Central Asia. After the collapse of the Soviet Union, Turkey actively sought to develop relations with the Central Asian countries; however, their reactions were mixed, as shown in Figure, demonstrating evident country-specific features influenced by a number of factors.

Firstly, Kazakhstan and Kyrgyzstan maintain the most stable relations with Turkey. Notably, Turkey's relationship with Kazakhstan serves as a ballast stone in maintaining interstate relations, distinct from its friendship with Kyrgyzstan. In the 1990s, Turkey and Kazakhstan signed a series of cooperation agreements in economy, technology, culture, and education. They also focused on cooperation regarding Kazakh oil exports and Kazakhstan's connection to the Baku-Tbilisi-Ceyhan pipeline. During the period of strained relations with Uzbekistan and Turkmenistan, Turkey regarded Kazakhstan as its primary partner. Turkey and Kazakhstan established a strategic partnership in 2009 and further established a High-Level Strategic Cooperation Committee

in 2012. It is worth noting that the relationship between Turkey and Kazakhstan in the military sphere has evolved from initial cooperation to the establishment of formal agreements. Since 1999, they started to conduct military cooperation largely to train military personnel for Kazakhstan. Since the 2000s, they began to cooperate in the field of weapon production. In September 2018, they formally signed the agreement on military cooperation. During the "January unrest" in 2022, Ankara provided moral support to Kazakhstan and was committed to safeguarding Kazakhstan's sovereignty if necessary [32]. In May 2022, Kazakhstan became the first country globally, except for Turkey, to build up a production base for the "Anka" military unmanned aerial vehicles (UAVs). Currently, Turkey and Kazakhstan take the cooperation in economic, cultural, and educational areas as the ballast stone and further deepen the Comprehensive Strategic Partnership from all aspects, which cultivates the closest friendship in Central Asia.

Since gaining independence, the relationship between Kyrgyzstan and Turkey has been relatively stable, without significant fluctuations, and their political relations were reinforced during Atambayev's early presidency. In April 2011, a High-Level Strategic Cooperation Committee was established, elevating the relationship between the two countries from friendly nations to the level of strategic partners. Among the six Turkic states, Kyrgyzstan is geographically the farthest from Turkey and economically shows the least importance to Turkey, while having the highest degree of dependence on Russia in the fields of politics, economy, and security. However, Turkey regards Kyrgyzstan as an integral component of the "Turkic World," hoping to improve further cooperation in the political and security fields through cultural education and economic trade cooperation. In 2012, Turkey wrote off $50 million in debts of Kyrgyzstan. In April 2013, Turkey decided to provide Kyrgyzstan with a loan of $100 million and a grant of 6 million USD [26]. TIKA has implemented more than 30 investment projects in Kyrgyzstan and carried out 324 "soft power" policies [43]. More than 300 companies with Turkish capital are now operating in Kyrgyzstan. In 2022, Turkey's injections accounted for 30.7% ($321 million) of the total volume of foreign direct investment in Kyrgyzstan, surpassing even China and Russia [19]. Noteworthily, young individuals from Kyrgyzstan who received their education in Turkey established an organization called the political party "Tartip-Poryadok" in 2008, and they have been promoting the rise of Ankara's influence on the domestic political process in Kyrgyzstan [30]. At present, there is a significant segment of society in Kyrgyzstan who believe that "Turkey is formulating policies from the standpoint of Pan-Turkism, aiming to establish close relations with the CIS countries that are ethnically and linguistically close" [39], while there are also supporters like the "Tartip-Poryadok" who lean towards Turkey.

Secondly, Turkey's political relation with Uzbekistan and Turkmenistan has distinct stages. The improvement and development of bilateral relations start with the presidential transition. However, Turkish-Uzbek relations develop in all-round aspects, while Turkish-Turkmen relations



The evolution of bilateral relations between Turkey and the Central Asian countries

mainly focus on economy and trade. In the early 1990s, Turkey had the most ideological impact on Uzbekistan in Central Asia. The two states were among the earliest to regard each other as "political, economic, and cultural allies," signing the Treaty of Eternal Friendship and Cooperation in 1996 [4]. Subsequently, as the leader of the Uzbekistan opposition party ERK (Freedom), Muhammad Salikh, sought refuge in Turkey and received Turkish asylum, bilateral relations began to cool down. Even after the Tashkent bombing in February 1999, the relations between them seriously deteriorated due to the Salikh issue [28; 44, p. 24]. After Shavkat Mirziyoyev came to power, the relations between these two states have bolstered. In October 2017, the two countries established a strategic partnership. In 2020, Bishkek set up a branch of the Turkic University of Economics and Technology. In March 2022, these two states elevated their relations to the level of a comprehensive strategic partnership and planned to build a Turkic-Uzbek university in Tashkent. In November 2022, the defense secretaries of the two countries signed an intergovernmental framework agreement on military development and technological cooperation, which further reinforced the relations between the two countries. Under the influence of these policies, Uzbekistan's trade with Turkey demonstrates an incremental trend, with the number of direct flights and tourists still on the rise. Turkish enterprises have also actively participated in large-scale investment projects in Uzbekistan. In just the first 10 months of 2023, Turkish companies have invested over $500 million and have opened more than 200 new businesses in Uzbekistan [36].

After diplomatic recognition, Turkmenistan began to develop its relations with Turkey, first and foremost, in the field of education. The economic relations had been strengthened after Niyazov's visit in October 1992, especially benefiting from Turkish investment in gas pipeline projects in Turkmenistan. In 2001, Niyazov accused Turkey's leaders of pursuing political interests rather than economic interests. Turkey was dissatisfied with Turkmenistan's pro-Iranian inclination. From 2001 to 2006, the bilateral political and economic relations were at a low ebb. After taking office as president, Gurbanguly Berdimuhamedow and his son adopted an active and progressive foreign policy, and Turkey once again became Ashgabat's strategic partner, with economic exchanges between the two sides booming again, especially in arms trade. According to SIPRI's data, of all arms imports to Turkmenistan, 36% come from Turkey, while 27% and 20% come from China and Russia, respectively [11].

Thirdly, relations between Tajikistan and Turkey develop at a slow pace and have the most difficulties. Affected by the civil war in Tajikistan from 1992 to 1997, the relations between them started later, and the process was relatively lagging; however, Turkey still regarded the relations between the two countries as a component of its relations with other countries in Central Asia. The first visit to Tajikistan of Erdogan ushered in a new stage of relations between the two countries. In December 2012, the two states established a cooperative committee. In November 2022, they signed the "2023–2025 Trade Expansion Roadmap" and the Free Trade Zone Cooperation Memorandum, setting the goal of enlarging the trade volume between the two countries to one billion dollars by 2025 [7]. As high-level exchanges have considerably increased, the two sides' relations have improved but have not yet established a strategic partnership. In February 2024, Turkey canceled the visa-waiver policy for Tajikistan civilians for the sake of safety, which endangered the bilateral friendship from the Tajikistan side [27]. Besides, the factors limiting two sides' relations are that Turkey has repeatedly shown its support for Kyrgyzstan on the Kyrgyzstan-Tajikistan border issue; Tajikistan maintains close relations with Iran for historical and cultural reasons (e.g., the common Persian language group); Tajikistan's main trading partners are Russia, China, and Kazakhstan; and Tajikistan cooperates closely with Russia on security issues.

Fourthly, as shown in Table, Turkey's economic and trade relations with the Central Asian countries are still at a low level, and their bilateral trade volume and trade share are severely mismatched. In 2019, none of the Central Asian countries has been ranked within the top 20 among all its main foreign trade partners. While, in the foreign trade partners of Central Asian countries, Turkey's trade volume and ranking are not at the forefront, far less than the bilateral trade volume between China and Central Asian countries. After the outbreak

of the Russia-Ukraine conflict, trade volume between Kazakhstan and Turkey rapidly surged to $6 billion in 2023, allowing Turkey to jump to third place in the total volume of Kazakhstan's foreign trade ($139.8 billion); however, it is still far lower than China ($31.4 billion) and Russia ($25.88 billion). In the trade composition of 2023 or 2022, Central Asian countries accounted for a total of 1.96% of Turkey's total foreign trade volume (617.551 billion), with the highest being Kazakhstan at 0.97%, followed by Uzbekistan at 0.50%. In terms of Turkey's share in the total foreign trade volume of Central Asian countries, the highest is Turkmenistan at 10.34%, followed by Uzbekistan at 5.38%, Tajikistan at 4.67%, Kazakhstan at 4.29%, and Kyrgyzstan at 3.83%. Under the seriously mismatched circumstance between trade volume and trade share, Turkmenistan attaches more importance to the economic-trade relations with Turkey, while Turkey places more emphasis on expanding trade with Kazakhstan and Uzbekistan in turn.

3. Multilateral cooperative institution: the new trend of area relations between Turkey and Central Asia. Since the collapse of the Soviet Union, multilateral cooperative institutions have also been pivotal for Turkey in improving relations with the Central Asian countries, whose significant feature is based on a "common Turkic national-cultural" identity. Over the past 30 years, they have already established more than a dozen multilateral institutions mainly focusing on political, economic, and cultural areas, while cooperation in the regional security and military fields is less frequent. Especially, what draws striking attention among all these cooperative institutions is the Organization of Turkic States, which was upgraded from the Cooperation Council of Turkic Speaking States in November 2021. At present, this organization is constituted of 5 member states (Turkey, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan) and 3 observers (Hungary, Turkmenistan, and the Economic Cooperation Organization), also establishing cooperative partnerships with 12 international organizations. Certainly, the organization can be described as the highest-level, most influential, most ambitious in development goals, and most active multilateral cooperation mechanism in the Turkic World. Here is a brief analysis of the four multilateral cooperation agendas that the organization is most concerned about.

Firstly, one of the important agendas in the Organization of Turkic States is how to coordinate relations with third states such as Russia and China and with international organizations like the EAEU, APEC, and BRICS. The summit of heads of state held in November 2022 set the goal of establishing partnerships. The Organization of Turkic States regarded the Economic Cooperation Organization as a breakthrough for the agenda and established a partnership with it soon. The 10th summit decided to admit it as an observer [8]. As the most representative organization of Islamic states in Eurasia, the Economic Cooperation Organization has become an observer in the Organization of Turkic States, which has not only opened a new paradigm in the relations between the Organization of Turkic States and other international organizations but

The GDP and bilateral trade volumes between Turkey and Central Asian countries in 2019 and 2022/2023

		GDP, billion dollars	Total foreign trade volume, billion dollars	Trade volume with Turkey, billion dollars
Turkey	2019	754.411	391.178	–
	2023	1118.593	617.551	–
Kazakhstan	2019	180.162	96.08	2.304
	2023	261.418	139.8	6.0
Uzbekistan	2019	57.921	36.2	2.372
	2023	86.393	57.768	3.11
Kyrgyzstan	2019	8.455	6.869	0.814
	2023	13.795	15..66	0.599
Turkmenistan	2019	45.23	17.998	1.090
	2022	56.54	20.0	2.067
Tajikistan	2019	7.9	4.524	0.355
	2022	10.5	7.5129	0.351

has also resulted in a new way of interaction between the Organization of Turkic States and non-Turkic states, such as Iran, Pakistan, Afghanistan, and Tajikistan.

Secondly, the Organization of Turkic States has adopted documents such as the "Turkic World Vision-2040," the "2022–2026 Strategy for the Development of the Organization of Turkic States," and the "2023–2027 Transportation Connectivity Plan (Roadmap) Implementation Action Plan," providing institutional guarantees for the implementation of the Middle Corridor [24; 35; 41]. In particular, the Russia-Ukraine conflict in February 2022 significantly altered the routine of energy channels in Eurasia, with Central Asian countries enhancing their participation in the Trans-Caspian energy route. It is likely that the Organization of Turkic States will discuss and approve joint issues connecting the Middle Corridor with the Belt and Road Initiative (BRI).

The third agenda is about the enlargement of the Organization of Turkic States. First of all, Ankara places great importance on the accession of "Northern Cyprus" to the Organization of Turkic States; however, it has not made substantial progress so far. The crux of the matter is the recognition of statehood for "Northern Cyprus." In the Western world, "Northern Cyprus" is deemed a separatist regime or a non-state actor that is not universally recognized by the international community [31; 47]. While other Turkic states, including Kazakhstan, are unwilling to approve formal recognition of "Northern Cyprus" for the sake of safety, let alone admit it into the Organization of Turkic States. Besides, Turkmenistan has refused to become a formal member of the organization, with the negotiation terms still unclear. At last, Mongolia and Tajikistan are noncommittal about whether to join the Organization of Turkic States; however, Tajikistan maintains contact with the Organization of Turkic States in ECO.

The fourth agenda item concerns the common alphabet used across the Turkic world. The Turkic World Common Alphabet Commission, established by the Organization of Turkic States in October 2022, is specifically responsible for creating a unified Latin-based alphabet. In September 2024, the unified alphabet was adopted, based on 34 Latin letters [9]. Kyrgyzstan is the only state among the five member states that uses Cyrillic, and the Latinization reform in Kazakhstan is still not complete [21]. Therefore, the Commission remarkably attaches great importance to promoting the Latinization reform in Kyrgyzstan and expects to hold the first meeting in Bishkek. However, Kyrgyzstan has not responded positively, with great controversy over the domestic alphabet Latinization reform. Under this circumstance, the committee prioritizes accelerating the Latinization of the Kazakh alphabet reform, which is the same goal of the first meeting held in Astana in June 2023 and the second and third meetings held in Baku in May and September 2024, respectively.

Conclusion. From the vantage point of Turkey's relations with Central Asia, both multilaterally and bilaterally, cultural cooperation not only serves as a cornerstone for fostering friendship across various domains but also stands at the heart of the comprehensive development of their relationship. The strong historical and cultural ties, rooted in the shared Turkic heritage, have been instrumental in shaping the centuries-long relationship between Turkey and Central Asia. This Turkic factor serves not only as a distinctive heritage for Turkey to foster multilateral engagements with the region but also as the easiest and simplest grip strength for the bilateral relations between Turkey and the Central Asian states. Based on such a foundation, Turkey and the Central Asian states in the bilateral dimension enhance political connection, improve cultural education cooperation, and expand economic-trade communication, and in the multilateral dimension, they forge the Organization of Turkic States, build up a common cultural space, and expand the depth and breadth of regional cooperation. Nonetheless, from a neutral standpoint, numerous factors restrict Turkey's pervasive influence across Central Asia, such as the country characteristics between Turkey and the Central Asian states, the problems of enlargement of the OTS, and the controversy over the Latinization reforms of the alphabet.

In a nutshell, when it comes to developing the relations with the Central Asian states, Turkey has its own unique edges and bottleneck difficulties. Turkey's greatest strength lies in its close cultural ties with Central Asian countries; especially as these countries re-evaluate some significant events of the early 20th century, they

have given positive assessments back to Turkey. Its greatest weakness lies in the economic and trade relations, which are difficult to significantly improve due to the influence of economic size, geopolitical situation, and the foreign trade patterns that Central Asian countries have developed over a long period of time.

REFERENCES

1. Abdullaev K.N. *Ot Sinczjanja do Horasana. Iz istorii sredneaziatskoj emigracii XX veka* [From Xinjiang to Khorasan. From the History of Central Asian Emigration in the Twentieth Century]. Dushanbe, Irfon Publ. 2009. 571 p.

2. Abdullaev R.M., Agzamkhodzhaev S.S., Alimov I.A. et al. *Turkestan v nachale XX veka: k istorii istokov nacionalnoj nezavisimosti* [Turkestan at the Beginning of the Twentieth Century: To the History of the Origins of National Independence]. Tashkent, Shark Publ., 2000. 674 p.

3. Abdullin Y.G. *Dzhadidizm sredi tatar: vozniknovenie, razvitie i istoricheskoe mesto* [Jadidism Among Tatars: Emergence, Development and Historical Place]. Kazan, Iman Publ., 1998. 41 p.

4. Arslanbayeva Z. Obshhnost kultur mezhdu Uzbekistanom i Turciej [Commonality of Cultures Between Uzbekistan and Turkey]. *Economy and Society*, 2022, no. 2, pp. 1-5.

5. Avatkov V.A. Postsovetskoe prostranstvo i Turcija: itogi 30 let [Post-Soviet Space and Turkey: The Results of 30 Years]. *The Contours of Global Transformation: Politics, Economics, Law*, 2021, no. 5, pp. 162-176.

6. Chesnokov A.V. *Pantjurkizm v obshhestvenno-politicheskoj zhizni Azerbajdzhana i tjurkojazychnyh stran Centralnoj Azii (90-e gody XX – nachalo XXI v.): dis. ... kand. ist. nauk* [Pan-Turkism in the Socio-Political Life of Azerbaijan and the Turkic-Speaking Countries of Central Asia (90s of the 20th – Beginning of the 21st Century). Cand. hist. sci. diss.]. Ivanovo, 2005. 195 p.

7. Chorshanbiev P. *Tadzhikistan i Turcija k 2025 godu hotjat narastit vzaimnuju torgovlju do $1 mlrd* [Tajikistan and Turkey Want to Increase Mutual Trade to $1 Billion by 2025], 2022. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20221110/tadzhikistan-i-turtsiya-podpisali-dorozhnuyu-kartu-dlya-uvelicheniya-dvustoronnego-tovarooborota

8. *Declaration of the Tenth Summit of the Organization of Turkic States*, 2023. URL: https://turkicstates.org/u/d/basic-documents/tenth-summit-declaration-2023-21-en.pdf

9. *Declaration on Common Turkic Alphabet*, 2024. URL: https://turkicacademy.org/en/novost-akademii/declaration-common-turkic-alphabet

10. Demir C. The Organization of Turkic States: Implications for the Regional Balance of Power. *Güvenlik Stratejileri Dergisi*, 2022, no. 18, pp. 39-71.

11. Doklad SIPRI: Turkmenistan stal krupnejshim importerom tureckogo oruzhija [SIPRI Report: Turkmenistan Has Become the Largest Importer of Turkish Weapons]. *Sputnik Tadzhikistan*. URL: http://ru.sputnik-tj.com/world/20170220/1021731827/turkmenistan-turtsiya-vooruzhenie-postavki.html

12. Fesenko E.S. Neopantjurkizm vo vneshnej politike Turcii: napravlenija vzaimodejstvija s gosudarstvami Centralnoj Azii [Neopantürkism in Turkish Foreign Policy: Areas of Interaction with the States of Central Asia]. *Student Science Issues*, 2022, no. 5, pp. 217-221.

13. Gafarov N.U. *Dzhadidizm v Srednej Azii v konce XIX v. – nachale XX v.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Jadidism in Central Asia at the End of the 19th Century – Beginning of the 20th Century. Dr. hist. sci. abs. diss.]. Dushanbe, 2013. 349 p.

14. Guo Changgang. **突厥国家**组织:**欧**亚**地**缘**新格局**? [Organization of Turkic States: The New Geopolitical Situation of Eurasia?]. *Wenhui Bao*, 2021, December 4, p. 3.

15. Hamid A. Turkey, Pan-Turkism and Central Asia. *Central Eurasia Studies*, 2009, no. 5, pp. 1-22.

16. HouAijun. **新泛突厥主**义运动及中国意识形态安全:**挑**战与应对 [The Neopanturkism Movement and Chinas Ideological Security: Challenges and Answers]. *International Security Studies*, 2016, no. 2, pp. 125-146+152.

17. Karyakin V. Pan-Turkism: Civilizational Project of Modern Turkey. *Central Asia and the Caucasus*, 2020, no. 3, pp. 31-36.

18. Kocaman Ö. Adjusting to the "New Normal" of Post COVID-19: The Role of Organization of Turkic States in Multilateral Cooperation. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2021, no. 2, pp. 189-215.

19. Korotkova E. *Investicii v Kyrgyzstan: biznes ili politika?* [Investing in Kyrgyzstan: Business or Politics?], 2023, July 19. URL: https://www.mk.kg/economics/2023/07/19/investicii-v-kyrgyzstan-biznes-ili-politika.html

20. Kozhemyakin S. Vlasti Uzbekistana reabilitirujut basmachej [Uzbek Authorities Rehabilitate Basmachi]. *Pravda Newspaper*, 2021, October 21. URL: https://kprf.ru/international/ussr/206115.html

21. Kwan S. *Adoption of Latin-Based Common Turkic Alphabet*, 2024, September 12. URL: https://timesca.com/adoption-of-latin-based-common-turkic-alphabet/#:~:text=The%20Turkic%20Academy%20has%20announced,phonetic%20sounds%20in%20Turkic%20languages

22. Li Jie, Yang Shu. **分裂主**义及其国际化研究 [Secessionism and Its Internationalization]. Beijing, Current Affairs Press, 2013. 419 p.

23. Luo Yingjie, Yang Bo. 突厥语国家合作的提质升级 [Upgrading Cooperation of Turkic-Speaking Countries]. *Contemporary International Relations*, 2022, no. 5, pp. 37-44.

24. Musabay Baki P. Turkic World Vision – 2040: A Step Forward for the Resilience of Turkic Cooperation. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2022, no. 7, pp. 26-52.

25. Nadyrov R.N. Tjurkskij faktor kak sostavljajushhaja mezhdunarodnyh otnoshenij v Centralnoj Azii: konstrukt «Tjurkskij mir» [Turkic Factor as a Component of International Relations in Central Asia: Construct "Turkic World"]. *Russia and the World: Scientific Dialogue*, 2022, no. 4, pp. 50-59.

26. *Ne nado diktovat uslovija – Atambaev ob otnoshenijah s Turciej* [No Need to Dictate Conditions – Atambayev on Relations with Turkey], 2016. URL: https://ru.sputnik.kg/20160801/1028304217.html

27. *Neozhidannyj shag: pochemu Tadzhikistan i Turcija otmenili bezvizovyj rezhim?* [Unexpected Step: Why Tajikistan and Turkey Canceled Visa-Free Regime?]. URL: https://tj.sputniknews.ru/20240418/tajikistan-turkiye-otmena-bezviz-rezhim-1062549830.html

28. Nurbek O., Ainura E. Batkenskie sobytija v Kyrgyzstane: Hronika sobytij [Batken Events in Kyrgyzstan: Chronicle of Events]. *Central Asia and the Caucasus*, 2000, no. 1, pp. 24-54.

29. Ob uchebnike tatarskoj literatury dlja 8 klassa [Resolution of the Bureau of the Tatar OK of 2. 09. 1948 "On the Textbook of Tatar Literature for the 8th Grade"]. *Islam in the Tatar World: History and Modernity*. Kazan, s.n., 1997.

30. Odintsov V. Tureckaja razvedka ustanavlivaet v CA svoi zakony [Turkish Intelligence Establishes Its Laws in CA]. *Internet Magazine "New Eastern Review"*, 2021, July 12. URL: https://ru.journal-neo.org/2021/07/12/turetskaya-razvedka-ustanavlivaet-v-tsa-svoi-zakony/

31. Özsağlam M.T. Turkish Republic of Northern Cyprus as a De Facto and Limited Recognized State: From Federal Solution to Two State Model. *Journal of International Analytics*, 2022, vol. 13, no. 4, pp. 129-146. DOI: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-4-129-146

32. Panfilova V. Ankara sdelala pervyj shag k sozdaniju armii Velikogo Turana [Ankara Has Taken the First Step Towards the Creation of the Army of the Great Turan]. *Nezavisimaya Gazeta*, 2022, November 16.

33. Pan Zhipin. 论土耳其与泛突厥主义 [About Turkey and Pan-Turkism]. *Historical Research*, 2004, no. 4, pp. 60-68.

34. Radjabov K. Teoretiko-metodologicheskaja osnova izuchenija istorii vooruzhennogo dvizhenija (basmachestva) v Turkestane (1918–1935 gg.) [Theoretical and Methodological Basis for Studying the History of the Armed Movement (Basmachi) in Turkestan (1918–1935)]. *EuroAsia*, 2008, no. 3, pp. 4-15.

35. Robert M. Cutler. Is Trans-Caspian Corridor Ready for Prime Time? *Asia Times*, 2022. URL: https://asiatimes.com/2022/06/is-trans-caspian-corridor-ready-for-prime-time/

36. *S nachala goda tureckie kompanii investirovali v Uzbekistan svyshe 500 millionov dollarov* [Since the Beginning of the Year, Turkish Companies Have Invested over $500 Million in Uzbekistan]. URL: https://buzb.uz/news/s-nachala-goda-tureckie-kompanii-investirovali-v-uzbekistan-svyshe-500-millionov-dollarov

37. Sabov I.N. Imidzhevoe pozicionirovanie Turcii v Centralnoj Azii: problemy institucionalizacii integracii tjurkskogo mira [Image Positioning of Turkey in Central Asia: Problems of Institutionalization of Integration of the Turkic World]. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, 2021, no. 3, pp. 197-203.

38. Sadykova N.T. Borba s sovetskoj vlastju na juge Kyrgyzstana [Fighting Soviet Power in Southern Kyrgyzstan]. *Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan*, 2016, no. 11, pp. 108-110.

39. Saidov A. *Tureckij pantjurkizm v Kyrgyzstane: kulturno-ekonomicheskoe sotrudnichestvo ili otsrochennaja ekspansija? A togda gde nacionalnye interesy samih gosudarstv?* [Turkish Pan-Turkism in Kyrgyzstan: Cultural and Economic Cooperation or Delayed Expansion? And Then Where Are the National Interests of the States Themselves?], 2022. URL: https://centrasia.institute/tureczkij-pantyurkizm-v-kyrgyzstane-kulturno-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-ili-otsrochennaya-ekspansiya-a-togda-gde-naczionalnye-interesy-samih-gosudarstv.html

40. Seçkin K. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the RISE of the Turkic World in Turkish Foreign Policy. *Foreign Policy Analysis*, 2017, no. 13, pp. 722-740.

41. Suat Beylur. A New Turning Point in the Integration of the Turkic World: Turkic World Vision-2040. *Eurasian Research Institute: Weekly E-Bulletin*, 2021, no. 331.

42. Tian Weijiang. 近代土耳其泛突厥主义的兴盛及其对新疆地区的影响 [The Rise of "Pan-Turkism" in Modern Turkey and Its Influence on Xinjiang Region]. *The Western Regions Studies*, 2018, no. 31, pp. 1-7.

43. *Turcija pytaetsja vtjanut strany Turkestana v svoju igru* [Turkey Is Trying to Drag Turkestan Countries into Its Game]. URL: https://news.rambler.ru/middleeast/45005319/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

44. Winrow Gareth M. *Turkey in Post-Soviet Central Asia: Former Soviet South project*. London, The Royal Institute of International Affairs, 1995. 53 p.

45. Yang Zhangfeng. ·冷战后土耳其的中亚政策研究 [A Study on Turkish Policy Towards Central Asia in the Post-Cold War Era]. Xian, Northwestern University, 2021. 195 p.

46. Yao Qiongyao. '**土耳其**积极进取的周边外交：内涵、目标与前景' [Turkey's Enterprising Peripheral Diplomacy: Connotation, Goals and Prospect]. *Arab World Studies*, 2021, no. 4, pp. 83-100+159.

47. Yfantidis A. The Limits of Self-Determination and the Cases of Forced Separatism: The Example of Northern Cyprus. *Open Journal of Political Science 6*, 2016, no. 2, pp. 161-167.

48. Zan Tao. **土耳其、欧**亚主义与丝绸之路经济带——一则思想史的侧记 [Turkey, Eurasianism and the Silk Road Economic Belt – A Sidebar on the History of an Idea]. *China Book Review*, 2015, no. 9, pp. 16-20.

49. Zayets D.V. *Neopantürkism. Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija nauchnoj mysli (v 2 chastjah)* [Neopantürkism. The Current State and Prospects for the Development of Scientific Thought (In 2 Parts)]. Ufa, OMEGA SAINZ Publ., 2016. 249 p.

50. Zeng Xianghong, Wang Zihan. **埃尔多安**执政以来土耳其的中亚政策评析 [A Study on Türkiye's Central Asia Policy Since Tayyip Erdogan Took Office]. West Asia and Africa, 2023, no. 1, pp. 131-155+160.

51. Zhanar Temirbekova. *Universitet im. Ahmeda Jasavi: 30 let vklada v razvitie Kazahstana* [Ahmed Yasavi University: 30 Years of Contribution to the Development of Kazakhstan]. URL: https://vzglyad.az/news/191935

52. Zhang Yuyan. From Pan-Turkism to Xinjiang Separatism: An Analysis of Turkic Factor. *Perm University Herald. Political Science*, 2022, no. 1, pp. 94-105.

Information About the Authors

Yuyan Zhang, PhD (Politics), Associate Professor, Institute for Central Asian Studies, Lanzhou University, South Tianshui Road, 222, 730000 Lanzhou, People's Republic of China, zhangyuyan@lzu.edu.cn, https://orcid.org/0000-0003-0923-0737

Keyi Xiang, Master's Student, School of Politics and International Relations, Lanzhou University, South Tianshui Road, 222, 730000 Lanzhou, People's Republic of China, xky18092729001@163.com, https://orcid.org/0009-0009-1859-922X

Информация об авторах

Юйянь Чжан, PhD (политические науки), доцент института исследований Центральной Азии, Ланьчжоуский университет, просп. Южный Тяньшуй, 222, 730000 г. Ланьчжоу, Китайская Народная Республика, zhangyuyan@lzu.edu.cn, https://orcid.org/0000-0003-0923-0737

Кэйи Сян, магистрант института политологии и международных отношений, Ланьчжоуский университет, просп. Южный Тяньшуй, 222, 730000 г. Ланьчжоу, Китайская Народная Республика, xky18092729001@163.com, https://orcid.org/0009-0009-1859-922X

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.17

UDC 327(55:470+571)
LBC 66.4(5Ирн),30

Submitted: 29.01.2024
Accepted: 16.04.2024

IRANIAN POLITICIANS' AND ACADEMICS' VIEWS ON THE STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN IRAN AND RUSSIA

Saeed Khavarinejad

Government of Fouman County, Fouman, Iran;
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. Iranian politicians and academics describe the current relations between Iran and Russia in various ways. Research on the nature of the relationship between the two countries has produced conflicting findings and results. This research aimed to explore the perceptions of Iranian politicians and academics regarding the feasibility of forming a strategic partnership between Iran and Russia and to explain the reasons behind their similarities and differences. *Methods and materials.* Semi-structured, in-depth interviews were conducted using purposive, non-probability sampling among 30 respondents, including politicians and academics, from July to September 2024. The in-depth interviews were coded using an inductive method. Using thematic analysis, these codes were identified based on superficially shared meanings and constant comparison, categorized into themes and sub-themes, and then interpreted. *Analysis*. Two themes emerged in the interviewees' perceptions: the first saw a strategic partnership as possible. It was divided into two sub-themes: supporters and opponents of the realization of this partnership so far. The second theme perceived a strategic partnership between the two countries as impossible. It was divided into two sub-themes regarding the feasibility of alternative names for this relationship, such as strategic relations or cooperation. *Results*. The researcher concluded that the different perceptions within Iran's political and academic circles stemmed from politicians' pragmatism and greater sensitivity to Iran's interests in maintaining good relations with Russia under international sanctions. However, due to their more independent and deeper understanding of empirical evidence and greater distance from policymaking centers, academics of Iran primarily did not consider a strategic partnership with Russia feasible.

Key words: Iran – Russia relations, cooperation, strategic partnership, policy, academia, perception.

Citation. Khavarinejad S. Iranian Politicians' and Academics' Views on the Strategic Partnership Between Iran and Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 199-209. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.17

УДК 327(55:470+571)
ББК 66.4(5Ирн),30

Дата поступления статьи: 29.01.2024
Дата принятия статьи: 16.04.2024

ВЗГЛЯД ИРАНСКИХ ПОЛИТИКОВ И УЧЕНЫХ НА СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО МЕЖДУ ИРАНОМ И РОССИЕЙ

Саид Хаваринежад

Правительство округа Фуман, г. Фуман, Иран;
Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Аннотация. *Введение*. Иранские политики и ученые по-разному описывают нынешние отношения между Ираном и Россией. Исследования по этой теме характеризуются противоречивыми выводами и результатами. Данная статья направлена на изучение представлений иранских политиков и ученых о целесообразности формирования стратегического партнерства между Россией и Ираном и объяснение причин их сходства или различий. *Методы и материалы.* Полуструктурированные глубинные интервью были проведены с использованием целенаправленной неслучайной выборки среди 30 респондентов из числа политиков и ученых в период с июля по сентябрь 2024 года. Глубинные интервью были зашифрованы с использованием индуктивного метода, и с помощью тематического анализа эти коды были определены на основе поверхно-

© Khavarinejad S., 2025

стных общих значений и постоянного сравнения, затем разделены на темы и подтемы и проинтерпретированы. *Анализ*. В восприятии респондентов выявились две темы. В рамках первой стратегическое партнерство рассматривалось как возможное и было разделено на две подтемы: сторонников и противников реализации этого партнерства на данный момент. В рамках второй темы стратегическое партнерство между двумя странами расценивалось как невозможное. Также эта тема была разделена на две подтемы, касающиеся возможности использования альтернативных определений для таких отношений, как стратегические отношения или сотрудничество. *Результаты*. Автор статьи пришел к выводу, что различия восприятия стратегического партнерства с Россией в политических и академических кругах Ирана обусловлены прагматизмом политиков и большей чувствительностью к интересам Ирана в поддержании хороших отношений с Россией в условиях международных санкций. Однако из-за более независимого и глубокого понимания эмпирических данных и большой удаленности от центров принятия решений представители академической науки Ирана не посчитали осуществимым стратегическое партнерство с Россией.

Ключевые слова: ирано-российские отношения, сотрудничество, стратегическое партнерство, политика, академическое сообщество, восприятие.

Цитирование. Хаваринежад С. Взгляд иранских политиков и ученых на стратегическое партнерство между Ираном и Россией // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 199–209. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.17

Introduction. Relations between Iran and Russia have fluctuated constantly. Their recently increased cooperation has been influenced by the two countries' shared stance on international misrecognition and common threat perceptions [11, p. 107].

While the official political environment (media and ruling politicians) of these two countries often portrays a positive image of constructive relations between Tehran and Moscow, their academic circles and scholars, in their critical examination of the realities of Iran – Russia relations, present somewhat different views from the political authorities of the two countries regarding the prospects of mutually beneficial relations between them [6; 21, p. 216]. The lack of a unanimous narrative makes it challenging to perceive the current characteristics and prospects of Tehran-Kremlin relations.

This research aimed to explain the perceptions of Iranian politicians and academics regarding the formation of a strategic partnership between Iran and Russia, as well as the reasons behind the similarities and differences in these perceptions.

To guide the research, the main question posed by the researcher was, "What are the views of Iranian politicians and academics on the formation of a strategic partnership between Iran and Russia?" Additionally, a secondary question was drawn: "What are the reasons that might cause similarities or differences in the views of Iranian politicians and academics regarding formation of this relationship?" Lastly, the researcher asked, "In what vectors is the debate of a strategic partnership between Iran and Russia presented from the perspective of Iranian politicians and academicians?"

Understanding the perceptions of figures related to Iran's domestic and foreign policy toward Russia is theoretically important because the past decade has become a platform for fundamental changes in Russia-West relations [35, p. 424]. This research also has practical importance because understanding the views of influential Iranians in domestic and foreign policy, as well as the academics who educate these officials, can inform our understanding of the relations between the two countries.

On the other hand, the research is relevant for students and scholars of international relations due to the two countries' relatively similar approaches to the multipolar international system and common threats against them. Two countries signed a Treaty on Comprehensive Strategic Partnership on January 17, 2025. The formalization of this partnership in the form of a treaty justifies the relevance of this research.

While the relationship between Iran and Russia is a hot topic among the public, politicians, and researchers in Iran, the "strategic partnership" between the two, despite being vastly discussed in public, has not been adequately explored in Iranian scientific literature except for a few cases with different findings [26, p. 167]. The views and perceptions of individuals related to this

partnership between the two countries have not been systematically investigated.

The lack of adequate sources to understand Iranian politicians' perceptions justifies the scientific community's need for this research.

This research is the first to explore the characteristics of two groups of individuals' perceptions regarding the formation of a strategic partnership between Tehran and the Kremlin.

This research's most significant contribution to existing knowledge is the broad impact of its findings on informing Iranian and foreign policymakers and researchers and providing a foundation for further academic research to better understand the views related to Iran's foreign policy towards Russia and the prospects for cooperation between the two countries.

As the core concept of this research, strategic partnership has been defined through various approaches. A strategic partnership is an institutionalized relationship short of alliance, designed to serve mutual interests through regular consultation, coordination, and cooperation [18, p. 17]. It is a flexible diplomatic tool that allows states to manage complex interdependencies and address global challenges without the binding commitments of formal alliances [25]. A strategic partnership is distinguished by its pragmatic, interest-driven nature and adaptability to changing international environments, often serving to enhance influence, build trust, and pursue shared strategic goals while maintaining autonomy [24, pp. 3-5].

The author believes a strategic partnership is a formalized and enduring relationship between states or organizations characterized by mutual interests, long-term cooperation, and a shared commitment to achieving common objectives across multiple domains, such as politics, security, and economics.

A strategic partnership differs from an alliance. The distinction between them lies in their scope, formality, obligations, and purpose. An alliance is a formal, long-term agreement between states, often codified in treaties, involving mutual defense obligations and shared military-political objectives [39, p. 12]. Examples include NATO or the U.S.-Japan Security Treaty, where members are legally bound to collective defense.

It also differs from "strategic cooperation," which is a more flexible, ad hoc arrangement focused on specific shared interests, such as counterterrorism or economic projects, without binding security guarantees [8, p. 32]. Strategic cooperation enables states to collaborate selectively (e.g., Russia and Iran in Syria) while avoiding permanent alignment, making it less institutionalized and more adaptable to shifting geopolitical dynamics [32, p. 44].

Reviewing the literature. The literature on this research needs to be developed due to the lack of comparative studies that have examined the views of Iranian politicians and academics. Therefore, this research gap led the researcher to introduce those studies that, by addressing various aspects of the relationship between Tehran and the Kremlin, examined these connections in terms of nature and form.

This relationship was brought forward mainly after Iran – Russia cooperation in Syria as scholars scrutinized various forms of relations between Iran and Russia, from strategic alliance [4, p. 181; 13, p. 229; 36, p. 29], strategic convergence [3, p. 115], and strategic pragmatism [28, p. 117] to anti-hegemonic [19, p. 260; 30, p. 77; 33, p. 63].

Mirfakhraei [26, p. 167] conceptualized Iran – Russia relations as a strategic partnership, identifying the 2015 Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) and the 2022 conflict in Ukraine as key factors accelerating this relationship. However, while his research emphasized the relatively minor role of economic and geoeconomic factors in this partnership, it primarily focused on the military-defense dimension to support the argument for a strategic partnership between Iran and Russia, which he considered the dominant aspect of their relationship. He previously described the developments in Syria, where he characterized the relations between Iran and Russia as quasi-strategic defensive cooperation, and also in Ukraine as a suitable platform for collaboration between Iran and Russia, which, according to the author, could lead these relations toward a strategic partnership [27, p. 155].

The most significant relationship type between the two countries that has attracted the most attention from researchers is the strategic alliance. This alliance was highlighted under the influence of events in Syria, and the cooperation between Tehran and Moscow to preserve the

Damascus regime raised the question of whether the nature of the collaboration between the two countries is strategic or tactical. In response to this question, Rafiei et al. [36, p. 29] inquired about the reasons behind the cooperation between the two countries in Syria and the prospects for this cooperation. They found that long-term political-economic interests and a common enemy of Iran and Russia in Syria led to operational collaboration between the two countries at the level of a strategic alliance.

On the other hand, their cooperation in Syria raised questions about whether the Iran – Russia alliance could lead to more regional alliances in various areas. In this regard, Ghani and Asgarian critically examined this strategic alliance, stating that the two countries must have more common interests for this alliance to extend strategically to other areas. Therefore, this is not feasible under current conditions, and changes must be made to deepen cooperation [13, p. 229].

Some researchers have noted that this cooperation should be viewed as a form of interest alignment, as it is limited and temporary and is confined to specific areas for collaboration against a non-state threat [4, p. 181].

Alhoei [3, p. 115] said that having relatively common interests cannot maintain this strategic convergence, and cooperation with Russia must be pursued on a broader scale.

In critiquing the strategic nature of the relationship between the two countries, Omidi [31, pp. 50-58] stated that limiting factors in Iran – Russia relations make it non-strategic, being viewed as cautious from Russia's side and pragmatic from Iran's side. In response to what form the Iran – Russia relationship could take, other researchers focused on strategic pragmatism, considering it necessary to build coalitions, strategic neutralization, tactical cooperation, and constructional balancing [28, p. 117].

Researchers deemed Iran – Russia cooperation effective in balancing at two macro levels: confronting destabilizing U.S. policies and actions and emphasizing broad regional balancing in adjusting order and ensuring strategic stability [30, p. 77]. The expansion of strategic relations between the two countries through alliance building aims to reduce structural pressures and create balance against the U.S.'s dominant hegemonic system [33, p. 63].

Contrarily, some researchers who have analyzed the various forms of Iran – Russia relations are entirely opposed to any strategic or stable relationship between Tehran and the Kremlin. According to these critics, the strategic partnership between these two countries is perceived as influenced by their temporary cooperation in Syria, with Iran and Russia acting to increase cooperation levels due to a temporary need to protect their interests [1, p. 141]. Therefore, this relationship is an "illusory entente" and cannot be considered a formidable strategic axis [14, p. 164].

However, the most important source on the strategic partnership between the two countries was a collection of contributions from prominent Iranian and Russian researchers [17]. The contributors to this book were mainly divided into two groups: supporters (Sazhin [17, pp. 9-21]; Topychkanov [17, pp. 29-33]; Shoori [17, pp. 59-65]; Evseev [17, pp. 66-72]; Lukyanov [17, pp. 91-95]; Knyazev [17, pp. 102-107]) and skeptics (Karami [17, pp. 22-81]; Kortunov [17, pp. 34-41]; Shariatinia [17, pp. 151-154]) of the possibility of forming a strategic partnership between Iran and Russia. The significant challenges of this source, however, were its predominantly academic narrative, lesser participation of politicians and figures influencing the diplomatic relations between the two countries (with a few exceptions), and its temporal distance from the events of 2022, which lacked the inclusion of new economic and military developments and significant changes in Iran – Russia relations following intensified international sanctions against Moscow.

Methodology, methods, materials. This research's design was exploratory, as it enabled the in-depth examination of a topic that had not been previously studied. It uncovered unexpected themes and generated hypotheses for further investigation. The research philosophy was based on interpretivism epistemology, which was socially constructed [2, p. 41] and intended to understand motives, meanings, reasons, and other subjective experiences that are time- and context-bound [29, p. 111] and described and interpreted multiple subjective and context-bound realities [37, p. 54]. The research philosophy was based on an idealistic ontology, emphasizing the understanding of truth through the human mind [16, pp. 699-710] and

socially constructed meaning. The research's reasoning was inductive, moving from specific data to general findings and the establishment of a theory [12, p. 48]. The methodological approach was qualitative and single-method, as it involved a non-mathematical process of interpretation to discover concepts and relationships in the raw data and then organize them into a theoretical explanatory scheme [9, pp. 12-13]. The research strategy employed a case study approach, providing an in-depth, multifaceted explanation of a complex topic within its real-life context [10, p. 2] over a cross-sectional time frame.

The absence of a theoretical framework in this qualitative research can be justified by the study's "inductive" and "exploratory" nature [38, pp. 34-35], which aims to capture participants' lived experiences and meanings without imposing preconceived theoretical constructs. This case study aimed to uncover new phenomena without preconceived assumptions; therefore, the author did not employ a specific theory.

The data collection tool consisted of a semi-structured interview guided by an interview guide or a questionnaire with open-ended questions. The researcher attempted to transform the interview into a guided conversation rather than a traditional question-and-answer session. These questions were:

1. What are the main vectors of Iran – Russia relations?

2. How do you assess the role of each of these vectors in Iran – Russia relations?

3. What is your definition and perception of "strategic partnership"?

4. What is your opinion on the feasibility of a strategic partnership between Iran and Russia?

5. What impacts will a strategic partnership have on Iran – Russia relations?

6. What are the strengths of forming a strategic partnership between Iran and Russia?

7. What challenges exist for a strategic partnership between Iran and Russia?

The statistical population of this research included a large number of Iranian politicians and academics. The sampling method was non-probability purposeful so that the most knowledgeable and well-informed samples were selected [15, p. 107].

The selection parameter or inclusion criteria for the research sample were based on the characteristics of the statistical population, specifically those preoccupied with political or scientific activity related to Russia.

The sample size for this research consisted of 30 individuals, comprising 15 politicians across four categories and three university professors for each of the five academic categories, totaling 15 individuals.

First, four test interviews were conducted to identify weaknesses and increase interview quality. The researcher modified the questions based on feedback from the pilot interviews and then conducted the primary interviews. Interviews were continued until data saturation was achieved, when no new data were obtained from the interviews [23, p. 32]. The interviews were conducted individually and in person from early July to late September 2024, spanning two months in Tehran, Iran. Each interview lasted, on average, 30 to 45 minutes. Responses were recorded using a recorder device and then converted into a digital text file on a computer using Microsoft Office Word 2024 to facilitate their review and analysis.

Thematic analysis was used to analyze the collected and textualized data. The reason for choosing thematic analysis was that, unlike content analysis, the unit of analysis extends beyond a word or term, paying more attention to the context of the data and its subtleties. The researcher developed a comprehensive thematic analysis process in six steps by combining the methods proposed by King et al. [20, pp. 196-217], Braun and Clarke [7, pp. 79-87], and Attride-Stirling [5, pp. 386-395].

First, the researcher became familiar with the interview data by reading and rereading transcripts to identify initial ideas and patterns. Codes were then generated manually, using an inductive approach. This means that codes were not predetermined but emerged directly from the data, allowing the researcher to break down the text into meaningful and analyzable segments. As interviews progressed, the constant comparison method was used to refine and finalize codes, ensuring that similar ideas were grouped and differences were recognized within and between interviews.

This principle guided the search for themes: themes should be specific, distinct, and non-repetitive but also broad enough to capture the

complexity of the data. Themes were identified by grouping related codes together and further refined through the creation of these networks. This step ensured that each theme was both internally consistent (homogeneous) and distinct from others (heterogeneous), as suggested by Patton [34, pp. 393-394].

Finally, the researcher analyzed and interpreted these themes and sub-themes to provide a more abstract explanation of the respondents' perspectives. The findings were presented with illustrative quotes from the data, demonstrating how the themes addressed the research questions and capturing the diversity of respondents' views.

To achieve rigor (analogous to validity and reliability in quantitative studies), the researcher utilized criteria proposed by Lincoln and Guba [22, pp. 290-300]. The author actively engaged with participants to enhance "credibility." Member checks involved sharing a summary of interviews with participants, allowing them to validate the researcher's interpretations. Peer review was used to control "confirmability." Experts reviewed and discussed coded data and categories to reach a consensus. The researcher performed an audit trail to ensure "dependability." Maximum variation sampling, considering expertise, experience, and job-related connections, contributes to data credibility and the "transferability" and dependability of findings.

To minimize the likelihood of bias during interviews, the researcher and five other investigators reviewed the questions. The author refrained from imposing his assumptions on participants' responses, ensuring that prior assumptions and ideas do not dictate the nature of the interview. The researcher employed active listening techniques and follow-up questions to investigate interviewees' answers and prevent bias.

Interviews were conducted without recording participants' personal information to ensure anonymity. The researcher provided them with the option to either participate or decline and the freedom to choose not to answer specific questions. The researcher transparently informed interviewees about the research and interview objectives to guarantee informed consent. Audio recordings were made with participants' permission, and when this was not feasible, the researcher took notes. After transcribing the interviews, the responses were sent to all participants for validation and accuracy.

This research was conducted with 30 Iranian respondents who held clear views on the Iran – Russia relationship and attached importance to various aspects. Initially, to better understand the research context and familiarize the reader with the characteristics of respondents whose perspectives on the strategic partnership between Iran and Russia and its various dimensions were evaluated, descriptive information on the characteristics of these individuals is provided so that the reader can have a clearer picture of the people whose opinions were examined in this research. Accordingly, Table presents demographic descriptions of the interviewees, categorized by occupation and education.

The interviewees' diverse and differing views resulted in the collection of a considerable amount of data. Upon closer examination of the data, two themes emerged from the interviewees' perceptions.

Results. ***Theme One: Feasibility of Strategic Partnership.*** *Sub-theme One: Feasible and Achieved Strategic Partnership.* The first sub-theme includes those who wholly agreed with the idea of forming a strategic partnership between Iran and Russia and spoke of its formation in effect. This perspective, predominant among several diplomats from the Ministry of Foreign Affairs and politicians from the Ministry of Interior of Iran, emphasized the importance of this partnership. Individuals with this view stated that a strategic partnership with Russia benefits Iran. Those who believed in the formation of this strategic partnership considered examples of political, security, and economic cooperation between the two countries as convincing reasons to support their arguments.

Interviewee no. 14, a private sector merchant who believed that Iran and Russia had entered a strategic partnership for years, paid particular attention to the issue of banking cooperation between Iran and Russia and highlighted that: "Efforts to link the banking systems of the two countries and expand financial relations have been among the most important features of recent economic relations between Iran and Russia, pursued seriously within the framework of the two countries' macro policies

Demographic description of the interviewees according to occupation and education

Code	Occupation	Education
1	Employee of Ministry of Foreign Affairs	PhD
2	Employee of Ministry of Foreign Affairs	Master
3	Employee of Ministry of Foreign Affairs	PhD
4	Employee of Ministry of Foreign Affairs	Master
5	Employee of Ministry of Interior	Master
6	Employee of Ministry of Interior	PhD
7	Employee of Ministry of Interior	Master
8	Employee of Ministry of Interior	Master
9	Employee of Member of Parliament	Master
10	Employee of Member of Parliament	Master
11	Employee of Member of Parliament	PhD
12	Former Member of Parliament	Master
13	Private Sector	PhD
14	Private Sector	Bachelor
15	Private Sector	Master
16	Professor of Political Sciences	PhD
17	Professor of Political Sciences	PhD
18	Professor of Political Sciences	PhD
19	Professor of International Relations	PhD
20	Professor of International Relations	PhD
21	Professor of International Relations	PhD
22	Professor of Regional Studies	PhD
23	Professor of Regional Studies	PhD
24	Professor of Regional Studies	PhD
25	Professor of Political Geography	PhD
26	Professor of Political Geography	PhD
27	Professor of Political Geography	PhD
28	Professor of Economics	PhD
29	Professor of Economics	PhD
30	Professor of Economics	PhD

to circumvent sanctions and reduce the destructive effects of international punishments."

Sub-theme Two: Feasible but Unachieved Strategic Partnership. While the second sub-theme argued that despite the feasibility of this relationship, it has yet to materialize in practice, its proponents presented significant reasons to support their claim. Despite seeing signs of favorable conditions for forming a strategic partnership, those whose views fell under this sub-theme believed that additional factors and conditions were involved that, in their opinion, had not yet been realized in practice. This combination of sub-themes, which acknowledged the feasibility of a strategic partnership between Iran and Russia, regardless of its actual realization, formed the first theme identified in this research, indicating the potential for creating such a relationship between Tehran and Moscow. A diplomat of the Ministry of Foreign Affairs, interviewee no. 3, stated: "The increased meetings of diplomatic officials from both countries have paved the way for more effective cooperation. However, it cannot signify a strategic partnership between them alone."

Theme Two: Impossibility of Strategic Partnership. *Sub-theme One: Impossible Strategic Partnership with No Alternatives.* In contrast to the first theme, the thematic analysis

revealed that other interviewed people doubted the feasibility of this relationship between Tehran and the Kremlin. Their views formed another sub-theme that did not consider a strategic partnership between Iran and Russia feasible, nor did they envision alternative forms, such as strategic cooperation or alliance. This sub-theme, mainly observed among academics, particularly highlighted the commercial aspects of a strategic partnership. All of the interviewees who challenged the feasibility of forming a strategic partnership between the two countries considered commercial factors to be the most determining barrier to changing the level of Tehran-Moscow relations. Given the nature of a strategic partnership, which is primarily based on economic and commercial factors, they viewed the low level of mutual trade between the two countries as an area that, unless fundamentally transformed and enhanced, does not create a prospect for achieving a strategic partnership between Iran and Russia.

Interviewee no. 21, who was entirely opposed to the possibility of forming this relationship between the two countries, argued that: "As long as trade relations between the actors do not develop, a strategic partnership cannot be discussed because this concept originates from business studies, and its extension to other areas such as political and military should not overshadow the centrality of trade relations between the parties."

Sub-theme Two: Impossible Strategic Partnership but with Alternative Forms. Another sub-theme was identified among those who opposed the existence of a strategic partnership between Tehran and Moscow. Although they did not see forming a strategic partnership between the two countries as feasible, they considered other forms of relationship, such as strategic relations or cooperation, between Tehran and Moscow possible. They referred to various types of relations, which they believed described the current relationship between Iran and Russia. These two sub-themes, which opposed the feasibility of a strategic partnership, were identified as part of the theme that questioned the feasibility of such a relationship between Tehran and the Kremlin.

Interviewee no. 30, a professor of economics, highlighted the regional trade cooperation between Iran and Russia and the establishment of trade institutions: "Although the level of trade between Iran and Russia is lower compared to other top trade partners of the two countries and cannot support a strategic partnership between them, the prospect of increasing trade relations between these two, especially in recent years and particularly after 2022, has transformed, making Iran and Russia strategic relations stronger."

Discussion. The themes identified in the interviewees' responses about the Iran – Russia relationship showed that the selected Iranian diplomats and politicians largely believed in forming a strategic partnership between Iran and Russia. They indicated greater alignment among individuals involved in Iran's domestic and foreign policy dynamics, supporting a strategic partnership between the two countries.

For instance, Interviewee 4 (a diplomat) argued the partnership had already been achieved, citing expanded economic cooperation under sanctions. At the same time, Interviewee 7 pointed to the longstanding security collaboration in regions such as Syria and Central Asia as evidence of an existing strategic alignment. However, other politicians, such as Interviewee 3 and Interviewee 10, believed that while feasible, the partnership remained unrealized due to insufficient institutional frameworks and a lack of political will.

The interviewees from the politicians aligned with Iran's ruling political system, which has expanded its relations with Russia centered on security and military cooperation for decades and has significantly increased mutual trade in recent years, especially after 2022, supported the formation of a strategic partnership between Iran and Russia due to several factors. Among the most critical factors are the role of political interests and the importance of gaining support and maintaining good relations with Russia. Iranian officials expect Russia to act as an ally or supporter of Tehran against military threats.

In contrast, most academics selected for the interview did not view a strategic partnership as feasible, at least in the present. Due to their relative independence from political, security, and economic influences, academics had a relatively more diverse views. They provided a more realistic and evidence-based narrative about the prospects of forming a strategic partnership. Most of this evidence related to the nature of

cooperation between the two countries, while the role of problems facing mutual commodity trade between Iran and Russia was also prominent among the reasons given for opposing the feasibility of forming a strategic partnership between Tehran and Moscow.

Interviewee 18, a political scientist, flatly rejected the partnership concept due to negligible trade volumes, stating, "How can we speak of strategic partnership when mutual trade remains so limited?" Similarly, Interviewee 23 emphasized that the relationship could not qualify as a true partnership without deeper commercial ties. Some academics, like Interviewee 24, acknowledged significant military cooperation in Syria but distinguished this from a comprehensive strategic partnership. The economic focus of these academic critiques was exemplified by Interviewee 29, who argued Russia's "small markets" could not compensate for Iran's lack of access to Western economies.

The divergence between these groups appears rooted in their professional contexts and analytical frameworks. These variations reveal how institutional affiliations and methodological approaches shape perceptions of bilateral relations, with policymakers prioritizing geopolitical realities and academics emphasizing measurable economic indicators. Interviewees' consistent reference to specific cooperation areas (security for politicians, trade for academics) demonstrates how professional backgrounds filter interpretations of the same bilateral relationship.

Conclusion. The study revealed two key themes: one supporting the feasibility of a strategic partnership between Iran and Russia (split between those believing it was already realized and those seeing it as potential but unrealized), and another rejecting its possibility (divided between those denying any strategic partnership and those acknowledging alternative forms of relations). It was also discovered that the most important vectors of ties between the two countries, which were of interest to the interviewees, included political, security, military, economic, commercial, technical, and scientific.

The theoretical importance of this research's findings is better understood when considering the need to comprehend recent political, security, and geopolitical trends between Iran and Russia within the international system, particularly in the context of sanction policies, the paradigm shift between Russia and the West, and the longstanding conflict between Iran and the West. The findings from the examination of Iranian interviewees' views help inform future policymaking by both Iranian and Russian actors, as well as others, highlighting the practical importance of this research.

The most crucial conclusion the researcher draws from this exploration is that a strategic partnership with Russia is more a result of the limited possibilities facing Iran's political system and, to some extent, Iran's compulsion to move closer to countries like Russia and China due to the necessity of breaking international isolation, political pressure, and economic sanctions imposed on Tehran. It drives the ruling political system to adopt policies that will benefit the country most under current conditions, even if these decisions face criticism from society, academia, and even parts of the government.

Iran and Russia have political interests in forming a strategic partnership to counterbalance Western (mainly U.S.) influence and promote a multipolar world order. For Russia, Iran is a key regional player for maintaining influence in the Middle East, securing its southern borders, and supporting joint security and economic projects. For Iran, partnership with Russia helps break international isolation, provides diplomatic and military support, and opens up opportunities for economic cooperation and regional connectivity.

Despite shared interests, several issues hinder the development of a true strategic partnership. These include an imbalance in power and resources (with Russia being the stronger partner), differing regional priorities (mainly, relations with other regional states), underdeveloped economic ties due to sanctions and bureaucracy, lack of strong institutional mechanisms for cooperation, and mutual mistrust rooted in historical experiences. Additionally, both countries sometimes compete in energy markets, limiting deeper collaboration.

One of the most significant limitations of this research was the lack of access to individuals at high political levels in the Ministries of Foreign Affairs and Interior; however, this was not the case with the academicians. The small sample size in in-depth interviews limits the ability to map those qualitative findings to a broader population. The insights may not represent the larger populations, particularly in other locations in Iran.

Methodologically, this research faced limitations related to its single-method qualitative approach, which must be combined with quantitative data to validate its qualitative findings and achieve more robust and generalizable conclusions.

Future research should also examine the views of Russian and Western politicians and academics. Another suggestion is to study the opinions of Iranian merchants and state and non-state economic managers, which would help expand the inclusivity of the research.

REFERENCES

1. Aghaie Joobani H., Mousavipour M. Russia, Turkey, and Iran: Moving Towards Strategic Synergy in the Middle East? *Strategic Analysis*, 2015, vol. 39, no. 2, pp. 141-155. DOI: 10.1080/09700161.2014.1000658

2. Alharahsheh H.H., Pius A. A Review of Key Paradigms: Positivism vs. Interpretivism. *Global Academic Journal of Humanities and Social Sciences*, 2019, vol. 2, no. 3, pp. 39-43.

3. Alhoei N. Cheshmandaze Hamgarayie Rahbordie Rusiyeva Jomhourie Eslamie Iran [The Prospect of Strategic Convergence Between Russia and the Islamic Republic of Iran]. *Strategic Futures Studies*, 2022, vol. 1, no. 2, pp. 115-136.

4. Asaadi B., Monavari S.A. Barrasie Ravabete Iran va Rusiyedar Qarne Jadid: Ettehade Stratezhikya Hamgarayie Manafe [Review of Iran – Russia Relations in the New Century: Strategic Alliance or Convergence of Interests]. *Political and International Approaches*, 2021, vol. 12, no. 4, pp. 181-210.

5. Attride-Stirling J. Thematic Networks: An Analytic Tool for Qualitative Research. *Qualitative Research*, 2001, vol. 1, no. 3, pp. 385-405. DOI: 10.1177/146879410100100307

6. Beznosova M.I., Likhachev K.A. Rossiysko-Iranskie otnosheniya na sovremennom etape: perspektivy i potencialnye riski [Russian-Iranian Relations at the Present Stage: Prospects and Potential Risks]. *Bulletin of Udmurt University. Sociologiâ. Political Science. International Relations*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 88-96. DOI: 10.35634/2587-9030-2023-7-1-88-96

7. Braun V., Clarke V. Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 2006, vol. 3, no. 2, pp. 77-101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa

8. Cha V. *Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia*. Princeton University Press, 2016. 328 p.

9. Corbin J., Strauss A. *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. Sage, 2015. 465 p.

10. Crowe S., Cresswell K., Robertson A., Huby G., Avery A., Sheikh A. The Case Study Approach. *BMC Medical Research Methodology*, 2011, vol. 11, no. 100. DOI: 10.1186/1471-2288-11-100

11. Divsallar A. The Pillars of Iranian-Russian Security Convergence. *The International Spectator*, 2019, vol. 54, no. 3, pp. 107-122. DOI: 10.1080/03932729.2019.1586147

12. Donovan T., Hoover K.R. *The Elements of Social Scientific Thinking*. Wadsworth, Cengage Learning, 2013. 208 p.

13. Ghani P., Asgarian A. Mane'h aye Sheklgirie E'telafe Rahbordie Jomhourie Eslamie Iran va Rusiye; Motale'e Moredie E'telafe Iran va Rusiyedar Bohrane Suriyeh [Barriers to the Formation of the Strategic Alliance Between the Islamic Republic of Iran and Russia: Case Study, Iran – Russia Alliance in the Syrian Crisis]. *Journal of Central Eurasia Studies*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 229-249.

14. Grajewski N. An Illusory Entente: The Myth of a Russia-China-Iran "Axis." *Asian Affairs*, 2022, vol. 53, no. 1, pp. 164-183. DOI: 10.1080/03068374.2022.2029076

15. Graneheim U.H., Lundman B. Qualitative Content Analysis in Nursing Research: Concepts, Procedures and Measures to Achieve Trustworthiness. *Nurse Education Today*, 2004, vol. 24, no. 2, pp. 105-112. DOI: 10.1016/j.nedt. 2003.10.001

16. Hofweber T. Idealism and the Harmony of Thought and Reality. *Mind*, 2019, vol. 128, no. 511, pp. 699-734. DOI: 10.1093/mind/fzy086

17. Ivanov I., ed. *Russia-Iran Partnership: An Overview and Prospects for the Future*. Moscow, Russian International Affairs Council, 2016. 162 p.

18. Kay S. What is Strategic Partnership? *Problems of Post-Communism*, 2000, vol. 47, no. 3, pp. 15-24. DOI: 10.1080/10758216.2000.11655882

19. Khavarinejad S. Russia-Iran Security Relations and Military Cooperation as a Counterbalance to Western Hegemony. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2024, no. 80, pp. 244-264.

20. King N., Horrocks C., Brooks J. *Interviews in Qualitative Research*. Sage, 2019. 360 p.

21. Koolaee E., Mousavi H., Abedi A. Fluctuations in Iran – Russia Relations During the Past Four Decades. *Iran and the Caucasus*, vol. 24, no. 2, pp. 216-232. DOI: 10.1163/1573384x-20200206

22. Lincoln Y.S., Guba E.G. *Naturalistic Inquiry*. Sage, 1985. 416 p.

23. Long T., Johnson M. Rigour, Reliability and Validity in Qualitative Research. *Clinical Effectiveness in Nursing*, 2000, vol. 4, no. 1, pp. 30-37. DOI: 10.1054/cein.2000.0106

24. Lucyna Czechowska L., Tyushka A., Domachowska A., Gawron-Tab K., Piechowiak-

Lamparska J., eds. *States, International Organizations and Strategic Partnerships.* Edward Elgar Publ., 2019. 576 p.

25. Michalski A. *Diplomacy in a Changing World Order: The Role of Strategic Partnerships*. Stockholm, Swedish Institute of International Affairs, 2019. URL: www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/2019/ui-paper-no.-10-2019.pdf

26. Mirfakhraei S.H. Mo'alefehaye Sakhtari Ta'seergozar bar Modele Ravabete Iran va Rusiye (2015–2023) [Structural Components Affecting the Model of Iran – Russia Relations (2015–2023)]. *Political Strategic Studies*, 2024, vol. 51, no. 13, pp. 167-198. DOI: 10.22054/qpss.2024.76824.3340

27. Mirfakhraei S.H., Rahimi O., SefidiKasin A. Cheshm-andaz-e Pasabarjam-e Ravabet-e Gazi-ye Iran va Rusiyedar Olgooye Mosharekat-e Rahbordi [The Post-JCPOA Perspective of Iran – Russia Gas Relations in the Strategic Partnership Model]. *International Relations Studies Quarterly*, 2017, vol. 10, no. 38, pp. 131-157.

28. Mottaghi E., Postinchi Z., Mojaradi S., Hayat Moghadam A. Amalgera'iye Rahbordidar Ravabete Jomhouri Eslamie Iran va Rusiye [Strategic Pragmatism in I.R. Iran – Russia Relations]. *Defence Studies*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 117-147.

29. Neuman W.L. *Social Research Methods: Qualitative and Quantitative Approaches*. Pearson, 2019. 560 p.

30. Noori A. Chalesh-e Nazm-e Hezhemonik, Sabatva Mavazenedar Khavar Miane; Forsat-ha baraye Iran va Rusiye [The Challenge to Hegemonic Order, Stability and Balance in the Middle East; Opportunities for Iran and Russia]. *Political and International Approaches*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 77-108. DOI: 10.29252/piaj.2020.99962

31. Omidi A. Chaleshehaaye Sakhtarie Ravabete Rahbordie Iran va Rusiye: Solteh Setizi Irani va Amalgeraiye Rusi [Structural Challenges of Iran – Russia Strategic Relations: Iranian's Anti Imperialism Approach and Russian Pragmatism]. *Central Eurasia Studies*, 2011, vol. 4, no. 8, pp. 43-64.

32. Pape R.A. Soft Balancing Against the United States. *International Security*, 2005, vol. 30, no. 1, pp. 7-45.

33. Pashaei T., Sarmadi H. Rahbord-e Mavazene-ye Qova-ye Iran – Rusiye dar Mogabele-ye Hezhemoni-ye Amrika [Iran – Russia Balance of Power Strategy vs. U.S. Hegemony]. *Journal of Humanities and Islamic Strategic Studies*, 2020, no. 25, pp. 63-82.

34. Patton M.Q. *Qualitative Evaluation and Research Methods*. Sage, 1990. 532 p.

35. Perišić S. The Crisis of the West, Russia's Resistance and War: Paradigmatic Changes in the World. *Socioloski Pregled*, 2023, vol. 57, no. 2, pp. 424-448. DOI: 10.5937/socpreg57-42989

36. Rafiei Basiri M., Javdani Moghaddam M., Kiani D. Vakaviye Zaminehava Dalayele E'telafe Rahbordie Iran va Rusiyedar Suriyeh [An Analysis of the Grounds and Reasons for the Iran – Russia Strategic Alliance in Syria]. *Iranian Political Studies*, 2023, vol. 10, no. 1, pp. 29-48.

37. Rehman A.A., Alharthi K. An Introduction to Research Paradigms. *International Journal of Educational Investigations*, 2016, vol. 3, no. 8, pp. 51-59.

38. Robert A., Yin K. *Case Study Research and Applications*. Sage, 2018. 352 p.

39. Walt S.M. *The Origins of Alliances*. Cornell University Press, 1987. 336 p.

Information About the Author

Saeed Khavarinejad, Political Expert, Government of Fouman County, Chahar Dokhtaran Sq., 4351746465 Fouman, Iran; Postgraduate Student, Department of World Politics, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, azadazadazadi@yahoo.com, https://orcid.org/0009-0009-7941-5551

Информация об авторе

Саид Хаваринежад, политический эксперт, Правительство округа Фуман, пл. Чахар Дохтаран, 4351746465 г. Фуман, Иран; аспирант кафедры мировой политики, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, azadazadazadi@yahoo.com, https://orcid.org/0009-0009-7941-5551

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.18

UDC 314.7
LBC 65.5

Submitted: 17.02.2025
Accepted: 11.07.2025

TRENDS AND PROSPECTS OF LABOR MIGRATION FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES TO THE UNITED KINGDOM

Sergey V. Ryazantsev
RUDN University, Moscow, Russian Federation;
Institute for Population and Social Research, Mahidol University, Nakhon Pathom, Thailand

Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abubakr Kh. Rakhmonov
Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Komron Kh. Rakhimov
RUDN University, Moscow, Russian Federation

Alexander L. Chupin
RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. Among European countries, the UK is experiencing one of the most acute labor shortages, especially in labor-intensive and low-prestige sectors such as agriculture. Following Brexit, the UK was compelled to expand the geography of labor recruitment beyond the traditional pool of Eastern European seasonal workers (Poland, the Baltics, Bulgaria, and Ukraine) to include Central Asian countries. This article *aims* to identify the trends and prospects of labor emigration from Central Asian countries to the UK within the context of growing political and economic competition among key actors in the region. *Methods and materials.* The study combines analytical, statistical, and sociological approaches. It draws on World Bank and IOM datasets on labor migration and remittances, complemented by thematic content analysis of Russian and British media and expert interviews. Official documents from government agencies, embassies, recruitment agencies, and migrant training centers are also examined. *Analysis*. The analysis covers the scale, drivers, and channels of emigration from Central Asia to the UK, the participation of Central Asian workers in the British labor market, and the prospects for seasonal migration. *Results*. The results show that labor shortages in the UK labor market are the primary driver of migration from Central Asia. The reorientation of migration flows from the Russian direction is explained by the economic downturn in Russia, the tightening of migration legislation and the spread of English among young people in Central Asian countries. Since 2021, there has been an increase in seasonal migration of low-skilled workers, primarily through public and private recruitment agencies. *Authors' contribution.* S.V. Ryazantsev – research concept and economic analysis of labor migration; K.P. Kurylev – political aspects and international relations; A.Kh. Rakhmonov – social consequences and interview analysis; K.Kh. Rakhimov – historical context and geopolitical factors of migration; A.L. Chupin – statistical analysis and policy recommendations on migration.

Key words: labor migration, seasonal migration, Central Asian countries, UK, recruitment agencies, migration service, working conditions, adaptation, Tajik migrants.

Citation. Ryazantsev S.V., Kurylev K.P., Rakhmonov A.Kh., Rakhimov K.Kh., Chupin A.L. Trends and Prospects of Labor Migration from Central Asian Countries to the United Kingdom. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 210-222. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.18

© Ryazantsev S.V., Kurylev K.P., Rakhmonov A.Kh., Rakhimov K.Kh., Chupin A.L., 2025

УДК 314.7
ББК 65.5

Дата поступления статьи: 17.02.2025
Дата принятия статьи: 11.07.2025

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ

Сергей Васильевич Рязанцев

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация;
Институт народонаселения и социальных исследований Университета Махидол, Накхонпатхом, Таиланд

Константин Петрович Курылев

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Абубакр Хасанович Рахмонов

Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация

Комрон Хакимджонович Рахимов

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Александр Леонидович Чупин

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение*. Из всех стран Европы именно Великобритания ощущает острую нехватку человеческих ресурсов, чтобы обеспечивать развитие трудоемких и одновременно непрестижных отраслей экономики. Великобритания, нуждающаяся в дешевой рабочей силе для сельского хозяйства, после Brexit была вынуждена расширить географию привлечения рабочей силы. Помимо традиционного региона найма сезонных работников – стран Восточной Европы (Польша, Прибалтика, Болгария и Украина), трудовые ресурсы начали активно привлекаться из стран Центральной Азии. *Цель* данной статьи – выявить перспективы и тенденции развития трудовой эмиграции из стран Центральной Азии в Великобританию в контексте развития политической и экономической конкуренции в регионе между ключевыми политическими акторами. *Методы и материалы.* В исследовании применены аналитические, статистические и социологические методы. Использованы данные Всемирного банка и МОМ о трудовой миграции и денежных переводах. Проведены качественное тематическое чтение российских и британских СМИ и интервью с экспертами. Проанализированы материалы официальных сайтов госорганов, посольств, рекрутинговых агентств и центров подготовки мигрантов. *Анализ.* Рассмотрены масштабы, причины и каналы эмиграции из Центральной Азии в Великобританию, а также участие трудовых мигрантов на британском рынке труда и перспективы сезонной миграции. *Результаты*. Основным фактором привлечения мигрантов из Центральной Азии в Великобританию стала нехватка рабочей силы после выхода страны из ЕС. Переориентация миграционных потоков с российского направления объясняется экономическим спадом в России, ужесточением миграционного законодательства и распространение английского языка среди молодежи стран Центральной Азии. С 2021 г. наблюдается рост сезонной миграции низкоквалифицированных работников. Главными каналами трудовой эмиграции выступают государственные и частные кадровые агентства. *Вклад авторов.* С.В. Рязанцев – концепция исследования и экономический анализ трудовой миграции. К.П. Курылев – политические аспекты и международные отношения. А.Х. Рахмонов – социальные последствия и анализ интервью. К.Х. Рахимов – исторический контекст и геополитические факторы миграции. А.Л. Чупин – статистический анализ и рекомендации по миграционной политике.

Ключевые слова: трудовая миграция, сезонная миграция, страны Центральной Азии, Великобритания, рекрутинговые агентства, миграционная служба, условия труда, адаптация, таджикские мигранты.

Цитирование. Рязанцев С. В., Курылев К. П., Рахмонов А. Х., Рахимов К. Х., Чупин А. Л. Тенденции и перспективы развития трудовой миграции из стран Центральной Азии в Великобританию // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 210–222. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.18

Introduction. Labor migration has become a key source of household income in the Central Asian countries and an important driver of their economic development. The present study focuses on Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan; Turkmenistan is excluded because of its closed nature and the lack of reliable statistics on migratory flows. According to World Bank estimates [6], remittances account for 35–45 percent of Tajikistan's GDP and about 30 percent of Kyrgyzstan's GDP. Between 500 000 and 600 000 Tajik nationals – roughly 20–25 percent of the economically active population – are working abroad [4], while Kyrgyz migrants numbered 858 000 in the 2022 census. Since the early 2000s, Russia and, later, Kazakhstan have been the principal destinations [17], but economic and geopolitical shocks have encouraged a diversification of flows [12].

Interest in the United Kingdom has grown rapidly since 2021 [5]. Initially, the migrants were mainly students and skilled professionals, but a noticeable influx of seasonal agricultural workers has now emerged. With support from the International Organization for Migration and the UK Seasonal Workers Scheme, an infrastructure for organized recruitment is taking shape in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan. British firms such as Pro-Force work with migration authorities and local agencies to place personnel in farms and in companies specializing in the harvesting of vegetables and berries [28]. In this way an institutionalized mechanism of transnational hiring is being formed that provides legal employment channels and reduces the risk of labor and social violations for both migrants and the host side.

Theoretical approaches. Contemporary migration scholarship rests on a multi-level analytical framework in which macro-, meso-, and micro-dimensions form an interdependent system of factors that shape both the direction and the intensity of migratory flows. At the macro level, decisive forces include global and structural determinants: economic disparities between donor and recipient countries, demographic growth in the Central Asian (CA) states, changing labor-market conditions, and the evolution of migration policies in destination countries. The British labor market, suffering a shortage of low- and medium-skilled workers after Brexit, coincides with the economic slowdown in Russia and Kazakhstan – traditional destinations for CA labor migrants – thereby strengthening the "push" and "pull" incentives that favor reorientation towards the United Kingdom. Relevant macro factors also encompass international agreements, such as the 2021 Tajikistan – UK treaty on seasonal workers, and the reform of the British visa system, which obliges applicants to earn seventy points across criteria of education, salary, language proficiency, and a job offer from a licensed sponsor.

The meso level is defined by institutions and networks linking prospective migrants to employers. Recruitment agencies (Agri-HR, Osrodek-HR, and others), diaspora associations, migrant-training centers in Kazakhstan and Tajikistan, and the migration services of CA countries all function as mediators that reduce the informational and transaction costs of mobility. By providing access to vacancies, facilitating the issue of documents, and consolidating emergent migration routes, these actors help embed new patterns of emigration.

At the micro level, individual motivations remain paramount: the pursuit of higher earnings, the desire for socio-economic advancement and career development, and the possession of linguistic capital or social ties in the destination country. An IOM online survey (2019) confirmed that economic expectations and clear career prospects are the chief determinants of choice for young Central Asians, while risks and benefits are additionally weighed against marital status and accumulated savings.

A political-economy perspective views these levels through the prism of competing material interests. The depreciation of sterling and the decline in UK earnings – highlighted by J. Portes – interact with the tightening of the visa regime noted by D. Syme, M. Moskal, and N. Tyrrell, together producing fluctuating labor-market attractiveness. Meanwhile, rival destinations (the USA, the EU, China, Turkey, Iran, and Russia) have intensified their competition for CA labor resources, adding complexity to the migration landscape [8].

Russian research underscores the growing significance of these factors. S.V. Ryazantsev points to the proactive strategies of receiving states in attracting CA migrants set against a backdrop of stricter Russian migration policy and

heightened competition from other EAEU citizens. A.Kh. Rakhmonov links Tajik workers' pivot towards Europe to the post-2014–2015 currency crisis decline in real dollar incomes [33]. Subsequent shocks – the 2022 mobilization campaign, sanctions, and the withdrawal of foreign companies – have only reinforced this tendency.

In sum, today's flow of labor migrants from Central Asia to the United Kingdom results from a synergy of macroeconomic imbalances and regulatory reforms, meso-level brokerage infrastructures, and the migrants' own micro-level pragmatic aspirations. Understanding this layered architecture allows for a more accurate assessment of future diversification in migration routes and the formulation of well-grounded policy responses.

Sources of information and research methods. This study employs analytical, statistical, and sociological methods. Statistical data on labor migration from Central Asian countries for the period 2000–2024 vary in quality due to the specific characteristics of national migration accounting systems. The most comprehensive and systematic data are provided by Kyrgyzstan and Kazakhstan through current administrative records, population censuses, and labor force surveys. Data from Tajikistan are less detailed and are primarily based on administrative statistics from the Migration Service. Uzbekistan has only recently begun to publish information on international labor migration.

Statistics on the number of labor migrants and the volume of remittances are obtained from the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, the Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, and the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan, as well as from international sources such as the World Bank and the International Organization for Migration. In addition, data on the number of seasonal migrants and the structure of labor migration from Central Asia were published in 2024 by the UK Office for National Statistics.

A qualitative analysis was also conducted based on media publications and expert interviews with representatives of the IOM, academics, and officials from relevant government bodies. The collected material was systematized and compared, allowing the identification of both quantitative trends and qualitative mechanisms shaping migration from Central Asia to the United Kingdom.

Discussion. The United Kingdom is experiencing an acute labor shortage in the labor-intensive yet lower-status sectors of its economy – agriculture, transport, construction, services, and municipal utilities [31]. This deficit was sharply worsened by the COVID-19 pandemic: in January 2022 the country lacked roughly half a million workers [39]. According to the UK Office for National Statistics, the number of vacancies climbed to a new peak of 1.3 million between March and May 2022 – half a million more than before the pandemic [27]. In the first quarter of 2022, for the first time since records began, nationwide vacancies outnumbered the unemployed. The shortage reflects the combined impact of the pandemic and Brexit [30]. Agriculture has been the hardest-hit sector, traditionally dependent on seasonal workers from the EU during planting and harvest periods [32]. The share of temporary (seasonal) workers in 2022 rose to 150 percent of the 2021 level (Table 1), underscoring severe staffing gaps. EU workers are no longer arriving because they cannot satisfy the UK's post-Brexit visa requirements: wages in the sector are low, while the salary threshold for a work visa is high [23].

A further driver of migration from Central Asia to the United Kingdom is the comparatively high remuneration now offered in the British agricultural sector.

The minimum hourly wage in UK agriculture stood at J9.50 in 2022 [11], rose to J10.40 in 2023 [11], and reached J11.50 in 2024 [19]. Between 2020 and 2024, the average monthly pay for an agricultural worker in the United Kingdom was about USD 2,462. In the Central Asian countries, by contrast, agriculture has long been the lowest-paid sector [3]. The sharpest gap is observed in Tajikistan, where the average agricultural wage amounted to just USD 71 per month over 2020–2024 (Fig. 1). This stark differential has clearly acted as a strong push factor for Tajik workers with farming experience [13].

UK Office for National Statistics data show that by March 2022 some 277 thousand work visas had been issued to foreign nationals – 2.5 times the 2021 total. Roughly 66 percent of the visas granted in 2022 went to skilled workers (Table 1).

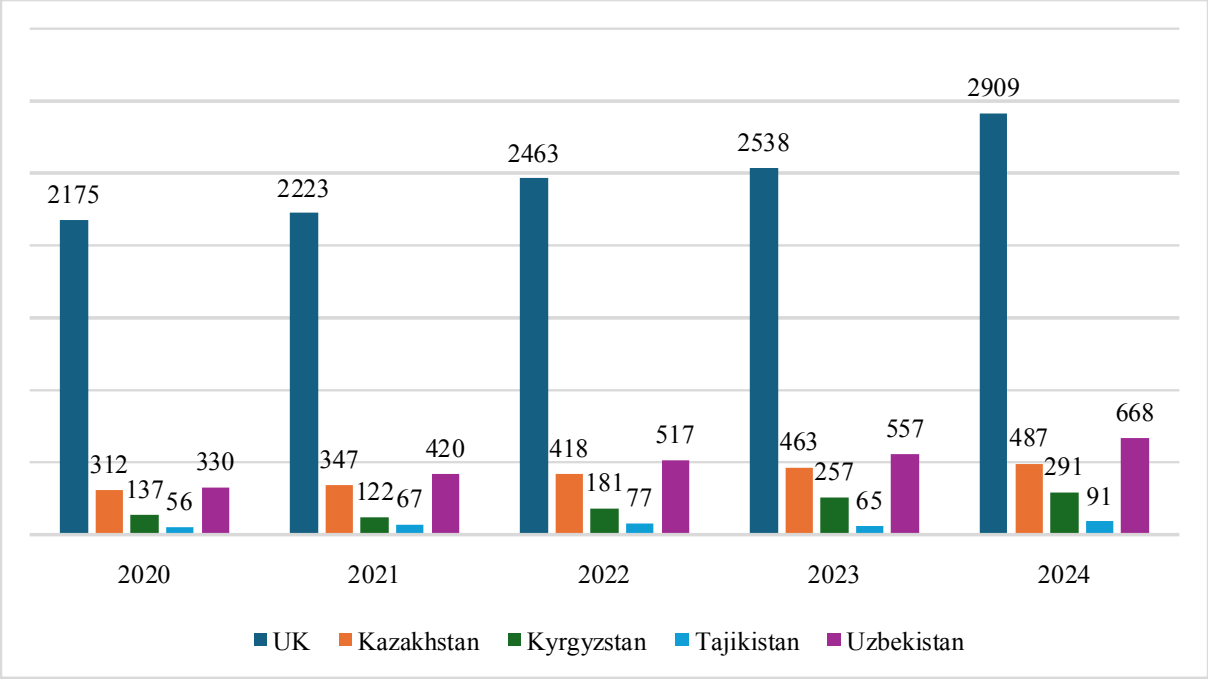


Fig. 1. Average monthly agricultural wages in Central Asia and the United Kingdom, 2020–2024, USD

Note. Compiled by the authors from data in sources: [1; 2; 10; 14; 15].

Table 1. **Number of work visas issued to foreign nationals to enter the UK, January – March 2020–2022**

Worker category	Jan. – Mar. 2020 (thousand visas)	Jan. – Mar. 2021 (thousand visas)	Jan. – Mar. 2022 (thousand visas)	Visa-issuance growth index in 2022 vs 2020 (%)	Visa-issuance growth index in 2022 vs 2021 (%)
Skilled employees	110.0	76.1	182.2	66	139
Seasonal workers	40.3	24.2	60.3	50	150
Other types of workers	29.1	17.1	28.2	3	65
Highly-skilled specialists	5.3	3.7	6.5	23	76
Total	185.0	112.0	277.1	50	129

Note. Compiled by the authors from data in source: [26].

The combination of these factors has widened the "windows of opportunity" for drawing labor from new supplier countries – including the Central Asian states – and has greatly enhanced the diversification of seasonal-migration sources [24]. Prior to Brexit, the influx of such workers was governed by the EU-wide 2014 Seasonal Workers Directive, which set common standards for short-term employment in agriculture and tourism while protecting foreign employees from exploitation [30; 37]. After leaving the EU, the United Kingdom retained the directive's core provisions: a seasonal-worker visa limits the stay to five to nine months per year, with scope to extend the contract or change employer as long as visa conditions are strictly observed [20]. It is important to note that the EU directive itself is not a law but a framework that must be transposed into national legislation; this enabled London to adapt its key norms to domestic needs. A further incentive is financial: since October 2022, the minimum hourly rate in agriculture has been raised to J10.10, effectively bringing the pay of low-skilled seasonal workers close to that of skilled specialists [16].

Seasonal migrants from Central Asia enjoy the same rights as local workers with respect to recruitment, wages, working hours, leave, health and safety, and access to core social security benefits (public housing excepted) [22]. These guarantees – combined with persistent staffing shortages – make the UK labor market an attractive alternative destination for migrants from the region.

Analysis. Labor migration from the Central Asian states to the United Kingdom was initially negligible and consisted almost exclusively of highly qualified specialists and students [21]. After the United Kingdom's withdrawal from the European Union, however, a sharp labor shortage emerged in agriculture as the traditional inflow of seasonal workers from Eastern Europe dwindled. In response, the British Government launched the temporary Seasonal Workers Scheme in 2019, aimed at recruiting employees from outside the EU – including migrants from Central Asia and, in particular, Tajikistan. Under the scheme, up to 38,000 visas were allocated to the agricultural sector and another 2,000 to poultry enterprises; by the end of 2022, a total of 34,532 seasonal visas had been issued [38].

The program – extended through 2024 [9] – has become indispensable to British farms and agro-businesses, which depend on migrant labor for harvesting fruit and vegetables and for other farm tasks [25]. Organized temporary migration took shape in 2021, when the British company Pro-Force began inviting citizens of the Central Asian republics for seasonal work. In Tajikistan, deployment to the United Kingdom is arranged with the assistance of the Migration Service, the Ministry of Labor, Migration and Employment, and the Embassy of Tajikistan in London.

In 2022 migrants from Central Asia received a striking share of the United Kingdom's seasonal visas: 4.3 thousand (12.6 percent) went to Kyrgyz nationals, 4.23 thousand (12.3 percent) to Uzbeks, 3.91 thousand (11.3 percent) to Tajiks, and 2.67 thousand (7.8 percent) to Kazakhs – together amounting to roughly 15.1 thousand visas, or about 40 percent of the total (Table 2). For comparison, the single largest national group was Ukrainians (7.3 thousand; 21.3 percent), while the leading African and South Asian sources were Nepal (2.7 thousand; 8.0 percent) and Indonesia (1.45 thousand; 4.2 percent). Central Asia is therefore rapidly becoming a key supplier of seasonal labor to the UK agricultural sector.

The growth rates confirm this trend: whereas in 2021 the UK Department for Work and Pensions issued only about 2.4 thousand permits to citizens of all four Central Asian countries combined, by the end of 2022 the figure had climbed to roughly 15.5 thousand. Quotas for 2023 and 2024 have been maintained at not less than 45 thousand visas per year (covering agriculture and poultry), signaling the consolidation of the region's new migratory role. The expanding recruitment of Central Asian workers is directly linked to the post-Brexit shift in British migration policy: the end of free movement for EU citizens forced employers to look more actively beyond Europe, and the Central Asian labor markets have become an attractive alternative.

As Table 2 shows, migration flows to the United Kingdom from the Central Asian republics are still modest relative to those from traditional donor regions – South Asia and Eastern Europe – but they are growing steadily. India and Pakistan continue to account for the largest diasporas and to top the migration rankings, so the combined share of Central Asian nationals in overall UK immigration remains small. Even so, the region already plays a noticeable role in the seasonal agricultural workforce: in 2022 Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, and Kazakhstan together supplied more than 40 percent of all workers admitted under the scheme.

Table 2. **Distribution of UK Seasonal Worker visas (HORT – agriculture) by country, 2022**

Country	Visas issued (thousand)	Share of total (%)
Ukraine	7,3	21,3
Kyrgyzstan	4,3	12,6
Uzbekistan	4,2	12,3
Tajikistan	3,9	11,3
Nepal	2,7	8,0
Kazakhstan	2,6	7,8
Moldova	2,1	6,4
Indonesia	1,4	4,2
Romania	1,1	3,3
Bulgaria	1,1	3,0

Note. Compiled by the authors from data in source: [26].

Overall, the structure of the UK labor market is still shaped by large communities from India, Poland, Pakistan, Romania, and Ireland, which together represent roughly one-third of the migrant contingent (about 16 percent of the total population). South Asia (India, Pakistan, and Bangladesh) and Eastern Europe (Poland and Romania) have long provided both skilled and unskilled labor, while African countries – especially Nigeria and Ghana – are strongly represented in the service and health-care sectors. Yet between 2021 and the first quarter of 2024, the United Kingdom recruited about 50 thousand seasonal workers from Central Asia (Table 3), underlining the rapid expansion of labor flows and the growing importance of the region to the British economy.

Between 2021 and the first quarter of 2024, the largest shares of Central Asian seasonal migrants came from Kyrgyzstan (31.6 percent) and Tajikistan (about 25 percent). Kazakhstan and Uzbekistan contributed 22.1 percent and 21.7 percent, respectively (Fig. 2). These figures show that labor migrants from Central Asia are now entering the UK labor market in appreciable numbers.

Throughout the period from 2010 to the first quarter of 2024, seasonal workers accounted for about 99 percent of all Central Asian migrants entering the United Kingdom (Fig. 3). Tajik students and highly qualified professionals were the first to open up this migration route, but recently the Tajik contingent has been increasingly dominated by labor migrants, particularly seasonal workers.

The United Kingdom faces one of Europe's most acute labor shortages, particularly in labor-intensive yet low-status branches of the economy.

A noticeable inflow of seasonal workers from Central Asia began in the second quarter of

Table 3. **Number of seasonal migrants from Central Asian countries in the UK, 2021–2024 Q1, persons**

	Kazakhstan	Kyrgyzstan	Tajikistan	Uzbekistan
2021	519	321	982	581
2022	2 964	4 364	3 910	4 287
2023	5 156	7 988	5 669	4 146
2024-Q1	2 289	2 980	1 649	1 733

Note. Compiled by the authors from data in source: [26].

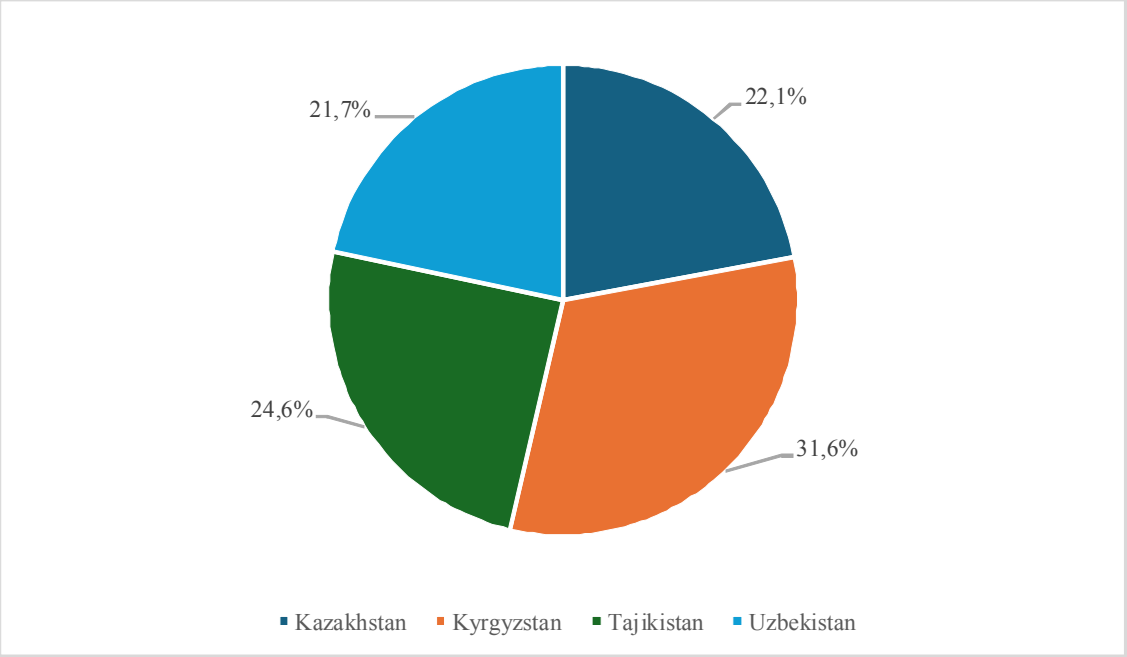


Fig. 2. Share of seasonal migrants from Central Asian countries in the UK, 2021–2024 Q1, %

Note. Compiled by the authors from data in source: [26].

2021, when 432 migrants arrived. The stream expanded to 1,035 in the third quarter and 895 in the fourth quarter of that year. By 2023 the scale of Central Asian seasonal migration had grown dramatically, reaching a peak of about 13 thousand arrivals in the second quarter (Fig. 4).

Licensed recruitment agencies – chiefly Agri-HR and Osrodek-HR – are the principal conduit for bringing seasonal workers from Central Asia to the United Kingdom under the Seasonal Workers Scheme. Whereas recruitment was once handled largely through Moscow offices, the agencies now operate directly in the region. Training centers and information offices have been established in Tajikistan and Kazakhstan in cooperation with these agencies and local authorities. In Tajikistan, for example, the selection and dispatch of candidates are coordinated by the

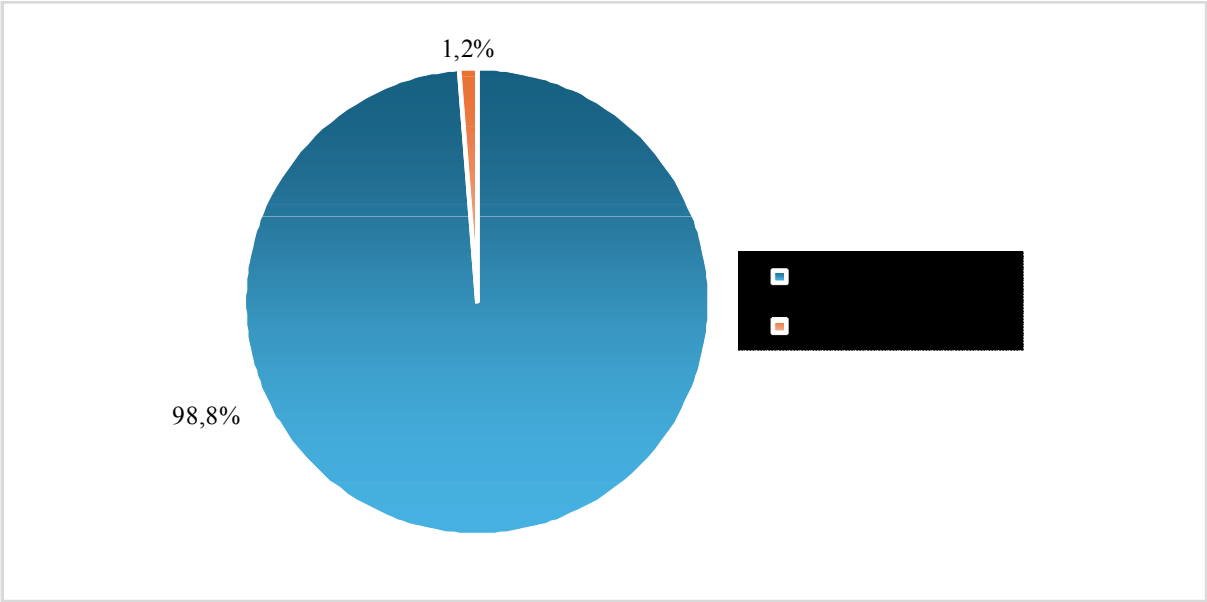


Fig. 3. Distribution of migration types among migrants from Central Asian countries in the UK, 2021–2024 Q1, %

Note. Compiled by the authors from data in source: [26].

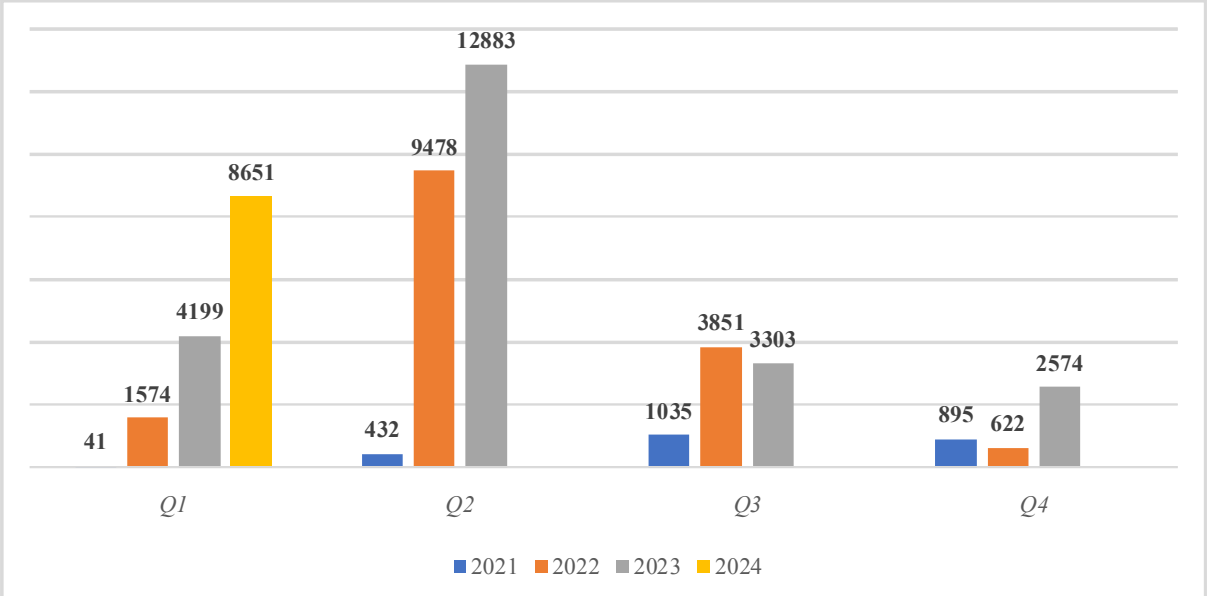


Fig. 4. Number of seasonal workers from Central Asian countries in the UK by quarters, 2021–2024, persons

Note. Compiled by the authors from data in source: [26].

Migration Service and the Ministry of Labor, Migration, and Employment, but their mandate extends only to Tajik citizens, underscoring the absence of monopoly control over migration channels. Alongside organized recruitment, some Central Asian migrants make their own way to the United Kingdom: the journey costs roughly USD 1,000 to 1,500, and a six-month work contract is signed on condition that the worker returns home when it ends [16].

Agri-HR and Osrodek-HR mainly supply personnel to Pro-Force and Fruitful Jobs. Until 2022 Agri-HR recruited through its Moscow office, but after the start of the special military operation, it shifted operations to the region itself [35]. English language skills are generally not required: interviews are conducted in Russian, and Russian-speaking supervisors are present on the farms [14].

Growing demand has spawned fraudulent schemes. Fruitful Jobs urges applicants to submit forms only through Agri-HR, while the Tajik Migration Service asks that bogus offers be reported. The operator Concordia publishes a list of licensed agencies – six in total, including four additional suppliers [18].

Pre-departure orientation is provided by advisory centers in Tajikistan and by labor mobility centers in Kazakhstan; one such center opened in Turkestan in November 2024 with support from Kazakhstan's Ministry of Labor, the IOM, and the UK Embassy. According to Ambassador K. Leach, the aim is "to ensure that all workers arrive well prepared" [29].

Social media also shape migration flows: the Telegram channel *Work in England* has 19,800 subscribers. Experienced migrants share information and often return several seasons in a row without intermediaries, advising newcomers to travel in groups for mutual support [16].

Working conditions typically involve a 40 hour week, weekly pay, a minimum wage of £8.91 per hour, and a working day from 06:00 to about 15:00–16:00 with breaks. Workers are entitled to 14 days' leave during a six-month contract, which can be taken in cash, and receive free English lessons twice a week [16]. Accommodation – costing £60 per week – is provided close to the workplace: four-person caravans, single rooms, or units for couples, with an on-site gym, sports grounds, and shop.

Migrants report that conditions are markedly better than in Russia: equipped cabins, free laundry, and average food expenses of £35–40 per week. Workers from the CIS communicate in Russian; with East Europeans they use English, which eases contract comprehension but is not essential [16].

A small cohort of highly qualified professionals uses seasonal visas as a springboard for seeking positions in their own fields. Overall, organized seasonal migration to the United Kingdom has become a significant employment channel for Central Asians and illustrates how public institutions, private agencies, and social networks jointly shape migration flows, minimize risks, and raise the returns to labor mobility.

Agriculture is the principal field of employment for migrants from the Central Asian republics in the United Kingdom. According to the UK Office for National Statistics, an average of 96 percent of Central Asian migrants worked in British agriculture in 2021 and again in the second half of 2024 (Fig. 5).

Because labor migration from Central Asia to the United Kingdom is largely channeled through organized schemes, cases of wage arrears and other violations of workers' rights are rare – unlike the situation in the Russian Federation. One interviewee who had spent five years with private construction firms in Russia before moving to Britain explained, "In Russia I earned around 500 dollars a month; in Britain I made about one and a half thousand in the last month. In Russia you are never sure the employer will pay. There is lawlessness there, whereas in Britain I feel protected by the law" [9].

Central Asian migrants report feeling more comfortable and secure in the United Kingdom despite the language barrier and say they have not encountered ethnic or racial discrimination from law-enforcement bodies or employers. The same respondent recalled, "I never felt safe in Russia, and I faced racial discrimination and harassment both from employers and from police officers" [9]. Another migrant, Sukhrob Ulmasov, who worked in Wales, observed, "We are pioneers of a sort among Tajiks – large groups have not yet gone to Britain for farm work, as far as I know. I can say straight away: local people are friendly to visiting laborers. That is already a big plus" [7].

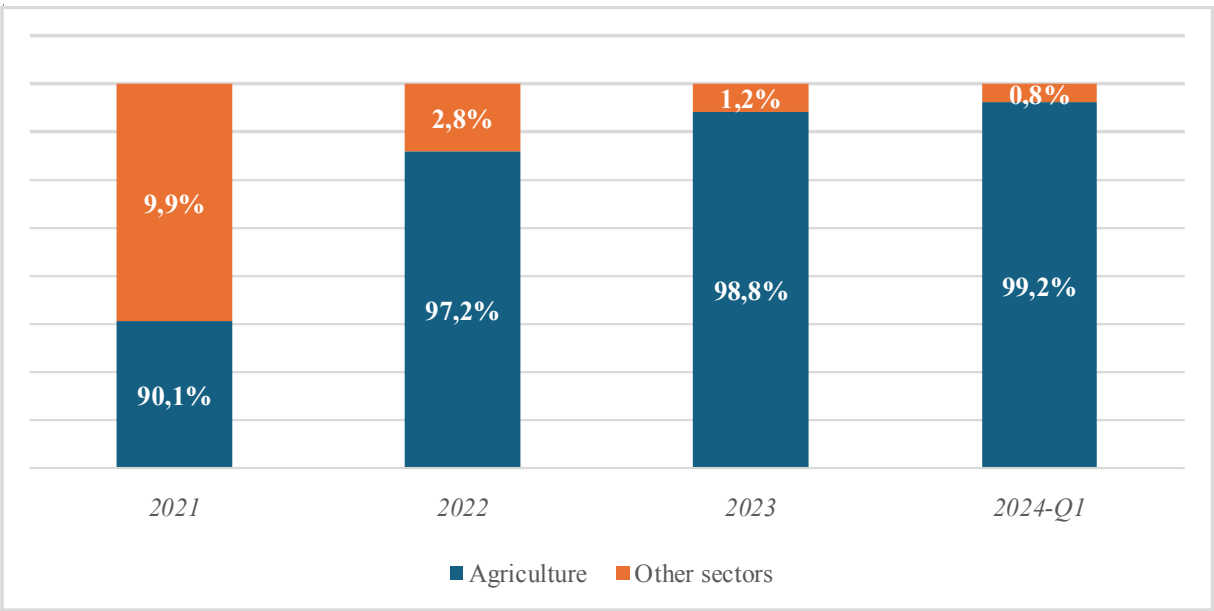


Fig. 5. Sector of employment of migrants from Central Asian countries in the UK, 2021–2024 Q1, %

Note. Compiled by the authors from data in source: [26].

Although the scale of Central Asian migration to the United Kingdom is gradually increasing, it remains relatively modest. The main constraints are the lack of appropriate skills and insufficient knowledge of English [34].

Results. A persistently high – albeit partly concealed – rate of unemployment and chronically low wage levels in the Central Asian republics have long served as classic "push" factors prompting workers to look for jobs abroad. For many years most migrants from Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan headed for the Russian labor market, but European destinations – among them the United Kingdom – are now gaining ground.

Labor migration is both an economic and a political phenomenon: it reshapes bilateral relations, strategic partnerships, and the social stability of all parties involved. Since the late 2010s the United Kingdom has intensified its engagement with Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan in the field of labor mobility. That shift reflects domestic economic needs – above all, acute post-Brexit labor shortages in agriculture – and the broader recalibration of British migration policy after leaving the European Union.

From the standpoint of the Central Asian governments, expanding migration channels is a foreign-policy instrument aimed at strengthening links with the West, attracting hard-currency remittances, and easing social tensions at home [36].

Whereas early Central Asian migration to the United Kingdom consisted almost exclusively of highly qualified specialists and students, the combination of Russia's worsening economic climate and Britain's demand for low-skilled labor has opened the door to seasonal farm workers. Tajikistan, for example, actively encourages this reorientation: in 2021 it concluded agreements with both the United Kingdom and the Republic of Korea on sending seasonal migrants. The resulting flows now move through two main corridors – organized recruitment via the Tajik Migration Service and licensed agencies, and independent, self-financed travel.

Agriculture remains the principal sector of employment for Central Asian migrants in the United Kingdom. Despite the short duration of contracts – typically up to six months – the country has emerged as a significant new destination. It is too early to speak of a wholesale switch away from Russia, yet Russia's economic difficulties, stricter migration rules, and falling real wages, combined with rising labor demand in Britain, are already diverting part of the Central Asian outflow towards the UK.

Experience shows that well-regulated, organized recruitment systems offer substantial advantages in safeguarding rights and ensuring

access to health care. Once migrant workers arrive, British employers are responsible for accommodation, sanitary standards, medical services, and work permits – and must arrange the workers' return when contracts expire. These provisions both enhance migrant welfare and underscore the importance of cooperative frameworks in maximizing the benefits of labor mobility for all parties.

REFERENCES

1. *Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadzhikistan* [Agency for Statistics Under the President of the Republic of Tajikistan]. URL: https://www.stat.tj/

2. *Agentstvo po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazahstan* [Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan]. URL: https://stat.gov.kz/

3. *Apply for Seasonal Worker Visa*. URL: https://www.concordiavolunteers.org.uk/about-our-agents

4. *Build a Career You'll Love*. URL: https://uk.indeed.com/career/farmer/salaries

5. *Dannye Vsemirnogo banka* [World Bank Data]. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators

6. Di Iasio V., Wahba J. Expecting Brexit, and UK Migration: Should I Go? *European Economic Review*, 2023, vol. 157, pp. 104484. DOI: https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2023.104484

7. Dorn D., Zweimüller J. Migration and Labor Market Integration in Europe. *J. Econ. Perspect*, 2021, vol. 35, no. 2, pp. 49-76.

8. *Employment as Seasonal Workers*. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legissum:23010602_1

9. Hampshire J. Immigration and Asylum Policy After Brexit: An Introduction. *The Political Quarterly*, 2024, vol. 95, pp. 219-223. DOI: https://doi.org/10.1111/1467-923X.13415

10. Ismoilova B. Osnovnye prichiny i etapy emigracii tadzhikov za predely svoej Rodiny [The Main Causes and Stages of Tajik Emigration outside Their Homeland]. *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. The Humanities Series*, 2014, pp. 175-179.

11. Jafari Y., Britz W. Brexit: An Economy-Wide Impact Assessment on Trade, Immigration, and Foreign Direct Investment. *Empirica*, 2020, vol. 47, no. 1, pp. 17-52.

12. Karaev F. *126 tadzhikov byli otpravleny na zarabotki v Velikobritaniyu* [126 Tajiks Were Sent to Work in the UK]. URL: https://www.asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20220726/na-zarabotki-v-velikobritaniyu-otpravleni-126-tadzhikistantsev

13. Kurylev K.P., Kurbanov R.M., Makenova A.B., Khotivrishvili A.A. Migracionnye potoki iz Centralnoj Azii v strany Evropejskogo soyuza [Migration Flows from Central Asia to the Countries of the European Union]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*, 2018, vol. 18, no. 2, pp. 315-327. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-315-327

14. Mitsilegas V., Guild E. The UK and the Echo After Brexit: The Challenge of Immigration Control. *European Convention on Human Rights Law Review*, 2024, vol. 5 (1), pp. 116-131. DOI: https://doi.org/10.1163/26663236-bja10079

15. Mohapatra N.K. Migration and Its Impact on Security of Central Asia. *India Quarterly*, 2013, vol. 69, no. 2, pp. 133-157.

16. *Nacionalnyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki* [National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic]. URL: https://stat.gov.kg/

17. Najibullah F. *Sverhurochnye v Velikobritanii. Migranty iz Centralnoj Azii hotyat bolshe rabotat* [Overtime in the UK. Migrants from Central Asia Want to Work More]. URL: https://rus.azattyq.org/a/31995456.html

18. *Office for National Statistics Data*. URL: https://www.ons.gov.uk/

19. *Official Page of "Pro-Force"*. URL: https://www.pro-force.co.uk/ru

20. Opening of a New Information Center on Pre-Departure Orientation at the Center for Labor Mobility in Turkestan. *IOM Kazakhstan*. URL: https://kazakhstan.iom.int/news/new-pre-departure-orientation-information-centre- launched-kazakhstans-labour-mobility-centre-turkistan

21. *PM's Commons Statement on Brexit Negotiations*, 2019, October 3. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pms-commons-statement-on-brexit-negotiations-3-october-2019

22. Portes J., Springford J. The Impact of the Post-Brexit Migration System on the UK Labour Market. *Contemporary Social Science*, 2023, vol. 18 (2), pp. 132-149. DOI: https://doi.org/10.1080/21582041.2023.2192516

23. Portes J. Immigration and the UK Economy after Brexit. *Oxford Review Economic Policy*, 2022, vol. 38 (1), pp. 82-96.

24. Rakhimova M.A., Ryazantsev S.V. Mery podderzhki naseleniya v Respublike Uzbekistan vo vremya pandemii COVID-19 [Measures to Support the Population in the Republic of Uzbekistan During the COVID-19 Pandemic]. *DEMIS. Demographic Research*, 2022, vol. 2, no. 2, pp. 201-209. DOI: https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.15

25. Rakhmonov A.Kh. Educational Migration from Tajikistan to Russia: Trends and Consequences. *Upravlenie. Management (Russia)*, 2022, vol. 10 (3), pp. 59-67.

26. Rakhmonov A.Kh. Emigration from Tajikistan to the Baltic States: Trends and Prospects of Development. *Upravlenie. Management (Russia)*, 2021, vol. 9 (1), pp. 16-26. DOI: 10.26425/2309-3633-2021-9-1-16-26

27. Rakhmonov A.Kh. New Sanctions of the European Union and United States against Russia and Their Impact on Tajikistan's Socio-Economic Development. *Upravlenie. Management*, 2022, vol. 10 (4), pp. 121-131. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-4-121-131

28. Rakhmonov A.Kh. Rol trudovyh migrantov iz Centralnoj Azii v socialno-ekonomicheskom razvitii Rossii v usloviyah novyh globalnyh vyzovov [The Role of Labor Migrants from Central Asia in the Socio-Economic Development of Russia in the Context of New Global Challenges]. *Upravlenie. Management*, 2024, vol. 12, no. 2, pp. 82-90. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-82-90

29. Rakhmonov A.Kh., Akramov Sh.Yu. External and Internal Factors of Migration from Central Asian Countries Abroad: Literature Review. *Labour and Social Relations*, 2025, vol. 35, no. 2, pp. 144-153. DOI: 10.20410/2073-7815-2025-36-2-144-153

30. *Razmer zarplat v Velikobritanii* [The Size of Salaries in the UK]. URL: https://take-profit.org/statistics/wages/united-kingdom/

31. Rolfe H., Runge J., Hudson-Sharp N. Immigration Policy from Post-War to Post-BREXIT. *National Institute Economic Review*, 2019, vol. 248, pp. 5-16.

32. Sargent K. The Labor Market Impacts of Brexit: Migration and the European Union. *Economic Modelling*, 2023, vol. 121, pp. 110-124. DOI: 10.1016/j.econmod.2023.106196

33. Serebryany I. *Pyatsot smelyh: Britaniya priotkryla dveri migrantam iz Tadzhikistana* [Five Hundred Brave: Britain Opened the Doors to Migrants from Tajikistan]. URL: https://news.ru/world/esli-hochesh-byt-tadzhikom/

34. Shodiev H. *Kak migranty edut v Velikobritaniyu i kak im tam zhivetsya* [How Migrants Travel to the UK and How They Live There]. URL: https://asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20220730/kak-otpravlyayutsya-v-velikobritaniyu-migranti-i-kak-im-tam-zhivetsya

35. Sorochin E. *Srednyaya nominalnaya zarplata v Uzbekistane v pervom kvartale vyrosla na 19,8%* [The Average Nominal Salary in Uzbekistan Increased by 19.8% in the First Quarter]. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2024/04/29/wages/

36. *V Tadzhikistane nazvali samye vysokooplachivaemye professii* [Tajikistan Has Named the Highest-Paid Professions]. URL: https://tj.sputniknews.ru/20220705/tajikistan-zarplata-professii-1049748598.html

37. Wang Y., Zhong C., Gao Q. et al. Understanding Internal Migration in the UK Before and During the COVID-19 Pandemic Using Twitter Data. *Urban Informatics*, 2022, vol. 15, pp. 242-260. DOI: 10.1007/s44212-022-00018-w

38. Yugai Yu.V. Trudovaya migraciya iz stran Centralnoj Azii v Rossiyu [Labor Migration from Central Asian Countries to Russia]. *Post-Soviet Studies*, 2022, vol. 2 (5), pp. 206-219.

39. Zhiltsov S.S. Politika Velikobritanii v Centralnoj Azii [The Policy of Great Britain in Central Asia]. *Problems of the Post-Soviet Space*, 2024, vol. 11 (2), pp. 104-111. DOI: https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-104-111

Information About the Authors

Sergey V. Ryazantsev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of International Economic Relations, RUDN University, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation; Professor, Institute for Population and Social Research, Mahidol University, 73170 Nakhon Pathom, Thailand, riazan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5306-8875

Konstantin P. Kurylev, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, kurylev_kp@pfur.ru, https://orcid.org/0000-0003-3075-915X

Abubakr Kh. Rakhmonov, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Fotieva St, 6, 119333 Moscow, Russian Federation, abubak.93@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9924-5857

Komron Kh. Rakhimov, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, rakhimov-kkh@pfur.ru, https://orcid.org/0000-0003-2771-1817

Alexander L. Chupin, Candidate of Sciences (Economics), Deputy Dean for Research, Faculty of Economics, RUDN University, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, chupin_al@pfur.ru, https://orcid.org/0000-0002-0804-8039

Информация об авторах

Сергей Васильевич Рязанцев, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, профессор кафедры международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация; профессор института народонаселения и социальных исследований, Институт народонаселения и социальных исследований Университета Махидол, 73170 Накхонпатхом, Таиланд, riazan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5306-8875

Константин Петрович Курылев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, kurylev_kp@pfur.ru, https://orcid.org/0000-0003-3075-915X

Абубакр Хасанович Рахмонов, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Фотиевой, 6, 119333 г. Москва, Российская Федерация, abubak.93@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9924-5857

Комрон Хакимджонович Рахимов, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, rakhimov-kkh@pfur.ru, https://orcid.org/0000-0003-2771-1817

Александр Леонидович Чупин, кандидат экономических наук, заместитель декана экономического факультета по научной работе, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, chupin_al@pfur.ru, https://orcid.org/0000-0002-0804-8039

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.19

UDC 378+94+327
LBC 66.4

Submitted: 06.07.2025
Accepted: 20.07.2025

HIS UNIVERSITIES: TO THE ANNIVERSARY OF PROFESSOR ALEXANDER I. KUBYSHKIN

Liudmila M. Reshetnikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is about Professor A.I. Kubyshkin, who had devoted more than 25 years of his career to the Volgograd State University (VolSU). He taught at the Department of History, headed the Center for American Studies "Americana", and from 1995 to 2008 headed the Department of Area Studies and International Relations at VolSU. Professor A.I. Kubyshkin is one of the founders of the series 4 "History. Area Studies. International Relations" of the *Science Journal of Volgograd State University*, and he is a member of the Editorial Board. Professor A.I. Kubyshkin is the author of 160 publications, 7 monographs, and 15 collective ones, and he has published in Russia, the USA, Great Britain, Canada, and France. *Materials.* The main materials for the article are memoir articles by Professor A.I. Kubyshkin and his colleagues about the development of American studies and research of the North American states in Russia and, in particular, at Volgograd State University, and publications by A.I. Kubyshkin about the U.S. higher education system and universities. *Analysis.* The article briefly describes the main stages of the teaching and research career of A.I. Kubyshkin. Since 1978 and up to the present, Professor Kubyshkin has conducted his main educational and scholar activities at three Russian universities: Ivanovo State University, Volgograd State University, and St. Petersburg State University. At VolSU from 1995 to 2008, A.I. Kubyshkin headed the department and contributed to the development of the study of North American states. From 2008 to 2025, Professor A.I. Kubyshkin, working at St. Petersburg State University, has defined the field of his research interests, in addition to the history of Russian-American relations, as university studies and the particular study of universities in the USA and Canada as resource models of international educational space and modern innovations, which resulted in the monograph "Town and Gown. American University in the Structure of Civil Society".

Key words: A.I. Kubyshkin, Volgograd State University, "Americana", U.S. history and politics, American studies, American university, international education.

Citation. Reshetnikova L.M. His Universities: To the Anniversary of Professor Alexander I. Kubyshkin. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 223-228. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.19

УДК 378+94+327
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 06.07.2025
Дата принятия статьи: 20.07.2025

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ: К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КУБЫШКИНА

Людмила Михайловна Решетникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Reshetnikova L.M., 2025

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена профессору А.И. Кубышкину, чья деятельность уже более 25 лет неразрывно связана с Волгоградским государственным университетом (ВолГУ). Александр Иванович преподавал на кафедре истории, руководил центром «Американа» и с 1995 по 2008 г. возглавлял кафедру регионоведения и международных отношений ВолГУ. А.И. Кубышкин является одним из основателей серии 4 «История. Регионоведение. Международные отношения» журнала «Вестник Волгоградского государственного университета» и остается членом редакционного совета. Его научное наследие включает 160 статей, 15 коллективных изданий, 7 монографий, опубликованных в России, США, Великобритании, Канаде, Франции. *Материалы.* Основу для написания данной статьи составили мемуарные публикации Александра Ивановича Кубышкина и его коллег о развитии американистики, исследовании североамериканских государств в России, и в частности в ВолГУ, статьи и монографии А.И. Кубышкина об американской системе высшего образования и университетах США. *Анализ.* В статье кратко изложены главные этапы преподавательской и исследовательской деятельности Александра Ивановича. Начиная с 1978 г. и по настоящее время вел основную преподавательскую деятельность в трех российских университетах: Ивановском государственном университете, Волгоградском государственном университете, Санкт-Петербургском государственном университете. В ВолГУ с 1995 по 2008 г. возглавлял кафедру, которая занималась подготовкой специалистов по направлениям «международные отношения» и «регионоведение», способствовал развитию изучения стран Северной Америки и открыл исследовательский центр «Американа». С 2008 по 2025 г. Александр Иванович, работая в СПбГУ, сферой своих исследовательских интересов, помимо истории российско-американских отношений, определил университетологию и изучение университетов США и Канады как ресурсных моделей международного образовательного пространства и современных инноваций, результатом чего стала монография «Город и мантия. Американский университет в структуре гражданского общества».

Ключевые слова: А.И. Кубышкин, Волгоградский государственный университет, «Американа», история и политика США, американистика, американский университет, международное образование.

Цитирование. Решетникова Л. М. Его университеты: к юбилею Александра Ивановича Кубышкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 223–228. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.19

Introduction. Alexander Kubyshkin was born on June 28, 1950, in Ivanovo. He graduated from Ivanovo State University in 1974 and completed his postgraduate studies at Leningrad State University in 1978. From 1978 to 1982, he worked at Ivanovo State University. After defending his candidate dissertation, A.I. Kubyshkin received an invitation to VolSU. He had become the first lecturer of modern European and U.S. history at the young university in Volgograd. Thanks to Kubyshkin, a group of enthusiasts was formed at the new classical university who thought about the formation and development of specialization in the field of history, economics, politics, and culture of the countries of North America.

Materials. The main materials for the article are memoir articles by Professor A.I. Kubyshkin and his colleagues about the development of American studies and research on the North American states in Russia, particularly at Volgograd State University [8; 11; 13], and publications by Professor Kubyshkin about the U.S. higher education system and universities.

Analysis. In the autumn of 1983, the first round table (readers' conference) was organized with the participation of Yu.N. Korolev, deputy editor-in-chief of the journal "Latinskaya Amerika" ("Latin America"), and A.I. Sizonenko, a journalist, interpreter, and specialist in the history of relations between the USSR/RF and Latin American states. As Alexander Kubyshkin remembers, "We were driving through a rainy and icy Volgograd and did not suspect that this visit would mark the beginning of the history of American studies in Volgograd. The round table was a success. About 30 people took part in it, including students from Latin American countries studying at Volgograd universities" [8, pp. 352-353]. From that moment, cooperation between VolSU and the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences began and continues to the present.

From 1985 to 1989 Alexander Ivanovich conducted a so-called "coffee" special seminar on North American studies with students. The relaxed atmosphere prevailed during the classes, which was due to the interest of its participants and the changes that had taken place in the country. During this period, the development of American studies was a bold decision. From Kubyshkin's point of view, "this whole venture

with American studies smacked of adventurism. After all, at that time, the study of the United States was concentrated and developed exclusively in the capital city and partly in Leningrad. American studies in a concentrated form did not exist in any of the large regional centers surrounding Volgograd" [8, p. 353].

From 1989 to 1993, A.I. Kubyshkin studied for a doctorate at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. Upon the completion in 1994, he successfully defended his doctoral dissertation on the history of Anglo-American rivalry in Central America in the 19th and early 20th centuries. In his academic thesis, he has defined the stages and features of the evolution of regional hegemony from Great Britain to the United States in the area, identified the key consequences of this for the countries of Central America, and subsequent trends in the development of U.S. and Great Britain foreign policy in the subregion. With defending his dissertation, the United States and Canada firmly entered the sphere of A.I. Kubyshkin's research interests.

In 1995, the Department of Area Studies and International Relations and the Laboratory of North American Studies were founded at Volgograd State University (today they are part of the Department of History and International Relations of VolSU and the Volgograd Center for American Studies "Americana"). The first head of both structures was A.I. Kubyshkin, for whom this period was a time of establishing active working relations with both domestic centers of American studies and foreign ones, as well as the first internships in the USA and other countries. In the memorable article "Quarter Century of American Studies in Volgograd," he notes the institutional asymmetry in the study of Russia in the USA and the United States in Russia: "American Russianists find more resources and opportunities during times of escalation of Russian-American conflicts, while Russian Americanists enjoy comparatively greater opportunities during periods of improving relations between the two states" [8, p. 350]. The research objective of the center in those years was "Russia and the Countries of America: The Experience of Historical Interaction," to the discussion of which, with the support of N.N. Bolkhovitinov, research specialists were involved.

From that moment on, A.I. Kubyshkin has begun actively studying North American universities and promoting "university studies" as a research field. The professor had visited many (over a hundred over many years) educational institutions in the USA and Canada and had spoken to students and met with lecturers, university staff, and officials. Thanks to his meetings and contacts, long-term collaboration began between Volgograd State University and Mansfield University of Pennsylvania (now a campus of Commonwealth University of Pennsylvania). Within the framework of this partnership, dozens of students and professors visited another country to study and lecture and significantly broadened their horizons. A.I. Kubyshkin repeatedly taught in Mansfield and was the organizer of the "Year of Russia" at this regional university.

The results of studying the principles of American universities and their contribution to the development of the USA and Canada were the articles of A.I. Kubyshkin and the monograph "Making Nation's Intellect: The U.S. State Policy Towards Higher Education (First Half of the 20th Century)" [10]. The authors (A.I. Kubyshkin and E.Yu. Ladonina) have described the U.S. state policy in the field of higher education during the first half of the 20th century, when the basis of the campus system was developed on a large scale and thanks to which the higher education system in the United States has continued to demonstrate its feasibility and effectiveness and attract students all over the world.

In addition to developing university studies, A.I. Kubyshkin was interested in disseminating a comprehensive approach to the study of the USA and Canada. Many of the research results of VolSU professors and students of American studies were published in the compilation "Americana", the chief editor of which was Professor Kubyshkin. Nine issues were released under his editorship. During this period, the collection of articles has gone from a modest brochure with papers of various levels to an authoritative publication recognized in Russian American studies. As I.A. Tsvetkov notes, Kubyshkin's department colleague at the St. Petersburg State University, "Americana" is a compilation of academic articles which, along with the publishing projects of Kursk and Far

Eastern researchers, competes with the oldest and authoritative "American Yearbook" [15, p. 171].

Another publishing project worth mentioning is the international collection of research papers "Representations of Canada", published jointly by Russian and American Canadianists under the editorship of Professors Alexander Kubyshkin and Robert Timko (6 volumes published); a collection of articles by young Canadianists, "Canadian Notebooks" (3 issues); and a series of papers from scholar conferences held at VolSU.

Professor Kubyshkin has repeatedly become a pioneer for Volgograd State University, constructing the pedagogical design of his lecture courses in a new way. As I.I. Kurilla notes, in the 1980s, the organization of "simulation games" for students by A.I. Kubyshkin based on the plot of the 1938 Munich Conference was far ahead of the future "UN models" and other innovative forms of studying international relations [13, p. 7]. The first systematic course on political science at VolSU was also taught by A.I. Kubyshkin. In the mid-2000s, Alexander Ivanovich had conducted the first online course on the history of World War II together with Professor Tom Heed from Ramapo College of New Jersey. Students from Russia and the United States, being thousands of kilometers apart, listened to lectures together and discussed events on the Soviet-German front and in the Pacific Ocean, expanding their understanding of the history of World War II and international relations [13, p. 7]. Volgograd State University could repeat such an educational experience in the perspective. Thanks to Professor Kubyshkin, VolSU has been teaching students in the field of "Area Studies" (with two specializations in Eurasian studies and North American studies), within the framework of which students studied a combination of various courses on the history, politics, economics, and culture of the USA and Canada. The 30th anniversary graduation of American studies students took place in 2025. In 2001, under the leadership of Kubyshkin, at VolSU, a specialist and bachelor program in "International Relations" with a focus on "Processes of World Politics" was launched and is currently successfully ongoing.

After 2008, Alexander Kubyshkin has continued his teaching and research career at the Department of North American Studies of Saint Petersburg State University (SPSU), developing the American studies field. In 2025, A.I. Kubyshkin is a professor at the Department of Theory and Methodology of Teaching Arts and Humanities at SPSU. During his work in Saint Petersburg, Professor Kubyshkin, maintaining the tradition of internships at American universities, prepared a number of studies and publications on the history of U.S.-Russian and Russian-Canadian relations [4; 9] and contemporary U.S. foreign policy [1; 12], paying attention to the study of the history of Latin American countries [5; 6], while continuing to be a participant and editor of the Volgograd compilation of "Americana" [7]. After 2012, American studies entered the period of uncertainty, and the academic career of A.I. Kubyshkin in Saint Petersburg, like almost every North American studies researcher in the Russian Federation, was influenced by tensions in Russia-U.S. relations and changes in the Russian educational environment [11].

Continuing his scientific research in the field of university studies, Professor Kubyshkin has not stopped reflecting on U.S. universities, classical Russian universities, and their future fate, despite the attempts of their failed modernizations in the 1990s, 2000s, and 2010s. In American society, discussions about the role of universities have not subsided for decades, resulting in new concepts for improving civic education constantly appearing, which then spread throughout the world. Comparing the reform processes in modern Russian universities, as Kubyshkin writes, it is easy to notice that they often mirror the crisis phenomena that American higher education faced in the 1970s and 1980s. This is explained by the fact that, despite the differences between the two societies, there is much in common, for instance, in mentality, culture, and approaches to solving life's problems [2, p. 205].

By 2021, A.I. Kubyshkin finished working on his fundamental monograph on U.S. universities: "Town and Gown. The American University in the Structure of Civil Society" [3]. Within the framework of the university studies field, the author was able to present the history of development of the national American university, helping to put together a puzzle of models that form U.S. universities as a phenomenon of economic and cultural hegemony and modern civil society. According to the reviews of Professor Kubyshkin's fellow

researchers, his monograph laid the foundation for an objective and scientific examination of the Americanization of educational systems in foreign countries, as well as an understanding of the essence of national education in the United States [17, p. 248]. Professor Kubyshkin's historiographic study demonstrates not only the advantages but also determines the underlying causes of the crisis in modern American education, helping to understand the degree of decline in the influence of the university environment on the state of American society as a whole [16, p. 131]. The author confirms that universities have long been the most important part of American civil society, an institution that connects society and the state through a system of expertise, the top of the intellectual pyramid, a way of training professionals, and a social elevator [14, p. 126]. Alexander Kubyshkin, in his monograph, touched upon such an important layer of problems that will give food for thought to domestic scholars for a long time. Anyone who has read this book cannot help but wonder: what about us? What from their experience is acceptable, and what is unacceptable for us? What can be done to transform our universities into drivers of socio-economic and technological growth of the country and at the same time make them attractive to the local community? [17, p. 250].

Results. All the universities where Professor Kubyshkin had worked and continues to teach, one way or another, became *his* universities. A.I. Kubyshkin is remembered and known to students and colleagues as an erudite, charismatic speaker and a brilliant lecturer who enthusiastically talks about the events of the past, the history of international relations, and the present one. His creative approach and talent as a science manager contributed to the emergence of many seminars, conferences, and research projects. Professor Kubyshkin has stood at the origins of or developed new scientific, educational, and cultural projects in U.S.-Russia relations. And to this day, the desire to strengthen ties between Russia and the United States is an important component of the scientific, educational, and enlightening activities of Professor A.I. Kubyshkin.

With sincere respect, gratitude for the years of study and joint work, and wishes of indestructible health and increased success!

REFERENCES

1. Heed T., Kubyshkin A.I. Make America Great Again? How Do We Explain Trumpism. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 101-111. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.9

2. Kubyshkin A.I. Neperesekayushchiyesya pryamyye, ili Kak amerikanskaya model universiteta rabotayet v Kitaye, no ne rabotayet v Rossii [Disjoint Straight Lines or How the American University Model Works in China but Doesn't Work in Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 2, pp. 198-212. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.14

3. Kubyshkin A.I. *Gorod i mantiya. Amerikanskii universitet v strukture grazhdanskogo obshchestva* [Town and Gown. The American University in the Structure of Civil Society]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2021. 278 p.

4. Kubyshkin A.I. "The Whole World Is Indebted to Russians": Soviet-Canadian Cooperation During Second World War. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations], 2021, vol. 14, no. 4, pp. 511-516. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.409

5. Kubyshkin A.I., Dobronravin N.A. Moskitovyj Bereg v 1987–2016 godah: "obshhinnyj" suverenitet i Nikaraguanskij kanal. Ocherk vtoroj [Mosquito Coast in 1987–2016: The Communitarian Sovereignty and the Nicaraguan Canal. Part Two]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2017, no. 3, pp. 50-59.

6. Kubyshkin A.I., Dobronravin N.A. Istoki polijetnichnoj avtonomii v Nikaragua [Origins of Multiethnic Autonomy in Nicaragua]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2015, no. 9, pp. 81-89.

7. Kubyshkin A.I., Kurilla I.I., eds. *Americana. T. 16. Amerikancy v revoljucionnoj Rossii* [Americana. Vol. 16. Americans in Revolutionary Russia]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2020. 284 p.

8. Kubyshkin A., Kurilla I. Quarter Century of American Studies in Volgograd. *Literatura dvuh Amerik* [Literature of the Americas], 2021, no. 10, pp. 350-368. DOI: https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-350-368

9. Kubyshkin A.I., Kurilla I.I. «Diplomat ponevole»: stranitsy biografii Nikolaya Vasilyevicha Novikova ["Reluctant Diplomat": Nikolai Vasilievich Novikov's Biography Pages]. *Vestnik Volgogradskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 87-101. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.8

10. Kubyshkin A.I., Ladonina E.Y. *Formiruja intellekt nacii: Gosudarstvennaja politika SShA v otnoshenii vysshej shkoly (pervaja polovina XX veka)* [Making Nation's Intellect: The U.S. State Policy Towards the Higher Education (The First Half of the 20th Century)]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, 2005. 174 p.

11. Kubyshkin A.I., Tsvetkov I.A. Peterburgskaja amerikanistika posle okonchanija «holodnoj vojny» [American Studies in Saint Petersburg After the Cold War]. *Novaya i noveyshaia istoriya* [Modern and Contemporary History], 2016, no. 1, pp. 106-116.

12. Kubyshkin A.I., Tsvetkova N.A. *Publichnaja diplomatija SShA* [Public Diplomacy of USA]. Moscow, Aspekt Press, 2013. 271 p.

13. Kurilla I.I., ed. *Americana. Vol. 11: sb. nauch. tr., posvjashh. 60-letiju d-ra ist. nauk, prof. Aleksandra Ivanovicha Kubyshkina* [Americana. Vol. 11. Collection of Scholarly Articles Devoted to the 60th Anniversary of Prof. A.I. Kubyshkin]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2010. 322 p.

14. Kurilla I.I. Universitet i obshchestvo v Soyedinonnykh Shtatakh [University and Society in the United States]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2023, no. 3, pp. 123-126. DOI: https://doi.org/10.31857/S2686673023030082

15. Lagutina M., Sergunin A., Tsvetkova N., eds. *The Routledge Handbook of Russian International Relations Studies*. Oxon, New York, Routledge, 2023. 462 p.

16. Sokov I.A. Amerikanskiye kolledzhi: istoriya i sovremennost. Retsenziya na knigu: Kubyshkin A.I. Gorod i Mantiya: Amerikanskiy universitet v strukture grazhdanskogo obshchestva. SPb.: RGPU im. A.I. Gertsena, 2021. 280 s. [American Colleges. Past and Present. Book Review: Kubyshkin A.I. Town and Gown. The American University in the Structure of Civil Society. Saint Petersburg: the Publishing House of A.I. Herzen State Pedagogical University, 2021. 280 p.]. *Vestnik RGGU. Serija "Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija"* [RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"], 2023, no. 2, pp. 126-133. DOI: http://doi. org/10.28995/2073-6339-2023-2-126-133

17. Tsvetkova N.A., Sergunin A.A., Perevezentsev A.L., Tokareva S.B. Diskussiya po knige A.I. Kubyshkina «Gorod i Mantiya. Amerikanskiy universitet v strukture grazhdanskogo obshchestva» [Discussion About the Book by A. Kubyshkin "Town and Gown. The American University in the Structure of Civic Society"]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 245-259. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.20

Information About the Author

Liudmila M. Reshetnikova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, reshetnikova_lm@volsu.ru, https://orcid.org/0009-0003-9509-3974

Информация об авторе

Людмила Михайловна Решетникова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, reshetnikova_lm@volsu.ru, https://orcid.org/0009-0003-9509-3974

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.20

UDC 930(470.45)
LBC 63.1(2)64

Submitted: 30.06.2025
Accepted: 14.07.2025

HALF A CENTURY WITH HISTORY. DOCTOR OF SCIENCES (HISTORY), PROFESSOR S.G. SIDOROV – 70!

Oleg V. Kuznetsov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article traces the biography of S.G. Sidorov and shows his teaching and scientific and administrative activities. It is noted that the professional foundations of the future teaching and scientific work of S.G. Sidorov were laid at the history faculty of the Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, which he graduated from in 1981. Since 1986, S.G. Sidorov has been working at Volgograd State University. For many years, he combined teaching historical disciplines with administrative and research work. Almost immediately after coming to the university, S.G. Sidorov was appointed vice-rector for correspondence and evening education. Three years later, he was transferred to the position of vice-rector for academic work, in which he worked for almost 25 years. Subsequently, for another two years, he was the head of the Department of Russian History. He contributed to the training of highly qualified specialists – graduates of the university. S.G. Sidorov is a leading specialist in the history of the Great Patriotic War and the history of military captivity. He is the author of the first comprehensive study on the use of the labor of prisoners of war of the Second World War in the national economy of the USSR in 1939–1956. He took an active part in the 6-volume publication of documents and materials "Prisoners of War in the USSR, 1939–1956." Since 2009, S.G. Sidorov has headed the Dissertation Council for Historical Sciences at Volgograd State University. From 2014 to 2020, he was the organizer of the international scientific conferences "Military History of Russia: Problems, Searches, Solutions." By now, S.G. Sidorov has completed work on a monograph dedicated to the 45th anniversary of Volgograd University and continues to work on a book on the history of the Svetloyarskiy District of the Volgograd Region.

Key words: Volgograd State University, Saratov State University, Great Patriotic War, history of military captivity, Svetloyarskiy District of the Volgograd Region.

Citation. Kuznetsov O.V. Half a Century with History. Doctor of Sciences (History), Professor S.G. Sidorov – 70! *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 229-237. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.20

УДК 930(470.45)
ББК 63.1(2)64

Дата поступления статьи: 30.06.2025
Дата принятия статьи: 14.07.2025

ПОЛВЕКА С ИСТОРИЕЙ. ДОКТОРУ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ С.Г. СИДОРОВУ – 70!

Олег Викторович Кузнецов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье прослеживается биография С.Г. Сидорова, показана его педагогическая, научная, административная деятельность. Отмечено, что профессиональные основы будущей педагогической и научной работы С.Г. Сидорова были заложены на историческом факультете Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, который он окончил в 1981 году. С 1986 г. Сергей Григорьевич работает в Волгоградском государственном университете. Преподавание исторических дисциплин он долгие годы совмещал с административной и научно-исследовательской работой. Почти сразу после прихода в университет С.Г. Сидоров был назначен проректором по заочному и вечернему обучению. Спустя три года переведен на должность проректора по учебной работе, в которой проработал почти 25 лет. Впоследствии еще два года являлся заведующим кафедрой истории России. Он внес большой вклад в подготовку высококвалифи-

© Кузнецов О.В., 2025

цированных специалистов – выпускников университета. С.Г. Сидоров – крупный эксперт по истории Великой Отечественной войны, истории военного плена. Ему принадлежит первое комплексное исследование по использованию труда военнопленных Второй мировой войны в народном хозяйстве СССР в 1939–1956 годы. Он принимал активное участие в 6-томном издании документов и материалов «Военнопленные в СССР. 1939–1956». С 2009 г. С.Г. Сидоров возглавляет диссертационный совет по историческим наукам при Волгоградском государственном университете. В 2014–2020 гг. являлся организатором международных научных конференций «Военная история России: проблемы, поиски, решения». К настоящему времени С.Г. Сидоров завершил работу над монографией, посвященной 45-летию Волгоградского университета, и продолжает трудиться над книгой по истории Светлоярского района Волгоградской области.

Ключевые слова: Волгоградский государственный университет, Саратовский государственный университет, Великая Отечественная война, история военного плена, Светлоярский район Волгоградской области.

Цитирование. Кузнецов О. В. Полвека с историей. Доктору исторических наук, профессору С.Г. Сидорову – 70! // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 229–237. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.20

С.Г. Сидоров

Доктору исторических наук, профессору кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета Сергею Григорьевичу Сидорову исполнилось 70! Его путь в историческую науку начинался на студенческой, потом аспирантской скамье Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Хотя поначалу выбор этого пути для нашего юбиляра был далеко не очевиден.

Родом из Ханты-Мансийска, среднюю школу Сергей Григорьевич заканчивал в

1972 г. в с. Дубовый Овраг Светлоярского района Волгоградской области. (Частые переезды семьи – Камчатка, Ханты-Мансийск, Саратовская и Волгоградская области – были связаны с работой родителей – специалистов в рыбной отрасли.) По признанию самого Сергея Григорьевича, в школе ему нравились точные науки, прежде всего математика, поэтому по окончании десятилетки он хотел поступить в Политехнический институт, но не прошел по конкурсу [4]. Около года, до призыва в армию, работал токарем на Волгоградском заводе тракторных деталей и нормалей. К трудовой деятельности Сергею Григорьевичу было не привыкать: еще учась в школе, он со сверстниками летом подрабатывал в местном рыбоводческом хозяйстве «Ергенинский», косил камыши в обводном канале, пас овец [4].

На военную службу С.Г. Сидоров был призван в погранвойска, входившие в состав Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, в Закавказский пограничный отряд. Службу, которая проходила на границе Армении и Турции, закончил старшим сержантом. Там же, в армии, был принят кандидатом в члены КПСС. Армейская служба на одном из важнейших участков границы, где перед тобой государство – исторический противник России, член блока НАТО, враждебного СССР, а за спиной – почти 250-миллионная страна, закалила характер Сергея Григорьевича, окончательно закрепила заложенное с детства чувство ответственности за любое порученное дело, которое он неизменно будет демонстрировать на протяжении всей жизни.

После демобилизации С.Г. Сидоров стал слушателем подготовительного отделения Саратовского государственного университета, а потом, в 1976 г., и студентом исторического факультета. Здесь, в одном из старейших университетов России, он впервые приобщился к большой науке – началось его становление как ученого-историка. Чтобы лучше понять ту среду, в которой оказался Сергей Григорьевич, будет нелишним сказать несколько слов о Саратовском университете и историческом факультете.

Императорский Николаевский Саратовский университет основан в 1909 году. В разные годы в университете работали знаменитые ученые: будущий президент ВАСХНИЛ академик Н.И. Вавилов, будущий лауреат Нобелевской премии по химии академик Н.Н. Семенов, литературовед академик В.М. Жирмунский, религиозный мыслитель профессор Г.П. Федотов и другие. Историко-филологический факультет появился в университете в 1917 г., его деканом стал выдающийся русский философ С.Л. Франк. А первыми преподавателями были, в частности, известные ученые: В.И. Веретенников, возглавивший кафедру русской истории, специалист по истории государственных учреждений дореволюционной России; В.Н. Чернов, ученик С.Ф. Платонова и А.Е. Преснякова, автор ряда работ по истории декабризма, заложивших основу школы декабристоведения в университете; С.В. Юшков, признанный авторитет в области истории русского государства и права; П.Г. Любомиров, исследователь проблем экономической и социально-политической истории России XVII–XVIII веков. Свой вклад в развитие исторического образования и исторической науки на факультете внесли работавшие короткое время в университете и возглавлявшие кафедру истории СССР в предвоенный и военный периоды: член-корреспондент Академии наук СССР А.М. Панкратова, автор многих работ по истории рабочего движения; профессор Московского университета Н.Л. Рубинштейн, широко известный своими трудами по русской историографии; В.В. Мавродин, профессор Ленинградского университета, специалист по истории древней и средневековой Руси.

На факультете Сергей Григорьевич застал преподавателей и ученых, представлявших саратовскую историческую школу и ее лучшие научные традиции: античника В.Г. Боруховича, медиевистов А.И. Озолина и С.М. Стама, новистов-международников А.Ф. Остальцеву и И.Д. Парфенова, специалистов по истории дореволюционной России и русской историографии Л.А. Дербова, И.В. Пороха, В.В. Пугачева, Н.А. Троицкого, историков советского периода Д.П. Ванчинова, Г.А. Герасименко. Не будет преувеличением сказать, что к окончанию университета С.Г. Сидоров уже готов был по уровню профессиональной подготовки, педагогической и научной, связать

свою жизнь с высшей школой. Еще учась на пятом курсе, он «просился на работу в ВолГУ, но тогда не сложилось» [4].

После окончания университета в 1981 г. С.Г. Сидоров был направлен по распределению в Елшанскую среднюю школу Воскресенского района Саратовской области, где преподавал историю и обществоведение, осуществлял классное руководство. Места эти были для Сергея Григорьевича, можно сказать, родные. В соседнем, Новобурасском, районе он учился с первого по четвертый класс. Год работы учителем позволил С.Г. Сидорову приобрести педагогический опыт, который потом пригодится и во время преподавания в высшей школе. Некоторых своих учеников он впоследствии встретит в Саратовском университете.

В 1982 г. С.Г. Сидоров поступил в аспирантуру Саратовского университета. О своем научном руководителе Дмитрии Поликарповиче Ванчинове Сергей Григорьевич вспоминает со сдержанной, по-мужски, теплотой: «... удивительный человек, прошедший финскую и Великую Отечественную войны, участник Парада Победы в Москве, выпускник Академии имени Фрунзе, полковник в отставке, доктор исторических наук. Он и помог мне определиться с проблематикой моих научных исследований – история Великой Отечественной войны» [4]. И этому научному выбору Сергей Григорьевич не изменяет до сих пор.

Д.П. Ванчинов

Кандидатскую диссертацию на тему «Роль советских профсоюзов в достижении победы над агрессором в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на материалах профсоюзов рабочих черной металлургии центральных и восточных районов)» С.Г. Сидоров защитил в Саратовском университете в 1985 году. На примере одной из важнейших отраслей индустрии, снабжавшей оборонную промышленность качественным металлом и прокатом, роль самой массовой общественной организации СССР в разгроме врага была показана через основные направления ее деятельности. К ним автор диссертации в первую очередь отнес активное участие профсоюзов в эвакуации металлургических предприятий из прифронтовых областей и быстрый их ввод в действие на новом месте; оборонно-массовую и военно-шефскую работу; деятельность по удовлетворению материально-бытовых нужд и культурных потребностей металлургов. Диссертация имела не только научную, но и практическую значимость. В заключение работы, на основе военного опыта, приводится ряд практических рекомендаций, которые можно было реализовать в работе профсоюзных организаций в 1980-е годы [5]. К моменту защиты диссертации С.Г. Сидоров подошел уже сложившимся ученым, имевшим немалый опыт архивных разысканий как в центральных, так и региональных архивохранилищах, что впоследствии пригодится в его дальнейшей исследовательской работе.

После окончания аспирантуры, недолго проработав ассистентом кафедры истории СССР советского периода Саратовского государственного университета, С.Г. Сидоров перешел в 1986 г. в Волгоградский университет. Произошло это после его встречи с ректором ВолГУ М.М. Загорулько. Набравший первых студентов всего несколько лет назад, в 1980 г., молодой университет остро нуждался в таких же молодых перспективных кадрах, готовых связать свою жизнь с новым волгоградским вузом. С.Г. Сидоров стал одним из таких молодых и перспективных преподавателей (как скоро выяснится, и администраторов). М.М. Загорулько с присущим ему чутьем на людей сделал выбор, о котором, не побоюсь этого утверждения, никогда не пожалел. А для С.Г. Сидорова университет стал поистине его судьбой [1]. Впрочем, чего греха таить, помимо желания работать в молодом вузе, были у Сергея Григорьевича и «корыстные» соображения, которые он сейчас, по прошествии нескольких десятилетий, не скрывает: хотелось оказаться поближе к уже немолодым родителям, да и жилищный вопрос стоял на тот момент остро [4]. Еще на первом курсе Сергей Григорьевич и Наталья Ивановна, дружившие со школы, поженились. Молодая

семья с двумя детьми не имела нормального жилья.

Попав на кафедру истории СССР ВолГУ, которую тогда возглавлял доктор исторических наук В.А. Китаев, С.Г. Сидоров сразу включился в работу, которой было, что называется, хоть отбавляй. Наборы на истфак в то время были большие, а педагогический коллектив до конца еще только предстояло сформировать.

Однако уже в марте 1987 г. молодого кандидата наук ожидало новое назначение: он стал проректором по заочному и вечернему обучению. Это направление тогда активно развивалось в университете. Трудно даже представить, как Сергею Григорьевичу, учитывая бескомпромиссную, ради дела, требовательность М.М. Загорулько к подчиненным, удавалось совмещать новую и совершенно непривычную для него административную работу, требующую немалого времени и отдачи сил, с преподавательской деятельностью, которую он не собирался оставлять. Разве что серьезную научную работу пришлось отложить «до лучших времен». Но он справился. И свидетельство тому – назначение в 1990 г. на не менее ответственную должность проректора по учебной работе. В этой должности Сергей Григорьевич проработал почти четверть века, с небольшим перерывом на подготовку и защиту докторской диссертации.

Как мы отмечали в статье, посвященной 65-летию С.Г. Сидорова, объем работы, который ему приходилось выполнять в должности проректора по учебной работе, был поистине неохватный. Помимо руководства всей учебной работой университета, включавшей огромный документооборот, внутренний и внешний, это и подготовка к аккредитациям, которые проходили каждые пять лет, и открытие новых специальностей и направлений, и их лицензирование, и – самое важное, пожалуй, – ответственность за набор будущих студентов. И в том, что сегодня наш университет является бесспорным лидером в регионе по подготовке высококвалифицированных кадров самых разных специальностей, неизменно востребованных на рынке труда, занимает престижные места в различных влиятельных рейтингах вузов, огромная и несомненная заслуга Сергея Григорьевича [1, с. 260–261].

М.М. Загорулько

Освоившись в новой должности, С.Г. Сидоров начинает постепенно возвращаться к активной научной работе. Неизбежно встал вопрос о подготовке докторской диссертации. Научным консультантом выступил М.М. Загорулько. Ему была близка военная тематика, в которую С.Г. Сидоров погрузился еще в Саратовском университете. В 1970 г. М.М. Загорулько в соавторстве с А.Ф. Юденковым издал монографию «Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР». Впоследствии она неоднократно переиздавалась и широко известна под названием «Крах плана “Ольденбург” (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР)». А в 1975 г. в Ленинградском государственном университете М.М. Загорулько защитил диссертацию «Экономическая политика фашистской Германии на оккупированной территории СССР и ее крах» на соискание ученой степени доктора экономических наук. Уйдя в 1995 г., по возрасту, с поста ректора ВолГУ, М.М. Загорулько вскоре возглавил созданный при университете НИИ проблем экономической истории России XX века (НИИ ПЭИР). Проблематика экономической истории СССР периода Великой Отечественной войны стала приоритетной в деятельности института, с которым С.Г. Сидоров активно сотрудничал. Таким образом, естественно совпали научные интересы двух ученых. Определилось и направление исследований С.Г. Сидорова: история военного плена в СССР. Выбор проблематики, как потом напишет сам диссертант, был обусловлен отсутствием в отечественной и зарубежной историографии «специальных исследований, посвященных трудовому использованию военнопленных, в которых была бы отражена дина-

мика развития производственных лагерей в 1939–1956 гг., раскрыты особенности применения труда бывших солдат противника накануне, в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, рассмотрено становление и совершенствование организации их работы, показано влияние условий содержания на конечные результаты труда» [6, с. 17–18].

Новый ректор ВолГУ, доктор экономических наук, сам крупный ученый, О.В. Иншаков поддержал намерение С.Г. Сидорова серьезно взяться за докторскую диссертацию. Во второй половине 1990-х гг. выходит ряд статей, посвященных различным аспектам истории военнопленных и интернированных в СССР накануне, в период и после Великой Отечественной войны: их статус, связи с родиной, продовольственное обеспечение, специфика организации лагерей в Сталинградской области. Но главный акцент был сделан ученым на использовании труда военнопленных в народном хозяйстве СССР. Эти статьи стали основой вышедшей в 2001 г. монографии С.Г. Сидорова [6] и защищенной им в том же году в Волгоградском университете докторской диссертации «Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг.».

Своей задачей автор поставил «раскрытие стратегии Советского государства, системы, форм, методов и основных этапов трудового использования военнопленных в народном хозяйстве СССР в 1939–1956 гг.» [6, с. 18]. В монографии и диссертации приводится обширный материал, отражающий масштабы использования труда военнопленных в различных отраслях народного хозяйства СССР, объемы выполненных ими работ, затраты на их содержание и т. д. Здесь же хотелось бы обратить внимание на один важный аспект, нашедший отражение в исследовании: гуманитарный. Об этом же говорится и в предисловии к книге С.Г. Сидорова, написанном его научным консультантом М.М. Загорулько, фронтовиком, хорошо знавшим цену жизни солдата, да и офицера на войне, и озаглавленном следующим образом: «Сохраненная жизнь – главный показатель отношения государства к военнопленным». В предисловии, в частности, отмечается, что по данным, приводимым в монографии, «руководство СССР уделяло военнопленным не меньшее внимание, чем собственному населению»: военнопленным «были гарантированы питание, кров, медицинское обслуживание, оплата за выполненную работу»; несмотря на рост числа военнопленных в 1943–1945 гг., им трижды повышали продовольственные нормы, медленно, но неуклонно улучшалось медицинское обслуживание. М.М. Загорулько подчеркивает, что это разительно отличалось от отношения к советским военнопленным в фашистской Германии, где была «изобретена и использована система порабощения и истребления военнопленных»: Бухенвальд, Майданек, Освенцим и другие лагеря смерти. За 1941–1956 гг. в СССР погибло 580 тыс. военнопленных, что составляет 15 % от общей их численности. В фашистских концлагерях за 1941–1945 гг. погибло 3 млн 300 тыс. советских военнопленных, то есть 57 % [6, с. 4–6]. И действительно, материалы исследования С.Г. Сидорова показывают, что даже в период войны руководство страны стремилось придерживаться норм международного права в вопросах содержания и трудового использования взятых в плен солдат противника, делало все возможное в тех условиях, нередко в ущерб собственному населению, для сохранения жизни военнопленных. С 1947 г. коэффициент смертности по подразделениям Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР оказался ниже, чем по лагерям ГУЛАГа и по стране в целом. В то же время, подчеркивает автор, «практика содержания и применения труда взятых в плен солдат противника в советской экономике со всей очевидностью свидетельствует, что в условиях глобальных конфликтов при ограниченности материальных ресурсов, которых нередко не хватает даже для жителей страны, полностью выполнить нормы международного права в области военного плена просто невозможно» [6, с. 415–416].

Работа С.Г. Сидорова над докторской диссертацией была неосуществима без активных архивных поисков материалов по истории военного плена в СССР. Подавляющая часть документов по этой теме была засекречена. Благодаря усилиям сотрудников НИИ ПЭИР, в первую очередь его руководителя, удалось добиться сначала рассекречивания более 11 тысяч листов архивных документов

из фондов Российского государственного военного архива, а потом и введения их в широкий научный оборот: в течение 2000–2013 гг. было издано шесть томов документов и материалов «Военнопленные в СССР. 1939–1956». Большую роль в подготовке этого издания сыграл С.Г. Сидоров.

После защиты докторской диссертации С.Г. Сидоров по-прежнему совмещает административную и научно-педагогическую работу. Как проректор, он подготовил несколько сборников – статистических справочников о работе университета в различные годы. Первый сборник, охватывавший период с 1980 по 1995 г., С.Г. Сидоров издал еще в 1996 году. Впоследствии вышло шесть таких справочников, в которых была представлена статистика работы ВолГУ до 2011 года. Наряду со статистическими справочниками выходили и статьи проректора по учебной работе об итогах аккредитации университета, развитии перспективных научно-образовательных направлений в вузе, в частности, о подготовке кадров для наноиндустрии. Эта кропотливая работа закономерно подготовила Сергея Григорьевича еще к одной, если можно так выразиться, ипостаси: стать летописцем университета. История ВолГУ за 25 лет его существования нашла отражение в двух книгах ученого [1, с. 261; 2; 3].

В 2015 г., после смены руководства вуза, Сергей Григорьевич уходит с должности проректора по учебной работе. Однако «отсидеться» на спокойной профессорской должности ему не удается, и вскоре он становится заведующим кафедрой истории России, которую возглавлял в течение двух лет. В этой должности он вместе с коллективом кафедры успешно «пережил» еще одну аккредитацию (сколько их было на его проректорском веку!).

Как ученый, С.Г. Сидоров продолжал исследования по истории Великой Отечественной войны в целом и военного плена в частности. Разрабатывается курс лекций «СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1939–1945», и в 2008 г. издается одноименное учебное пособие, выходит ряд статей по истории военного плена. Часть их отражает региональные аспекты проблемы, как, например, особенности пребывания военнопленных в советских лагерях на территории Сталинградской области, Северного Кавказа, Крыма, Армянской ССР. Другие статьи имеют более общий характер и посвящены, в частности, вопросам репатриации военнопленных из СССР, организации охраны военнопленных и борьбы с побегами в лагерях НКВД-МВД СССР, политической работы с военнопленными, влияния мировых войн на развитие международного права о военнопленных и другим.

В эти же годы С.Г. Сидоров принимает участие, помимо издания сборников «Военнопленные в СССР», еще в ряде, как сейчас принято говорить, проектов. Среди них: «Энциклопедия Волгоградской области», энциклопедия «Сталинградская битва», «Сталинград. Техника и вооружение: иллюстрированный каталог вооружения и военной техники, применявшихся Красной Армией, Вермахтом и союзниками Германии в Сталинградской битве», «История казначейства Волгоградской области», «История Волгоградского государственного университета: Институт истории, международных отношений и социальных технологий». Наконец, отметим несколько биографических работ, посвященных героям Советского Союза и Российской Федерации, удостоенным этих званий за подвиги в Сталинградской битве, видному государственному деятелю Д.Т. Шепилову, ректору ВолГУ О.В. Иншакову. Впрочем, всего, что было сделано и написано за два десятка лет после защиты докторской диссертации, и не перечесть [1].

В последние пять лет тематика научных интересов ученого в целом не изменилась – военная история, история военного плена. Однако в ней появился новый аспект. Это история родного для Сергея Григорьевича Светлоярского района. Число публикаций по этой теме приближается к двадцати. Они охватывают самые разные стороны истории района в годы Великой Отечественной войны, в первую очередь такие как вклад жителей в Сталинградскую победу, возрождение после окончания битвы на Волге (разминирование и очистка территории, восстановление школ, органов здравоохранения, учреждений культуры, предприятий торговли и общественного питания, развитие сельского хозяйства). За этими многочисленными статьями явственно проглядывают контуры будущей солидной моно-

графии. И вполне понятно чувство, которое движет Сергеем Григорьевичем как историком: «Хочется, чтобы все, кто живет в Светлоярском районе, знали свою историю» [4].

Так уж получилось, что юбилеи С.Г. Сидорова совпадают с юбилеями его родного Волгоградского государственного университета, которому в этом году исполнилось 45. И кому, как не Сергею Григорьевичу, признанному летописцу ВолГУ, подводить итоги пройденного университетом пути. Совсем недавно он закончил рукопись книги об университете, приуроченной к юбилею нашего вуза. С нетерпением ждем ее выхода.

Думается, у читателя уже сложилось представление о том, насколько многогранной и плодотворной была деятельность Сергея Григорьевича за годы его службы в университете. Тем не менее необходимо отметить еще некоторые направления этой работы. В 2009 г. С.Г. Сидоров возглавил диссертационный совет по историческим наукам, приняв эстафету от прежних председателей: В.А. Китаева и И.О. Тюменцева. В последние годы на кафедре истории и международных отношений появилось немалое число аспирантов и соискателей. Некоторые из них уже представили свои диссертации, так что «простаивать» совету и его председателю не придется. С 2014 г. в институте истории, международных отношений и социальных технологий проводятся международные научные конференции «Военная история России: проблемы, поиски, решения», связанные с юбилейными датами в истории войн. До 2020 г. прошли пять конференций, подготовкой и проведением которых руководил С.Г. Сидоров. Он входил в состав оргкомитета и последних двух конференций, состоявшихся в 2024 и 2025 гг., благодаря которым Волгоградский университет подтвердил свой признанный статус авторитетного центра по изучению военной истории.

Многолетняя педагогическая, научная, административная деятельность С.Г. Сидорова получила заслуженное признание. Он почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, обладатель высшей награды города-героя Волгограда – почетного знака «За верность Отечеству», имеет почетные грамоты полномочного представителя Президента Российской Федерации в Волгоградской области, главы администрации Волгоградской области, главы администрации г. Волгограда, прокуратуры Волгоградской области, Волгоградского областного комитета Профсоюза работников народного образования и науки России, серебряную медаль «За заслуги» Волгоградского университета. Сергей Григорьевич – член-корреспондент Академии гуманитарных науки и действительный член Академии военных наук. Его монография «Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг.» стала призером (2-е место) конкурса научных работ имени И.Д. Ковальченко.

Заслуженное признание – это и благодарность его учеников. Своими учениками Сергей Григорьевич считает «многих волгоградских ученых. Это Елена Михайловна Глухова, Елена Моисеевна Цунаева, Владимир Вячеславович Шевченко, Олеся Александровна Гоманенко, Екатерина Денисовна Владимирова, другие ребята» [4].

Сергею Григорьевичу Сидорову исполнилось 70! Он не оставляет педагогической и научной деятельности. Сергей Григорьевич с его огромным жизненным, профессиональным опытом, гражданской позицией по-прежнему нужен университету. Именно об этом говорила ректор ВолГУ А.Э. Калинина, поздравляя С.Г. Сидорова на собрании трудового коллектива Института истории, международных отношений и социальных технологий. И мы, его коллеги, присоединяемся к этим словам.

С юбилеем Вас, дорогой Сергей Григорьевич! Здоровья Вам на долгие годы!

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Список основных трудов С.Г. Сидорова за период с 1984 по 2024 г. можно найти на сайте Научной библиотеки ВолГУ им. О.В. Иншакова по адресу: https://library.volsu.ru/yubilej-s-g-sidorova/

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов О. В. Университет как судьба: к 65-летию доктора исторических наук, профессора С.Г. Сидорова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020.

Т. 25, № 5. С. 258–263. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.21

2. Сидоров С. Г. Волгоградский государственный университет: Люди. События. Факты. 1980–1999. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. 260 с.

3. Сидоров С. Г. Волгоградскому государственному университету – 25 лет, 1980–2005. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. 399 с.

4. Сидоров С. Г. От токаря до профессора // Восход: общественно-политическая газета Светлоярского района Волгоградской области. 2024. 10 апр.

5. Сидоров С. Г. Роль советских профсоюзов в достижении победы над агрессором в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на материалах профсоюзов рабочих черной металлургии центральных и восточных районов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1985. 19 с.

6. Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. 508 с.

REFERENCES

1. Kuznetsov O.V. Universitet kak sudba: k 65-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora S.G. Sidorova [University as Destiny: To the 65th Anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor S.G. Sidorov]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 258-263. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.21

2. Sidorov S.G. *Volgogradskij gosudarstvennyj universitet: Ljudi. Sobytija. Fakty. 1980–1999* [Volgograd State University: People. Events. Evidence. 1980–1999]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2000. 260 p.

3. Sidorov S.G. *Volgogradskomu gosudarstvennomu universitetu – 25 let, 1980–2005* [Volgograd State University – 25 Years Old, 1980–2005]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2005. 399 p.

4. Sidorov S.G. Ot tokarya do professora [From Turner to Professor]. *Voshod: obshhestvenno-politicheskaya gazeta Svetloyarskogo rajona Volgogradskoj oblasti* [Voskhod: Socio-Political Newspaper of Svetloyarsky District of Volgograd Region], 2024, Apr. 10.

5. Sidorov S.G. *Rol sovetskih profsoyuzov v dostizhenii pobedy nad agressorom v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (na materialah profsoyuzov rabochih chernoj metallurgii centralnyh i vostochnyh rajonov): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Role of Soviet Trade Unions in Achieving Victory over the Aggressor in the Great Patriotic War of 1941–1945 (Based on Materials from Trade Unions of Ferrous Metallurgy Workers in the Central and Eastern Regions). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saratov, 1985. 19 p.

6. Sidorov S.G. *Trud voennoplennyh v SSSR, 1939–1956 gg.* [Labor of Prisoners of War in the USSR, 1939–1956]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2001. 508 p.

Information About the Author

Oleg V. Kuznetsov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, oleg.kuznetsov@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2075-6003

Информация об авторе

Олег Викторович Кузнецов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, oleg.kuznetsov@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2075-6003

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

– публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;

– ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;

– содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;

– бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

– to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;

– to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;

– to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;

– to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: https://hfrir.jvolsu.com (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, review, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not have been previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the research.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

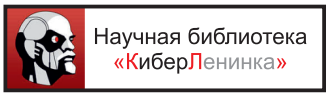
The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made after review. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles, please refer to the journal's website https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/ (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:



ISSN 1998-9938. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Истор. Регионовед. Междунар. отнош. 2025. Том 30. № 4. 1–239.